

А • РЕДКАЯ КНИГА РЕДКАЯ КНИГА
АЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ
• РЕДКАЯ КНИГА РЕДКАЯ КНИГА

Вс. ВИШНЕВСКИЙ • ЛЕНИНГРАД
1

Вс. ВИШНЕВСКИЙ ЛЕНИНГРАД

книга первая

Обостренный интерес современных читателей к литературе факта: документальной прозе, воспоминаниям, мемуарам, дневникам понятен — к нам по частям, фрагментами, преодолевая запретительные барьеры, возвращается правда, правда без идеологических наслоений и субъективных оценок авторов.

Переиздание военных дневников Всеволода Вишневского в канун 60-летия со дня снятия Великой блокады Ленинграда — значимое событие в культурной жизни страны.

*Полковник в отставке
Юрий Пахомов,
секретарь правления Союза
писателей России,
лауреат литературной премии
имени К. Симонова*

→ ВС. ВИШНЕВСКИЙ • ЛЕНИНГРАД

РЕДКАЯ

КНИГА

Всеволод ВИШНЕВСКИЙ

ЛЕНИНГРАД

ДНЕВНИКИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

2 ноября 1941 года — 31 декабря 1942 года

КНИГА ПЕРВАЯ

**МОСКВА
ВОЕНИЗДАТ
2002**

Федеральная программа поддержки книгоиздания России

Вишневский В.В.

В55 Ленинград: Дневники военных лет: В 2-х книгах. Кн. первая. — М.: Воениздат, 2002. 318 с., ил. — (Редкая книга).

ISBN 5—203—01947—9

Всеволод Вишневский пробыл в осажденном Ленинграде «40 месяцев и 10 дней», как записал он сам 1 ноября 1944 г. Ежедневно он фиксировал события, факты, детали, анализировал их и рисовал лаконичную панораму Великой Отечественной войны. Его дневники — сгусток непосредственных личных впечатлений, документальные зарисовки событий, т. е. своеобразные свидетельские показания о разыгравшейся в Ленинграде трагедии. Поэтому они обретают ценность для теперешнего поколения. С 1956 г. они не переиздавались.

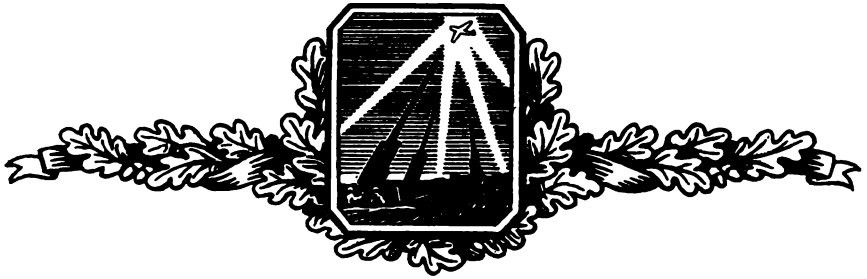
Предназначены для широкого круга читателей.

ББК 83.3(2)7

ISBN 5—203—01947—9

© Воениздат, оформление, 2002

*«Он мог бы быть военным историком,
офицером Генерального штаба...»*

Обостренный интерес современных читателей к литературе факта: документальной прозе, воспоминаниям, мемуарам, дневникам — понятен — к нам по частям, по фрагментам, преодолевая запретительные барьеры, возвращается правда, правда без идеологических наслоений и субъективных оценок авторов.

Переиздание военных дневников Всеволода Вишневского в канун 60-летия со дня снятия Великой блокады Ленинграда — значимое событие в культурной жизни страны.

Я не был знаком с Всеволодом Витальевичем — он рано ушел из жизни, но хорошо знал классика писателя-мариниста Александра Александровича Крона, который входил в ленинградскую оперативную группу писателей, которой во время блокады руководил Вишневский. Встречался, разговаривал с писателями-блокадниками В. Рудным, Вс. Азаровым, Н. Михайловским. Из их рассказов о Вишневском возникал образ писателя-воина, блистательного драматурга, публициста, оратора, человека волевого и порой жесткого.

«Я не знаю такого второго писателя, — как-то сказал Николай Тихонов, — который, как Всеволод Вишневский, был словно бы создан для революционных битв и событий мирового масштаба. Если бы не его талант драматурга и импровизатора, он мог бы быть военным историком, офицером Генерального штаба...»

И в самом деле, рожденный вместе с веком, Всеволод Витальевич принял участие почти во всех значимых событиях первой половины XX столетия. В декабре 1914 года он, гимназист, бежит на фронт и становится разведчиком лейб-гвардии Егерского полка. Будущий писатель прошел всю войну, был ранен, контужен, получил три георгиевские награды.

«Я стал видеть жизнь, — скажет он много лет спустя, — не через латынь, Цицерона, не через дисциплину, школу и условия семьи, а через большое представление о жизни, которое развертывалось в самых серьезных видах и глубоких формах во время войны...»

В октябрьские дни 1917 года, когда на Питер двигался корпус генерала Краснова, Вишневский участвует в боях у Пулковских высот. 1918 год. Вишневский — боец 1-го морского берегового отряда, сформированного из балтийцев по распоряжению Дыбенко. Москва, Остоженка, разоружение анархистов, штурм особняка на Поварской, где и родился у Вишневского замысел написать пьесу «Оптимистическая трагедия». И снова война. Волжская военная флотилия. Всеволод — пулеметчик на буксире «Ваня», переоборудованном под военный корабль. Южный фронт, бронепоезд «Грозный», Вишневский — помначальника контрразведки, страстный оратор и агитатор. Позже он напишет: «Восемнадцати лет я был ходом вещей выдвинут на трибуну». И речи будущего драматурга и публициста были понятны всем.

Первая Конная, бронепоезд «Коммунар № 56». Не случайно потом книга Вишневского «Избранное» вышла с написанным к его первой пьесе предисловием С.М. Буденного, которое так и называлось «О пьесе пулеметчика Вишневского». Новороссийск. Девятнадцатилетний пулеметчик назначается начальником дивизиона сторожевых катеров. К этому времени относятся и первые пробы пера, первые публикации в газетах.

В годы Гражданской войны Вишневский был дважды ранен, награжден орденом Красного Знамени. После войны со свойственной ему страстностью Всеволод Витальевич уходит в журналистику, работает в газете «Красный Балтийский флот», журналах «Красный флот», «Морской сборник».

Свое первое крупное произведение «Первая Конная», сразу сделавшее его имя широко известным, Вишневский написал, уже будучи зрелым, двадцатидевятилетним человеком. Необычный, новаторский характер пьесы «Первая Конная» был замечен Владимиром Маяковским: «Это — продолжение моей линии в драматургии». Известный театральный критик П.А. Марков писал: «Я очень хорошо знаю эту пьесу и очень ее люблю, потому что она дает богатый, замечательный материал для театра... Вся сила Вишневского в том, что он написал эту вещь чрезвычайно страстно». Высокую оценку пьесе дал и А.М. Горький, он писал Вишневскому: «Вашу пьесу, т. Вишневский, прочитал раньше, чем Вы прислали мне ее. Хотел написать Вам — поздравить: Вы написали хорошую вещь... Пьеса очень понравилась мне, и я рад, что она будет поставлена в МХАТе, там ее хорошо разыграют, а это как раз то, что надо».

В начале тридцатых годов Всеволод Витальевич перешел на профессиональную литературную работу, но связей с армией и флотом не порвал. Организовал ЛОКАФ (Литературное объединение Красной Армии и Флота), объединив тем самым писателей, работающих над военной тематикой, всячески способствовал публикациям, морально готовящим молодежь к защите страны, на-

стойчиво пробивал на страницы журнала «Знамя», где он был членом редколлегии, а потом редактором, произведения военной прозы. Одновременно он руководил военной комиссией Союза писателей, курсами подготовки военных корреспондентов.

Фильм «Мы из Кронштадта», поставленный по сценарию Вишневого, с огромным успехом обошел весь мир, о нем восторженно писала не только наша, но и зарубежная пресса, отмечая художественные достоинства фильма. Но далеко не все так реагировали на творчество писателя-воина. Пьеса «Последний, решительный» о надвигающейся войне, о необходимости готовиться к ней вызвала яростную, граничащую с травлей критику рапповца В. Киршона, ему вторил А. Вайнштейн. Зато пьесу активно поддержал Мейерхольд и взялся за ее постановку. Литературная жизнь тридцатых годов сложна. Вишневский мужественно отражает удары недоброжелателей, а их у него немало.

В сентябре 1932 года Всеволод Витальевич читает свою новую пьесу «Оптимистическая трагедия». После завершения чтения главный режиссер театра А.Я. Таиров сказал: «Друзья мои, запомните этот день. Это исторический день...» Этими словами известный режиссер как бы предопределил судьбу лучшей пьесы Вишневого, ставшей классикой драматургии.

1937 год. Вишневский в составе делегации участников 2-го Международного конгресса писателей-антифашистов выехал в воюющую Испанию. Среди делегатов Алексей Толстой, Владимир Ставский, Агния Барто. К ним присоединяются спецкоры Илья Эренбург, Михаил Кольцов.

Мадрид, Бунете. Всеволод Витальевич среди волонтеров немецкого батальона Тельмана. «Видел много, остро, — напишет он жене. — Наиболее замечательна пехотная цепь под палящим солнцем, в хлебах. Эта цепь из «Мы из Кронштадта»...»

В Париже он выступил с речью, которая была встречена овацией еще до того, как был закончен перевод: «Мы были в революционной Испании: в городах, деревнях, окопах... Наш конгресс слился с буйным и стремительным порывом испанского народа. Армия Мадрида наступала и гнала фашистских фалангистов, рэкетистов, германских и итальянских наемников. В рядах наступающих шли и немцы-интернационалисты, батальон Тельмана, шли гарибальдийцы, шли полки героических внуков Домбровского, шли югославы, болгары, шли американцы и англичане, шли, наконец, порывистые и горячие французы. За Испанию поднимаются лучшие люди Европы, лучшие люди мира...»

Финская и Великая Отечественная слились у Вишневого в одну войну. 27 июня 1941 года специальный корреспондент «Правды» Вишневский прибыл в Таллин, где находились штаб и Политуправление Краснознаменного Балтийского флота. С этого

времени его дневниковые записи носят строго регулярный характер. Сам писатель довольно скромно определял назначение своих военных дневников: «Наша задача: сохранить для истории наши наблюдения, нашу сегодняшнюю точку зрения — участников. Ведь через год, через десять лет — с дистанции времен все будет виднее. Возможно, будет иная точка зрения, оценка. Оставим же внукам и правнукам свой рассказ. Наши ошибки и победы будут уроками для завтрашнего дня».

При этом Всеволод Витальевич рассматривает свои записи не как художник, а скорее как летописец, где нет места художественной детали, главное — точность и правда. Шестьдесят восемь дней обороны Таллина, знаменитый прорыв кораблей Балтийского флота в Кронштадт, семнадцать месяцев блокады Ленинграда — подробная, порой жутковатая хроника борьбы и жизни в окруженном городе...

Как всякий серьезный писатель, Вишневский полагал, что «Дневники военных лет» со временем послужат основой для развернутого, эпического произведения о всенародной войне, о борьбе с фашизмом. Реализовать этот замысел Всеволод Витальевич не успел, но опубликованные и в таком виде «Дневники» представляют собой уникальное художественное явление и служат своеобразным памятником Великой Отечественной войне, русскому народу, народу-победителю.

В самое трудное время, в октябре 1941 года, когда немецко-фашистские армии блокировали Ленинград и находились на подступах к Москве, Вишневский делает в дневнике такую запись: «Россия! В этот страшный октябрь собери все свои силы! Твой гений, твои черты, мечты, самобытность, талант, ширь, твоё очарование, здоровье — не могут, не должны исчезнуть и раствориться в чужой цивилизации.

...Фашисты лезут с грубой, кровавой программой. Мы еще посмотрим! Сопротивляться! Вступать в борьбу с врагом, со временем, со всеми своими ошибками и недостатками!»

Критика не раз отмечала, что дневники Вишневского отличаются внутренней целостностью, гармонией. Короткие, сухие, предельно точные записи чередуются с развернутыми, полными раздумий зарисовками, а то и картинами жизни в блокированном Ленинграде. Спустя много лет Николай Тихонов, перелистывая дневники Вишневского, обратил внимание на короткую запись: «Читал Эдгара По. По сравнению с тем, что происходит в Ленинграде, он выглядит бытовиком». И вспомнил эпизод... Они шли по замерзшему городу, развалины домов толпились вокруг. На скамейках в парке сидели мертвые. В каком-то подвале чадила свеча, и в неверном ее свете копошились люди, не то чего-то искали, не то ломали какой-то деревянный хлам на дрова. Свеча бро-

сала такой мрачный свет на всю эту картину, что Всеволод Витальевич остановился и тихо сказал Тихонову: «У Эдгара По есть рассказ, где чума, голод и еще какие-то страшные чудовища собрались на пирушку. Эдгар По считается фантастическим писателем. Но у нас в Ленинграде этот рассказ стал бы просто натуралистическим. Посмотри на этих людей в подвале... Смерть сидит на скамейках в парке, голод и холод бродят со свечой в подвале, коричневая чума фашизма облегла город. Какой тут тебе Эдгар По!..»

Известный писатель, спецкор «Правды» живет, как все, отказавшись от привилегий. 21 ноября 1941 года (153-й день войны) Вишневский делает в дневнике такую запись: «...Хлеба мало. Свой завтрак и часть хлебной «порции» я отдаю». В результате Всеволод Витальевич с тяжелой формой дистрофии попадает в госпиталь.

«1 декабря 1941 года. (163-й день войны.)

...Ночью привезли... Почти без памяти...

С утра слабость. Жаль, но здоровье сдает. Бывают минуты слабости, работоспособность понизилась...»

А уже через неделю другая запись: «Приходил Крон, тепло поговорили... Я хочу, чтобы группа была спаянной и дружной. Мои письма и обращения, кажется, влияют на них. Вчера мое письмо прочли вслух.

За службой никогда не должна пропадать человеческая писательская душа...»

И вот в таких условиях, в тяжелые дни блокады, Вишневский при участии писателей А. Крона и Вс. Азарова, чтобы подбодрить защитников Ленинграда, написал музыкальную комедию «Раскинулось море широко». Вся работа над пьесой — от черновых набросков до завершения — длилась 17 дней.

...Как-то ранней весной я сидел в скромном кабинете Александра Александровича Крона на даче в поселке Мичуринец. В кустах за окном трещали воробьи. Крон был сумрачен в тот день: застопорилась работа над повестью о Маринеско. Чтобы разрядить обстановку, я спросил:

— Александр Александрович, говорят, что пьесу «Раскинулось море широко» вы написали чуть ли не за две недели.

Крон поморщился:

— Семнадцать дней. И не один я. Писал в основном Вишневский, я взял на себя разработку комедийных ситуаций, а Всеволоду Борисовичу Азарову принадлежат стихи и песни... Да, сейчас самому не верится. Вы же видите, пишу я трудно, правлю без конца. Была война, Политуправление торопило, но главное — Вишневский, его неукротимая энергия. Непременно прочтите его дневники. Он вел их каждый день, даже в госпитале, погибая от дистрофии...

Наконец настал долгожданный для каждого ленинградца день. 18 января 1943 года в 23.00 по радио сообщили: «Войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда...»

Мне лишь раз приходилось встречаться с поэтом Всеволодом Рождественским. Ему принадлежат замечательные строки:

Я счастлив, что в пламени суровом,
В дыму блокад
Сам защищал — и пулею и словом —
Мой Ленинград.

То же самое мог бы сказать о себе и Всеволод Вишневский.

1 ноября 1944 года перед отъездом в Москву Всеволод Витальевич сделал в дневнике запись: «Завтра я покидаю Ленинград после сорока месяцев и десяти суток, отданных ему — родному безраздельно!»

А впереди его ждали фронтовые дороги, дороги до самого Берлина...

В послевоенные годы жизнь Вишневого складывалась непросто.

Вишневский тяжело переживал неудачу с пьесой «У стен Ленинграда». А тут еще активизировались бывшие рапповские критики, которые с торжеством провозгласили: все, мол, кончился Вишневский, исчерпал себя как драматург. Особенно усердствовали те, кто в свое время потратил немало усилий, чтобы опорочить кинороман «Мы, русский народ». По поводу одного из таких борзописцев Вишневский едко заметил, что в годы войны он «укатил на передовые позиции под Алма-Атой и там храбро держался...».

А критики не унимались. В марте 1946 года в «Литературной газете» появилась статья Ю. Юровского (кто сейчас помнит этого критика?) под названием «О старых и новых друзьях». Статья, весьма напоминающая донос. Вишневский с горечью и гневом отвечает критику: «Вы, Юровский, задали вопрос: где душа Вишневого? Вы утверждаете, что душа его вся в прошлом, что этот человек ничего не может дать, что у него, мол, только матросики, братишки на уме и т. д.

Я вам отвечу. Моя душа, Юровский, была в 1937 году в Испании, моя душа была на каждом фронте; моя душа была в Ленинграде и Кронштадте, моя душа была при штурме Риги и Таллина; моя душа была при штурме Штеттина и Берлина, и я горд тем, что дошел до канцелярии Гитлера...»

Современные историки-либералы и некоторые писатели всячески стараются перекроить на свой лад историю Великой Отечественной войны: и Сталинград не тот, и герои-панфиловцы — вымысел, и Зоя Космодемьянская — пропагандистская затея. Не было никаких подвигов... Дегеронизация и сейчас идет полным ходом. Поросль тех «алма-атинских защитников» востребована и обласка-

на, книги их выходят, им без хлопот предоставляется эфирное время. Договорились до того, что многомесячная защита блокированного немцами Ленинграда — ошибка, просчеты командования. Сдали бы Ленинград немцам, глядишь, и не было бы стольких жертв. Париж вон сдали, а ему хоть бы что, все так же весело в «Мулен Руж», а по Монмартру, как и прежде, косяками ходят художники и листья падают в несвежую воду Сены. О таких «творческих» интеллигентах Всеволод Вишневский писал в своих военных дневниках: «О, эти интеллигенты, «инженеры душ», умелые составители идеологических романов, пьес! Меня давно мутит от этих людей, хлипких, дряблых, подделывающихся и в кино, и в литературе, и в живописи под советский, большевистский, героический стиль, не имея на то прав и внутренних волевых данных. Сколько этих интеллигентов «полиняло», залезло в разные провинциальные щели, где и отсиживаются, выжидая... Пусть какие-нибудь философы оправдают мне это «право» писателей сидеть вдаль, в укрытиях, где тепло и сытно, и советовать другим идти и умирать...»

Нынче такие «полинявшие» интеллигенты, отсидевшиеся в укромных щелях, и мутят воду.

Я убежден, что Блокада, преодоление ее для русского народа явление духовного порядка — борьба силы духа с жестокой механической силой, торжество добра над злом, победа светлого над темным. Именно там, в блокадную стужу, среди дымных пожарищ, при тусклом свете свечных огарков, под морозный скрип санок, на которых шатающиеся от голода люди везли тела умерших родных и близких, и родился духовный образ Святого мученика, защитника и спасителя России. Его одухотворенный, светлый лик не раз потом проступал в сером от разрывов снарядов небе во время героических сражений Великой Отечественной войны, он наполнял сердца воинов мужеством и отвагой.

Это важно понять сейчас, когда Россия лежит в пореформенных руинах, и по хрупкому еще льду только-только закладывается Дорога жизни, ведущая к спасительному возрождению.

Прислушайся, читатель, и в предутренней рани ты услышишь звук блокадного метронома, напоминающий биение усталого сердца: мы живы, мы боремся, мы выстоим и победим. Те, кто лежит под гранитными плитами Пискаревского кладбища, вызывают о памяти. И торопливые, написанные в промежутке между бомбежками и обстрелами, порой при свечах, в блиндажах, корабельных каютах дневниковые записи Всеволода Вишневского помогут воссоздать то героическое, ни с чем не сравнимое время.

Полковник в отставке *Юрий Пахомов*,
секретарь правления Союза писателей России,
лауреат литературной премии имени К. Симонова.

ЛЕНИНГРАД

2 ноября 1941 — 31 декабря 1942

2 ноября 1941 года.
(134-й день войны.)

Пристань, патрули, мягкая, свинцово-серая ночь, бульвар, Морской собор, запахи бензина. У кассы — голубой свет. Зимние неуклюжие фигуры людей, кашель, ожидания, табачный дым, очередь, ветер за дверьми, а на том берегу мерцание немецких ракет. Все уже привычно — *быт!* Народ наш не потерял душу, себя — он не нервозен, а неизменен, прост, силен, но еще (увы!) есть ряд старых недостатков.

Пассажи́рское судно... Темно... Летят искорки из трубы.

Вспомнил зиму 1918—1919 годов — Кронштадт, Нижний Новгород.

Молодость меня кидала куда попало, а сейчас все как-то знакомее, *привычнее*, но бешено интересно.

Теплота пассажирского салона, плач ребенка, чей-то храп. Идем мимо занятых немцами петергофско-стрельнинских берегов... Заснул... Сквозь сон — на Неве — орудийные выстрелы. Проснулся от громохання якорной цепи. Пришли к семи утра.

Трамваем № 34 — на Каляеву.

О родной город! Утренний, огромный, трудовой, осадный. Желтые вспышки залпов; голубые искры у трамвайных проводов. Рассвет... С детства милые мне здания: вестники победы у Конно-гвардейского бульвара, Исаакий... На витринах деревянно-песочные щиты.

...Немцы сбрасывают на город листовки: «Отдохнем и возьмем в будущем году Ленинград и Москву». Ого! Сбавляете тон и темпы? Мы еще поговорим с вами в 1942 году!

Сообщили о статье Эренбурга. Судя по ней, бомбили городок писателей Переделкино. Но это только деталь. Москва стоит, бьется, контратакует.

К трем часам обед: кислая капуста, рыбный суп, хлеб, пиво, чай — «пиршество»!

Мне вручили телеграмму от С. К.¹ от 29 октября. Не имеет долго от меня вестей, только «Правда» ей сообщает, что может.

Настроение у меня бодрое, приподнятое. Хорошо ощущать себя здоровым, чистым, — помылся, переоделся, побрился... Поковырялся в своем чемодане. Это напомнило мне Москву, дом, семью — заботливо уложенные вещи, мелочи... (С. К.!)

Был в разведывательном отделе штаба КБФ. (Уютная старая гостиница на Знаменской.) Последняя информация: Геббельс вынужден признать перспективу *затяжной* войны и зимней борьбы.

Россия первая остановила Гитлера... Шведская пресса иронизирует над немцами. Очередные лживые немецкие сводки: «Артиллерийский обстрел военных объектов в Ленинграде». Ложь! Бьют как попало...

На Ладоге напряженная работа, перевозки, приготовления на берегу. Озеро замерзнет к декабрю. Тогда — ледовая трасса. По ней доставлять грузы будет труднее. Могут быть лыжные набеги и авиационные налеты.

Немцы стремятся к Тихвину.

На Юге Тимошенко обороняет Ростов. В Крыму немцы провались. На сегодняшний день фронт может быть таким: Мурманск — Ленинград — Кронштадт — Новгород — Клин — Московский фронт — Донбасс — Ростов. За зиму необходимо интенсивнейше укрепиться, развернуть оборонное производство!

5 часов. Радио: наше наступление! (Кажется, прорван немецкий фронт.)

*3 ноября 1941 года.
(135-й день войны.)*

Сводка. Ожесточенные бои в Крыму.

Тихо... С громадным удовольствием прошелся по городу — Литейный, Фонтанка, Невский... Минутами забвение — будто нет войны.

Снег, мягко...

Достать Достоевского, Бальзака, Гамсуна.

...В городе «втихую» спекулируют: буханка хлеба 60 рублей, мешок картошки 300 рублей (!), килограмм масла 1200 рублей. Гады!

¹ Жена С.К. Вишневецкая.

В общественных столовых кормят вареной кормовой свеклой, чечевицей (без жиров)...

Уже есть заболевания цингой, дистрофия...

К шести часам вечера — в Дом партактива. Там собрались агитаторы, делегаты на фронт, инструктора и пр. С огромным подъемом сделал доклад об Отечественной войне. Широко взял тему России, ее историю...

В 11 часов ушел. Потрясающая лунная ночь, — полная луна, легкий мороз, затемненный город, тишина...

Ленинград изумителен... Строг... Шел, впивая его...

*4 ноября 1941 года.
(136-й день войны.)*

Встал в 9.30 утра.

Сводка. Бои по всему фронту, особо ожесточенные в Крыму и у города Калинина.

Солнечный, чудный зимний день.

Еду на базу подводников. Беседа с командиром Мыльниковым. Записал рассказы о действиях подводных лодок.

На редкость подъемное настроение — опьяненность городом, солнечным зимним днем, Невой, великолепным видом кораблей, дворцами (на них уже первые следы разрушений).

У кораблей — женщины... Ждут мужей.

Встретил нескольких писателей... Ушло все это далеко... Есть освобожденность духа, мысли, отрешенность от былого «бытика», литературных ссор. Вновь я захвачен войной, рецидивом эпоса Гражданской войны!

Москва ждет нового удара немцев. Это, может быть, «подарок» к Октябрю? Напряжение сил, призывы. Повсеместно — упорные бои... Выдержать, товарищи!

Кавалерийский рейд Городовикова — на город Г. (Гжатск?).

Передовая «Правды» — бейте танки врага!

Противник продолжает нажим. Пока что имеет преимущество в танках. Все виды обороны против танков!

Работал над новым очерком для «Правды».

В 11 вечера еду (по вызову) в Военный совет КБФ. Дали мне радиобюллетени и иностранные обзоры об СССР. — Немецкое сообщение о занятии Феодосии. США близки к вступлению в войну; Япония выжидает. Финляндия отказалась выйти из войны (в ответ на ультиматум США)...

Дать брошюру — «Что несет Гитлер крестьянству».

Сегодня было несколько воздушных тревог. Молодой летчик-истребитель сбил над Таврическим садом Ю-88. Ночной таран! Взят в плен девятнадцатилетний летчик, остальные разбились.

*5 ноября 1941 года.
(137-й день войны.)*

Спал... Тихо... Отдохнул... С утра слушал Москву, — сильные помехи немцев...

Пятый день нет центральных газет. Телефонная связь с Москвой обрывается. Сведений о Союзе писателей мы не имеем.

Немцы опять жмут на московском направлении: можайское направление и пр. Опять трудные дни...

В 12 часов слушаю Москву: «Ожесточенные бои».

Налет советской авиации на Данциг, Кенигсберг и другие города.

Еду на «Полярную звезду». В 2 часа 15 минут — мой доклад... Было до ста пятидесяти политработников и командиров Подплава.

После доклада — в Военный совет. Обсуждаем текст обращения КБФ к Москве.

Когда мы вышли из Военного совета, недалеко от нас разорвался снаряд — слепящий блеск разрыва...

Трамвай полон. Вышли на углу Невского и Литейного. Прямые проспекты, вечерний сумрак, спешащая куда-то толпа, знакомые магазины букинистов... Каждый день в Ленинграде — острый, в темпе... Вся жизнь напряженная, боевая. Я пью ее, не отрываясь. О, мой чудесный город!..

Литейный, 18...

Сидим у матери Цехновицера и его сестры. В квартире темно.

Воздушная тревога... Разрывы бомб...

Беседуем с осиротевшей семьей...

Опять разрывы.

В Политуправлении встреча с летчиками. Зовут к себе в гости.

Устоять и, передохнув, взяться за зимнюю подготовку!

11 часов. Возвращаемся под звуки «Интернационала» (из радиорупоров) с Васильевского острова — домой.

Луна, облака... Высоко поднялись аэростаты заграждения. На Фонтанке пожар, много битого кирпича... Дымно... Воронки на набережной, воронки у Чернышевского моста. Четыре разрыва бомб! Близко...

В нашем доме вылетели стекла, и весь «уют» — к чертям!

Новая воздушная тревога. Люди идут вниз, а мы идем в наш «дот» — маленькую комнатку без окон, где темно и холодно. Перешли на «новый рубеж»...

Делимся впечатлениями довольно горячего дня. Поставили чайник... Пьем чай (хлеб с маслом — в ограниченном количестве).

Из каких-то домов во время бомбежки пускали красные ракеты: это работают диверсанты.

*6 ноября 1941 года.
(138-й день войны.)*

Ночь прошла тихо. С утра надо сдать материалы в редакцию «КБФ».

По карточкам — праздничная выдача: пол-литра вина, конфеты.

Поехал к разведчикам. Много интересного рассказал полковник Фрумкин.

Читал у них радиобюллетени. Москва упорно сопротивляется. Последние атаки немцев отбиты. Подходят резервы...

Немцы пишут о провале налетов английской авиации на Германию.

Немцы бросили на центральный московский фронт до двадцати тысяч танков. Индустрия Германии (по ряду сведений) дает еще по шестьдесят самолетов в день. Это, я думаю, перекрывает их потери, но с кадрами у них все хуже.

Англичане, американцы и шведы пишут о великом сопротивлении СССР и полны уважения к нам.

Мне обещали устроить беседу с пленными немцами. Они много не рассказывают, обычно ссылаются на «Befehl» (приказ).

Взяли одного снайпера («кукушка») — истощенный донельзя, не ел трое суток...

Надо допрашивать умно, чтобы пленные не ощущали повышенного интереса к ним...

Временами стрельба. Вчера бомбили центр города. Немцы нам это обещали в листовках. Сегодня, в канун праздника, надо ждать усиленных налетов. Против нас действует теперь эскадрилья «Гинденбург». Это до тридцати «юнкерсов», летчики хорошо одеты и снабжены. Это наши «старые знакомые» по августовским дням 1941 года. Мы им угробили уже много машин и людей, — в частности их командира.

Еду на Каляеву. Воздушные тревоги...

Немцы не смогут помешать нам встретить наш Октябрь!

Речь Сталина...

*7 ноября 1941 года.
(139-й день войны.)*

Едем на «Полярную звезду» к подводникам.

Ура Октябрю!

Федя Иванцов утопил к празднику сорок тысяч немецкого тоннажа!

Братский прием, по-русски душевно, тепло и ласково. Все — «на товсь»...

Город праздничный, флаги, гуляющие... *Обстрелы не могут этому помешать. Реакция минимальная.*

Я принимал друзей на Каляевой. На душе хорошо. Пришла открытка от С. К. Родная моя!

3 часа дня. На мотоцикле в город. Опять на «Полярную звезду». Вечером написал оптимистический очерк в «Правду».

Идет эвакуация Ханко.

Читал центральные газеты... Отклики на речь... Снегопад, тихо.

*8 ноября 1941 года.
(140-й день войны.)*

Сию дома. Тихо. Подготавливаю дела — их груды.

Еду на мотоцикле в группу. Набережная Красного Флота, 38. Провел совещание: итоги с 29 октября по 8 ноября включительно. Дело идет. Пишем в Политуправление — отчет. Дал ряд указаний товарищам: подтягиваю организационную сторону.

Воздушная тревога (в пятом часу). Грохот... Работаем... Машинистка ушла в убежище. Удар был по центру: на Садовой три бомбы попали в Апраксин двор; пожар на Литейном.

Кончил работу в 6 часов 30 минут вечера, иду пешком через город на Каляеву.

Тихая ночь. Много рассказов о прошлом. Нина Кравец¹ рассказывает о моем отце: «Он был веселым, общительным, любил работу. Всюду успевал: лекции, кино. Поспит после обеда и сейчас же дальше».

В последнее лето перед смертью он уехал в Сухуми, загорел, вернулся весь бронзовый, массивный. Схватил по возвращении воспаление легких и умер.

Батя, батя...

*9 ноября 1941 года.
(141-й день войны.)*

Москва по радио передала мой октябрьский очерк из «Правды» (7 ноября — о подводниках Балтики).

¹ Друг семьи Вишневских.

Едем на «Смольный»¹. Здесь выделяют добровольцев. На двадцать вакансий — сотни охотников. На «Смольном» на три места — шестьдесят человек. Это люди для прорыва.

Есть сведения, что жмут немцев на Северной дороге. Но они на десятки километров сняли рельсы и шпалы...

Ждут с моря подлодку Иванцова.

Второй день нет телефонной связи с Москвой.

У нас все труднее с бензином. Нужна магистраль! Ранний ледостав осложнил доставку грузов по Ладоге.

...Все это я пишу на концерте, на «Смольном». Концерт² ленинградской интеллигенции трогает и волнует. Через час-два нас опять будут бомбить, но классика жива, будет жить. Велики силы народа! Мне только жаль, что темпы современной жизни так давят на наш стиль, на наше сознание. А хотелось бы точно, уверенно, неторопливо описывать все, минуту за минутой: и юмор, и смерти, и все. Я рад тому, что пока цел, остальное — дело судьбы. Слушаю музыку, затаив дыхание.

Едем в отделение «Правды». Скользко. Падаем, но «без потерь»!.. Добрые вести из Москвы: окружена и уничтожена немецкая группировка в полторы дивизии у Калинина. Уничтожена финская группировка на Свири. Идет подготовка Ленинградского фронта. Надо усилить технику...

*10 ноября 1941 года.
(142-й год войны.)*

Едем в Подплав. Большая беседа с командиром подлодки И. Вишневым. Сделал подробную запись его похода для книги.

Затем в комендатуру города (на постоянную прописку). Помощник коменданта города — заботлив — все сделал в три минуты (можно при желании...).

Иду на набережную Красного Флота, 38. Проверяю дела группы, дежурства, снабжение и пр.

В 6 часов обед в столовой Пубалта. (Суп — вода, немного каши с маленьким кусочком мяса.)

Хлеб срезан до четырехсот граммов (военный паек). Хватит и этого... Понятно...

Потрясли рассказы товарищей, вернувшихся из немецкого тыла: немцы принудительно берут у населения кровь для своих раненых, вырезают у наших людей кожу для пластических операций и т. д.

---

¹ Военный корабль.

² Самодеятельный.

Получил задания в Политуправлении.

Написать: о лодке Иванцова (сдать 11—12 ноября),

о «Марате» — линкор бьет,

о Ладужской флотилии (дать людей) к 12 ноября.

Кроме того, мне поручили написать листовку о ненависти к врагу и план на пятнадцать дней вперед. Завтра прислать Рыбакову.

Из рассказов:

«У некоторых собак появился рефлекс на воздушную тревогу — бегут в бомбоубежище. Часть публики в бомбоубежище за собак, а часть — против».

«Под Тихвином бои — движение наших танковых частей».

«Для нас заготовлено много эшелонов с продовольствием на северо-востоке и на Волге».

«Два ленинградских «литератора» со стыдом просили горком о возвращении. Ответа не получили! Испуганные интеллигентики...»

Немцы бросают бомбы замедленного действия.

9-го — речь Гитлера (ага, взяло!), распинается: «Под Москвой нам помешали дожди, снег и грязь». Вот именно!

Читаю речь Черчилля от 8 ноября — боевая (?), но хотелось бы знать точнее, что и как собирается делать Англия.

Финны под Октябрьские праздники ходили в атаку, им пошло!.. Моряки отличились!

На Неве... Луна, холодновато и скользко. Занесли три письма улетающему завтра в Москву товарищу. Идем на Васильевский остров к Кронштадтской пристани. С 12.30 до 2.30 (ночи) — там. Читал письма к комиссару лидера от бойцов, от членов их семей и т. д. Письма интересны. К трем часам ночи дома. Тихо.

*11 ноября 1941 года.
(143-й день войны.)*

Встал в 10 часов. Идет обстрел нашего района. Дребезжат стекла. Вниз, в убежище, бегут матери с детьми.

В кухне холодно и неудобно. Бреюсь. Разорвалось несколько снарядов, близко... Погас свет.

Мчимся на базу Подплава... Холодно и пасмурно... На прибывшей из похода подводной лодке вся команда выстроилась на палубе. Личный состав лодки поздравили с победой и возвращением...

Балтфлот действует и будет действовать. Моряки дерутся везде, и враг, как только появляются полосатые флотские тельняшки и

черные шинели, — трепешет. Надо быть готовым и к боям сухопутным.

Поздравил командира лодки товарища Иванцова и комиссара лодки от имени ЦО: «Привет героям Балтики», — и передал доставленный на самолете номер «Правды» (от 9 ноября) с очерком о них.

Командир лодки Иванцов — среднего роста, с бачками, крепкий. Снял шинель и по карте докладывает деловито, спокойно, объективно:

«...15 октября я вышел в атаку на танкер. Неудачно... Я пошел опять, но танкер круто ушел — дал 13 узлов... Вижу — навстречу идет второй корабль. Он дает 8 узлов. Я иду параллельно. Дал упреждение, залп (с 3 кабельтовых, в упор). Угодили. Он носом в воду. Корабль потонул через двадцать минут. Это был танкер. Я и комиссар наблюдали с мостика.

17 октября — вижу транспорт. Я лег в атаку. Их торпеда развернулась на нас. Я отвернул, сманеврировал, дал залп. Он тут же утонул. Поднялся шторм до 11 баллов. Хожу, никого не вижу. Здорово качало.

18 октября — идет транспорт курсом Nord. Я с 7 кабельтовых дал залп, — он через две минуты погрузился. Вижу — над нами самолет... (с S-West'a)! Убрал всех на погружение...

2 ноября ничего не было видно. Даже финской лайбы! Наконец увидел транспорт. Опять с 7 кабельтовых дал залп. Попали в центр корабля. Огонь, взрыв! Я всплыл, но корабль уже утонул.

5 ноября. Видим танкер (25 кабельтовых на Nord). Я дал залп — торпеда угодила в корму. Танкер длинный, тысяч на 10 тонн, «благополучно» стал тонуть (смех). Всплыли. Увидели пятно. Хотели уйти, но решили под праздник потопить еще пару кораблей.

6 ноября — шторм 7 баллов. Какой-то (наш?) тральщик меня высветил оранжевым прожектором... По радио получил распоряжение командира соединения: «Возвращаться». Отдохнули, зарядились. Я отлежался, проверил все механизмы... Началась пурга. Мы погрузились... и шли с быстротой 2,5 узла... Потом всплыли. Плохая видимость... Определился. Лег на курс 73 градуса и пошел. У Гогланда меня встретили наши тральщики».

От подводников еду в отделение «Правды».

Известие от С. К.: «Все в порядке, здорова». Пусть так, хочу верить. Дошли ли до нее мои письма?

Есть люди, которые пугаются блокады и хотят «куда-нибудь» улететь. Продовольственное положение Ленинграда постепенно ухудшается: ледостав нам мешает. Авиация не может заменить барж, пароходов и катеров с продовольствием. Надо освободить Северную железную дорогу. Готовятся лучшие дивизии и морские части.

*12 ноября 1941 года.
(144-й день войны.)*

10 часов 30 минут. Короткая воздушная тревога. Подал прокурору заявление о мародерстве начальника 31-го отделения милиции в квартире погибшего писателя Ореста Цехновицера.

Еще две воздушные тревоги.

В школах не прекращаются занятия. Идут уроки даже немецкого языка (?!). Это как-то странно...

В городе все ухудшается положение с продовольствием. Сахару выдают по пятьдесят граммов на десять дней. Масла нет. С волнением ждут объявления завтрашних норм хлеба. На базаре кило кислой капусты стоит пятьдесят рублей. За ней очередь. Из жмыхов делают лепешки. Хлеб, водка и теплая одежда — вот сегодняшняя ленинградская «валюта». Конины тоже достать трудно.

У некоторых людей сдают нервы... Это заметно... Но это не окажет влияния на массы...

Написали второй очерк — о подводной лодке Иванцова — в «Правду».

Из Кронштадта вывозят лишних граждан. (Проблема снабжения?)

Сегодня передовая «Ленинградской правды» — о необходимости прорыва блокады вокруг Ленинграда. Фронт готовится.

По дороге к Неве поток обозов. Гонят тощий скот. Везут на повозках раненых. На левом берегу канонада.

Ночью воздушная тревога, покачивает дом.

Новое блюдо: лепешки из казеина, глицерина, соли и горсти муки.

*13 ноября 1941 года.
(145-й день войны.)*

Обстрел...

Бои на всех фронтах.

Налеты... Зенитки... Немецкие батареи с южного берега бьют прямой наводкой.

Жестокий обстрел (днем) по Неве. Воздушная тревога.
7 часов. Опять бомба рвется рядом... Иду по городу... Бомбежка...

Все-таки немцы взяли Тихвин... Это плохо...

*14 ноября 1941 года.
(146-й день войны.)*

С утра бомбежки; «юнкеры» (по 16 штук) сбрасывают и листовки. Мороз... Солнечный день... Еду на «Полярную звезду». Беседа...

Иду по городу. Западный теплый ветер. Тревога... Пустые улицы... Прекрасный город... На Аничковом мосту сняты кони барона Клодта. Зарницы боя... Мне хорошо, как-то отрешенно...

Читаю центральные газеты. Статья генерала Хозина об обороне Ленинграда. Немцы потеряли под Ленинградом 216 000 человек, 759 орудий, 679 танков, 1681 автомашину и пр.

На самолетах вывозят семьи рабочих оборонных заводов (на Урал и в Сибирь).

Октябрьская телеграмма от С. К. Тон бодрый, но просит ее вызвать в Ленинград. Послал два письма. Умоляю ее еще выждать.

*15 ноября 1941 года.
(147-й день войны.)*

Почти весенний солнечный день... Оттепель... Сверкают на солнце лужи, тающий лед... Иду (впервые за дни войны) на собрание Ленинградского отделения ССП.

Читают стихи, рассказы... А война грандиознее всего этого...

Моя речь к ленинградским писателям: о ходе войны, о Союзе писателей и его задачах, о традициях Ленинграда, о враге и о несомненной будущей победе.

На Ладоге немцы потопили баржу с мукой. Водолазы ее доставили. Муку отправили на макаронную фабрику...

Иду на радио.

5 часов дня. Обстрел города. Нежный закат...

Читал «Красную звезду» от 9, 11, 12, 13 ноября. Жестокие бои у Севастополя, в Донбассе, под Тулой, под Москвой. Атаки противника у Ильмена и Тихвина. Наши контратаки. Противник все

жмет — натиск колоссален. Но наше сопротивление нарастает. Выпущены противотанковые ружья и пр.

Иду на Каляеву. Битое стекло на Литейном. Огромная воронка у Фурштадтской. Мостовая разрыта. Бомбежки усилились.

Поел (суп, капуста кислая, один кусочек хлеба). Помылся...

*16 ноября 1941 года.
(148-й день войны.)*

Воздушная тревога... Иду домой на Фонтанку... Осколки сыпятся у Гороховой. Темно, звезды.

Дома — чай и хлеб. Работаю над очерком о новых орденосносцах КБФ — для «Правды». Была еще тревога. Не слушаю, читаю газеты.

*17 ноября 1941 года.
(149-й день войны.)*

Тон прессы все активнее.

Планы восстановления Европы и пр.

Бои на всех фронтах, отбито десять атак (!) на московском направлении.

Пишу статью о базах: Таллине, Палдиски, Риге, Либаве и пр. Это наше! Мы придем на West!..

Телефонной связи с Казанью через ЦО нет уже целую неделю... Послал письмо С. К.

Величайшее наслаждение — Ленинград ночью: сейчас звездно, северное сияние и чистая музыка (из радиорупоров) над прямыми темными улицами... «Половецкие пляски»... *Россия любимая, все к ногам твоим!* Иду с душой, очищенной от всего, — я весь только во времени, в истории, в воинственной поэзии... Минутами это нестерпимо высоко — ликующе освобожденно! В мечтах — парад мира и победы... Советские русские люди должны пройти со своими знаменами, чтя павших и ликуя перед всем миром...

Меня спускают с облаков: люди голодны, — по несколько дней не обедают. В «Норде»¹ очередь за стаканом пустого чая. Ощущение голода у ленинградцев все сильнее. Худеют.

На Ленинградском фронте. Наши упорно действуют на подступах к Северной железной дороге, пробивая первое окружение. Немцы стремятся, взяв Тихвин, выйти к Волховстрою и совсем отрезать Северную железную дорогу. Обстановка трудная. Надо

¹ Кафе.

рассчитывать на общее улучшение дел на Московском и других фронтах, на резервы.

Получил комплект газет «На страже Родины». (Воздушные тревоги.) Ответил Фадееву о Кроне: «Крон должен быть тут, на месте, на Балтике».

*18 ноября 1941 года
(150-й день войны.)*

Приехал Крон.

Читаю брошюры писателей-балтийцев. Сдаю отчет за десять дней в Политуправление. Прошу созвать совещание писателей и журналистов Балтийского флота.

Хорошо работалось...

Воздушная тревога. Иду пешком с набережной Красного Флота на Каляеву. Темно, стрельба... Образ военного ночного Ленинграда останется в памяти навсегда...

Я похудел, но чувствую себя бодро.

В госпиталях нет масла, нет мяса. Крупа часто бывает бракованная...

Все труднее...

*19 ноября 1941 года.
(151-й день войны.)*

С утра воздушные тревоги.

Мысли о позиции Англии... Последняя речь Черчилля дает только формулу *ожидания* вторжения к весне 1942 года. Мы *ждем активных* действий Англии.

В сводке. Сильный удар по противнику. Уничтожены десятки орудий, машин и 2500 солдат и офицеров.

2 часа дня. Совещание нашей оперативной группы писателей (итоги за десятидневку). Организационные задачи по группе: задания, планы на месяц вперед.

Штудирую комплекты военных газет.

Говорят, что Л. Соболев в начале октября уехал в Ростов — Ейск — Севастополь... Странно, что он мне не пишет.

Из рассказов:

«В Большом драматическом театре — спектакль «Малыш». Холодно. Заполнено 25 процентов зала. Люди сидят в

шубах, актеры комкают текст. Играют небрежно... Зрители дыханием греют руки...»

«В домах появляются «буржуйки»...

Мга окружена нашими. Наступление продолжается. Немцы по ночам «долбят» аэродромы, Выборгскую сторону и пр.

*20 ноября 1941 года.
(152-й день войны.)*

Эвакуирована Керчь. Остро стоит вопрос о Кавказе.

В Ленинграде уменьшили паек хлеба до ста двадцати пяти граммов в день.

Кронштадт выделил часть запасов Ленинградской морской базы.

Наш военно-морской береговой паек уменьшен до трехсот граммов хлеба. Однообразное питание. Шутим: «Это действует лучше Кисловодска».

Рождение Гвардии! У СССР — девять новых гвардейских дивизий! Отборные бойцы!

В гражданских столовых каша из сои, некоторых от нее тошнит.

Как стремительно ухудшилось продовольственное положение. Блокаду надо прорвать! Иначе в городе через месяц будет острый голод.

*21 ноября 1941 года.
(153-й день войны.)*

В 1.30 дня — артиллерийский налет на заводские юго-западные районы города.

В группе текущая работа: тороплю с книгой о Подплаве.

К обеду достали полбутылки портвейна. Кислые рыбные щи, сомнительное какао. Хлеба мало. Свой завтрак и часть хлебной «порции» я отдаю.

Обстановка. Приказ — выгнать немцев на мороз по всему фронту! В занятых ими местах любыми способами жечь все дома, строения и пр.

Упорные бои за Тихвин. Отбиваем город. Поиски разведчиков на Ленинградском фронте.

Новые крупные атаки немцев на *московском* направлении и на Юге. Проблема *противотанковой* обороны (!).

На Финском заливе лед — до острова Сескара. Походы подводных лодок затруднены. Соединение Подплава готово сформировать на зиму три батальона с пушками и пр. Настроение у них несколько снижено.

Подвел итоги по писательским кадрам КБФ. В наличии двадцать пять писателей. Погибло до шестнадцати человек.

В газетах — о жестоких боях на Западном фронте...

7 часов. Воздушная тревога. Слышен гул «юнкеров»; стрельба. Низкая облачность...

В Народном доме — «Евгений Онегин». Зал переполнен. С первых же тактов весь кошмар войны — в сторону! И чистая, гармоничная музыка — воплощение русской великой культуры — празднует победу.

22 ноября 1941 года.
(154-й день войны.)

В группе некоторые товарищи жалуются на слабость. У Михайловского выпало два зуба. Тарасенков тоже говорит о слабости. Еще один наш писатель потерял семь зубов... Надо достать витаминов для группы. Слабость объяснима: паек уменьшился — мяса почти нет, нет овощей и минимум жиров.

Немцы начали *новый удар на Москву*. Гитлер в приказе требует: «Любой ценой разделаться с Москвой».

Но опыт борьбы у нас возрос. Усилились и средства обороны. Надо ждать новой трудной десятидневки...

Англичане начали *удар в Ливии* (по слабейшему звену держав «оси»: Италии).

На *Тихом океане* кризисные дни. Возможна война: США, Англия — Япония.

Записана на пленку моя речь к гражданам и бойцам Ленинграда об обстановке.

Новое задание: шесть страниц радиоречи «Выстоим!».

Читал «Красную звезду» от 20 ноября: жестокие бои на *московском* и на южном направлениях. (Напряженное внимание к событиям...)

На тихвинском направлении противник нами сдержан и отбрасывается.

Битва Германии и России происходит на фронте протяжением более двух тысяч миль.

Англичане делают главным образом свои дела...

*23 ноября 1941 года.
(155-й день войны.)*

С утра — обстрел. В 6 утра слушал радио. Видимо, оставлен город Калинин. Ожесточенный бой — на калининском, волоколамском, тульском направлениях. Битва за Москву в новой фазе. Устоять!

Сумрачный день, мягкая погода...

Рудный в Москве, Леонид Соболев в Ульяновске (?!). Зачем? Можно его вызвать в Балтфлот. Мирошниченко на Ладого.

Огневой налет... Осколки бьют по дому... Сумерки... Света нет. Беседуем о литературном типаже. (Пародии на Голодного, Пастернака, Кирсанова и т. п.) Перебираем литературные характеристики, случаи из жизни писателей... Пахнуло московским литературным бытом...

К шести вечера дали свет.

Школьники получают: 125 граммов хлеба в день; на десять дней: 200 граммов крупы, 100 граммов растительного масла, 100 граммов мяса, 50 граммов сахара и 150 граммов кондитерских изделий (или суп в столовой — 8 раз). Выдается не очень регулярно. Крупу, масло, мясо почти не дают.

Некоторых выручает дуранда¹ — размолотая и смешанная с содой и солью плюс немного кофе и цитрамона (из аптеки!) плюс картофельная мука. Ее хватит еще на месяц. Иные запаслись отрубями...

Слушал речь Михаила Ивановича Калинина.

Мысли о родной Москве — о будущем...

В 9.30 вечера передавали по радио мою речь об осаде Ленинграда, об общей обстановке и о враге.

В военно-морских частях — концерты при свечах. У артистов от недоедания кружится голова; они дают по три концерта в день.

---

¹ Спрессованные жмыхи.

24 ноября 1941 года.
(156-й день войны.)

Жесточайшие бои на московском направлении. Успехи на Юге. Разгром нескольких немецких дивизий. Видимо, предстоит еще неделя — десять дней сильных боев за Москву. Местами противник продвинулся. Но будут контрудары — в нужный момент.

22 ноября в ЦО напечатан наш очерк «Богатыри Балтики».

Весь день в группе. Продумали тезисы и вопросы к совещанию писателей. Надо дать очерк о «Кирове»¹ в «Правду» к 1 декабря.

Беседовал с Тарасенковым о работе: больше тенденций к *казарменному положению, связи, — и творческой дружбы!*

Написал письмо (с оказией) к С. К.: простое, душевное — о нашем быте, настроениях, об ощущении осады города.

Из газет: разгром группировки немцев под Ростовом (несколько дивизий); взято более 100 орудий, враг отброшен на 60 километров.

8 вечера. Слушаю по радио передовую статью «Правды». Сражение за Москву разгорелось с новой силой, на отдельных участках положение *напряженное*. Мы сумеем преодолеть опасность! Враг лезет, так как боится наших резервных армий и «потока» снабжения из США и Англии.

25 ноября 1941 года.
(157-й день войны.)

В утренних сводках есть кое-что хорошее, но на московском направлении — пока «напряженно».

Еду на минный заградитель. Краткая беседа. Мой доклад о войне. Два часа слушали отлично, не обращая внимания на воздушные тревоги.

Поехал в группу. Составили план до 1 февраля 1942 года.

Обед: суп, два ломтика хлеба, немного каши.

В салоне штаба — керосиновая лампа, а на мраморных лестницах дома тьма и блуждающие огоньки спичек.

Из Казани письмо от 20 октября (!) от С. К. Рад, что она так понимает мои очерки в ЦО...

Вечер... Тревога... Бомбежка на Каляевой... Мимо... Света нет, работаю при свече — планы, статьи и письма.

¹ О крейсере «Киров».

Думы о работе. О боже, как наши писатели непрофессиональны!.. Нервничаю, порой ругаю, требую... Пишут кашеобразно, небрежно, нет инициативы, нет страсти и хватки...

26 ноября 1941 года.
(158-й день войны.)

6 утра. Слушаю сводки и сообщения. Упорные бои на московском и ростовском направлениях.

Враг должен быть разбит под Москвой!

Успехи англичан в Ливии.

Дневная воздушная тревога. Сильные разрывы бомб, колеблется почва. Противник перешел к дневным налетам, чтобы тормозить рабочую жизнь. Но город живет! В цветочных магазинах покупают цветы, хотя запас их уменьшился.

Стоит сумеречная ноябрьская погода...

В 2 часа дня Москва передавала мою радиоречь «О ненависти к врагу»... Полностью...

Обстановка. На Москву наступает вдвое больше немецких дивизий, чем в дни октябрьского наступления. Но сейчас положение лучше.

Бои в Ростове. Две фашистские группировки проникли в город.

На Ленинградском фронте стабильно. Враг выжидает! Немцев на мороз! Они обогреваются в землянках, пустили по лесам лыжников с собаками, усилили охрану и минируют местность. На мороз их!

В Германии проходит «Антикоминтерновский конгресс». Он должен был состояться в Москве. (Ха-ха!)

Япония идет на компромисс...

Удар англичан в Ливии, кажется, серьезен. Он дал бы оттяжку немецких и итальянских сил; влияние коалиции на весь Восток и Северную Африку. Это экзамен английскому генштабу и армии.

Был на Подплаве. Люди вернулись из походов; по тридцать суток не раздевались. Комиссар сидит в кожаном пальто, дремлет... По возвращении на базу подводники оказались в тепле, сменили белье и т. д. Но рядом две пустые каюты — погибших с другой лодки. Комиссару не спится, встал, походил по палубе, вернулся, сел в кресло.

— Почему-то не спится.

И тут же заснул...

27 ноября 1941 года.
(159-й день войны.)

Слушал в 6 утра радио. Ожесточенные бои на солнечногорском, волоколамском и тульском направлениях. Наши отражают атаки. Прибыли новые гвардейские дивизии. Передовая «Правды» — призыв к стойкости и разгрому Гитлера под Москвой. Битва достигает высшей точки!

Тревога с утра. Качнулся дом.

В народе говорят о *ледяной дороге* по Ладоге. Ждут снабжения... Пока самолеты нам доставляют мясо, сыр и тому подобное. Но ведь это капля в море.

Немцы в Тихвине окружены. Но к Волхову все-таки двигаются. Надо выстоять!

В Ленинграде добрых два миллиона лишних ртов (домохозяйки, дети и старики). Их надо кормить!.. Необходима эвакуация.

Фашистские листовки бьют в одну точку: против комиссаров. Угрожают Ленинграду голодом. «Торопитесь!» Куда? Идти в батраки к немецким баронам? На каких идиотов рассчитаны эти листовки?

Я худею. Как в 1920 году — кровь¹. Заметил сегодня.

Пишу характеристики-некрологи о шестнадцати потерянных нами, погибших на Балтфлоте писателях. Пошлю в Главное политуправление и в Союз советских писателей.

Предупредил группу: больше заботы о коллективности; полностью подготовиться к зиме — вопросы снаряжения, санитарии и гигиены. Дал указания о запасных фонариках, свечах, печурке, топливе, библиотеке, шахматах и пр.

Из рассказов:

«В Череповецком районе белый хлеб, борщ, мясо, жареный картофель и пр. В военных столовых по три сорта хлеба». (Эх! Экономить у нас не умеют...)

28 ноября 1941 года.
(160-й день войны.)

Немцы стремятся измотать Ленинград. Пленные показали, что в план немецкого командования входила четырехсуточная тревога (!), «перманентные налеты» на Ленинград. Наши ответные налеты и этот план сорвали.

Письмо и открытка к С. К. о нашем быте и пр.

¹ Вс. Вишневский болел цингой.

В 1 час 30 минут еду в авиабазу. Тревога... По пути вижу, как люди сами тянут гробы с покойниками, на саночках, — к кладбищу.

Облачно, хмуро...

В авиабазе чудный прием. Разговор о делах, сжатые замечания о фронтовых новостях, о людях...

Выступление летчика Костылева (на его боевом счету 14 сбитых немецких самолетов):

«Драться, елки-палки, так драться...»

Он говорит о круговой поруке, взаимной заботе и доверии:

«...Мы по экипажам сговаривались помогать друг другу.

Мы воюем на «лагах» и «яках». Мы не хотим американских самолетов, наши лучше. Мы разработали свою тактику — охраняем друг друга, а сбитые немецкие самолеты записываем в «котел». *Потерь* (с середины сентября) *не имеем*. Мы — *гвардейская часть!* Прошу встреч с штурмовиками и бомбардировщиками, чтобы внести ясность в сотрудничество. Хотелось бы встречи и с ПВО. Мы *их* по сей день *не видали*, а они *по нас иногда отлично стреляют*» (смех).

7 вечера. Погас свет. Зажгли три свечи... Продолжаем...

Продумали формы работы: организовать ленинский уголок на аэродроме, издавать боевой листок «Победа»; громкая читка газет, политинформация, доклады по международным вопросам, беседы с писателями и т. д...

Мысль. Нельзя выпускать из поля зрения бойцов, чьи дома и семьи находятся на территории, занятой противником; надо понять трагичность их настроений; не допускать упадка, неустойчивости и пр. Наоборот, необходимо воспитывать из них *мстителей и агитаторов*.

...Общая обстановка, трудности с продовольствием достаточно влияют на малоустойчивые элементы. Иметь это в виду! Надо изучать людей в новых условиях; заботиться о бойце, о хозяйственном обеспечении, о дисциплине.

Вечером концерт в авиабазе. Читают об осажденном городе, — легенду Горького. Это так близко!

Легли спать в 3 утра.

29 ноября 1941 года.
(161-й день войны.)

Массированные удары нашей авиации...

У нас с утра тревога. Немцы «выматывают». Наши штурмуют...

Часа полтора гулял в парке. Тихо... Вдали иногда пулеметные очереди...

Мысли о Москве, о судьбе России. (Вспомнился дневник Достоевского.)

Святая неистовая вера в Россию! Любовь к ней безмерная...

Могучие сосны, ветер, талый снег, опавшие листья... Вспомнилась Барвиха¹, там, видимо, теперь военные рубежи. Вспомнились друзья... Где они: Сельвинский, Эйзенштейн? Что делает Папанин?

Какая тяжелая зима! Как жестока, как разрушительна современная война...

Очень дружеская беседа с военкомом авиабазы. У него обострилась цинга, как и у меня. Мне очень не хочется отмечать эти физиологические детали, но в последние дни бывает отвратительная слабость и при прикосновении зубной щетки к деснам идет кровь. Потерпим...

О фронтовых делах. Под Москвой — тринадцать суток по-прежнему бои. У немцев большая концентрация войск. Возможно, что это их предел. Стойкое сопротивление наших частей. Массированные удары нашей авиации: 27 ноября действовала, видимо, тысяча самолетов. Еще выстоять неделю!

На Ленинградском фронте — наши встречные удары на волхово-тихвинском направлении; военные части идут на помощь Ленинграду с востока.

30 ноября 1941 года.
(162-й день войны.)

Разгром немцев под Ростовом. Уничтожение и бегство остатков группы Клейста... Впервые за эту мировую войну такой удар по немцам. Можем бить!.. Огромное оживление, звонки, беседы.

В группе...

День холодноватый, вьюжные шквалы. Налеты с двенадцати часов дня... Отлично прошелся по городу... Близкие разрывы дальнобойных снарядов. Красота каналов... Разглядывал дома на Морской... Все будет восстановлено и будет сиять красотой.

За пять месяцев — обмены первыми страшными ударами. Стороны узнали друг друга. Мы собираемся с силами и раскачиваем-

¹ Местность под Москвой.

ся. Войны хватит еще минимум на год. К февралю, полагаю, начнутся наши контрудары. Может быть, в контакте с Западом (?).

К пяти часам дня иду в Политуправление на вручение орденов подводникам. Розовый закат... Рвутся снаряды в заводском районе...

В Политуправлении парадно. Юпитеры, цветы, алые флаги и пр. Накрытые столы. Чтение приказа — список награжденных. Товарищ Иванцов читает ответ. За орденами подходят летчики — чистые, парадные, ловкие. Вдали слышны глухие разрывы бомб — «входящая»¹.

Короткая приветственная речь командующего флотом... Затем ужин и концерт. Как все просто! Требуют «бис», кричат «ура». Выходят танцоры-акробаты. Всеобщее восхищение. С женщин не сводят глаз. Неудачный пируэт балерины идет на аплодисменты, ей прощают все — тонкая женская фигурка... (Наверное, изголодалась...) Это можно понять только на месте.

Жизнь могуча, сильна.

Я тут же пишу. Хочу *все видеть и помнить*. Летчики едят, пьют, шумят... А потом все в бой, может быть, на смерть...

Мои милые, родные!..

Я чувствую, понимаю торопливость, лаконичность записей своих.

4 декабря 1941 года.
(166-й день войны.)

Температура все время тридцать пять с десятыми. Слабость, разговоры утомляют, а мысль работает привычно.

Строю планы литературной работы и выступлений.

В Ленинграде — экономия электроэнергии. Запрещено пользоваться электричеством с 10 утра до 5 вечера.

Готовится Ледовая дорога: Ленинград — Новая Ладога. На ней будут работать до двух тысяч машин. По этой дороге уже (пешком) уходят эвакуированные.

6 декабря 1941 года.
(168-й день войны.)

Проснулся в 10 часов утра. В голове мысли о ресурсах Германии (вскрыть формулу Лея — «350 миллионов человек работают

¹ Шутливое обозначение: «входящая» — немецкая бомба, «исходящая» — наша.

для победы Германии» — отсеять противодействующие элементы, учесть реальные силы)...

Успехи под Москвой! Наши!
Обмен телеграммами между Сталиным и Черчиллем...

Как хочется писать... Заново, обо всем, — всю виденную жизнь... Правдиво, от первых проблесков детского сознания... Писать без служб, без нагрузок ССП... Запоем, где-нибудь на берегу. *Надо ж нам, пока мы живы, все рассказать.* Это и будет большая литература.

Сегодня в городе не было недельных продовольственных выдач, только хлеб (125 граммов). А народ держится и выполняет и перевыполняет нормы! «Нам бы 250 граммов и два раза в день суп или кашу, и было бы отлично!» Но нет и этого (пока!).

А англо-американские друзья шлют «приветы и восхищения»... Нам нужен от союзников *Второй фронт в Европе, а не в Африке...* Нам нужны большие дела, а не только пароходы, Сикорский и т. п.

Были два врача. Исследовали меня после всех предварительных анализов. Еще раз беседа о болезни в 1920—1921 годах (сыпной тиф, цинга), о тропической дизентерии в 1935 году и т. д...

Лечение (мое мнение):

- 1) Прорвать блокаду Ленинграда.
- 2) Некоторое улучшение питания.
- 3) В будущем: диета и отдых (!) после победы...

Телеграмма от С. К. «Тревожусь о тебе, себя держу в руках»... Родная!

Маневренная борьба на Южном фронте. Генерал Шведлер пытается помочь генералу Клейсту.

На Московском фронте наши контрудары... Мороз 25 градусов! Тула попадает в окружение. Какая интенсивность сторон! Какая борьбища!

7 декабря 1941 года.
(169-й день войны.)

Слабость, плохое пищеварение. Неужели то, что я замечаю, — свернувшаяся кровь из кишечника? Неужели?

Приходил Крон, тепло поговорили... Я хочу, чтобы группа была спаянной и дружной. Мои письма и обращения, кажется, влияют на них. Вчера мое письмо прочли вслух.

За службой никогда не должна пропадать человеческая писательская душа... Революция имеет смысл только как дело человечности, простоты, ясности и дружбы...

Старорежимное вранье, замкнутость, чванство, «руки по швам» и пр. — это проклятье.

В сводках. На Московском фронте наши контратаки. Потрясающие передачи о немецких делах в Ростове. (Медицинские протоколы.) Ответ последует!

Пишу письмо к С. К. — короткое, ласковое; пишу о непоколебимом духе Ленинграда.

На Ледовой дороге уже работает две тысячи пятьсот грузовиков. Порожняк — для эвакуируемых. Первые группы прошли благополучно.

Необыкновенно ясное, взволнованное состояние духа. Мысли, мысли о революции, о нашей эпохе, о людях... Гордость за народ, за Ленинград, за Москву. Ведь сегодня на всех фронтах *мы* берем инициативу!

Удары под Москвой и на Юге: уничтожено восемьдесят пять танков, более восьми тысяч немецких солдат и офицеров, сотни машин. Еще, еще!

Сегодня 25 градусов, мороз крепчает... Немцы второй день не летают... Ага!

В Ленинграде выдают банки американского тушеного мяса, яичный порошок на вес — сто двадцать пять граммов... Это, видно, доставлено по Ледовой дороге.

Писать, писать о Ленинграде, обойти его сто раз, запомнить, как он выглядит, как живет!.. Афиши, объявления, вид домов, толпы и пр., и пр.

Гибель двадцати восьми гвардейцев под Москвой. Это же абсолютно тема моей пьесы «Последний решительный» — гибель двадцати семи...

Позавчера немцы стали стрелять по Ленинграду из сверхтяжелой батареи (как будто 18-дюймовой (?)). Снаряды падали в районе островов. Задача для разведчиков и штурмовиков — найти и уничтожить ее.

Обдумываю *обстановку*. Восточный поход Гитлера не дал задуманных им результатов. СССР устоял. Создана коалиция СССР — Англия — США; война стала затяжной, с трудными перспективами.

Потери Германии растут, нефть и другие военные запасы истощаются. Отсюда новые ходы Гитлера — он готовит удар по нефти и удар по коммуникациям Англии и СССР, то есть на Турцию, Ближний Восток — к Ирану, Кавказу.

С другой стороны он готовит плацдарм в Северной и Западной Африке для удара по английским морским силам и коммуникациям вокруг мыса Доброй Надежды. Гитлер торопится, стремится кончить войну до полного развертывания сил демократической коалиции. В Европе Гитлер имеет до трехсот пятидесяти миллионов человек (подчиненных ему народов). Техническая база у него сильна. Мобилизовать дополнительные кадры сможет — погонит в строй новые контингенты своих «союзников». Одновременно возможен удар Японии — к Сингапуру, Индии; нарушение связи США и СССР и удары с европейских и африканских баз и аэродромов по путям Англии: мыс Доброй Надежды — Иран и средиземноморский путь...

*8 декабря 1941 года.
(170-й день войны.)*

Удар Японии по Сингапуру, Пёрл-Харбору и Филиппинам!..

Почти фантастическая картина! Мысли бегут... События отражаются двояко и ускорят темпы войны. США зарычат от оскорбления и ринутся в дело... Усилятся военная индустрия, но южноазиатские фронты отвлекут часть нашей доли из поставок США и Англии...

Все эти события вызваны, ускорены железным сопротивлением СССР!

Началась новая глава всемирной войны.

Анализы дают картину улучшения. Кровавых выделений больше нет. Температура 36.

Отлегло от души.

*9 декабря 1941 года.
(171-й день войны.)*

Здоровье явно улучшается. Девять дней отдыха и диета! (Белый хлеб, морковный сок, супы, бульоны, каша, пюре, компот, кофе.)

Бытие определяет не только сознание, но и здоровье.

Консилиум... Очень внимательный осмотр. Мой точный рассказ. Диета сделала уже многое.

Я буду в строю! Но впредь надо уравновесить питание, работу, нервную и физическую отдачу. А я при очень плохом питании

имел повышенную нагрузку... Это привело ко второй стадии дистрофии.

Говорят, что противник отогнан от Волхова на семнадцать километров и нами взят Тихвин (?).

Воздушных тревог нет. Либо им мешают морозы, либо у них нехватка бензина, либо идет переброска авиации.

У меня был комиссар Ханко — товарищ Раскин. Рад встрече с ним. Оказывается, авторы знаменитого письма к Маннергейму — Дудин (поэт) и Пророков (художник)...

...Уже неделю нет московских газет.

Ну, вот эта книжечка и заполнена, — начинаю новую.

*10 декабря 1941 года.
(172-й день войны.)*

Вчера днем товарищ Раскин рассказал мне о том, что эвакуация Ханко прошла планомерно и длилась около месяца. Вывезли до двух тысяч тонн продовольствия, это сейчас для Балтийского флота имеет огромное значение. Ханко мог бы держаться еще очень долго, но в современной обстановке, в условиях изоляции, это было нецелесообразно. Силы их пригодятся Ленинграду, ханковцы будут в ударной группе ленинградской обороны.

Разгромлена армейская группировка генерала Шмидта. Второе блокадное кольцо немцев под Ленинградом разбито (Тихвин, Волхов). Разгромлено три дивизии немцев: семь тысяч трупов, много трофеев, остатки дивизий бежали в леса. Операцию провел генерал Мерецков. Это — серьезная удача.

На Московском и Юго-Западном фронтах наши теснят немцев. Успехи под Тулой.

В 6 утра слушал сжатую, простую декларацию Рузвельта: японцы напали на американские острова на рассвете 7 декабря (подобно немецкому удару 22 июня на СССР).

Доклад Черчилля о том, что Англия вместе с США, Китаем и героическим русским союзником выдержит тяжелые испытания; победа будет за свободными народами, — на нашей стороне четыре пятах человечества.

Фланговые удары, захват Ленинграда, Балтийского флота, индустрии, закупорка железных дорог Архангельск — Вологда — Москва, захват Ростова, нефтеподвоза по железным дорогам и Волге и, может быть, захват нефти на Кавказе — все это у *Гитлера сорва-*

лось. Удар на Москву срывается в который раз! Отсюда гонка, новые варианты. А время идет — зима, морозы; силы и ресурсы Германии истощаются.

Вспоминаю, как в 1939—1940 годах, провоевав декабрь и январь, мы к 23 февраля били, крушили линию Маннергейма.

Мой госпиталь за время своего существования пропустил уже много раненых.

Вчера одна из служащих с плачем умоляла комиссара госпиталя дать ей картофельных очистков. Муж ее на войне, у нее четверо детей. Но где же комиссару взять очистки, если в Ленинграде сейчас картофель не чистят, а только моют?

В городе у многих начались обмороки от слабости. В последние дни — сильные морозы и снег; трамваи больше не ходят. Курьеры бредут с Васильевского острова в центр за газетами, туда и обратно пешком (это длится четыре часа). Люди худеют на глазах, но терпят.

*11 декабря 1941 года.
(173-й день войны.)*

Воздушной тревоги не было, мороз спал.

Новые успехи на фронте: разгромлена группировка немцев под Ельцом... Это начинается зимняя фаза истребления противника, устающего, не приспособленного к нашему климату... Но главное впереди!

*12 декабря 1941 года.
(174-й день войны.)*

Часов в семь слушал сводку: новые успехи...

Германия и Италия объявили войну США.

По радио. Статья «Правды» о войне на Тихом океане без малейшего указания на роль и участие СССР. Но мы, видимо, постепенно втянемся (?).

Декларация Рузвельта — его речь к народу — передавалась по радио. Она спокойна: в перспективе для США *долгая* и трудная война; необходима единая стратегия; урок для США дан — «мы не можем быть изолированы в этом мире». Рузвельт говорил о необходимости всемерного расширения продукции, о переходе на семидневную неделю: «удваивать, учетверять производство; у нас хватит и для себя, и для союзников».

Япония энергично атакует... Есть потери у английского флота: два линейных корабля, некоторые аэродромы, Бангкок... Угроза Индии. Атаки на американские острова.

Мороз до 25 градусов. Кровавый закат. До вечера длится обстрел Васильевского острова.

Сегодня делали рентген полости груди. Чувствую себя бодрее.

13 декабря 1941 года.
(175-й день войны.)

Блестящая сводка! Разгром трех немецких армейских групп под Москвой...

Из английской печати: Россия — главный фронт, там бьют Гитлера!

Речь Гитлера в рейхстаге. Очередная истерика и объяснения по поводу потерь на Восточном фронте. Сетует на силу СССР, говорит о мучениях немецких солдат от Белого до Черного моря. Говорит о вшах, морозах и пр. «Русская зима может помешать нашему наступлению». Рычит: «Всем, кто нарушит внутренний фронт Германии, — смерть».

Дела Германии явно ухудшаются.

В Ленинграде напряженно трудно с продовольствием. Люди получают сто двадцать пять граммов хлеба, добавляют кипяток. У некоторых есть «суп». В город с осени хлынули сотни тысяч беженцев из Прибалтики и северо-западных районов. Все они застряли в Ленинграде и осложнили проблему питания. Выправим!

Немцы, как говорят, сняли рельсы и шпалы Северной железной дороги на Мгу и на Волхов и даже перепахали железнодорожную насыпь.

Продовольствие штабелями доставляется через Тихвин — Волхов к Ладого, но доставка по Ледовой дороге все-таки затруднена. Прежде всего надо питать фронт.

Полагаю, что обстановка радикально улучшится в ближайшие десять—пятнадцать дней.

Воздушных тревог нет уже с неделю. Прибыли новые партии раненых. Есть обмороженные, но их немного. У немцев — значительно больше.

Читаю вновь московские газеты с 1 по 6 декабря. Это уже *история!*.. Поразительно!.. Какие темпы событий!..

По радио — передовая «Правды» о победе под Москвой и задачах преследования противника.

По радио — обзоры русской военной истории, поэтические монтажи, марши и пр. Если, по аналогии, сейчас события подобны исходу Наполеона зимой 1812 года, то события 1813—1815 годов наступят скорее. К тому же Ватерлоо будет гораздо восточнее. Но, к сожалению, до этого нам хватит еще дел и тягот.

*14 декабря 1941 года.
(176-й день войны.)*

В 6 утра слушал сводку: наши наступают на Западном и Юго-Западном фронтах. Трофеи! У нас ждут удара и на Ленинградском фронте (пока морозы и заносы). Сегодня до 20 градусов мороза.

3 часа 35 минут. Близко рвутся снаряды. Один разорвался под окном во дворе... Огневой налет на десять минут.

Хмурый зимний день...

По ладожской Ледовой дороге машины пересекают тридцать пять—сорок километров. Стоят регулировщики и пр. Водолазы ЭПРОНа добывают кранами с потопленных барж тысячи мешков муки, крупы и т. п. Все это пригодится...

В городе трудности... Заносы, обрывы связи, тока...

На Херсонской был обстрел... На проспекте Пролетарской Победы взлетели на воздух шесть вековых деревьев. Жители сейчас же бросились с пилами — дрова!

Связь с «Правдой» регулярная. Мне передали от них телефонограмму: «С. К. здорова, все в порядке».

«Марат» опять разбил в Петергофе наблюдательные пункты противника.

В городе уменьшаются запасы бумаги в редакциях и издательствах...

Вымирают старики... Трудно...

*15 декабря 1941 года.
(177-й день войны.)*

Сводка. Идет наступление на Западном и Юго-Западном фронтах. Новые успехи...

Создается большая угроза Филиппинам, там только двенадцать тысяч американских войск. Есть некоторые успехи в Ливии.

Из рассказа доктора Рубановой:

«...Трамваи совсем не ходят. Стоят занесенные снегом, с разбитыми окнами на площади Труда. Воеет ветер. В городе пустынно. Большинство окон зашито фанерами. В щели дует, в ряде квартир температура минус 5—7 градусов. На работу люди ходят пешком и очень утомляются».

В семье доктора жалуются: «Мы не выдержим. Придется умирать». Но доктор их убеждает потерпеть: «Ленинграду помогут».

«Скоро Рождество. Это — главный праздник немцев. Вот мы им подарки и подготовим, — наши наступают уже западнее Тулы, отрезают путь на Орел — Курск...»

Докторша рассказывает и переплетает печальные и бодрые вести. А сама похудела на шестнадцать килограммов, и лицо у нее бледное, и отеки под глазами. Она отдает семье весь хлеб и завтрак. И остается ей недостаточный паек. Так же мужественно работает, как и в Таллине, откуда ушла, сопровождая раненых с последним кораблем.

Мысли об отдаленном будущем. Америка и Англия практически будут диктаторами капиталистического мира. Китай будет индустриализоваться, добьется независимости и т. д. Под боком у нас будут буржуазные комплексы с американо-английским влиянием. На многие зоны влияние распространит СССР. В Европе будет известное равновесие с федерациями промежуточного типа. Но противоречия с Англией и ее подопечными вскроются незамедлительно. Первые послевоенные годы будут годами строительства, торговли, экскурсий по местам боев, банкетов, конгрессов и т. д. Возникнут лиги, общества, новые банки и компании. Будут восстанавливать и реконструировать целые страны. Возникнет огромная мемуарная литература. Будет новый поток фильмов — и мемуарных, и развлекательных.

16 декабря 1941 года.
(178-й день войны.)

В Ленинграде участились случаи смерти от голода.

Сегодня утром в госпитале не дали завтрака.

Корабли ходят с ледоколами по заливу и обстреливают занятый врагом петергофский берег. Бьет Кронштадт, бьет авиация.

О делах Подплава. За осенне-зимний период сломали «теорию» о невозможности походов зимой в море. Были десятки походов. Активность пробудилась. Утоплено до шести немецких транспортов. На минах подорвалось несколько немецких военных кораблей. Ряд лодок стоит в двухчасовой готовности. Настроения на Подплаве в общем здоровые.

О современных концертах. Голодные актеры идут в части на Охту и на Васильевский остров в надежде там немного поесть. Иной раз подойдет какой-нибудь моряк и дает, извиняясь, артистке галеты: «Вы уж простите, следовало бы шоколаду, но...» Артистка берет с благодарностью и тут же кушает.

На рынке сто граммов хлеба стоят тридцать восемь рублей (!!).

Город под снегом. Вижу из окна — бредут люди с саночками.

Если Гитлер строит расчеты на голоде, на истощении Ленинграда, на нашем ослаблении, то этот расчет не оправдается. Не выйдет! Слабейшие умрут, но остальные будут держаться и помогать фронту.

Дела на фронте лучше. На юго-западе разбиты еще две дивизии немцев. Взята первая немецкая линия в Урицке. Улучшается обстановка на тихвинском участке. Англичане говорят об общем отступлении немцев: «Немцы снимают ряд дивизий с Восточного фронта» (?). «Это «великая стратегия», которую англичане-консерваторы не понимают», — отвечают на это немецкие газеты. Любопытно!..

17 декабря 1941 года.
(179-й день войны.)

Операции наших войск все расширяются. Удары по 3-й немецкой армии, крупное ее поражение. Шесть немецких дивизий отступают. Для Северо-Западного фронта калининское направление весьма важно — здесь возможно глубокое продвижение в сторону Двинска — Пскова, охват Прибалтики. Полагаю, что армии генерала фон Лееба тоже готовятся неприятности. Не вытеснение, а охват, окружение. *Уроки стратегии!*

Без России никто с Гитлером не покончит, никто этого не сделает. Красная Армия пять с половиной месяцев *без помощи извне* ведет борьбу с гигантской военной машиной Гитлера, и достаточно успешно...

На Ленинградском фронте идут операции... У Шума окружена группировка немцев, их истребляют.

Идет ремонт кораблей, военная учеба. Люди немного подголаживают... Организм молодых здоровых людей, конечно, требует питания, но дух боевой — по-прежнему. Рады вестям с фронтов... «Октябрьская революция» провела за время войны 110 боевых стрельб, сбила 11 немецких самолетов и т. д. Корабли могут понадобиться в любой момент — для выхода в Финский залив и далее,

для действия у берегов Прибалтики, для давления на Финляндию и т. п. Морские бригады, возможно, будут возвращены на корабли.

Город до войны получал в сутки не менее восьмидесяти поездов снабжения. Сейчас же все свелось к нескольким сотням автомашин по Ледовой трассе.

Движение в городе замирает.

Части Мерецкова соединились с частями волховского направления (?). Отступление немцев ускоряется. Их ладожский выступ попадает под охват...

США и Англия восторгаются победами СССР: «Триумф», «чудо» и т. д...

Активность немецкой артиллерии спадает...

*18 декабря 1941 года.
(180-й день войны.)*

Наступление на Юго-Западном и Западном фронтах продолжается... Разгром кавалерией Белова немецкой дивизии. Огромное количество трофеев в Калининe, вплоть до 12-дюймовых орудий, более тысячи автомашин и пр.

Хочу вернуться на работу. Внутренняя тяга писать, делать дело. А доктор говорит: «Но вы дней через десять на вашем пайке опять свалитесь». Все-таки надо выписываться из госпиталя. Хочу писать для «Правды», выступать по радио и на кораблях. В дело!

Последние новости: ночью взято Чудово; сегодня — штурм Новгорода, но там одни обгорелые стены... Судорога бешенства сводит челюсти: чем, как отплатим мы Гитлеру? Урок должен подействовать буквально на тысячелетия — в ответ на мечту Гитлера о тысячелетнем господстве Reich`а... Заставить возместить трудом и имуществом убытки Европы, и прежде всего СССР, где зверства немцев и разрушения, ими причиненные, неописуемы. Мы многое на своем веку видели, но гитлеровские дела затмевают все своей лютостью, извращенностью, патологизмом. С корнем вырвать гитлеровскую военную индустрию, взять заводы — в возмещение наших потерь в западных районах, в Ленинграде, в Донбасе и т. д...

Наша сила, воля, наша растущая мощь будут одним из главных факторов будущей мирной конференции. Мы сумеем обеспечить интересы СССР...

Германия не должна стать «силой» в руках Англии или США.

*19 декабря 1941 года.
(181-й день войны.)*

На ряде участков наступление продолжается.

Завтра две недели нашего наступления. Пока общая картина не вполне ясна, наибольшие успехи на Московском фронте. Фланги немецкого фронта сильно потрепаны и отброшены на несколько десятков километров. Разбита 9-я немецкая армия. Под Ленинградом стабильно. Медленное продвижение в Волховском районе. На Юге упорные бои в Донбассе и на азовских берегах.

Немцы сообщают о своем тактическом «отходе». Это вранье. Но борьба упорна и потребует огромных усилий, жертв и времени.

С линкора «Октябрьская революция» ушло на фронт до шестисот человек. На кораблях для матросов (по пять часов в день) организованы «сухопутные» занятия... У личного состава — боевой дух! Крейсер из Морского канала бьет по противнику. «Марат» бьет в упор по немцам. Много разведывательных групп на льду залива.

От С. К. телефонограмма через «Правду»: «Все в порядке, рада нашим успехам... Верю в победу, верю во встречу в Москве в нашем чудном доме. Поздравляю, родной мой» (21 декабря день его рождения).

Бои у Невской Дубровки...

21 декабря хлебный фронтовой паек увеличится с пятисот граммов до восьмисот.

*20 декабря 1941 года.
(182-й день войны.)*

Продолжаю работать над очерком-обзором «Ленинград в осаде».

В 6 часов утра слушал сводку. Мне кажется, что суть дела сейчас на фронте в наступательном размоле немцев. Удары следуют всюду. Координированные выступления партизан по коммуникациям немцев, натиск Красной Армии на фронтах, штурмовки ВВС. Каждый день уничтожаются полки, дивизии Гитлера. Эти бреши непросто заткнуть. У немцев к тому же слабеют отдельные виды снабжения. Расшатывание немецкого Восточного фронта, на котором сосредоточено девять десятых немецких армий, приведет к изменению стратегической обстановки, сдвигам на Востоке и в Европе, в частности в самой Германии. Между тем развертыва-

ется военное производство в СССР. В январе закончится обучение миллионных резервов. Девис говорит: «Россия опять удивит мир».

У англичан победа в Ливии. После пятидневных боев англичане повсеместно прорвали фронт и продолжают наступать...

Об обстановке пишут скупо. Все ждут событий к Новому году. Бои идут упорные. Северо-Западный район очень труден: леса и мало дорог.

За Тихвином восемь суток шел бой за один только разъезд на линии Тихвин — Будогошь. Наши части¹ пробуют затянуть петлю вокруг частей немецкого генерала Томашека. Кроме того, действуют проникшие в тыл противника лыжники.

Два письма от С. К. Она устроилась в семье директора Казанского театра. Здорова. К ней приехала Таня², привезла мои вещи в Казань. Часть рукописей там же у С. К., а где остальные? С. К. пишет спокойнее, взяла себя в руки, оправилась. Шок от эвакуации, стыда «беженства» прошел. (Я ей писал, что не осуждаю ее вынужденный отъезд.) ...Пишет, что в моих очерках чувствуется усталость...

Дела Германии явно осложняются. В надежде на захват Москвы, Ленинграда, выдвижения к Уралу и на Кавказ Гитлер, видимо, не создал прочных тыловых укрепленных районов в Прибалтике, Белоруссии и Украине.

Упадок немецких армий, потери, расстройство снабжения и т. п. скажутся на степени их сопротивления.

Не давать немцам времени для реорганизации и оборонных работ! Гнать их!

*21 декабря 1941 года.
(183-й день войны.)*

Сегодня день моего рождения. Мне сорок один год.

Сводка. Взят Волоколамск. Разгром немецких групп на Ладоге (у Войбокало). Взято много трофеев! Противника преследуют. Войска генерала Мерецкова идут вперед, разгромлена 21-я немецкая дивизия, взято 117 орудий, 60 танков и т. д.

Тяжелейшие следы — на поколение — останутся в Европе после Гитлера. Общество расколото в ряде стран (петеновцы и патриоты), засорено агентурой, наемниками... Огромное количество жертв: расстрелянные, заложники, умученные, травмированные и т. д...

¹ Генерала Федюнинского. (Прим. автора.)

² Домработница Вишневых.

Огромны материальные разрушения, которые, впрочем, у нас в пять лет будут восстановлены. Порваны семейные связи; бытовые драмы и огорчения. В самой Германии похмелье будет катастрофичнее, чем в 1919—1923 годах. Такова логика этой борьбы. Если немцы попытаются сохранить образ, легенду о «фюрере-герое», о Гитлере — «восстановителе Германии», это будет коренным образом истребляться. Германию надо будет наводнить жестокой, разоблачительной литературой, документациями и пр., которые должны будут стереть нацизм с его языком, терминами, мифами, идеями.

Днем — бомбы на проспекте 25 Октября.

За обедом — одиноко. Выпил стакан вина и молча (мысленно) чокнулся, глядя на восток, с С. К...

Ночь... Сегодня полгода войны... Идти дальше, к победе!

*22 декабря 1941 года.
(184-й день войны.)*

6 часов утра. Нами снова взята Будогощь, бои у Чудова (операция охвата?). На Западном фронте захвачены тысячи автомашин и сотни орудий. За три дня уничтожено десять тысяч немцев.

Мы выиграли величайшую битву за Москву и теперь наступаем.

Смещен генерал-фельдмаршал Браухич... Гитлер берет верховное командование в свои руки. Вывает к армии: «СССР — опаснейший противник. Германская армия должна переходить к позиционной войне и с предельным напряжением отстаивать занятые местности». Он заклинает своих генералов держаться, спасти Германию... Намекает на новые военные меры, ссылается на успехи Японии и т. д.

Это — кризис германского командования.

Таков один из итогов победы СССР в первой фазе войны.

Продолжаю работать над очерком-обзором «Ленинград в осаде». Гулял. Некоторая слабость. Днем обычная артиллерийская стрельба. Вечером сильный обстрел Петроградской стороны.

Читаю центральные газеты. В «Известиях» напечатан сильный очерк — «Кубанцы». Ползком, через плавни, а затем после четырех дней в засаде на льду кубанцы бросились в атаку... Подвиг казачки, которая телом своим навалилась на стреляющий немецкий пулемет!.. Ночью лед подламывался под ногами бойцов; казаки уговорились: кто тонет — молчи, своих криком не выдавай. Некоторые молча тонули... (Вспомнил свой роман-фильм «Мы, русский народ»: «Мри молча...»)

Из Куйбышева пишут: «Нам дают хлеба по 800 граммов, служащим — 600 граммов, с сахаром были затруднения — вместо сахара выдавали мед и варенье...» Ленинградцы улыбаются.

Ленинград гордо, молча выдерживает осаду. Людям трудно. Какие только суррогаты не пущены в ход — даже аптекарские, москательные (сахарин, клей...). На спекулятивном рынке килограмм хлеба уже стоит триста рублей.

10 часов вечера. По радио передают стихи о Ленинграде: «Посвящается Всеволоду Вишневскому...» Это — Азаров, спасибо ему.

23 декабря 1941 года.
(185-й день войны.)

Сегодня сводка скучновата, но наступление идет. Освобождены сотни населенных пунктов, был случай организованной сдачи в плен взвода 506-го немецкого полка во главе с фельдфебелем.

По радио слушал передовую «Правды»: о росте Красной Армии — к весне она будет значительно сильнее, чем этой зимой. Иллюзии Гитлера, его лживые заявления напрасны... «Горе оккупантам!.. Смерть им!»

Американская и английская пресса широко комментируют победы СССР, пишут о колоссальной силе Красной Армии; печатаются специальные сообщения английского министерства информации о боевой мощи СССР и т. д. Практически мы сковываем Гитлера и на Ближнем Востоке, и в Ливии.

Сегодня чувствую себя бодрее. Непрерывный поток мыслей, образов...

Орловские партизаны сожгли два состава с танками и самолетами.

В 7 часов вечера меня навестил член редколлегии «Правды», находящийся в Ленинграде. Передал мне две телефонограммы от С. К. *Она уже в Москве!* Бодра. Архив, рукописи — все цело (!)...

По сводкам:

Южный фронт. Во время удара Ростовской группы контратаки Шведлера на Ворошиловград заставили ослабить темп наступления.

Лучше всего дела на *Западном фронте*. Отброшены и сильно помяты обе фланговые группы, шедшие на Москву (к Рязани, к Дмитрову — Истре). Центральную группу, видимо, хотят стукнуть в ближайшие дни, выбрав наиболее благоприятную обстановку. Наши потери в московских боях, конечно, серьезны.

Северо-Западный и Ленинградский фронты шли от города Калинина к озеру Селигер — Демянску — Старой Руссе — озеру Ильмень и далее, до ноября, по реке Волхов, а затем к Ладожскому озеру. В ноябре две группы немецких войск прорвались к Тихвину и в район Волхова, стремясь замкнуть второе блокадное кольцо вокруг Ленинграда и соединиться с финской армией на реке Свирь.

Армии генералов Мерецкова и Федюнинского в трудных условиях ударили по врагу и добились крупных успехов. Сейчас наши последовательно очищают районы распространения обеих групп немцев, обтекают район Чудова, где находится круговой укрепленный район немцев, и стремятся охватить всю невско-ладожскую немецкую группу (Шлиссельбург, Мга и пр.).

Бои упорные. Излишка свежих дивизий у нас пока нет. Это дело будущей весны. Ленинградские части провели ряд местных атак, но без особых успехов, так как здесь немцы плотно засели под городом и обладают сильной огневой системой.

Итак, надо ждать маневра и удара Новгородско-Чудовской группы, Н-ской армии и армии Мерецкова. Сколько нужно времени для обхода немецкой невско-ладожской группы?

Город ждет Нового года, как манны, как решающего дня.

*24 декабря 1941 года.
(186-й день войны.)*

Солнечный мягкий день. Утром воздушная тревога.

Сводка скуповата, видимо, темп наступления несколько замедлится.

Сегодня сочельник. По немцам сегодня и завтра, на Рождество, надо дать крепкие удары.

В газете «На страже Родины» от 22 декабря прочел полугодовой обзор действий авиации под Ленинградом: сбито 736 немецких самолетов и уничтожено на аэродромах 508. Некоторые наши истребители сбивали по 14—16 самолетов.

Почин таранного удара в этой войне принадлежит ленинградцу — младшему лейтенанту Кокореву. Как ни странно, но его таран прошел незаметно, а в памяти остался подвиг Гастелло.

Работаю над «Ленинградом в осаде»... Все полнее картина обороны Ленинграда. Записываю, восстанавливаю деталь за деталью.

В городе огромное напряжение в отношении сырьевых ресурсов и топлива. Фронту нужно давать боезапас, а подвоз ограничен... Надо обшаривать все заводские дворы, склады и площадки, собрать все металлические отходы, очесы, старье, лом и т. п.

Иоганна Зельцера похоронили в братской могиле с другими товарищами, погибшими на корабле. Его орден будет передан в Военный совет КБФ. Оставшиеся деньги — две тысячи рублей — семье, а пишущую машинку оставили на корабле, на память о нем. Документы отданы по назначению, а рукописи передадут мне. Тело хорошо сохранилось: ни единого ушиба, очевидно взрывом вместе с лифтом был брошен на дно гавани. Похоронили с почестями на Кронштадтском кладбище (надо уточнить дату).

В Кронштадте полный порядок. Установилась жесткая дисциплина. Кронштадт несет круговую оборону. На льду залива выстроены доты из льда, распределены наблюдатели и т. д.

На днях восемнадцать фашистов подбирались к вмерзшей на фарватере барже. Их подпустили и отрезали. Десятерых истребили, а восемь фашистов взяли в плен. Идея истребления и окружения врага становится доминирующей у наших людей.

Недавно одна морская часть, тщательно подготовив операцию, внезапной атакой уничтожила до восьмисот фашистов. Они выскакивали из землянок в одном белье... Матросы все разрушили и ушли.

В Кронштадте сформирована еще одна морская бригада — Гранина — для ударных операций. В ее состав вошли ханковцы.

После прибытия ханковцев в Кронштадт комиссия Военного порта начала опись привезенных ими с Ханко продуктов. Комиссар Ханко Раскин спокойно поговорил с бойцами, объяснил положение в Ленинграде, сказал о том, что некоторые умирают от голода, и ханковцы тут же отдали городу все свои личные запасы масла и хлеба. Хорошие у нас люди!

Город Кронштадт под энергичным руководством райкома живет. Нормы хоть и скудны, но очередей нет, налажено четкое распределение продуктов. Организовали лов рыбы из-под льда, и каждый день рыбный улов в несколько сот килограммов идет детям на завтраки. Кронштадт наладил производство автоматов ППД (!) и минометов. Отремонтировано много артиллерийских батарей. Настроили дзоты. Обо всем этом пишет мне секретарь райкома: «Кронштадт и наш народ целиком отдадут себя за родину».

... На днях разведчики — матросы с «Марата» — ночью проникли на льжах в Новый Петергоф, выяснили расположение огневых точек по берегу и в парке, осмотрели место, где стоял Самсон (теперь там пусто), засекли, где стоят два танка (около домика Петра Великого), прошли еще выше и, вернувшись, доложили обстановку. «Марат» открыл огонь и разнес в щепки все обнаруженные разведчиками объекты, включая наблюдательный пункт.

Финны на заливе практикуются на буерах. Вполне возможен их налет-десант. Кронштадт готовится к отпору.

В Кронштадте выходит военно-морская газета, но плохая, — просят в помощь двух писателей.

Ночь... Артиллерийская стрельба, — гремят корабли, — это наш рождественский подарок фашистам...

25 декабря 1941 года.
(187-й день войны.)

...В «Известиях» от 19 и 20 декабря — очерки о новых танковых заводах в Сибири и на Урале. Создана грандиозная танковая промышленность. Эпос осеннего и зимнего строительства в степях и горах, под дождями, на морозе среди костров, в бараках! Народ наш вновь показал себя, свою изумительную стойкость, выносливость, организованность!..

26 декабря 1941 года.
(188-й день войны.)

Наступление продолжается. О Ленинградском фронте сводки пока ничего не дают. Может быть, будет итоговое сообщение по типу московского?

Сводка. Взятие Калуги¹, выход на Вязьму — Смоленск — Брянск (то есть на тылы Орла — Курска). Это глубокий удар по немцам.

Англо-американские корреспонденты с советского фронта общаются о том, что русские выигрывают сражение на истребление немецких войск. Отступление немцев ускоряется.

В городе идут ремонтно-очистительные работы. Ремонтируют железные дороги. Демобилизован ряд инженеров и техников для работы на некоторых электростанциях. Надо восстанавливать Волховстрой...

С фронта. Наступательный порыв армий Ленинградского фронта... Пленные производят потрясающее впечатление. Это истощенные, вшивые, заросшие люди, с надломленной психикой. В победу не верят... Истертые, просвечивающиеся шинели плохого сукна. Жалкие мундирчики и пилотки, но сапоги хорошие. Люди стоят согбенные, руки за спину, съездившись, а рядом в тулупах, пимах, валенках, меховых ушанках — наши, русские. Немцы смотрят на эти теплые вещи удивленно и обалдело. Пленные — разных типов. На двадцать два человека, в одной партии, — восемь унтер-офицеров. Они в боях с 1939 года. Некоторые из них

¹ Бои за Калугу продолжались с 25 по 30 декабря 1941 года.

«держатся». Один, рыжий, валяет Швейка: «Фамилии командира не знаю, номера дивизии не знаю, может быть, знает мой товарищ». Но сдал быстро. Один поляк охотно сообщает все данные, чертит устройство немецких мин и пр.: «Хочу в армию Сикорского, буду на вас работать от зари до зари». Но в 1939 году он обзавелся немецким паспортом — на всякий случай, и поэтому был немцами мобилизован. Знаем мы таких «типчиков»!

На всем фронте идет охват и истребление противника. Видимо, хотят охватить весь фронт фон Лееба и помимо этого сделать ряд частных окружений. Отсюда маневренность, необходимая за-трата времени, а не фронтальный удар и «преследование бегущих». Убежать немцы *не должны*. Немецкие фашисты жалуются на штурмовки нашей авиации. Бывало по сорок штурмовок в день. Да, немцы сильно измотаны. Как и чем Гитлер восстановит и укрепит это надломленное воинство? Гитлер говорит о приближении кульминационного, поворотного пункта войны. А если он уже наступил?

Наши летчики бодры. По Ладоге снуют взад и вперед сотни машин. Над Ладогой проносятся могучие «дугласы» — на бреющем полете, охраняемые истребителями. Гул и мелькание воздушных экспрессов.

Один наш летчик недавно разбомбил переполненную немецкими офицерами гостиницу в Хельсинки. С высоты семи тысяч метров под сильным зенитным огнем спикировал до двух тысяч метров и сбросил бомбу в одну тонну. В немецких газетах некрологи, траурные объявления и т. д.

Истреблять фашистов!

27 декабря 1941 года.
(189-й день войны.)

Наступление продолжается. Нами взят Наро-Фоминск, про-рвана укрепленная полоса противника.

Краткое сообщение о разгроме волховской группы противника. Истреблено шесть тысяч человек, есть трофеи.

Объявлены новые гвардейские части.

Пубалт дает хорошую оценку группе: «Группа Вишневого связала себя с флотом до конца».

Сегодня 23 градуса мороза. В поле больше. Отлично!

Рабочий паек повысили до четырехсот граммов. Служащим — двести пятьдесят граммов. С Нового года дадут крупу, макароны и пр. Организуются закрытые столовые для научных работников. Спасать интеллигенцию!

Директива Балтфлоту: ремонт и достройка судов, которые могут войти в строй летом 1942 года; поднятие и ремонт затопленных судов; учеба и доквалификация кадров. Весной в море — борьба за Прибалтику, содействие флангу армии и действия на коммуникациях противника.

Итак, новая фаза деятельности! Надо немедленно соответственно ориентировать мою группу.

Мне принесли дневник убитого немца. Вот выдержка из этого дневника:

«Мы сменили парашютистов, те говорят: «Лучше три раза спрыгнуть на Крит, чем воевать в России».

28 декабря 1941 года.
(190-й день войны.)

Взял большую карту Европы. Надо обдумать общую обстановку и подготовиться к предстоящим докладам.

Общий ход войны. (Обзор за шесть месяцев.)

а) *Германия*. Создание Гитлером Восточного плана войны, вызвавшего меморандум Браухича — против войны с СССР, заключавшего в себе деловые, «бисмарковские» опасения...

Гитлер ответил властно и демонстративно: «На Восток!» Он рассчитывал на молниеносный удар ста семидесяти дивизий, на использование части ресурсов, на широкие агитационно-диверсионные удары и т. д. Гитлер просчитался. В результате — огромные потери. Начало кризиса в германском руководстве: полетели с постов Браухич и другие военные оппозиционеры. Немецкая армия увязла на российских просторах, возникла необходимость оборонительных рубежей, а рыть мерзлую землю трудно. Запасов на зиму, обмундирования и прочего нет. У немцев — нарастание тревоги, споры, обвинения.

б) *Финляндия*. Зашаталась, нет хлеба. Гитлер угрожает ей оккупацией.

в) *Италия*. Непрерывные потери — крах империи. Итальянский народ устал, ибо воюет уже с 1935 года. Англичане упорно ослабляют и без того слабое звено «оси» — Италию. Ливийская битва, операции на Средиземном море, бомбежки Неаполя — в плане английской стратегии. (Тут и воздействие на Францию и вообще на весь Ближний Восток.) Муссолини колеблется и стремится дать поменьше войск Гитлеру.

г) *На Дальнем Востоке*. Гитлер рассчитывал, что выступление Японии повлечет втягивание СССР в войну на Дальнем Востоке...

Захват Гонконга и тому подобное не решает дела. Развязка будет в Европе.

В оккупированных и прочих странах.

а) *В Норвегии.* Рост партизанского движения. Немцы вынуждены увеличивать число карательных экспедиций и охрану.

б) *Швеция.* Все больше склоняется к демократическому блоку и оказывает помощь норвежским партизанам. Шведское правительство влияет на Финляндию, стремясь вывести ее из войны. Тут, конечно, сказывается закулисная деятельность англичан и американцев — «северный блок». Он им нужен для будущего как заслон против СССР.

в) *В Польше.* Рост партизанского движения — активизация подполья. Тяга в армию Сикорского. Немцы вынуждены держать в Польше триста тысяч солдат.

г) *В Югославии.* Рост партизанской войны. Народная армия партизан сковывает часть германских и итальянских войск.

д) *Болгария.* Накануне вступления в войну против Турции. Гитлер попытается искать пути на Ближнем Востоке к нефти. В сочетании Ливийский (может быть, с Тунисским фронтом) и Турецко-Балканский смогут создать Второй фронт. (Идея Ллойда Джорджа в 1915—1916 годах — идти через Балканы.) В Ливии уничтожено до тысячи семисот немецких и итальянских танков и разбита стотысячная (немцы и итальянцы) армия.

е) *Во Франции.* Все сильнее давление Гитлера, капитулянтские уступки Петена, но в народе растет дух сопротивления. Создается проблема флота и колониальных баз.

ж) *В Испании.* Выжидательное маневрирование генерала Франко.

Общая ситуация для демократического блока все благоприятнее. Зимняя кампания на Востоке окажет огромное влияние на всю международную обстановку. Нам необходимо не дать противнику возможности задержаться, пополнять свои запасы и перегруппировываться. Наши войска уже у Орла. Идет планомерное преследование и истребление частей противника.

Вечер. Только что передали мою речь по радио в специальном выпуске для Краснознаменного Балтийского флота. Выступала наша группа: Мирошниченко, Азаров, Крон, Амурский и др.

Настроение приподнятое, поток мыслей о будущем: о ближайших операциях на фронтах и, в частности, о Балтийском флоте.

...Приказ: засчитать участникам обороны Ленинграда месяц службы за год (по-севастопольски!). Итак, значит, у меня уже двадцать восемь лет службы в РККА плюс три с половиной года старой службы.

29 декабря 1941 года.
(191-й день войны.)

Наступление Красной Армии продолжается. Дивизия СС «Империя», имевшая в июне четырнадцать тысяч человек и получившая пополнение в семь тысяч человек, насчитывает сейчас лишь три тысячи. Таким образом, ее потери — восемнадцать тысяч человек!

Информация с корабля: наши окружили Орел, идут к Харькову и обошли Таганрог.

Разведка сообщает, что немцы лихорадочно создают позиционные укрепления по линии реки Нарва — озер Чудского и Псковского — Западной Двине и Днепру. Встает задача форсировать эти рубежи до наступления весенней распутицы и ледохода.

При гибели «Артема» моряки, задыхаясь и утопая во всплывшей нефти, запели «Интернационал». Плыли, тонули и пели гимн...

На Балтийском море немцы потеряли 447 кораблей плюс 56 поврежденных. Наши потери значительно меньше. Ряд подводных лодок мы потеряли на минах. Необходимо изучать этот опыт.

Надо осуществлять ремонт кораблей главным образом своими силами, надо изучать опыт борьбы с авиацией и усилить зенитный огонь. Надо популяризировать героев.

К весне — в базы Прибалтики!

Враг еще силен: у Гитлера семимиллионная армия плюс трехмиллионная армия его вассалов.

Впереди решающий 1942 год... Будут жестокие битвы... СССР сохранил волю и нервы, не израсходовал (преждевременно) резервные части. Они хорошо вооружены и крепко учатся.

Создан Волховский фронт. Немцам послано предупреждение: «Сдавайтесь вовремя, потом будет поздно».

Есть предположение, что Гитлер расстрелял Браухича за оппозицию.

Идут переговоры Сталина и Молотова с Иденом.

Вести из тыла. Многие писатели из Переделкина перебрались в Чистополь (из-под Москвы — под Казань)... Но А. Толстой, И. Эренбург, В. Ставский, А. Сурков активно работают. Их мы читаем и слышим. Пишет В. Лидин. Он оставался на посту в Москве. Временами встречаю в прессе имена К. Симонова, Е. Петрова, С. Щипачева, Г. Фиша. Появились статьи С. Сергеева-Ценского и Мариэтты Шагинян.

В городе бодрое настроение, но сильная истощенность. Часто видишь, как тянут на саночках покойников.

*30 декабря 1941 года.
(192-й день войны.)*

Наступление продолжается, но сводки скупы. Не пришло, видно, еще время подводить общие итоги операций.

Получил заключение врачей: мне можно возвращаться к работе, но с прибавлением к ограниченному пайку витамина «С» плюс углеводы (сахар, сладкое, варенье). «Если нужно будет — просите добавочное питание...» Но я его просить не буду, *мне привилегий не нужно.*

В городе трудно...

Продолжаю писать «Ленинград в осаде»...

Ленинградский радиоузел работает в труднейших условиях. Дикторы плохо питаются, им трудно подняться на пятый этаж. К тому же там очень холодно. Передавать приходится часто без подготовки. Бывают перерывы в подаче тока.

Есть в радиопрограммах, в их манере монотонность. Но все слушают радио жадно. Оно опережает прессу, оно сильнейшее средство агитации и информации.

*31 декабря 1941 года.
(193-й день войны.)*

Ну вот и последний день 1941 года. Гитлеру этот год не улыбнулся.

6 часов утра. Наш десант взял Керчь и Феодосию...

Подготовил тезисы доклада ко 2 января.

Днем ко мне приехали начальник Политуправления КБФ Лебедев и товарищ Карякин. Был очень теплый, живой разговор...

У наших огромное озлобление против Гитлера и наступательный порыв. Что посеешь, то и пожнешь, Гитлер!

На флоте огромный подъем — ремонт, возвращение специалистов из морских бригад, командирская учеба. Усиливаются соединения торпедных катеров и др. Немцев постарайтесь не выпустить, захлестнем петлю под Ленинградом.

...На партийном бюро отчет группы писателей встречен в целом хорошо.

Сведения о нашем десанте в Крыму: очевидно, несколько дивизий...

На Западном фронте идет удар на смоленском направлении.

Новогодние визиты... Временами сидим при свече. Город сегодня опять обстреливают...

По радио в 11 часов 25 минут. Привет от снайперов с фронта. Один из них передает: «Я сегодня в подарок к Новому году уничтожил из своей «золотой» винтовочки четырнадцать фашистов. Всего я отправил к богу в рай восемьдесят два». Он говорит на «о», волнуясь. Говорят и другие: «Гитлер хотел истребительной войны, вот он и получает ее». Наливают водку (слышно, как она льется, как чокаются жестяными кружками), кричат «ура». Отличная передача.

12 часов ночи. Бой кремлевских часов. Залпы с Невы — бьют по врагу корабли. Звучит «Интернационал».

В 12 часов 5 минут. С Толей и Колей выпили по стопке малаги. Дружеская беседа. Читали стихи Маяковского, Есенина и др. Вспоминали С. К., прошлое... Я пожелал друзьям встретить 1943 год уже в мирной обстановке. Настроение приподнятое.

Получил поздравление от коллектива газеты Ленфронта «На страже Родины».

Ну, за полный разгром Гитлера в 1942 году!

*1 января 1942 года.
(194-й день войны.)*

6 часов утра. Слушал сводку: «Взята Калуга и Кириши на Чудово-Волховской ветке».

Прочел статью генерал-майора Федюнинского об окончании Волховской операции Н-ской армией. Немцы силами трех пехотных и двух мототанковых дивизий намеревались окружить ее. Была острая борьба у Волхова, затем у Шума. Наш контрудар — применение нами лыжных батальонов... С 18—20 декабря начато наше наступление. Противник разгромлен...

Сейчас начинается новая операция, видимо, во взаимодействии с ленинградскими частями и армией Мерецкова...

В городе холодно. Ходят немногие трамваи по нескольким линиям.

На Васильевском острове у спекулятивного рынка толкучка — с рук на руки валенки, спички, папиросы... Неумирающая «коммерция».

...В общежитии школ и вузов похудевшие учащиеся готовятся к экзаменам, мечтают о новогоднем обеде.

*2 января 1942 года.
(195-й день войны.)*

В стране заканчивается цикл всеобщего обучения¹ граждан от шестнадцати до пятидесяти лет по 110-часовой программе (с 1 октября 1941 года по 1 января 1942 года).

В частях Ленинградского и Северо-Западного фронтов идет развертывание снайперских курсов. Есть ряд бойцов и командиров, у которых на личном счету до ста и более истребленных фашистов.

Две девушки — делегатки от Ленинградского дома Красной Армии — принесли мне новогодние подарки... Девушки эти — ученицы седьмого и десятого классов.

Рассказывали:

«Мороз сегодня страшный, но ничего, мы все подарки разносим по госпиталям... Есть госпитали, где холодно... Раненые дрожат... Мечтают вернуться на фронт...

Мы учимся! И хотя холодно, но все теперь повеселели — ведь прибавили хлеба до 250 граммов, а это значит — можно два раза в день есть. Кроме того, суп в школе стали давать без карточек. Мы молодые, здоровые, бегаем по городу. Одна старушка показала нам, где ваш госпиталь. Я, говорит, доведу вас. А мы так медленно идти не можем. Поблагодарили и вперед побежали. А старушка кричит нам вслед: «Быстро бегаете, видно, хорошо покушали». (Смеются девушки.) И к бомбам мы привыкли. Рядом с нами дом разбилось, и в сад, и в фонтан во дворе осколки попали. Когда на Артиллерийском переулке бомба разорвалась, наш дом закачался, трюмо разбилось, комод упал, — страшно было. Мальчишки наши зажигательные бомбы руками хватают, тушат. У одного вся кожа в ожогах, но бомбу потушил. Мой отец шел по улице, а бомба-зажигалка у его ног упала, чуть не убила... А вы литературное что-нибудь сейчас пишете? Мы вас часто по радио слушаем. Мы вам принесли подарки, но вы нас не угощайте. Нет, кушать мы не хотим, спасибо, спасибо. Вы к нам в ДКА² приходите».

¹ Военного.

² Дом Красной Армии.

Но все-таки бутерброды девушки съели... Курносые, милые... В нашей ленинградской жизни много тяжелого, но сколько светлых, радующих встреч.

Пришли Тарасенков и Михайловский. Усталые... В доме, где работает группа, лопнули трубы, холодно и нет света. Все ходят на ощупь — темень. Нет ни свечей, ни керосина. Я рад, что группе дали третью категорию питания, — несколько больше мяса, приварка.

Второй вечер без света. Госпиталю трудно, нельзя делать операции. Санитары разносят завтраки и ужины в темноте, все проливают и нервничают. Мало свечей, горят коптилки. Электростанции «салятся» из-за нехватки топлива. Ток дают в первую очередь хлебозаводам. Последняя фаза осады, видимо, самая тяжелая, хотя нет бомбежек и прибавлен паек: люди едят два раза в день — чай, суп и по 100 граммов хлеба, хотя суп не у всех...

Заходил ко мне краснофлотец, товарищ Люля с «Кирова» (раненый из соседней палаты). Я ему отдал подарки, полученные от Дома Красной Армии, — морячку они нужнее...

*3 января 1942 года.
(196-й день войны.)*

Наступление Красной Армии продолжается...

Я бы хотел, чтобы после войны был создан памятник всем молчаливо умершим ленинградцам... Умирают главным образом мужчины, утомленные годами труда, былыми фронтами и болезнями.

Днем слышна канонада. Идет наше наступление. По вечерам слышится далекая пулеметная стрельба (очевидно, в районе залива). За последние дни с Ленинградского фронта прибыло много раненых. Наши наступают на укрепленные позиции у Поповки и на других участках. Видимо, это сковывающие удары, а охват и главный удар ведут армии Федюнинского и Мерецкова.

Сильными авиаштурмовками мы громим немецкие позиции и их железнодорожные пути. Станции Т., Л. и др. Что это? Тосно, Любань или Луга? Эвакуация гражданского населения временно приостановлена. Видимо, автотранспорт занят военными перевозками.

Вести из Москвы. Немцы подходили к городу близко, но битва была выиграна мудростью командования, упорством войск и при-

менением пушек «Раиса Семеновна», уничтожающих живую силу со страшной убойностью. Об их действии ходят всякие рассказы...

Город живет хорошей жизнью, функционирует кино, рестораны (мясо по талонам). Идут концерты. Метро до восьми вечера, будет скоро работать до двенадцати, так как осадное положение смягчается.

Во время одного из налетов немцы сбросили бомбу на здание ЦК. За пять минут до этого почти все ушли в убежище. *Среди оставшихся был А. Афиногенов¹ — погиб.*

В городе мало следов разрушения. Здания быстро ремонтируют и восстанавливают!

Цены на продовольствие растут.

*4 января 1942 года.
(197-й день войны.)*

Наступление продолжается. На Юго-Западном фронте много трофеев. Уничтожено более десяти тысяч немецких солдат и офицеров. Трофеи Кавказского фронта с 25 декабря по 2 января: взято много складов, сотни орудий, пулеметов и т. д.

По радио — передовая «Правды» от 3 января о том, что фашисты, отступая, оставляют нам «зону пустыни»... Уничтожать фашистов, уничтожать нещадно!

Иностранные обозреватели считают: что бы ни предпринял Гитлер — удар на Турцию, удар через Испанию, удар на Мальту, — все равно дело решится в общих больших битвах в России и на Атлантике.

В 4 часа 25 минут дня я уехал из госпиталя. Хватит... От дистрофии не умер, как это бывает сейчас так часто со многими мужчинами в Ленинграде.

Сугробы, сумерки. Холод, тишина, иногда нарушаемая гулом выстрелов. На саночках из последних сил тянут умерших родителей дети, а детей — родители. Замерзшая Нева, любимый город, один вид, одно имя которого вызывает трепет счастья и гордости. Корабли, Адмиралтейство, Зимний, Эрмитаж, Марсово поле. Ни единого трамвая, почти нет машин. Сугробы, ледяные наросты на тротуарах, забитые фанерой окна. И в этом северном, застывшем городе — живая кровь питерцев. Это здесь родилась Революция! Мы покажем и врагам, и друзьям, и нейтралам, кто такие питерцы, русские, советские.

¹ Писатель.

...Нет слов, нет сил передать все страдания города. Но не время сейчас их описывать. Запомним все, сохраним в душе — до часа расчета с Гитлером!

Страна знает о том, что переживает Ленинград. В северных городах, когда приезжают из Ленинграда эвакуированные слабые женщины и дети, — на них благоговейно смотрят, приветствуют, встречают. На вокзалах, в буфетах ленинградцам все дается вне очереди, даже если приходится отказывать командирам РККА.

Приезжие из Москвы передают о глубоких чувствах к Ленинграду.

При последней эвакуации некоторые командиры отдавали свой месячный сухой паек семьям, а сами ходили голодные, нервные, молчали, терпели... Но рядом с великим видишь и низкое: спекулятивный рынок. На холоде топчутся люди, что-то меняют, продают. (Хлебом торгуют по пятьсот рублей за килограмм.)

Однажды моим близким сказали: «Вишневецкий по радио выступит, — на неделю зарядку даст». И тут же реплика: «А ну самого бы его на сто двадцать пять граммов посадить. Так ли бы он заговорил?» (Это как раз тогда, когда я свалился от дистрофии.)

Прохожу мимо Апраксина двора. Дома без стекол, все застыло. В Пассаже нормально идет торговля, хотя и без света. Горят копилки, лежат вологодские кружева, детские игрушки, за прилавками стоят продавцы, где-то играет патефон — это продают пластинки. В продаже уже нет ниток и иголок, но еще есть шелковые ленты, детские носки и др.

Тока в городе нет, частично дают заводам. Автотранспорт стоит...

После некоторых успокоительных сообщений от 24 декабря опять сильные обстрелы.

По Фонтанке бегут люди, падают, зарываются в снег... Артиллерийский шквал длится минут пятнадцать и прекращается. Разбита автомашина, лежит убитый старик, бегут санитары...

Выезд машин «скорой помощи» — своего рода экспедиция. Мороз, горячее сомнительное, тьма и плохие дороги — сугробы, лед. Коммунальное хозяйство Ленинграда почти парализовано. Водопровод в большей части города не работает. Канализация повреждена. Трамваи, автомобили стоят. Тьма... Разбитые и подбитые дома пока не восстанавливаются — нужны огромные средства на ремонт.

*6 января 1942 года.
(199-й день войны.)*

Утром слушал сводку. Успехи в Крыму, есть трофеи.

12 часов 30 минут. Днем город выглядит значительно лучше.

Толпа движется быстрее... На улице попадаются контрастные типы: то бледные, серо-землистые, отечные, одутловатые лица, то рядом розовощекие девчонки, крепкие женщины, пахнущие здоровьем. Кто помогает им, мужа или любовники?

Ободранные киоски. Кое-где вмерзшие в снег троллейбусы с выбитыми окнами; оборванные провода. На колоннах Исаакиевского собора — выщербленные следы от осколков. Афиша — «Любовь моряка»; извещение о переучете начсостава запаса. Кое-где чистят тротуары, скалывая метровые ледяные глыбы.

В Военно-морском издательстве и его типографиях, несмотря на большой процент больных и умерших, план выполнен (за декабрь) на 80 процентов: бумагу возят на саночках сами сотрудники, печатают вручную. В типографиях стынет от холода краска, но ее кое-как разогревают и работают... Святые люди!

Поезда по Северной железной дороге идут до Войбокало. На Ладоге к нашему транспорту добавлено шестьсот немецких трофейных автомашин...

*7 января 1942 года.
(200-й день войны.)*

С утра надо «раскачиваться». Необходимо волевое усилие. Встал, оделся... Прочел несколько газет. Побеседовал с товарищами. Со скрежетом зубным побрился (холод). Выросла щетина, уже кое-где прут седые волосы. Мои ребята держатся, пустили мы в ход лозунг: «Все с улыбкой!»

7 часов вечера. Еду в 3-й военно-морской госпиталь для беседы с ранеными моряками. В последние дни на Петроградской стороне было восемь бомбежек и пять артобстрелов. Госпиталь подвергся многим бомбежкам. Пали бомбы и во двор. В ста пятидесяти метрах от госпиталя упала бомба в одну тонну, но, к счастью, не разорвалась. Ее извлекли: бочкообразная, сто двадцать пять сантиметров высоты. Стоит отметить интересный с точки зрения военной техники факт: бомба упала на мягкую почву и поэтому не «отработала» (?). Стекла в госпитале все вылетели. Много осколочных попаданий.

Находящиеся в госпитале раненые все терпеливо переносят. Один из них мне сказал: «Я ранен, но воля моя к уничтожению врага, к победе — не ранена».

...Госпиталь пропустил более двух тысяч человек. Процент смертности меньше 1 процента; возвращающихся в батальоны выздоравливающих — 65 процентов, остальные — в части. Инвалидов — до 5 процентов. Было два случая столбняка, спасли обоих бойцов. Врачи работают с исключительным рвением и патриотизмом, движимы одним желанием — вернуть в строй максимум бойцов, спасти максимум жизней!

В госпиталь лег лейтенант с шестнадцатью ранами. «Со мной дело кончено...» Выходили...

Даже больные, истощенные врачи все-таки работают. Скоро им дадут госпитальный паек.

Несколько раненых спекулируют своим пайком — продают санитарам сахар по три рубля кусок, хлеба сто граммов за тридцать рублей. Один санитар скупал. Все пошло под следствие. Что за варианты быта! В госпитале отобрали несколько колод карт... Несмотря на беседы, библиотеку, кино, шахматы, нашлись спецы-«банкометы». Когда их обнаружили, просили об этом в аттестат не писать. Со слезами умоляли: «Не пишите — сообщат родным».

Многие мобилизованные врачи переквалифицировались на хирургов. Идет научная работа, защита диссертаций и даже изучение иностранных языков.

Тихо... Тлеют дежурные коптилки, кто-то из раненых стонет. Во всем великое упорство, люди держатся.

Зашел к товарищу Лаганскому¹. Едва сдержался... Это — полумертвец. Восковое лицо, худоба невероятная. У него ужасные боли. Говорят, что у него рак желудка. Дружески побеседовал с ним о ходе дел на фронте, о литературных делах... Еремушка оживился... «Но что же от меня осталось?» Надо его перевести в Свердловскую больницу, в терапевтическое отделение, — на молочно-масляную диету. Напишу об этом просьбу начальнику Санитарного управления КБФ.

*8 января 1942 года.
(201-й день войны.)*

Наступление продолжается.

После обеда побывал в штабе. Вице-адмирал Грен² просит сделать закрытую беседу с артиллеристами, у которых сконцентрирован огонь Ленинграда.

¹ Писатель.

² Начальник артиллерии КБФ.

Беседовали о писателях.

Я рассказал кое-что об Эренбурге. У меня к нему прочное отношение.

Иду на радиоузел. Солнечно, мягко, морозно. Прелестное розово-голубое небо. Ближе к Фонтанке рвутся снаряды.

На радиоузле было более трехсот человек сотрудников — редакторы, техники, хор, оркестр и т. д. Из них более двадцати человек умерли и до пятидесяти человек больны. Радиоузел задымлен (буржуйки). В подвале холодно. Были дни, когда радиоузел выключался из-за отсутствия подачи электроэнергии. Сейчас дали отдельный канал. Бывали спады. Но радио вышло на первое место по политическому влиянию и широте охвата аудитории. Газеты отстают на два-три дня и более (хромает экспедиция). Москву слышно плохо. Помехи. До трех четвертей московского материала пропадает. Дикторы усталые, замерзшие. Они начинают работать с шести часов утра. Едят соленые котлеты из жуткой требухи. Нет специального питания. Сохранить бы эти кадры!

На улице видишь главным образом тех, кто сильнее, кто может двигаться, действовать... А сколько людей отлеживается...

Надежды на начало января не оправдались: Н-ская армия не смогла взять Красное и Пушкин. Но жмут армии Федюнинского и Мерещкова...

Улучшенное спецпитание:

Утром — кипяток и 100 граммов хлеба.

Обед — вода с двумя ложками соевых бобов, фарш — требуха (50 граммов), без хлеба.

Вечером — 100 граммов хлеба и кипяток.

В Ленинграде находятся два наркома: топливной и пищевой промышленности. Организуют доставку грузов.

Был на Василеостровском (спекулятивном) рынке. Удивительное впечатление... У здания рынка — густая толпа. В руках ломтики хлеба, бутылочки с машинным маслом, свечи, спички, кусочки дуранды, картошек, сахару. Идет натуральный обмен. «А за деньги?» — «Вы смеетесь, у меня дети больны». Многие держат носильные вещи.

Экономику подобного рынка надо ближе изучить. Здесь цены, эквиваленты, котировки диктует осадный быт. Это какие-то

странные остаточки частного рынка в великом Ленинграде в дни блокады.

*9 января 1942 года.
(202-й день войны.)*

Холод... Более 20 градусов мороза...

Днем полтора часа длился обстрел Зимнего и Адмиралтейства.

Немцы подтягивают резервы к Тосно, но и мы готовим удар.

Работал целый день в Политуправлении над книгой «Подплав». Закончил, и это итог — с ноября по январь. Книга вышла. В ней есть история и живые записи, эпизоды и атмосфера морской войны...

На одном из участков, занятых морской бригадой, немцы на этих днях начали наступление. Они применили огневой вал, сильный минометный огонь. У морячков землянки и блиндажи занесло снегом. Под сильнейшим минометным огнем они сидят, курят, ждут... Немцы пошли двумя волнами, вплотную. Наши сидят, ждут. Когда немцы прекратили вал огня, чтобы не поражать своих, наши вылезли из землянок и блиндажей и пошли с пятнадцати метров в штыковую контратаку, перекололи всех...

*10 января 1942 года.
(203-й день войны.)*

Наступление продолжается.

Холод, туман... Иду через замерзшую Неву, по льду, мимо «Ермака», в Политуправление, на совещание и семинар редакторов многотиражек.

Прочел «Красную звезду» от 1 по 6 января. Есть хорошие статьи о штурме Керчи и Феодосии, об обороне Севастополя.

2 часа дня. Доклад вице-адмирала Грена об анализе опыта войны (записываю).

«Иметь исправное оружие» — вот лозунг для агитации и пропаганды. В основном наше артиллерийское оружие не давало осечек и отказов в операциях. Огромна роль артиллеристов в ближайших операциях на Балтийском море. Упор на *плавающий флот!*

Первыми пойдут тральщики и катера МО («морские охотники»). Надо образцово подготовиться. Наш военный театр очень тяжел. Противник обильно использует мины, бродячие, вахтенные, подвахтенные, обычные и пр. Во всех случаях наши катера

делали успешные десанты. Очень ценна роль катеров в разведке, в дозорах, для связи и т. д.

Необходим учет состояния оружия, предупредительный ремонт. Всегда знать, что нужно сделать, что поправить, не допускать до заводского ремонта и выхода кораблей из строя. Все делать самим. Надо помогать заводским мастерам, а они будут руководить корабельными специалистами... Надо экономить во времени, материалах, сроках; беречь цветной металл, ветошь.

Не перегружать оборонную промышленность.

...По-новому надо ставить вопрос с доставкой материала. Бензина, машин, смазки не будет — тяните сами на саночках... Не должно быть аварий. К виновным будем применять жесткие меры. *Лозунг об исправном оружии исключает аварии.* Береговая оборона выдвигает встречные планы: сделаем ремонт на месяц раньше. У нас уже есть навыки, есть морозоустойчивая смазка новых типов, а немцы в условиях мороза стреляют плохо. Ремонт надо вести одновременно с учебой. Не сбивать ремонтном оперативных планов. Боевые задачи не только не сняты, но, наоборот, все должны быть в первой линии, включая и «Октябрьскую революцию».

В любой момент должны стрелять! Надо изучать опыт войны, продумывать действия артиллерии и анализировать самые различные виды боевой и технической деятельности. Не ждите, анализируйте, выдвигайте новые мысли. Подсказывайте свои предложения конструкторам. До пятидесяти таких предложений уже нами отправлено. Надо совершенствовать тактику и строить новые корабли. Учитывайте, изучайте приемы противника...»

На замыкание *кольца вокруг немцев под Ленинградом* уйдут месяцы...

Нами окружен Ржев!

Обстановка. К осени у нас был семисоткилометровый фронт обороны от Калинина до Орла. У немцев же пять пунктов прорыва, концентрация огромных сил и удар на двадцатикилометровом фронте! Инициатива была у немцев, но они быстро сдали! Речь Гитлера от 3 октября — фашистская шумиха. Не имея возможности выступить 7 ноября на Красной площади (мечта его не сбылась!), Гитлер выступил 8 ноября в Мюнхене: «Наша цель была разгромить противника и захватить все промышленные центры». Какая чепуха! Не удалось! Сейчас германская пропаганда скисает. Они стали писать о трудностях и 21 декабря признались в том, что противник *превосходит* германскую армию и *численностью и вооружением!*

«Опаснейший из врагов» — так названа ими Красная Армия.

Призывают к сдаче вещей — их запасы обмундирования недостаточны.

Геббельс 24 декабря сказал: «Война научила нас покорности року» (!). Как сбавил тон! «Солдаты ведут ожесточенную борьбу за существование своего строя. Снег, голод, отсутствие снаряжения». Вот как заговорил Геббельс. «Нельзя делать ответственными за войну государство или партию. Войну ведет весь германский народ». Уже спихивают с себя ответственность и ищут выходов.

«Русские проявляют нечувствительность к потерям. Ежедневно прибывают новые русские войска. Дисциплина советских солдат одна из причин сопротивления» (так пишет Зольдан в обзоре «Война на Востоке»).

*11 января 1942 года.
(204-й день войны.)*

Надо зайти на выставку в Ленинградский союз художников по приглашению художника Серова.

Иду на «утренник» для ленинградской интеллигенции. Солнце. Морозно. Все бело от инея. Русский музей, зияющие дыры выбитых окон словно кричат: «Смерть, мсть!» Отверстые уста города...

Прекрасный город! Лед и камни на каналах. Бегу по морозу, мне хорошо. Я счастлив, что я в Ленинграде, на посту и делаю свое дело. На ходу обдумываю речь к ленинградской интеллигенции... Отчет о действиях Балтийского флота и гимн Ленинграду, *городу-герою*, — вот о чем я сегодня буду говорить.

На Мойке, 20¹ — холодина, но публики полно. Огромный зал, сверкает орган, бледно-зеленые стены, люстры... Кажется, слышишь музыку последних концертов.

Снял шапку и говорю свою речь. Внимательно слушают, перебивают меня глухими аплодисментами. (Глухими потому, что руки людей в рукавицах, в теплых перчатках.)

Говорил горячо... После меня читает стихи Прокофьев. Он в шапке-ушанке, в шинели, с полевой сумкой через плечо.

Пришел Николай Тихонов, он тоже в форме. Тут же готовятся к выступлению художник Серов и Кетлинская.

Ко мне подходят, меня спрашивают:

— Как вы себя чувствуете, товарищ Вишневский?

— Я сегодня видел Ленинград и солнце и чувствую себя хорошо...

---

¹ Зал Ленинградской капеллы.

Сильно читает Тихонов о гвардейцах Красной Армии, о Москве и Ленинграде — двух богатырях.

Идем в Политуправление обедать: гороховый суп, немного каши с консервированной рыбой. (Пять ломтиков хлеба. На день.) Света нет.

Неожиданно мне сообщают, что С.К. вылетает в Ленинград... и через несколько минут мне сообщают о том, что она... уже в «Астории» (!). Дозвонился к ней. Поговорили. Дрогнуло что-то внутри — С.К. приехала...

Иду в «Асторию». Встреча... С.К. страшно похудела: потеряла семнадцать килограммов, появились морщинки, седые волосы.

Весь вечер несколько беспорядочно, нервно беседовали, сыпались расспросы мои, ее и Толи.

В Москве были трудные дни: бомбежки в июле—октябре, пожары. У нас на Лаврушинском переулке ряд разрушений от попаданий бомб. Рядом с нами разрушена школа, разбит телеграф на Ордынке. Бомбы попали во флигель у нас во дворе и во внутреннее крыло дома. В моей квартире обвалились две стенки и дважды вылетали стекла. К приезду С. К. в Москву — пустая квартира, с выбитыми стеклами, была вся занесена снегом. Трубы отопления лопнули. Но в квартире все цело.

Быт в Москве военный. В редакции «Правды» весь коллектив на казарменном положении. С. К. привезла мне душевные письма из «Правды» от товарищей Емельяна Ярославского и Л. Ф. Ильичева.

О Ленинграде думают, заботятся. Посланные нам из «Правды» и из Наркомата Флота посылки, к сожалению, не дошли, пропали. А в них было пять килограммов шоколада (!), теплое белье и еда. В чем же дело? Это не первый случай пропажи посылок. Либо гибнут отдельные самолеты, либо в промежуточных инстанциях похищают посылки.

С. К. говорит, что часть художественной интеллигенции Москвы не проявила себя по-настоящему; что, когда в Казани ожидалась возможные налеты, некоторые товарищи-литераторы дали тягу в Среднюю Азию... Стыдно... Все это мне неприятно...

Я смотрел рисунки С. К. — военная Москва и казанский быт. Особенно удачна акварель «Ночная бомбежка Москвы». Так же, как и у нас: кольцо пожаров, лучи прожекторов.

Был контужен в нашем доме, на пожарном посту, И. Сельвинский. С. К. тоже была задета взрывной волной.

Под Киевом, в окружении, трагически погибли Лапин и Хацревин. Долматовский жив, его стихи печатаются в «Комсомольской

правде». Кинематографистов из Москвы перевели пока в Алма-Ату.

...Мне не очень хочется все это записывать, но долг летописца и свидетеля обязывает меня...

*12 января 1942 года.
(205-й день войны.)*

Мороз по-прежнему 25—30 градусов. К двенадцати иду в группу. У меня в рабочей комнате замерзли чернила... Обмакнул перо — оно стукнулось о черно-фиолетовый лед... Так... Машинистка все-таки перепечатала книгу о Подплаве. Даем ее в Политуправление.

Ленинградцы продолжают работать. Попьют кипяток с кусочком хлеба и бьются дальше за жизнь, за победу. На улице встречаются до невозможности закутанные фигуры. Мороз обжигает лица. Ко мне подошел на Васильевском острове один краснофлотец: «Товарищ бригадный комиссар, у вас белая щека». Оттираю ее снегом...

Торопливо бегут люди через Неву. Краснофлотцы тянут саночки с углем. Проезжают грузовички с кислым запахом странного горючего.

Отправили сестру жены Азарова. Я ей достал путевку через Ладогу. Послал немного еды и шутивную записку: «Пожалуйста, живите». Это боевая машинистка Октябрьского райкома, активистка, но силы начали сдавать. Зачем ей умирать, пусть уезжает.

Мороз сковывает не только немцев. Мы шутим, что он начинает «и своих хватать». Вспоминаю дни финского фронта, тяжелые сорокаградусные морозы.

Видимо, январь—февраль будут новыми критическими днями Ленинграда. На митинге интеллигенции ко мне многие подходили с вопросом: «Сколько еще ждать до прорыва блокады?» Я отвечал, мягко давая понять, что на два-три месяца нам надо запастись терпением и действовать, а если будет нужно, будем терпеть еще и еще — до конца, до победы.

Россия благословенная, родная, наша, великая, вечная, храбрейшая!

Обед у флагманов: жидкий гороховый суп, два ломтика черного хлеба с какими-то примесями, каша.

Доложил замначальника Политуправления: «Мы в полном порядке, но чернила отказывают — замерзают. А писатели без чернил не могут работать».

В Москве для нас стараются, думают о нас. Народный комиссариат Военно-Морского Флота включил меня в список «68-ми» на специальное снабжение и пр. Мне не надо, — я хочу жить наравне с коллективом.

С Англией еще будут разговоры. Пока что она шлет приветы и выжидает. Где же Второй фронт? Пока только обещания на 1943 год.

Общее настроение в Москве оптимистическое, бодрое. На Западном фронте идет большая наша операция... Иностранная печать следит за нашими действиями с большим интересом.

Да, мы переживаем единую всечеловеческую трагедию. Как найти силы для ее изображения?.. Все в огне, в скрежете и иступлении. Но из этого родится новое.

Пришла в голову мысль: когда-то Ленинград назывался Санкт-Петербург — святой. Да и теперь святой, но *по-иному*, город.

В «Астории» света нет. Поел хлеба и московской курицы.

Пришли газеты за 9, 10, 11-е, но читать нельзя, так как нет света, а достать огарок невозможно.

*13 января 1942 года.
(206-й день войны.)*

Холодно, туман. На фронте Н-ской армии затишье, части понесли потери, устали... Одна из дивизий армии лихо действует в тылу немцев. Захватила новогодний автообоз с продовольствием.

На пути наступления — сожженные фашистами села, могилы. Дороги скверные.

Армия генерала Мерецкова получает пополнения, но немцы упорно держатся на железнодорожных узлах Кириши — Чудово и др. Укрепили железнодорожную насыпь и покрыли ее сетью дотов и дзотов. Брать их трудно. По-видимому, Ленинграду надо запастись терпением.

Главный удар сейчас наносится на Западном фронте. Там идет большая операция.

Один пленный немецкий офицер показал: «Мы поражены, как держится Ленинград; по нашим сведениям, продовольствие у вас должно было кончиться два месяца тому назад».

Очередной подсчет германского «планирования».

С. К. была принята начальником и замначальника Политуправления. Хорошая беседа. Ее зачислили в оперативную группу писателей. Начальник ПУ сказал ей: «Вы храбрая женщина, но у

нас нет хлеба, воды, света». Она ответила: «Я все это знаю». Потом С. К. рассказывала им о Москве.

Написал требование о предоставлении группе теплого помещения, печки, дров, так как приказание начальника ПУ уже имеется. Сегодня улучшенный обед: вместо воды с горсточкой крупы свекольный борщ! (С доплатой — 3 рубля 76 копеек.) На второе — чай. Ужин стандартный.

Правительство заботится о Ленинграде, продовольственное положение будет улучшаться. Задача — скорее завезти продукты по Невской ветке Октябрьской железной дороги с Осиновца. Самые трудные дни позади...

Говорят о взятии Мги. Сколько раз ее уже «брали», «окужали»...

14 января 1942 года.
(207-й день войны.)

Позавчера 28 градусов, вчера 26 градусов, сегодня 32 градуса мороза...

Сегодня с утра горит Гостиный двор. Весь фасад почернел. Языки пламени, клубы дыма. Пожарные рукава замерзают на ходу.

Вчера на лед Финского залива вышли две роты немцев, с орудиями, но были немедленно уничтожены Кронштадтскими фортами.

По КБФ в партию вступило 5127 человек за полгода войны. Большой приток!

Иду в «Асторию». В городе ряд пожаров. Диверсии или от небрежности при топке *буржук*. Зарева...

Все в хмуром холоде. Каждый раз останавливаешься и глядишь на застывшие в снегу автобусы у Гороховой улицы и на площади Труда. Все так привычно и, несмотря на это, *каждый раз заново впечатляет*.

Вечером стрельба. Пили при свече шиповный чай. Дозвониться к В. Инбер не удалось, а у С. К. для нее письма и пр.

15 января 1942 года.
(208-й день войны.)

Потеплело — 13 градусов.

Радио нет, газет нет. С 11 января не было матриц «Правды» из Москвы. На Западном и Южном фронтах такое значительное наступление, а у нас нет сведений.

Нет света, так как электроэнергия идет в первую очередь на хлебозаводы, военные заводы, в госпитали. Сегодня в городе выдан хлеб почти без примесей. Висят объявления о выдаче продуктов на январь. (Нормы: по 100—200 граммов.)

Наконец (!) мы получили комнаты в ПУ и начали их оборудование.

Днем возобновились радиопередачи.

Слушаем Москву: продолжаются активные действия наших войск; Красная Армия будет без передышки продолжать наступление, очистит захваченные советские земли...

Сделал записи о действиях морских бригад во время войны. Много великолепных примеров героизма.

В ленинградских газетах за 14 января объявлено о награждении шестисот семи ленинградских рабочих и инженерно-технических работников за успешное выполнение оборонных работ и выпуск вооружения.

Объявлена перерегистрация продовольственных карточек. Надо избежать злоупотреблений, выдачи на «мертвых душ» и пр.

Зашел к артиллеристам. Немцы обстреливают Ленинград и Кронштадт из 6- и 8-дюймовок. К зиме подтянули французскую тяжелую батарею на железнодорожных платформах; ее не раз засекли наши разведчики. Она действует из Кингисеппа, подтягиваясь на отдельных участках и быстро исчезая.

У нас работают отличные морские¹ бронепоезда и транспортеры. Управление всем морским огнем строго централизовано. Связь четкая. Хорошо стреляют корабли, неплохо форты, хуже железнодорожные батареи. Есть лихие бронепоезда.

Немцы сидят на пайке в пятьсот граммов хлеба, при скудном приварке. Грязные, вшивые. Числа пятнадцатого декабря одна группа немцев начала атаку на морскую бригаду, стреляя из автоматов куда попало. Их перебили. У убитого обер-лейтенанта нашли карту с точным обозначением наших позиций. Мертвые фашисты лежали в русских сапогах, в краденых шарфах, шалиях. Недавно группа немцев и финнов пошла в белых халатах в налет на один из Северных кронштадтских фортов. Из-за метели потеряли ориентировку и вышли к нашему ораниенбаумскому берегу, попав под жестокий огонь батарей, немедленно их обнаруживших. Почти всех перебили, шестнадцать взяты в плен.

¹ Находящиеся в ведении Военно-Морского Флота.

16 января 1942 года.
(209-й день войны.)

Методически идет наступление на Западном фронте. Взято Селижарово: направление на Великие Луки — Полоцк — Двинск... Есть крупные трофеи за период с 6 по 15 января.

В нашей столовой тьма. Ел сухарь и треску...

Редактирую брошюру А. Зонина¹ о линкоре «Октябрьская революция».

Был комиссар Красной Горки и просил приехать к ним, осветить обстановку. Запишу это на начало февраля.

Положение с продовольствием, топливом, электроэнергией ухудшается. (Все сегодня на сухарях.)

Железнодорожники еще плохо работают, а грузы идут, и их ждут, как спасения.

У Н. Тихонова в квартире все живут в одной комнате. Дрова кончаются, начали топить мебелью.

К Тарасенкову на улице подошла девушка-студентка... Ей страшно было в темноте идти одной по Марсову полю. По дороге она ему рассказала: «Получаю пятьсот рублей, работаю в госпитале, там подкармливаюсь. Кормлю и родителей. Достала пять литров керосина...» и т. д. Вот стиль вечерней беседы с девушкой в январе 1942 года в Ленинграде.

17 января 1942 года.
(210-й день войны.)

Был военный художник Яр-Кравченко. Просит устроить его поработать у морских летчиков. Показал мне отличный альбом: зарисовки корпуса истребителей — серия портретов в реалистической манере.

Сегодня только 15 градусов мороза. После 32 кажется, что тепло. Болят помороженные щеки и подбородок. Но я в общем бодр. Стало уже трудно делать пешком два-три конца в день. Питание опять ухудшается. Пустой суп, немного каши. Не дают чая, а кипяток «не идет». Видимо, необходимы жиры, углеводы и белки...

От воспаления легких умер писатель Семенов — автор «Натали Тарповой» и ряда пьес.

Устраиваю группу в новом помещении. Сегодня некие типы взломали нашу дверь, утащили печку, весь запас папирос, пере-

¹ Писатель.

швыряли все рукописи. Не понимаю, откуда эти звериные инстинкты? Виновных обнаружили, составили акт. Все вещи водворили на место...

По Ладожской трассе идут грузы. В госпиталь пришли две трехтонки с продовольствием.

Работающие на производстве боевого снабжения получают триста пятьдесят граммов хлеба плюс семьдесят граммов хлеба и два раза в день горячую еду. (Нам нужен боезапас.)

Из типографий работают только типография Ленинградского фронта и газетный цех типографии имени Володарского.

«Правда» просит дать очерк (к Ленинскому номеру) о Ленинграде. Дам.

Усталость...

18 января 1942 года.
(211-й день войны.)

Отдохнул, выпался.

На Западном фронте захвачены две железнодорожные станции, кажется на ржевском направлении. Наступление идет замедленно; условия трудные, и весна будет безусловно трудная.

Сегодня мягкая погода. На улицах как будто оживление. У книжного киоска толпа. Берут книги. В ряде мест с витрин отдирают доски защитных прикрытий, «чтобы было тепло».

С памятника «Медный всадник» тоже сдирают доски с наружной эллипсовидной обшивки. «Ему не холодно, а нам будет по-теплей...»

У районных врачей очереди за бюллетенями. Неотложная помощь редко является из-за отсутствия транспорта.

Сегодня в нашем флотском хлебе — целлюлоза!..

С. К. входит в ритм нашей жизни. Подголаживает, но бодр.

Вечером пошел в «Правду». Не был в Ленинградском отделении месяца два. Привычная тьма, пятна голубых фар, темные силуэты на улицах, молчание... В переулке, у отделения «Правды», забор. Пробую найти калитку, кто-то кричит... Объяснили, что тут лежит неразорвавшаяся 250-килограммовая бомба. Отделение «Правды» переехало в подвал, рядом с машинным отделением. Это — бомбоубежище. Сыро, температура плюс 8—9 градусов. Но по современным нормам кажется, что уютно: горит свет, стоят столы, работают телефоны и радио. Лежат свежие номера «Правды», «Красной звезды» (от 17 января). Рабочие из машинного отделения обступили меня, спрашивают: «Когда прорвут блокаду?»

Отвечаю: «Надо подождать, упорно действовать». (Я в быстрые прогнозы уже не верю.) Товарищ Воронов¹, исхудавший, несколько глуховатый, сидит у печки и подбрасывает в нее бумагу — типографские отходы.

— Всеволод Витальевич, как вы оцениваете положение Ленинграда?

— С точки зрения общего хода войны Ленинград выполнил свою задачу. Он устоял, остановил двадцать—двадцать пять немецких дивизий, размолот до трехсот тысяч немцев, обеспечил эвакуацию ценного оборудования и кадров. Сохранен Балтийский флот, Кронштадт, — сохранена огромная мощь города-крепости. Силы на прямой контрудар у истощенных войск самого Ленинграда недостаточно. Решение, мне кажется, должно прийти от армий Северо-Западного фронта: фланговых ударов и перехвата немецких коммуникаций. В свою очередь, и эти операции имеют подчиненный характер. Главный удар наносится Западным фронтом; его успех выводит нас за Смоленск, на Витебск — Двинск, выручает Ленинград. Немцы это ясно видят, их тревожат именно правый фланг и их тылы. Я твердо верю, что совместные усилия, стойкость Западного фронта, Ленинграда и Северо-Западного фронта дадут успех. Да, еще умрет в городе некое количество людей. Жертвы неизбежны. *На обстановку надо смотреть не с «городской» точки зрения, а с всесоюзной и мировой.*

Ладожская ветка железной дороги передана военным частям. Поток грузов с 300 тонн увеличился до 1800—2000 тонн.

Старожилы говорят, что голодные 1918—1920 годы были «детскими игрушками» в сравнении с этой осадой Ленинграда.

Читаю очерки и корреспонденции в номерах «Красной звезды» от 15, 16, 17 января. Весьма интересно. Дается картина наступления Западного фронта; преследование немцев! В отдельных случаях в окружение попадают группы по пять немецких дивизий (район Можайска). Наши настойчиво продвигаются вперед. Не давать немцам оторваться, переформироваться и т. д. Гнать, сбивать их!

«Зимой 1942 года мы должны обескровить врага, разгромить все его старые и свежие полки и дивизии, положив этим основу нашей полной победы...» (Передовая «Красной звезды» от 15 января 1942 г.)

Меня радуют уверенные приемы наших войск. Драться умеют первоклассно!

К весне, несомненно, надо ждать новых технических средств — «новинок» германской армии. Уже есть сведения о «Мессершмитте-210», о новых бомбардировщиках. Но будут новинки и у нас!

¹ Сотрудник Ленинградского отделения «Правды».

Смещения, чистка и тому подобные меры среди генералитета Германии приняли широчайшие масштабы. Вся офицерская каста, вся головка офицерского корпуса — под ударом Гитлера. Геббельс в газете «Das Reich»¹ пишет: «Война с СССР в данный момент вопрос жизни или гибели».

Было бы полезно *весной* нанести одновременно объединенными силами СССР, Англии и США удар по Германии, поднимая и все патриотические повстанческие силы Европы. Но, может быть, англичане и американцы предпочитают выжидать, посылая нам комплименты, «некоторую» часть снабжения и рассуждая о 1943 годе. Присланное ими медицинское оборудование, как говорят, *не отвечает нашим потребностям*.

Всю ночь до 7 часов 30 минут утра работал над очерком «Люди города Ленина». Писал с настроением, хотя мешали газетные требования и объем статьи.

19 января 1942 года.
(212-й день войны.)

По просьбе начальника Политуправления пишу приветствие трем гвардейским полкам морских летчиков. Там у меня много друзей — это полки истребителей, где я бывал еще в Таллине.

... Два наших корпуса идут на Сольцы — Псков. Немцы под Ленинградом должны быть отрезаны, окружены. Пора уже делать советские «Канны»!..

Был в Военном совете КБФ.

ВВС оборудуют аэродромы на островах Финского залива. Надо готовиться к весенним операциям.

Рассказали об обстановке:

Север. Стабильно. Через Мурманск, по новой железнодорожной ветке, идут грузы из Англии и США. В Финляндии сильнейший упадок, тяга к миру, на фронте редкая стрельба, пассивность противника. В финской прессе статьи о необходимости мира.

На Ленинградском фронте. Армия Федюнинского наступает на первую линию обороны немцев и уже взяла станцию Погостье на линии Кириши — Мга. Армия Мерецкова обошла Чудово и вышла на Ленинградское шоссе. Новые армейские группировки блокировали Старую Руссу и идут на запад, на Дно (Псков). Немцы роют укрепления на второй линии, затем на реках Луге и Нарве.

К немецкому фронту подброшены части одной дивизии из-под Амьена (Франция). Местами наблюдается деятельность разведчиков противника, артиллерийский и минометный огонь.

¹ «Дас райх» — немецкая фашистская газета.

Западный фронт. Продолжается наступление... В Можайском районе добивают сопротивляющиеся немецкие узлы. Сброшен весьма крупный парашютный десант на немецкие тылы... Видимо, новая битва в разгаре — она многое решит. Кратчайший путь на Запад — через Смоленск. Здесь германские дивизии должны быть измотаны и обескровлены.

Юго-Западный, Южный фронты. Бои за Харьков и Курск. Смерть генерал-фельдмаршала Рейхенау. Английская пресса говорит, что очередь за Клейстом, Леебом, Гудерианом и др. В Крыму наши десанты... Бои на джанкойском направлении...

Информация весьма интересна... Великая битва Германия — СССР все расширяется. *Успех на нашей стороне.*

Сделал в Доме партактива в 5 часов дня доклад на тему о сути истребительной войны. Хороший прием аудитории.

*21 января 1942 года.
(214-й день войны.)*

До 30 градусов мороза.

Ленинские дни.

Нами взят Можайск. *Мы выкинули немцев из Московской области!* Весь Западный фронт наступает. Бодрые, горячие очерки в «Красной звезде»...

Война переходит в новую фазу.

Смерти, исчезновения и смещения в германском высшем военном руководстве. В Германии прекращена демонстрация кинохроник с Восточного фронта. Фронтовикам запрещено писать мрачные письма в тыл... Полицейские, эсэсовские меры еще более усилились. Это уже серьезнейшие симптомы.

Англо-американская пресса говорит о провале германской стратегии, о возможности полного разгрома Гитлера Красной Армией...

Прочел английскую брошюру: интимные мемуары о быте Гитлера и его окружения — «Я была его горничной». Там есть некоторые материалы, которые могут быть использованы в агитационной работе. Что это за мир шарлатанов, убийц, патологических типов! Гитлеровское сборище!..

Мой очерк о Ленинграде послан в «Правду» самолетом, так как радиотелефонная связь с Москвой еще не налажена.

Сегодня фрицы «разбухались», стреляют по городу еще интенсивнее, чем обычно. Бьют по нашему району — Васильевскому острову. Уже брошено сегодня восемьдесят тяжелых снарядов.

Итак, мы в Морской академии, откуда товарищи теоретики удалились в город Астрахань, увезя с собой много военно-морских теорий, которые нам сейчас, на практике, приходится пересматривать и переделывать.

22 января 1942 года.
(215-й день войны.)

Семь месяцев войны.

Температура до 15 градусов. Пока тихо.

На Ладоге — движение! Все в огнях голубых фар; на тридцать пять километров тянется ледовая автострада, сделанная в неизменно короткие сроки армией и населением... Синие огни, регулировщики и т. д. Работает до двух тысяч и более машин.

Попытки немцев бомбить автостраду бесполезны: машины мчатся с большой скоростью, и бомбы в большинстве случаев уходят под лед — эффект слабый. Машин уничтожено за все время мало. На том берегу запасы грузов огромны. Главное затруднение — Осиновецкая ветка Октябрьской железной дороги: «скасиют» паровозы, нет угля, нет воды в водокачках и т. д. и т. д.

В авиации отлично поставлена боевая работа, истребители привычно бьют «юнкеров». Американские самолеты не одобряются летчиками. Они утврждают, что наши «маги» и «лаги» лучше. Блестяще работают «илы» — эти самолеты-звери терзают немцев.

Впечатления от зафронтовой¹ полосы: все кипит, все бодрит, строят и действуют... Словом, наш советский, здоровый быт. Это хорошо... Ленинградцы ждут *своего* дня... И у нас все закипит, только бы дождаться восстановления железнодорожной связи. Но ясно одно: вопросы решаются сейчас на Западном и Северо-Западном фронтах...

К 19 часам вызвали в Военный совет: надо в 9 часов вечера (21 час) выступить по радио — речь о городе Ленина.

Ленинградское НКВД просит выступить у них. Выступлю.

Уже два дня в Ленинграде нет газет. (Выбывают типографские кадры?) Пропали, таким образом, матрицы за 21, 22 января.

В Военном совете состоялось совещание о необходимости записи истории КБФ за период Отечественной войны. В противном случае мы забудем, упустим ряд фактов. Пока есть время (до весны), надо этим заняться. Силы и документы есть.

Надо обменяться мнениями, как подойти к делу...

---

¹ Имеется в виду территория за Ладогой.

...В результате выяснилось, что есть две точки зрения: одна — оперативно-научная, другая — популярно-политическая. Надо, чтобы командование дало четкий заказ.

Подытоживаю: мы положим начало большому делу. Одному человеку это не поднять. *Наша задача: сохранить для истории наши наблюдения, нашу сегодняшнюю точку зрения — участников. Ведь через год, через десять лет — с дистанции времен — все будет виднее. Возможно, будет иная точка зрения, оценка. Оставим же внукам и правнукам свой рассказ. Наши ошибки и победы будут уроками для завтрашнего дня.*

Нам нужны и летопись и иные формы записи: отдельные отрывки, монографии и т. п. Пренебрегать какой бы то ни было формой и сковывать себя одной определенной не надо.

Флот ждал в начале войны морских боев, а пришлось активно воевать на суше, параллельно ведя борьбу с ограниченными силами врага на море. Надо зафиксировать наш переход в Кронштадт (из Таллина)...

Надо написать «Историю Краснознаменного Балтийского флота».

Решено: 30 января каждому участвующему в составлении книги представить свой план-вариант, а затем мы уже сделаем общий план. Если мы сделаем неправильно, история нас поправит. Собирать материалы — обязать всех!

К девяти часам вечера еду на радио. На шестом этаже у пульта стоит камелек, вокруг него несколько женщин. Подходит небритый, грязный мужчина. Его ругают:

— Вода же есть, — пойдите помойтесь и побрейтесь. Противно. Ленинградцы не любят внешней опущенности.

Идут вечерние передачи... В студии очень холодно. Прочел речь-очерк с огромным подъемом. *Эти беседы с ленинградцами одна из высших моих радостей.* Как они слушают и как откликаются!

Когда нас спрашивают: «Когда же кончится блокада?», мы всегда отвечаем: «Надо держаться, надо упорствовать».

23 января 1942 года.
(216-й день войны.)

Вчера зашел в редакцию «На страже Родины» (по дороге из радиоцентра). Там есть электрический свет, но тут же запасные копилки и огарки. Поговорили об обстановке.

На кораблях с 22-го числа уже дают шестьсот пятьдесят граммов хлеба.

На людях — налет замкнутости, усталости, сдержанности. Не слышно смеха.

Как хочется простого, нашего довоенного быта; видеть людей здоровых, веселых!

Будет это!

Готовлюсь к новым докладам и обзорам. Интересные факты о деятельности артиллерии КБФ: с сентября по декабрь у моряков-артиллеристов было 2700 схваток, 700 ударов по огневым точкам противника, 404 подавления батарей и 72 случая уничтожения дальнобойных батарей противника. Отражено 200 немецких пехотных атак и 11 танковых. Рассеяно 32 мотоколонны.

В январе—апреле решатся многие вопросы... Опять Россия будет дело делать. Англия отмалчивается, ссылаясь устами Черчилля на то, что «целый год (1939—1940) она была в одиночестве» и т. д. Дело в прямой, грудь с грудью, драке. И тут — слово СССР. Интересно нам все-таки знать, где так называемые союзники? Где Англия с ее пятью-шестью миллионами солдат, с ее авиацией, с могучим флотом? Где США?.. Если Германия враг номер один, а это аксиома, то где же дивизии Англии и США? Пора их бросить с решимостью и в Европу.

Комсомольцы Ленинграда дают помощь флоту — на заводах объявлено шефство, собрали подарки и выделили пятьдесят пять человек для работы в морских госпиталях. У нас на КБФ тридцать тысяч комсомольцев плюс морские бригады. Надо их изучать. Есть «продовольственные» настроения, перерастающие в пессимизм. Недостаточно у нас в Политуправлении изучают внутреннюю жизнь масс... Надо следить за всеми ее проявлениями. Мало комсомольских собраний. Нужен анализ комсомольской жизни и работы за семь месяцев войны. Надо все это внимательно изучить. Брать информацию снизу.

Кронштадтские милиционеры и дворники собрали двадцать тысяч рублей на строительство тяжелого танка.

Работал над материалами к новым докладам...

*24 января 1942 года.
(217-й день войны.)*

Мороз до 36 градусов. Стекла замерзли совсем... Метель...

С кораблей доносятся звуки учебной боевой тревоги.

В городе прибавлен хлебный паек. Рабочим чetyреста, служащим триста, иждивенцам — двести пятьдесят граммов...

На Дальнем Востоке положение Англии и США ухудшается: Бирманская дорога, видимо, отрезается. Японцы вышли к Индийскому океану. Связь с Китаем, таким образом, подсекается.

Японские части упорно идут к Сингапуру и находятся в пятидесяти — шестидесяти милях от него.

Сводка. Войска Северо-Западного и Калининского фронтов продвинулись более чем на 100 километров. Пересекли главную коммуникацию немецкого Западного фронта: Великие Луки — Ржев, освободили 2000 населенных пунктов, истребили 17 000 фашистов, взяли большие трофеи.

Вчера зашел какой-то трусливый и хлопочущий тип. И это журналист? Говорил С. К.: «Зачем вы прилетели? Вы должны были не сюда ехать, а добиться, чтобы Вишневского перевели в Ярославль, в тыл КБФ...» Сукин сын!

Послал рукопись о Подплаве на отзыв. Ответил Ставскому на его хорошее письмо с приветом ленинградцам. Он пишет мне: «Ты обязан рассказать всему народу, всему миру об обороне Ленинграда».

*25 января 1942 года.
(218-й день войны.)*

Сильный мороз — схватывает сразу, слипаются ресницы. Солнечно... Люди идут на Неву за водой с ведрами, кастрюлями; везут ее на саночках домой, так как водопровод не работает. Сегодня не работают и телефоны. На Гороховой стоит огромная очередь закутаных людей — это очередь за водой. Здесь, видимо, еще работает водопровод. На Неве, выше Литейного моста, у проруби — очередь до семисот человек (тоже за водой). Все же у людей неистощимое упорство!..

Умирает один служащий: «Спасибо, родные, поддержали... Но я ухожу, ухожу...» Просто...

Лунная ночь. Иду с С. К. по Неве (с Калиевой на Васильевский остров). И в темноте люди тащат воду из Невы. А если у Шлисельбурга враг заразил ее бактериями?

Пожар вдалеке, где-то на Петроградской стороне. В последние дни сгорел ряд домов — из-за порчи водопровода нечем тушить. Погорельцы безропотно тянут куда-то на санках свой скраб.

26 января 1942 года.
(219-й день войны.)

Шестой месяц осады. Мороз до 15 градусов. В городе не успели выпечь хлеб — не хватает воды.

Виделся с начальником тыла КБФ товарищем Москаленко.

— Мерецков прорвал фронт, идет к Любани. В прорыв пошли танки и конница — уральские казаки. Противник упорно сопротивляется и увеличил число саперных частей на Ленинградском фронте. Дело освобождения Ленинграда идет, но потребуются не дни, не месяцы, а бóльшие сроки. Как ваше здоровье, поправились?

— Спасибо, действую...

В Политуправлении доложил о совещании писателей КБФ, назначенном на 6, 7, 8 февраля...

Читаю «Дневник поэта» Николая Асеева: невнятный его рассказ о годах во Владивостоке (1917—1922); споры вокруг «Лефа» и пр. и пр. Мои бывшие симпатии к Асееву растворились в последние годы: наследник Маяковского во время Отечественной войны молчит... Какая огромная переоценка литературных кадров происходит и еще будет происходить.

Мысли о ходе войны. В выступлении Черчилля ясно говорится об отказе от единого командования... Мы делаем свое дело: нам надо освободить нашу территорию. Если Англия будет ждать сложа руки, обладая пятимиллионной армией, сидящей без дела, — СССР учтет это.

В 6 часов вечера — в НКВД... Большой зал, собралось до тысячи человек. Помещение в порядке, свет экономят. Работники на различном пайке: первая категория — рабочая и т. д.

Сделал доклад с широким охватом событий. Слушали меня внимательно.

Секретарь парторганизации рассказывал мне:

«Вчера в городе было очень трудное положение с топливом. Могли стать все станции, водопровод и т. д., но успели вовремя подкинуть...»

...Сведения с фронта хорошие, темпы наши не сбавляют.

На кораблях упорно работают...

Начсостав держится крепко. В кают-компаниях отличная сервировка, соблюдается «тон» при любых пайках. Многие берут лишь часть своего хлебного пайка, то есть четыреста граммов, и два-три дня экономят по двести граммов, а затем получают шестьсот граммов свежего хлеба сразу. В большинстве случаев это делается для поддержки семей на берегу. Традиции личного состава на

эсминцах (участников боев в Ирбене, в Моонзунде и др.) крепкие: «Сказано — умри, но сделай». Это отлично! Есть на кораблях за время войны значительные потери в личном составе. Жена одного младшего командира пишет: «Извещение о гибели мужа получила, очень хотела бы знать, погиб ли он на любимом корабле или на берегу».

Ночью лунный холод...

*27 января 1942 года.
(220-й день войны.)*

Из 2-го отдела Политуправления мне только что сообщили, что в сводке указано: «Большие успехи на Юге».

1 час дня. Артиллерийский обстрел. Второй день в городе не дают хлеба. Почему не дать мукой? Неужели весь ужас из-за *местных* организационно-транспортных неполадок? Что-то тут надо глубоко разобраться.

Вдруг слабо заговорило радио. Приник к приемнику ухом.

3 часа дня. Снаряды бьют по площади Труда.

Пошел в госпиталь № 2.

...Сделал доклад в третьем хирургическом отделении. Раненые — на костылях. Ходят, лежат... Я рассказывал о перспективах продовольственного положения в Ленинграде, об успехах на фронте, о задачах зимы и перспективах весны. Раненые очень внимательно слушали.

Мороз до 30 градусов.

К семи часам слабо заговорило радио в моей рабочей комнате. Передают вечернюю сводку: удары на Западном и Юго-Западном фронтах, трофеи. Уничтожены отдельные батальоны и полки противника.

Населению будут давать муку! Булочные будут работать до одиннадцати часов вечера! Детям прибавили в детдомах хлеба! Малыши говорят: «Отложим, а вдруг не хватит».

Взялись за чистку рельс в городе, чтобы занять людей делом. В райкоме Васильевского острова мне сказали: «Приходится поражать стойкости и духу населения... Особенно женщины — работают, ведут хозяйство, смотрят за детьми».

*28 января 1942 года.
(221-й день войны.)*

Слухи о взятии Великих Лук... Видимо, как всегда, мысль и желание опережают события, хотя направление удара Северо-Запад-

ного и Калининского фронтов — именно на Порхов — Великие Луки.

Немецкая пресса описывает всю ожесточенность зимних битв. Эти битвы имеют огромное значение. Говорится о потоке Красной Армии. Нет! Это еще не поток. Поток будет весной и летом.

Водопровод в городе оживает. Топливо для водопроводных станций подвезли.

Ремонт водопровода уже частично сделан и делается *балтийскими моряками!*

Кронштадт бьет сегодня по району Петергоф — Стрельна.

Район Мги — у немцев. Там вкопаны тяжелые танки, образовавшие как бы «танковые ворота»; построены доты и дзоты; сняты рельсы Октябрьской железной дороги, из которых немцы сделали ветку к укрепленному району. Брать надо сильной артиллерийской подготовкой или обходом.

*29 января 1942 года.
(222-й день войны.)*

...На улицах, в очередях, закутанные, заснеженные женщины. Нервный гомон и давка у дверей пекарен и продмагазинов. Местами замерзшая вода из лопнувших водопроводных труб. Брошенные автомашины. У людей бледные восковые лица. У многих синие-багровые пятна от обморожений. Повязки на лицах (от холода) — белые, серые, черные, как маски. Изредка встретишь чисто одетую, румяную женщину — приятное напоминание о здоровой жизни.

В редакции «На страже Родины» темно — сегодня газета не вышла. Сотрудники, в ватниках и шапках, сидят, сбившись в кучку.

Армейской группе писателей трудно: сдает, болеет Саянов; Тихонов похудел — делит скудный паек со своей женой.

...На концертах отошавшие артисты, пошатываясь, выходят к рампе. Трагизм в том, что в столовую за едой далеко ходить. Ходьба изматывает людей, и возникает вопрос — ходить или не ходить?

И все же люди держатся. Находят и будут находить в себе силы. Огонь Ленинграда, душа его не угасает и не угаснет! Мы будем бороться за город, за жизнь со всей энергией. Мне все время хочется выступать. Я иду в одну, другую, третью аудиторию, рассказываю о войне, о положении на фронтах, о ленинградских новостях и бодрю людей. Это самые радостные, самые хорошие, самые горькие встречи в моей жизни. Я не забуду этих бледных лиц с непо-

движными внимательными глазами, устремленными на меня с вопросом и надеждой.

...Я представляю себе Европу, истощенную, измученную, прислушивающуюся в тоске к продолжающейся битве между Германией и Россией. Сколько надежд, колебаний, сомнений, слухов, сколько неизвестных драм...

Придет час, и литература поднимется *над* всем этим и раскроет людям их собственную жизнь, подвиг, их судьбу...

Вечером выступал у раненых моряков в 3-м госпитале. Было полно народа. Госпиталь без света, без тепла... В комнате — фонарь «летучая мышь». Идет пар из кухни. Люди лежат в полушубках, шапках. В госпитале находится до трех тысяч раненых и больных. В полутемных палатах — завернутые в одеяла фигуры; многие прикипают, как к роднику в пустыне, к радиорепродукторам.

В госпитале ставят «временки»; оперируют при свете аккумуляторных ламп. Со стен течет, на лестницах сыро...

30 января 1942 года.
(223-й день войны.)

Утренняя сводка. Прорывы немецкого фронта у Сухиничи, Лозовая, Барвенково. Разгромлены три-четыре немецкие дивизии и потрепан еще ряд дивизий. Взятые большие трофеи...

Посылаю в Главное ПУ флота, в Москву, четыре книги: о Подплаве, о линкоре «Октябрьская революция», о крейсере «Максим Горький» и об обороне Ленинграда.

По городу расклеиваются частные объявления: «Меняю роаль «Шредер» на 8 килограммов муки»; «Делаю железные печурки, оплата продуктами» и т. п. Около объявлений дежурят их авторы.

Вернулся из ВВС Азаров. Он пополнял на авиационных харчах на «той стороне». Привез хороший материал для книги.

Обстановка на фронтах на 25—30 января 1942 года.

Северный фронт. Противник с начала войны бросил на Мурманский фронт армейский корпус, Нарвикскую дивизию (до 18 000 человек) и части финнов. На реке Лице противник был остановлен и уже осенью вынужден был перейти к обороне. Суровый северный климат, горные районы, трудность снабжения сказались сильно: Нарвикская дивизия была отведена, в ней осталось лишь три тысячи человек... (Прочие переморожены, больны цингой, перебиты и т. д.)

Южнее, на *Карельском фронте*. Противник летом продвинулся к Кестеньге, но был там остановлен; продвинулся к Ухте и был остановлен; продвинулся к Медвежьегорску — отбит. Там сейчас идет операция по окружению Медвежьегорска. Части СС с этих участков сняты. Противник держится в Петрозаводске и по Свири, относительно пассивен...

Финляндия заявила Гитлеру об острой нехватке продовольствия и боезапаса и о том, что неполучение этих запасов через один-полтора месяца вынудит Финляндию заключить компромиссный мир с СССР. Гитлер в ответ на это дал приказание изъять для Финляндии продовольственные запасы из всей Прибалтики. Там произведена генеральная реквизиция скота, хлеба и пр. Финляндия, все получив, заявила, что этот запас продовольствия обеспечит ее лишь до марта—апреля и что финская армия не сможет наступать без помощи и резервов немецких солдат или добровольцев-союзников (шведы (?), венгры, румыны, итальянцы и пр.). В целом не приходится ждать активности противника на Карельском фронте.

Наши части держат прочную оборону. Мурманская железная дорога работает исправно.

Ленинградский и Волховский фронты. От Копорского залива до Шлиссельбурга — фронт позиционный и стабильный; артиллерийский и минометный огонь, поиски разведчиков... Далее линия фронта идет от Ладожского озера, по линии железной дороги на Погостье, где линия железной дороги нами прервана, на Кириши, по Волхову, к Чудовскому укрепленному узлу и далее — к Ильмену.

В двух местах железная дорога Новгород — Чудово нами прервана, и противник снабжает свои части кружным путем. Немцы на Ленинградском фронте держат большое число дивизий (до 45?), придавая этому фронту огромное значение.

...Гитлер издал приказ примерно следующего содержания: «Солдаты, вы должны держаться до конца... Речь идет о спасении Германии. Помните, если погибну я, — погибнете со мной и вы» (!). Немецкие солдаты должны были подписать клятву — не отступать. Они называют эту клятву «смертный приговор».

Гитлер подписал приказ о расправе с каждым, кто заговорит об отступлении с Волхова: «Отступление с Волхова (от Ленинграда) означает потерю Прибалтики, Белоруссии и Украины». Действительно, вывод верный! А наш удар развивается. Обе укрепленные линии немецкого фронта прорваны, и наши части идут на немецкие тылы к Любани.

Северо-Западный и Калининский фронты. Фронт немцев был прорван в районе Селижарово. Немцы шли к этому фронту (осенью) от района Витебска целый месяц и двадцать дней. Наши части это же расстояние прошли в течение двенадцати дней. Из десяти-одиннадцати дивизий немцев разгромлено и рассеяно в лесах

пять с половиной дивизий. Немцы бросили до 3000 почерневших, обмороженных солдат, огромные склады, массу вооружения и техники.

Войска Северо-Западного и Калининского фронтов вгоняют глубокий клин между немецкими (Ленинградским и Западным) фронтами...

Западный фронт. Это главный фронт... Сейчас на Центральном фронте до ста немецких дивизий, то есть, грубо говоря, вся основная немецкая сила (до 700—800 тысяч по штатам военного времени; реально — меньше). Всего Гитлер бросил против СССР до двухсот сорока дивизий, считая и финнов, и итальянцев, и французские легионы и т. д. В Европе у Гитлера остается сорок дивизий. 50 процентов из них еще не бывали на Восточном фронте. На Москву из своих двадцати танковых дивизий Гитлер бросил одиннадцать-двенадцать. Из них уже разгромлены и размолоты пять-шесть дивизий. Остальные оттягиваются... Немцы лихорадочно вывозят свои танки в тыл по железной дороге и на буксирах.

Красная Армия предприняла глубокий охват всего Центрального фронта немцев. В отдельных местах окружены и уничтожены группы по пять-шесть немецких дивизий (район Юхнова и др.). Немецкие арьергарды пробуют сдержать наш удар, но без успеха. Недавно в Смоленск приезжал «сам» Гитлер для наведения «порядка». Наша авиация пошла в налет на Смоленск и разбомбила его ставку, штаб корпуса и т. д., но Гитлер, говорят, за семь минут до начала бомбежки удрал из Смоленска. Порядок был наведен, но не Гитлером, а нами...

Юго-Западный, Брянский фронты. Идет большая операция по окружению брянской группы немцев.

Южный фронт. Немцы готовились к удару на Ворошиловград, к выходу в обход Ростова и прорыву на Кавказ. Красная Армия упредила противника и нанесла сильнейший удар по левому флангу всей ударной группировки. Потери противника до 125 тысяч человек! Трофеев хватит считать до 1943 года...

Крым. Противник подбросил резервы. Идет жестокая борьба. Говорят, Феодосия переходит из рук в руки.

Общее наше положение *благоприятно*. Идет размол немецкой армии, втягивание немецких резервов в дело до весны, на которую так надеется Гитлер. Общее состояние Германии будет неуклонно ухудшаться. Обещаниям о чудесном оружии немецкие солдаты не верят...

Гитлер еще не сломлен, он будет еще ожесточенно сопротивляться и пустит в ход всевозможные средства, но у него никогда уже не будет преимуществ.

Критическая точка войны для СССР пройдена.

*31 января 1942 года.
(224-й день войны.)*

В 3 часа утра, сегодня, взвод немецких автоматчиков прорвался к Путиловскому заводу. Все были уничтожены моряками. Это, очевидно, разведка боем, прощупывание нашей зимней обороны... На кораблях была сыграна боевая тревога.

Сегодня по радио было извещение торгового отдела о том, что в городе выдадут по сто, двести, триста граммов крупы, мяса и по такой же порции сладостей.

*1 февраля 1942 года.
(225-й день войны.)*

К двум часам дня еду на военный корабль «Иртыш» (Подплав) на слет передовиков ремонта.

На «Иртыше» традиционный флотский быт. В нижней палубе — клуб: красный стол, плакаты, лозунги. Все деловито, привычно. Отчет был суховатый, деловой. Без помощи заводов и без достаточного количества необходимых материалов надо сделать обширную программу ремонта. На отдельных заводах работают несколько станков, у станков — краснофлотцы. В работе должна быть культура, чистота, аккуратность... На сегодня 75 процентов ремонта выполнено...

В последние дни в городе поднажали — дали на хлебозаводы воду, электроэнергию. Сегодня в булочных — трехдневный запас хлеба, увеличили подвоз муки.

Меры по улучшению снабжения начали сказываться.

Везде всё моют, скребут, чистят...

Воля к жизни!

На заводах открыты стационары для истощенных рабочих.

Вечером прошелся по Неве. Меня дважды остановил патруль, проверяя документы. Как будто служба улучшается. А то в последнее время по ночам не останавливали.

*3 февраля 1942 года.
(227-й день войны.)*

Мы оставили Феодосию...

Готовимся к совещанию. Двое в группе заболели. Остальные в строю!

С. К. сегодня надела военно-морскую форму.

Наши летчики проводят ряд смелых бомбовых ударов по некоторым пунктам Германии и Финляндии.

Артобстрел Васильевского острова и района Невы. Немцы усилили артиллерийский обстрел города — по сто пятьдесят тяжелых снарядов в день... Напряжение в городе возрастает.

Готовлю новые доклады к 24-й годовщине РККА о Военно-Морском Флоте.

Газет нет. Света нет. В салоне, за обеденным столом, молчание. Надоела неизменная бурда.

Горком на днях принял решение о повторной эвакуации творческой интеллигенции — писателей, художников, архитекторов и др.

10 часов 30 минут. По радио передают: «Кольцо блокады делается все тоньше и тоньше. Бойцы (сибиряки, узбеки, кавказцы) спешат на выручку Ленинграда. Взят ряд сел и немецких укреплений»...

«Не пожалеем же себя для Ленинграда, который жил и работал всегда для всей страны!» — говорит политрук своим бойцам.

*4 февраля 1942 года.
(228-й день войны.)*

Наступление Красной Армии продолжается. Немцы вводят в дело резервы, в обороне упорны: бои у Погостья длятся уже месяц.

...В городе пускают водопровод. Меньше очереди за хлебом. Выдали пайки мяса.

Город, как тяжелый больной, — то хуже, то лучше.

...В городе некий новый тонус: свистят снаряды, рвутся то на Невском, то на Неве — никто уже не обращает внимания. Идут с саночками, мешочками, в самодельных фанерных гробах везут покойников...

Пожалуй, нет «частной жалости», — есть одна общая боль.

Чувство жизни, исторический объективизм помогают. Будут жить и люди, и город, и страна, и мир! Родятся новые, в меру вспомнят умерших памятниками, книгами, шествиями, датами. Все будет в вечном ритме, в вечном потоке...

Вечер 4 февраля 1942 года. Есть огромная потребность глубже разобраться в обстановке, в ходе войны. Никакие ленинградские трагедии уже не могут ни на йоту изменить, сбить пристального взгляда наблюдателя...

О противнике. Книга Трейчке «Политика», на которой воспитывались поколения немцев, утверждает: «У государства не должно быть никаких нравственных или правовых обязанностей по отношению к кому бы то ни было... Война — целебное средство против всех зол. Рабство — необходимое учреждение, благотворное и оправданное историей; оно необходимо для существования господствующих классов».

Географическое устремление немцев, пангерманизм! От 1870—1871 годов к 1914—1918 годам.

В Германии создавались сети националист[ических] и реваншистских обществ-союзов. Обстановка в Европе благоприятствовала: английская и французская политика покровительства антибольшевистским силам в Германии с установкой на использование Германии против СССР, а позже на сраживание Германии и СССР.

Гитлер — за «естественность», «звериное» начало в человеке, за расу, за отказ от совести, от требований свободы и независимости личности: «Я освобожу человечество от оков разума, от химеры, именуемой совестью».

Фашизм отрицает равенство рас и наций, человечность, любые гуманистические идеалы. Абсолютное отрицание идей Советской России, братства народов, наций.

Новая фашистская история, философия и пр. исходят из принципа абсолютного германизма. Нетерпимое отношение к гуманитарной интеллигенции: фашистами истреблено до миллиона интеллигентов, в концлагерях находится свыше миллиона людей, в эмиграции находится до пятисот тысяч немецких интеллигентов. В самой Германии оставшаяся часть немецкой интеллигенции ассимилирована и подчинена... В Германии проведена радикальная перестройка системы воспитания, образования и пр. в духе примитивных «солдатских идей» (в фашистском понимании).

Вооружение Германии, жесточайший налоговый нажим и победы. Империализм злейшего типа (см. об этом у Ленина). Военные планы Германии — упорная милитаризация страны, идея «тотальной войны» (см. Людендорфа и др.). Гитлер утверждает, что всеобщее образование — это яд, наиболее опасный и разлагающий.

*6 февраля 1942 года.
(230-й день войны.)*

Совещание... Теплое слово начальника Пубалта товарища Лебедева:

«Пубалт очень ценит, признателен писателям за проделанную работу... Писатели прошли боевую проверку, оказались людьми смелыми...»

Мое выступление — о традициях литературной группы Балтийского флота; о составе группы, о работе на войне; о сути войны, о враге, о великих задачах советских писателей, о кампании 1942 года.

Подъемно. Писатели говорят крепко, обдуманно, политически зрело, нет ничего личного, мелкого.

Выступление поэта Яшина:

«Читал стихи в блиндаже — обстрел, снаряд за снарядом, но слушают внимательно. «Люблю тебя, Петра творенье...» Только раз политрук извинился, перебил чтение: «Надо людей вести в атаку...» Немцы завшивели, опустились, а наши держатся, устраивают библиотеки, развесили картины в землянках. Воля к жизни у моряков огромная. В одной бригаде — восемь человек поэтов. «Мы, молодое поколение, будем твердокаменными, пройдем испытания, приобретем огромнейшие духовные богатства...»

Лихарев¹ рассказывал о тринадцатилетнем мальчишке Марковском (из освобожденной местности), который ему говорил:

«Я видел, как немец снимал полушубок с убитого командира, а звездочку на его фуражке топтал ногой. Я не стерпел, достал ружье, подкараулил его и убил».

Позже этот же мальчонка помогал разминировать минные поля.

...После совещания, вечером, читали стихи: Вера Инбер прочла прекрасные главы поэмы о Ленинграде, Всеволод Азаров — хорошие стихи о моряке в Ленинграде. Анатолий Тарасенков, Браун и Успенский читали вещи значительно слабее, с агитпривкусом, слабее по форме.

Вера Инбер рассказывала мне о Соболеве: «По дороге в Ленинград осенью сорок первого года где-то, кажется на станции Мга, вижу встречный поезд в Москву... Соболев... Разговорились...»

*7 февраля 1942 года.
(231-й день войны.)*

Совещание продолжается. Присутствуют член Военного совета и начальник Пубалта. Писатели выступают хорошо.

Один из выступающих:

«В Тихвине в фашистской тюрьме умирал раненый моряк. Кровью из раны написал: «Я умираю, не жалко отдать жизнь за Родину. Вы, друзья мои, балтийцы, придете! Тут все — наше!»

---

¹ Поэт.

Надо продумать вопросы довоенной советской литературы: непонимание писателями характера близкой войны, боязнь трагизма, прямого отношения к правде жизни. Внутри нас происходит переоценка ценностей, изменения в психике, творчестве. Мы закаляемся, отбрасываем мелкое, ненужное, ложное... Народ не примет многих поверхностных произведений.

3 часа 30 минут. Артиллерийская стрельба... Быстрый шквал. Совещание продолжается...

Задачи для писателей большие. Мы часто отстаем от задач флота. Надо поторапливаться, темпы войны стремительны, надо своевременно, *немедленно, убедительно* доносить новые задачи! Запоздать нельзя — бой проиграешь.

Прения подходят к концу. К шести часам я сделал краткое заключение:

«Учтем советы и установки Военного совета и Политического управления. Рад единодушию совещания. Завтра специальная комиссия запишет по протоколу все предложения и замечания... Совещание бодрое, значительное, дало нам зарядку».

(Пахнуло писательскими съездами, пленумами...)

Ни в Пубалте, ни некоторые товарищи из группы и на местах не ожидали такого размаха, тона и масштаба нашего писательского совещания-конференции.

Я доволен, горд. Мы продолжили традиции литературного движения Балтийского флота. Он первый — в нашей стране — положил начало морской литературе: Марлинский, плавание Гончарова, Станюкович, Новиков-Прибой, деятели «Морского сборника», наша группа флотских писателей (1917—1942 годы).

Завтра на линкоре «Октябрьская революция» встреча с командирами, политработниками и краснофлотцами. Сделаю доклад об обстановке на фронтах, о ходе войны.

Вечером — часовой концерт театра КБФ: все походное, оперативное.

До глубины души взволновал отрывок «Первый морской полк» — музыкально-литературный монтаж из моей пьесы «Оптимистическая трагедия». Пьесе — десять лет, она живет, действует!.. Вспомнились дни 1918 года, вспомнилось Черное море, где в 1932 году я написал эту пьесу.

Флот, родной, тебе наша молодость, наша жизнь!

*8 февраля 1942 года.
(232-й день войны.)*

Сводка (радио Москвы). Продолжение активных действий Красной Армии...

Днем идем на корабли... Стреляет крейсер «Максим Горький»... Застывшая хмурая Нева, несколько ледоколов, военные суда... Трубы заводов не дымят, тихо. У Горного института — спуск на Неву. На ближней тумбе висит афиша — «Большое гулянье 22 июня»... Как застывшее время! Хотели содрать афишу на память, но не удалось, она примерзла... Дома на набережной безлюдны: зияют разбитые окна, кое-где зашитые фанерой; вздыбились развороченные углы крыш...

Не покидает ощущение оцепенения, омертвелости пейзажа.

«Город всегда дышит людской жизнью...» (кажется, у Верхарна), но она порой иссыкает, свертывается, как кровь, — в эту годину в Ленинграде.

Корабли... Темный в дыму линкор, вдали «Максим Горький», рядом новые эсминцы... Обледенелые берега, пристани, старые кирпичные корпуса Балтийского завода; по снегу на салазках краснофлотцы тянут какие-то бидоны...

На линкоре идет ремонт. Кладут листы дополнительной брони на палубу, ставят дополнительные зенитки... Весной надо ждать удара!

15 часов 10 минут. Начинаем литературную встречу. Я делаю доклад об обстановке... Слушают хорошо. Лица краснофлотцев бледнее, чем обычно. Внимательно прослушали рассказ Амурского. Рассказ написан крепко и просто (а Крону эта простота не нравится).

Возвращались с С. К. в сумерки... Вмерзшие в лед корабли...

Оперативная группа писателей при Политуправлении КБФ.

Вс. Вишневский — «Правда», «Красная звезда».

С. Вишневецкая — «Правда».

Н. Михайловский — «Правда».

Вс. Азаров — поэма — «Известия».

А. Крон — пьеса — «Комсомольская правда».

И. Амурский — на кораблях — «Красный флот».

А. Зонин — соединения катеров, подводных лодок — «Красный флот».

А. Тарасенков — соединение катеров — «Правда», ТАСС.

Г. Мирошниченко — ВВС КБФ — «Известия».

В. Рудный (пока в Москве) — «Вечерняя Москва».

9 февраля 1942 года.
(233-й день войны.)

Сводка сообщает о продолжении нашего наступления. Людей остро интересует: что же происходит? Все засекречено. Борьба до-

стигает высшего напряжения... Февраль — месяц решающих событий.

Днем узнал о сильном ударе армии генерала Мерецкова. У немцев осталась лишь коммуникация через Псков. Начали удар армия генерала Федюнинского (к ней пришли пополнения — сибиряки, кавказцы и пр.) и Н-ская армия. В Пубалте положение считают вполне благоприятным, пишут тексты приветствий генералам Мерецкову и Федюнинскому по поводу прорыва блокады. Слушаю об этом с внутренним волнением.

Сегодня днем, в 4 часа, бил линкор «Октябрьская революция», как говорят, по району Тосно.

...Хочется верить, что февральский удар увенчается успехом. Мы, со своей стороны, работаем напряженно.

В городе упорная борьба за порядок, восстановлен водопровод (морзяками и рабочими)... Часть сил дана на хлебозаводы.

У одного умершего нашли на груди четыре с половиной тысячи рублей... Одинокий... К чему он берег деньги?..

В армейском госпитале зарегистрированы случаи спекуляции хлебом. Некоторые дистрофики продают сто граммов хлеба за сто двадцать рублей. Один такой спекулянт доторговался до смерти...

*10 февраля 1942 года.
(234-й день войны.)*

10 часов утра. Провел деловой сбор группы. Объявил новую дислокацию; план на февраль—март—апрель (сделать до двадцати брошюр помимо намеченных книг).

Наступление продолжается. Для завершения операции под Ленинградом нужно, как говорят, десять дней (?). Я твердо верю, что к 24-й годовщине Красной Армии будут по фронтам итоговые успешные сводки. Этого ждут все.

В 2 часа дня иду в город. Есть признаки некоторого оздоровления... Весенние голубые просветы в небе, солнечные лучи... Люди идут, упорные, что-то несут, везут, тянут... Молчаливые... Сегодня теплее. Январские стужи и оцепенение города — в иное, тишине, в белом ледяном параличе — уже позади...

Местами дали воду. Есть решение горкома открыть двадцать пять бань. Хлеб дадут без перебоев, и завтра новая прибавка. В горячих цехах — 600 граммов, рабочим — 500 граммов, служащим — 400, иждивенцам — 300. «Жить можно...»

В ноябре—декабре давали 150 граммов черной массы с дурандой, целлюлозой и пр. Ни единого протеста... Поговорят женщины, посудачат, поохают — и все.

Шел через весь город... Читал новые объявления на углах: «Меняю на хлеб и продукты кабинет, гостиную красного дерева и два одеяла» и т. п. Эвакуируемые меняют обстановку, личные вещи и книги на продукты...

Ледовая дорога стала работать лучше: ежедневно выполняется 120—137 процентов плана. Водителям дают премии — водку и хлеб. Нужно до весны скопить резервы продовольствия и боезапаса. (Если блокада продлится, будет трудный период оттепелей, порчи ладожского льда и т. п.).

...Вечером были у Кетлинской: Крон, Зонин, С. К., Азаров и я. Ужин (на низком столике, у дивана, при свете керосиновой лампы): студень из столярного клея — гадость, полутерпимая, если есть с уксусом и горчицей; флотская каша; неопределенный бурый кисель из столовой Ленинградского союза советских писателей; спирт из лака — пол-литра, и бутылка шампанского! (Из «подвалов» Ленинградского союза советских писателей — по рецепту врача!) Суррогатный кофе с черными гренками (квадратный дюйм на человека) и по квадратному сантиметру сыра... Совсем роскошно! Болтали, несколько оживились, атмосфера — «в гостях». Вспоминали писательские дела.

Жизнь идет поверх сложившихся форм, крушит их, создает нечто новое, в чем мы еще не можем разобраться... Идут глубочайшие изменения психики, духа; люди приходят сквозь страдания к чему-то новому; откристаллизуется нечто высшее — наше русское и международное...

В городе двести — двести двадцать писателей, литераторов. Может быть, даже их совместных усилий не хватит описать оборону Ленинграда, а может быть, один, неведомый, опишет... Война даст толчок искусству и литературе; повернет нашу так называемую литературную критику, этих схоластов... Жизнь всеобъемлюща и необозрима. Она шагает мимо, поверх их «норм», «иллюзий», «прогнозов», сочетая и разъединяя разные стили, образуя сложные взаимодействия, отталкивания...

После всемирной войны люди не смогут читать отцеженные, «благополучные» книги... Да, ведь все мы тосковали о книгах правдивых, бесстрашных, глубоких... Лучшее, что мы, писатели, сказали, — это о Гражданской войне...

11 февраля 1942 года.

Я и С. К. остались ночевать у Кетлинской... Утром выпили кофе, съели черные лепешки из кофейной гущи. Маленький сын Кетлинской, белобрысеный полуторагодовалый карапузик — «участник обороны»; при воздушной тревоге показывал ручкой на небо и говорил: «У-у...»

Деревянный забор на Канале Грибоедова сломан на дрова. У подъезда, на сером матрасике, лежит труп, завернутый в светло-зеленое одеяло...

Сломано на дрова дерево на аллее у Марсова поля... Осмотрел район Моховой улицы — сильные разрушения... Один дом выпотрошен весь, а фасад цел. Старик и старуха с трудом тянут саночки с покойником. Сын или дочь?..

Зашел доктор из госпиталя, где я лежал.

Его рассказ:

«Две молодые неопытные сиделки ночью, при свечах, переливали из бочки бензин. Вспышка — взрыв... Огненный факел... Раненых и больных перевели на соседнюю фабрику-кухню. Огонь тушили, как могли... Приехали пожарные и стали... взламывать буфеты, таскать хлеб, сахар и т. д. Служащие госпиталя бросились на них... Около трех часов длилась эта «пожарно-мародерская» канитель.

Госпиталь отстояли — и от огня, и от пожарных!»

Вечером написал отчет о совещании писателей для армейского комиссара Рогова. Собрал рукописи для Москвы (шесть рукописей).

Один из флотских литработников «обтяпал» за моей спиной отъезд в Москву якобы для проталкивания книг и рукописей. Все это комбинаторство, мелкий репортерский стиль. Объяснительные его письма противны... Явно хочет застрять в Москве, уехать к жене и т. д. Я не подал ему руки. Я дал ему урок, когда он в октябре не хотел являться в Кронштадт. Потом он уклонился от поездки в морскую бригаду, а теперь новая комбинация.

Я думал, что в человеке возьмет верх боевое партийное начало.

12 февраля 1942 года.

Сегодня двадцать четыре года Красного Флота...

В 12 часов пошел на корабли. День почти весенний, погода мягкая. Стоят ледоколы на Неве, катера вытащили на стенку... Линкор замуфлирован под цвет старых зданий завода. На мино-

носце заделывают пробоину от 6-дюймового снаряда. Корабль в ремонтном виде, на палубе доски, шлак, материалы... В каюте командира чисто, приятно — комфорт, по которому можно скучать. Выпил чаю, перелистал некоторые книги из библиотеки, посмотрел хорошие рисунки краснофлотцев-художников.

С. К. и Крон делают альбом рисунков и очерков по истории этого корабля.

Война принесла много неожиданного...

Сказываются трудности осады, неустройства, психологические факторы... И ко всему у некоторых командиров личный новый быт — «осадные» (временные) жены.. Осада, осенние катастрофические дни толкнули многих мужчин и женщин к сближению. Все было обострено, почти на пороге гибели... Мысли о прежних связях становились воспоминаниями о чем-то невозвратном, разрушенном войной... А одиночество было нестерпимо... Так возникла любовь в осажденном городе. Стороны не предъявляли друг другу обычных условий, так как, «может быть, завтра погибнем». Создавались временные семьи, новые интересы... Делили пополам опасность, голод и холод. Некоторые девушки и чужие жены под влиянием событий сильно менялись — от испугов, инстинктивных «страхов» переходили к ощущению *борьбы за город*. Женское кокетство, страсть, физический интерес и «экономические» соображения замесились привязанностью боевого порядка... Женщины организовывали «коммуны», что-то стряпали, стирали, откладывали хлеб по пятьдесят — сто граммов и делали новым мужьям подарки (носовые платки, табак и т. п.). А из-за фронта приходили письма законных жен, и мужья им отвечали искренне-нежно, заботливо... Но в осажденном городе у них шла некая «вторая» жизнь.

Эта тема еще подлежит анализу...

13 февраля 1942 года.

Написал статью для пресс-бюро Пубалта (для всех многотиражек Балтфлота): «Мы победим!» — о ходе войны, о русской военной традиции и нашей уверенности в победе.

Обстановка. Части армии генерала Мерецкова наступают. В нашей прессе очень скудные данные о боях. На Северо-Западном фронте бьются бригады тихоокеанцев. Моряки хорошо дрались и под Москвой. Идет наступление на Лугу с целью перерезать главные коммуникации немцев под Ленинградом.

Наши части вышли за Невель. В районе Витебска — Орши наш парашютный десант. (Окружение Смоленска?) До десяти немец-

ких дивизий в районах Вязьмы и южнее ищут выхода и уничтожаются нами.

С южных фронтов пока сведений нет.

Если удастся ликвидировать Северо-Западный фронт немцев и подломить Западный — это будет грандиозно! Гитлер тогда не встанет.

На Ладожском озере немцы ищут трассу для вывода своей шлиссельбургско-мгинской группы (5—6 дивизий) к финнам. Этот поход может им обойтись дорого. Наши готовят им встречу на льду — от Осиновца. Там сейчас командует фронтом генерал Хозин.

Моряки Ладожской флотилии бодры; идет ремонт; на массовых погрузках в помощь Ленинграду моряки дают двести вагонов в день. На протяжении четырех километров лежат запасы муки, крупы, сахара, туши мяса... Больше вагонов!

В городе (в районе Фонтанки) начались вспышки дизентерии. Город надо срочно чистить, скрести, мыть, дезинфицировать. Недели две минимум. С осени городское хозяйство было, безусловно, запущено, многое не предусмотрено...

Англичане проигрывают битву за битвой в Малайе; Сингапур, видимо, потерян.

Читаю об этом, думаешь лишь об одном: только бы сохранились коммуникации на Иран, и пусть подольше будут заняты японцы на южном направлении...

Новая Зеландия и Австралия в тревоге; тревожно и в Индии...

Перед Англией — это хорошо! — все острее встает перспектива драться всерьез, самим...

Читаю об адмирале Макарове. Ночью канонада... С подъемом написал очерк о морских бригадах КБФ для «Красной звезды».

14 февраля 1942 года.

Наступление продолжается... Авангарды генерала Мерецкова в Лисино (между Красногвардейском и Тосно) и наступают в сторону Луги...

Мысли об общей обстановке. Через месяц начнутся оттепели, распутица — операции ослабнут... Далеко ли мы продвинемся в западном направлении? Или обе стороны придут к некоторой временной стабильности?

Перебираю в памяти материалы о весенних наступлениях немцев во время империалистической войны: удар 1915 года, выдох-

шийся к осени; Верденская мясорубка 1916 года; удары 1917 года; сорвавшийся в 1918 году удар на Амьен...

В Ленинграде. За шесть месяцев тревоги длились 275 часов. В налетах участвовало 1507 фашистских самолетов. По Ленинграду выпущено 12 582 снаряда (по приблизительным данным), фугасных бомб — 3540 штук и зажигательных — 63 000...

На фронте. ...Армия генерала Федюнинского (гвардейская дивизия Краснова) после шестнадцати дней боев взяла Погостье. У фашистов по дуге железной дороги в насыпях (на каждые 25 метров) были дзоты. По линии ходили дрезины с пулеметами и т. п. Наши выбили их из этой укрепленной полосы. Вообще немцы в обороне искусны, иногда делают ее в четыре яруса: чердак — автоматчики, два-три этажа — пулеметы и минометы, в подвале — противотанковая оборона; иногда сквозь пробитую заднюю стену вводят в здание танки. Ну, а мы их выгоним и будем организовывать *шесть ярусов* обороны!

Наступление в лоб в Колпинском районе не дало результатов. Огонь автоматов и минометов разит пехоту. Это можно было учесть по опыту осенних боев. Некоторые наши генералы — не на достаточной высоте. Это им не Академия Фрунзе, а большая война с опаснейшим противником.

На Карельском фронте — тихо... У финнов появились какие-то новые части (в черных шинелях)...

На фоне всех фронтовых дел — *дела Ленинграда*. Хлеба даже четырехсот граммов уже мало. Людям нужны жиры, мясо, овощи, молоко и т. п. За месяц количество выданных продуктовых карточек уменьшилось на тысячи (учитывая эвакуированных). Остается один месяц до оттепели и порчи Ладожской дороги. Тут дело должно быть решено. (Следует учитывать химическую и бактериологическую опасность.)

Но что бы там ни было, мы будем бороться до конца. Это дело чести. И с каждым днем растет народное участие и желание удержать Ленинград. А умирают люди просто, без жалоб. Очень глубоко сознание величия борьбы и национальной, социальной ее сути.

Слух: правительство намерено отметить оборону Ленинграда особой медалью... Может быть, это мечты ленинградцев?..

С продовольствием были допущены явные ошибки. Размещено оно было плохо. В Бадаевских складах погибло при первых же бомбежках много сахара.

Из рассказов:

«В Ленинград приехал командир гвардейской дивизии Краснов. В плече — немецкий осколок, немеют пальцы. Для

консультации был вызван известный профессор нейрохирург Молотков. Он крайне истощен. Его институт разбит. Старик, ленинградец, патриот, отказывался уезжать... Пришел к командиру в «Асторию». Профессору дали позавтракать. Когда после консультации командир подарил ему свой паек: килограмм мяса и четыре буханки хлеба, — старик заплакал...»

Массовость смертей во время войны притупляет боль индивидуальных утрат. Общее горе... Да и нет раздражающих контрастов мирного времени: ты в горести, а кругом — смеющиеся, счастливые, довольные.

Радио. Все население СССР (мужчины от шестнадцати до пятидесяти пяти лет и женщины от шестнадцати до сорока пяти лет) мобилизовано на танковую, авиационную, топливную и строительную промышленность.

Читал «Морской сборник» (1937—1940 годы)...

16 февраля 1942 года.

В 6 часов утра слушал радио. Пал Сингапур. Англия должна начать драться, а не «комбинировать»... Враг у ворот Индии; под угрозой Австралия, все коммуникации Тихого и Индийского океанов.

Люди с Ладоги рассказывают, что там идет зимняя крепкая русская жизнь: бабы с расписными коромыслами, ребятишки, лай собак (в Ленинграде его не услышишь!). На аэродромах боевая жизнь. Рядом в базах — берложья, тыловая.

Днем был в ленинградском Доме Красной Армии. Агитвзвод показал фронтовой спектакль «Первая Конная». Живет и эта моя работа — служит народу и армии.

В Доме Красной Армии работает семнадцать художественных бригад. Всего Ленинград дал для армии двенадцать тысяч концертов (!). Сами создают репертуар, используя наблюдения в гуще фронта. В бригадах есть раненые и убитые. Люди закалились, горды тем, что работают на Ленинградском фронте.

Встреча оставила отличное впечатление. В холодной комнате, на полу, без сцены — создавался и шел боевой спектакль. Спектакль отжатый, с минимальной театрализацией... Играют все дружно. После просмотра дал некоторые советы и указания.

А за окнами разрывы снарядов — немцы опять били по району, прилегающему к Неве.

Провел беседу с активом Дома Красной Армии о ходе войны, об обстановке и задачах ленинградцев.

Вечером звонили из Смольного, приглашали сделать доклад активу о Балтийском флоте, традициях моряков и пр. Есть!

По радио передают объяснительно-замазывающую речь Черчилля: «Мы надеемся на ресурсы США, на мощь России. Надо брать пример с героического русского народа, надо иметь волю к победе, впереди бури, но мы...» и т. д.

Все это приедается... Пора Англии пускать в ход своих солдат, которые уже два года пьют какао, играют в футбол и, вероятно, достаточно свежи для дела...

Неужели эта армия еще не оснащена? Почему Черчилль говорил в одной из последних речей о возможности второго ужасного Дюнкерка? Как можно подобным образом ориентировать английский народ и армию? Где же «брать пример с русских»?

17 февраля 1942 года.

Гарнизон Сингапура, оказывается, капитулировал без всяких условий... Что происходит? Иногда мелькает мысль: не идет ли какая-то политическая игра? Неудачи и отступления в Ливии, сдача Малайи, Сингапура и островов Индонезии, неудача с немецкой эскадрой, выпущенной из Бреста... Может быть, это игра в поддавки, сложно идущая за спиной английского народа?

Днем — шквал артиллерийского огня. Вчера вылетели окна в казармах на Васильевском острове.

Готовлюсь к докладам в Смольном, в Свердловском райкоме и в Доме партийного актива.

Был Н. Чуковский¹. Дал ему письмо-директиву о книге. Это письмо должно подтолкнуть его политотдел, где писателя хотят использовать главным образом в многотиражке. Узкие хозяева!..

А. Крон получил письмо от жены из Чистополя: «Был А. Сурков и сделал нам хороший, большой доклад. Хвалил Всеволода Вишневского и всех ленинградцев. Возвращается на фронт...»

Крах английской обороны на Дальнем Востоке повлечет за собой серьезные последствия. Одно из них — новая переоценка английской обороны вообще. Вопрос о вторжении в Англию может теперь для Гитлера встать в новой плоскости. Хотя вряд ли, — Восточный фронт, где мы неумолимо размалываем его дивизии,

¹ Писатель.

является для Гитлера основным. Всякая переброска войск на Запад ослабит Восточный фронт, а этим *мы* немедленно воспользуемся. Может быть, сейчас Гитлера берут раздумья: легче было бы в 1941 году всей массой начать вторжение в Англию, а не в Россию. Перспективу вторжения в Англию ему приоткрывают японцы, хотя, конечно, сопротивление в Англии было бы чуть покрепче, чем в разбалованных колониальных гарнизонах — в среде торгашей, шпионов, кабатчиков... Как постыдно сдались гарнизоны Гонконга и Сингапура!.. Это — моя точка зрения.

...На Ленинградском фронте — наша активность сковывающего порядка.

...Ленинградское население ждет прорыва блокады Ленинграда к 23 февраля, *но дело может и затянуться...*

Гитлер активно готовится к весенней операции. Его танковые дивизии отведены, идет переборка моторов, ремонт. В дело втянуты новые дивизии... Промышленность Германии и оккупированных стран работает для весенних операций. В шахты Германии согнаны чешские и польские шахтеры. (Я думаю, что будет применена и химия.)

Для нового удара Гитлер сможет сконцентрировать сто дивизий (старых и новых). Полагают, что главный удар будет на Юге. *Нефть!* — вот что нужно Гитлеру, так как запасы нефти у него иссякают.

Немцы изо всех сил втягивают в войну Турцию, которая следит за ходом дел в Крыму и реагирует немедленно. Она следит и за немецким проникновением в Северную Африку (через Тунис) и за отступлением англичан в Киренаике. Следит, наконец, за событиями на Дальнем Востоке, где рушится подгнившее английское колониальное владычество. (В Австралии беспокойство, принимаются меры к взрыву промышленных объектов и т. п.) Выступление Турции крайне осложнило бы нам борьбу: Баку попал бы под воздушные удары.

Если к весне мы не надломим немецкую армию, придется выдержать новый удар...

Англия меж тем отсиживается, а США лишь начали формирование, развертывание армии. Грубо говоря, в мире реально действуют три армии: с одной стороны наша, а с другой — германская и японская. Действует и англо-американский флот, но он как-то уравновешен европейской обстановкой и выступлением японского флота.

СССР быстро выравнивает шансы: новые формирования, автоматика, минометы и т. д. Мы отстаем пока в отношении танков и самолетов, но мы сильны массой, сплоченностью, опытом и ре-

зернами. У нас есть продовольствие и нефть. К весне борьба вступит в фазу наивысшего напряжения.

Неожиданности возможны. Требуется бдительность, мобильность, наивысшая готовность...

Итак, первый поход Гитлера бит. Предстоит, видимо, второй... Ну, мы били три похода Антанты, навыки есть... Постараемся *упредить*...

Пришли газеты за 14, 15, 16 февраля. В «Правде» передовая о долге писателей: метко стрелять со страниц газет и книг по врагу; отчет о нашем балтийском писательском совещании; тут же рецензия Алексея Толстого на «Седьмую симфонию» Шостаковича, написанную в осажденном Ленинграде.

Вечером «нечаянная радость» — нам дали пачку концентрата борща. Сварили себе по чашке, съели, выпили чаю у печурки... Сидели группой: Крон, я, С. К., Азаров — было хорошо...

18 февраля 1942 года.

Днем звонок: «Актив Кировского завода приглашает вас, хотя встретиться».

«Есть, товарищи кировцы, буду 25-го, в 6 часов вечера».

Информация. Части Северо-Западного фронта обошли Дно и Новгород... «К годовщине Красной Армии хотят взять Псков» — так говорят приехавшие с ладожской стороны. К фронту подходят свежие части. Артиллерия генерала Мерецкова бьет по Тосно и Любани...

В 5 часов 30 минут был у командующего Балтийским флотом. Беседовали о 23 февраля. Коснулись обстановки на фронте... Морская артиллерия Ленинграда держит под огнем Тосно, Красногвардейск и прилегающие районы. Стало известно, что в Тосно на пять дней остановлено железнодорожное движение, разбиты немецкие эшелоны и пр. В направлении Мга — Кириши идет разгром армий противника. На днях, при нашей частной атаке, у деревни Коккелево (примерно район Пушкина) был прорван немецкий фронт, — на небольшом участке. Немцы, не имея дивизионного резерва, стали стягивать с различных участков фронта *по роте (?)*. У нас *резервы нарастают*. Создается большая гвардейская группа. Непрерывно работает морская авиация...

Снаряд или взрыв?.. Здание наше качнуло...

Любопытнейшие документы: письмо и заявление немецкого летчика, перешедшего на сторону Красной Армии (в Лозовеньке).

Летчик заявляет, что он готов драться против Гитлера, так как он возмущен фашистскими зверствами в Харькове, Таганроге и других местах; утайкой правды о войне и т. п.

6 часов. Снова качнуло здание... Тяжелые снаряды? Давно не бывшая бомбежка?.. Снова качнуло, в третий раз...

В Германии обостряются трудности с рабочей силой, вспыхивают эпидемии, нехватка железнодорожного состава... (Еще снаряд, бьют методически через каждые 5—7 минут.)

Радиооповещение по району об артобстреле.

19 февраля 1942 года.

Трудные бои на ленинградских участках. Немцы сплошь замирировали подступы к переднему краю, ведут сильный артиллерийский огонь. Попытка взять Коккелево не удалась. «Задача не выполнена...» Противник поворачивает тяжелые орудия к югу, готовится к обороне против армий генерала Мерецкова.

Подготовил материал для радио.

Мысли о весне. Ощущение весны явное: начало пригревать солнце, тянет западный влажный ветер... В городе новые признаки оживления: в ряде мест больше электрического света (в «Астории» с 9 часов вечера уже дают свет), несколько лучше с горючим. Чистят дома, но недостаточно... Волховская электростанция готовится дать городу ток...

Весенние и летние битвы 1942 года будут колоссальны...

Трудно анализировать обстановку при минимуме информации, но думается, что СССР уже имеет закалку и опыт, а Гитлер вряд ли сможет повторить удар в объеме и темпе 22 июня 1941 года, — не та обстановка, не те солдаты и не тот противник.

Мы узнали немцев в деле; лучше стали разведывать их; техника наша заметно усилилась; есть резервы.

При южном ударе противнику предстоит форсировать Дон, местами реку Кубань; *по прямой от Донбасса до Баку тысяча двести — тысяча триста километров.* Противник встретит жестокое сопротивление. Оно будет, я уверен, еще крепче осеннего и зимнего. Есть уверенность в командовании, в мобильности Южного фронта, в казачьих резервах. *Без нефти* ведение борьбы невыносимо.

К шести часам тридцати минутам приехал в Смольный. Главный вход замаскирован камуфляжными сетями. В здании чисто, порядок. Сделал доклад активу (работники горкома, Политуправления фронта и др.): «Борьба России за Балтийское море» (о балтийских традициях). Доклад длился 1 час 50 минут, слушали хорошо.

Беседовал с товарищами:

«...Запасы продовольствия увеличены, будут выданы сухие овощи и масло...

Город чистится, на это нужно добрый месяц.

В городе пустили в ход одиннадцать бань. Моются целыми организациями. Актив брошен в дома на уборку и пр. Поднять все это трудно, так как люди живут в своих учреждениях, на предприятиях. Квартиры почти заброшены, там только старики и больные. К весне, даже если затянется блокада, будет продовольственный резерв».

Во время доклада была воздушная тревога.

К вечеру по Балтийскому заводу — артиллерийский огонь; наши корабли сразу подавили эту батарею...

20 февраля 1942 года.

3 часа дня. Обстрел.

Из Москвы вернулся начальник Пубалта Лебедев, привез письма. В Москве нормы мирного времени меняются на пайки. Естественно...

Туманная мягкая погода. Грязные кучи отбросов на Мойке, за решеткой... В городе есть некоторые признаки оживления, хотя люди еще ходят устало, расслабленно...

Литературный вечер прошел хорошо. Сделал доклад, а писатели — В. Инбер, В. Кетлинская, Г. Мирошниченко, Вс. Азаров и др. — читали свои произведения. Потом были в редакции «На страже Родины».

Обстановка. Наступление продолжается, но медленно. Генерал Федюнинский проламывает оборону противника за Погостьем. Генерал Мерецков сообщает о выходе в квадрат Луги, — это очень важно. Противник затыкает дыры, в Вырице — 70 немецких танков и пехотные эшелоны. Наблюдаются признаки отступления. Пленные говорят мрачные вещи, — они устали. Но в обороне немцы держатся упорно.

Чем больше я думаю о нашем фронте, тем отчетливее вижу: мы можем сломать блокаду. Это будет крупнейший военно-политический шаг, но нужно известное время... В своем выступлении я посоветовал товарищам не строить военных расчетов по датам, юбилейным дням и пр. Реакция была одобрительная.

Написал полосу для фронтовой газеты — очерк «За Родину, за Россию!» Это рассказ участника боев с немцами в прошлой войне

о зарождении Красной Армии, о русской военной традиции. Писал с настроением.

21 февраля 1942 года.

Солнечно, стреляют... Прозвенел мотор самолета... Читаю о подвиге и гибели москвички комсомолки-партизанки Тани — Зои Космодемьянской... Благородная, чистая девушка... Слава ей!.. Тысячи людей откликнутся на ее подвиг и умножат удары по немцам.

Днем был на закрытом занятии-совещании начсостава. Слушали доклад начальника отдела штаба КБФ Фрумкина...

Начальник Пубалта информировал нас о своей поездке в Москву. Оценка Пубалту дана хорошая, и в частности работе писатель. Получил ряд указаний: делать сборники «Балтийцы в обороне Ленинграда», о Кронштадте и др.

Вечером смотрел фильм «Разгром немцев под Москвой». Волнует острота, подлинность ряда снятых кусков.

В тысячный раз гляжу на русские типы, на массу, на народ, на бойцов — какие это простые и сильные люди... Как мы отличны от Европы!

Жестокий натурализм снятых кадров воскрешает Россию в снегах, с саями, с бабами, с деревнями. Мелькают церкви, городишки, провинции. Все родное, кровное... И рядом — трупы умученных, немецкие виселицы...

А над всем — странно ощутимый процесс истории, формование неких новых явлений, сдвиги...

Иногда кажется, сам растворяешься в массе, видишь и ощущаешь самого себя как «рядового», единокровного члена народной семьи и тогда еще глубже чувствуешь масштаб событий в этой слитности *вооруженного* народа. И личное, усложненное, индивидуальное отодвигаешь, чтобы найти высшее удовлетворение: участие в народном, общем деле, готовность на жертву, на смерть.

Общее строение фильма не удовлетворяет: не дан враг, не дан трагизм осенних дней... Нет масштаба страны, мира. Вклейки самолетиков раздражают. Музыка не удовлетворяет.

Что даст в сумме эта война? И не только нам? Что дадут в сумме все эти циклы войн нашей эпохи?

22 февраля 1942 года.

В 3 часа 20 минут дня поехал в Смольный на слет истребителей-снайперов Ленинградского фронта. Я так устал, что не могу подробно записать здесь об этом слете, но дал уже о нем очерк в «Красную звезду» и отчет для Пубалта (для передачи шифровкой в Москву). На слете было шестьдесят пять снайперов. Движение важное. За двадцать один день февраля снайперы¹ выбили 10 784 вражеских солдата, то есть дивизию. Усиление этого движения подымает армию...

В Смольном чисто, приятно... Старые, стертые тысячами ног, лестницы. Свет. Все дышит уверенностью, покоем и делом... Бойцы с фронта — крепкие...

23 февраля 1942 года.

Двадцать четыре года Красной Армии! Двадцать четыре года моей военно-морской службы в Красном Флоте...

В сводке ничего особого... Идет размол немецких резервов. Каждый день у Гитлера тысячи и тысячи убитых. В Германии к потерям относятся обостреннее, нервнее, чем у нас...

В этом разница национально-культурных типов — у нас все крепче, атеистически спокойнее, по-русски и по-большевицки стоически: «Не плакать над трупами павших бойцов...»

Вызов: все начальники отделов направляются днем по поручению Политуправления к раненым в разные госпитали.

Я иду в госпиталь начсостава. Побеседовал, все обследовал... Наши люди скромны, терпеливы. Вывод: в госпитале недостаточное питание (вторая категория) и мал срок отдыха и лечения. Для начсостава — людей первой линии в осажденном боевом Ленинграде — можно было бы организовать дело лучше.

...Доклад я вел обычно, в темпе; рассказывал, как считаю нужным. Люди жадны, требуют информации, газет им мало. Это так понятно...

Праздничный обед: чашка портвейна, кусок селедки, немного красной икры, хлеб, масло, гороховый суп, кусочек жареного мяса, мед (!) и чай... (Доплата 6 рублей.) Шутим: нельзя ли доплачивать каждый день?

Чокнулись: «За победу, за наш Ленинград!»

Был с С. К. на Каляевой... Немного отдохнул...

Шли обратно пешком по Неве на Васильевский остров...

В газетах — мои очерки (в «КБФ» и др.).

---

¹ Ленинградского фронта.

Получили приказ народного комиссара обороны Сталина от 23 февраля...

25 февраля 1942 года.

В сводке. Окружение 16-й немецкой армии. Ввиду отказа сдать-ся полностью (у Старой Руссы) уничтожены три фашистские дивизии. Это даст ускорение дел и на Ленинградском фронте. Операция продолжается...

Днем обстрел города.

Готовлюсь к беседе на активе Кировского завода.

Пришла посылка из ССП и письма! Краткое дружеское, вежливое письмо Фадеева и записка от Володи Ставского. Он хворает: «Нога, горло, сердце сдают...» Жаль... Надо действовать еще весь 1942 год.

Читаю Стендаля, — просто необходимо некоторое интеллектуальное переключение.

В 5 часов едем всей группой на Кировский завод. Обстрел города в эти дни усилился. Сейчас — шквал по центру, разорвался снаряд во дворе лектория на Литейном... Немцы еще кусаются.

Приведенная мною выше статистика обстрела города лишь частична: только по Кировскому району было выпущено 12 тысяч снарядов. Из них по Кировскому заводу — 1850 снарядов. По другим районам — по 9—10 тысяч снарядов. Но по некоторым меньше.

Едем по таким знакомым местам. Вот мой детский путь в гимназию по Загородному, вот казармы гвардии, Технологический институт, Варшавский вокзал, с которого я 24 декабря 1914 года уехал на фронт, Балтийский вокзал, откуда мы шли в октябрьские дни против войск Керенского — Краснова.

День хмуроватый, погода мягкая. Проезжаем заставу, поворот вправо, и мы во дворе Кировского завода. Зашли в парткабинет — чисто, светло. А рядом — разбитые стены здания... Во дворе — траншеи, ход на командный пункт. На заводе осталось до двенадцати тысяч человек; остальные наладили работу на северо-востоке нашей страны...

В убежище — столовая... Уютно. По стаканчику малаги, какая-то закуска, суп, по куску языка и даже соленые огурцы. Поели... Товарищи рассказывают о работе: сейчас идет выпуск моторов, и как раз сегодня прошел актив о развертывании завода ввиду близости прорыва блокады. Сегодня же и выдача орденов и медалей на заводе, и встреча с писателями...

Дружно беседуем. От завода передовая линия находится в шести километрах, — товарищи работают под обстрелом, привыкли, тушат пожары и повышают выпуск нужных фронту изделий.

Тут же — у станков — инициаторов награждали медалями. Бывало, они падали от усталости, но дело делали...

Делаю путников доклад о ходе войны, о военных традициях России. Зал реагирует: и аплодисменты, и смех, и движение. Говорил с подъемом.

Г. Мирошниченко прочел «Налет на Хельсинки», Вс. Азаров — свои стихи.

Мне душевно хорошо: здесь цвет рабочего класса, боевые пи-терцы, кировцы... Они под выстрелами и плясать умеют.

23-го у них был концерт (артисты как раз у ворот попали под снаряды).

Какая все-таки духовная силища у нашего народа! Да, мы закаленнее Европы... Она это поймет... Ей это уже доказано.

26 февраля 1942 года.

Принесли телеграмму от «Красной звезды»: просят слать материалы; темы по моему выбору; большой привет...

Свежие номера «Красной звезды» — есть очень существенные статьи... Это ответ на гитлеровские крики о весне, о «реванше». Наши сдержанно говорят о том, что размол гитлеровских дивизий будет продолжен. Мы продвинемся на запад, мы сами-де с усами. Гитлер орет, грозится... Нас на крик не возьмешь...

Наши резервные армии усиленно готовятся, оборонная промышленность развивает темпы, — танковое производство возросло на 250 процентов с августа месяца...

Материалы в «Красной звезде» боевые, крепкие. Хороший очерк Емельяна Ярославского, статьи Ильи Эренбурга. Приятно видеть и мой очерк «Балтийцы»; его несколько сократили (?).

О теме весны. Решающий элемент — люди, бойцы. Народ у нас прочный. В техническом отношении, вероятно, Гитлер кое-что бросит в дело, но и мы сумеем не отстать...

27 февраля 1942 года.

Направил письмо академику Орбели с предложением развернуть в Ленинграде выставку «Восемь веков борьбы с немцами». Музейные фонды Ленинграда ведь так богаты: тут и трофейные знамена, и ключи Берлина, и шляпа Фридриха Великого.

Такая выставка в дни нашей весенней активизации сыграла бы большую военно-политическую роль...

Написал письмо Эренбургу: мой привет и кратко о ленинградской обороне...

В городе продолжается известный подъем — выдают каждую неделю продукты: крупу, мясо и т. д. (от двухсот пятидесяти до пятисот граммов). Идет очистка города от грязи... На спекулятивном рынке *хлеб подешевел* — до двухсот пятидесяти рублей за килограмм.

28 февраля 1942 года.

6 часов утра. Во тьме — утренняя сводка. Разгром двух фашистских дивизий, продвижение на ряде участков.

Россия продолжает свое дело. Здесь центр тяжести войны. Прочие «партнеры», видимо, отстают.

Подготавливал разные материалы.

В час дня — на командирской учебе высшего и старшего состава. Краткая беседа с боевыми друзьями.

В этой войне необходимы хитрые комбинации, подготовки и удары.

Англичане должны, обязаны показать себя. Мы привлекли на себя более 90 процентов армий Гитлера, пусть и союзные армии Европы и экспедиционные дивизии США сделают свое дело.

На днях поеду в части... Опять в поле, в дело!..

Написал письма О. И. Городовику и И. Сельвинскому. Мысли о товарищах в Москве и на фронте — постоянны.

Город обстреливается шквалами...

1 марта 1942 года.

Возможно, что в Лондоне сейчас, в разгар приемов в советском посольстве, думают: что будет, если лавина Красной Армии войдет в Европу?

Как эта война меняет старый порядок вещей!

Хорошо сознавать, что мы народ огромный, воинственный, деловой, упорный... Каких еще дел мы наворочаем в этом мире!

В фашистской армии ведется методическая обработка личного состава. Все «по-геббельсовски» отработано... После провала под Ленинградом и поражения под Москвой — агиткампания на темы: «зимнее затишье», «перегруппировка сил», «сокращение линии

фронта» — активизация лишь к весне 1942 года, «с родины идет снабжение, продовольствие, но дороги мешают, доставка трудна».

У немцев строжайшая цензура писем. Угрозы тем, кто пишет о подлинном положении дел в Германии. С декабря у фашистов постепенное ухудшение настроения, дисциплины. Немецкие солдаты разочарованы тем, что война не кончилась тогда, когда им было обещано... Воздействие советских контратак, морозов: «эта проклятая холодная Россия...», «наши надежды на смену канули в воду...». Подлинного положения дел на фронте и данных о потерях фашистской армии солдаты не знают. Но и слухи, и опыт в отдельных частях показывают им, что дела ухудшаются.

Дисциплина суровая, пока отмечают только факты отдельных неповиновений; изредка, в тяжелых условиях, групповая сдача в плен, но еще в большинстве дерутся упорно...

К советской пропаганде относятся пока недоверчиво, но иные приберегают пропуски в плен («на всякий случай»).

Краткий вывод: все же еще рано говорить о немецком разложении, крахе и т. п., чем порой грешат наши журналисты, карикатуристы и др.

2 марта 1942 года.

Из Ленинградского обкома в освобождаемые армиями генералов Мерецкова и Федюнинского районы едут инструктора. Говорят, что несколько человек уже убито немецкой агентурой.

В газете Н-ской армии (фронт генерала Мерецкова) напечатан мой очерк «Город-борец». Это Руднев перехватил в отделении «Правды» мой очерк «Люди города Ленина» и использовал его. Правильно, бойцы, идущие на выручку Ленинграда, должны знать о Ленинграде.

...Один пленный немецкий полковник сказал: «Мы научили вас бить нас». Ну, ну! Мы ученые сами! А присмотреться к немцам было полезно — и психологически, и практически.

Мы покончили с гитлеробязнью, занесенной из Европы!

В иностранных военных радиопередачах и в прессе все чаще появляются иронические нотки в отношении Гитлера, его армии и тыла.

...Идя вперед, мы будем *восстанавливать*. Мы — армия строительства и созидания. Это придаст людям здоровый дух, расположит к нам население и Польши, и других стран.

Гитлер кричит, что немецкая техника, немецкое умение должны дать миру новый облик... Умение и техника, оказалось, есть и у других. Попытка выдать гитлеровскую систему за высший тип не удастся. *Благоразумно было бы включить Германию в действительно*

новую систему — в виде Народной Республики. Сочетание наших сил и демократической Германии дало бы абсолютный исторический эффект. Конечно, противодействие Англии и США и англо-американофилов в Германии (которые неизбежно всплывут наверх) будет сильнейшим...

4 марта 1942 года.

Наши сводки сообщают о продолжении упорного прогрызания немецких укрепленных линий.

(Обстрел Васильевского острова.)

Я все время думаю об общих контурах войны. Продумываю планы весенних писательских работ.

Написал сегодня очерк «Разгром немцев и взятие Берлина в войну 1756—1763»; у нас в массе о Семилетней войне знают мало.

Как-то ослабел мой интерес к ленинградскому быту. Может быть, это инстинктивная самозащита: надо дело делать.

Да, война, особенно современная, уносит много жертв, но развитие общества не останавливается ни на секунду.

Взял книгу «Война на Балтийском море». Заказал «Знамя» за 1939 год, «Операции подводных лодок» и др.

Перечел «Правду» за 1, 2, 3 марта. Есть несколько хороших очерков о партизанах. Передовая о *борьбе с танками (!)*.

В 1-м отделе Пубалта вышел очерк о морских бригадах. Предисловие «Оперативная обстановка» написано мной.

В Москве был митинг представителей Латвии.

На фронте действуют латвийские части Красной Армии.

5 марта 1942 года.

Напряженно думаю о весенних операциях. Надо перечитать книгу «Крах наступательных немецких операций в 1918 году».

Рузвельт в письме о военном производстве США называет весну 1942 года *решающей*. Да, Гитлер и пр. стремятся «разделаться» до развертывания всех сил коалиции. Англия и США еще отстают, не имеют ударных сухопутных армий. Мало того, есть все основания думать, что главной задачей англо-американского блока является желание сманеврировать, уберечь свои силы, пока Германия и СССР не выпустят друг другу максимум крови, и прийти — к финалу войны.

Мы готовимся со всем напряжением сил. Непрерывно идет повышение оборонных заданий, трудовая мобилизация, новые фор-

мирования. Мы требуем все настойчивей активизации Англии, США и др. Это нужно для обеспечения успеха, уменьшения тягот и жертв СССР и усиления нашей мощи...

Об обстановке. На 16 февраля было назначено общее наступление армии генерала Федюнинского, но результаты не оправдали наших ожиданий. Немцы крепко там засели... На сорок часов ударом Н-ской армии был взят Шлиссельбург, но опять оставлен.

Недавно были проведены маневры с опробованием некоего нового вида оружия. Говорят, что оно действует отлично.

Прибывшее пополнение сибиряков просится в бой и готово отдать 50 процентов своего пайка Ленинграду.

На Западном фронте наши танки, включая сверхтяжелые, провали немецкую укрепленную полосу, что признает и немецкая сводка от 4 марта.

Упорные бои в районе Донбасса.

Опыт войны показал, что бомбежка городов не дает военного и политического эффекта. Говорят, что немцы отказываются от этого метода. Нам в Ленинграде это не заметно...

7 марта 1942 года.

Сегодня у нас били по восьми немецким бомбардировщикам. 2 часа 15—20 минут. Опять стрельба. Шестнадцать наших истребителей в воздухе...

Сейчас трещит старая система Британской империи, — загнивший империализм: потеряны позиции в Китае, отвалился Гонконг, за ним Сингапур, рвется связь с Австралией и Новой Зеландией, которые ищут помощи у США. Японцы у ворот Индии. Средиземноморский путь почти закрыт... Восток в неустойчивом равновесии (причем «пятая колонна» активна — везде есть немецко-итальянские сторонники): сомнительна позиция Турции; с Ираном дело отнюдь не улажено... Морские пути сообщения англичан напряжены, и я их статистике не верю: «Потеряно восемь миллионов тонн». Может быть, потеряны и все пятнадцать миллионов тонн?..

Информация. Гитлер заявляет о том, что весной по СССР ударят двести дивизий.

Японцы прислали демонстративное приветствие Финляндии. Весной возможен комбинированный удар: немцев, японцев и финнов.

Главное направление южное — борьба за нефть! Сейчас на Юге напряженная борьба, но информация скудная.

8 марта 1942 года.

В городе воскресник — уборка снега, чистка трамвайных путей, чистка дворов... Люди работают с подъемом — вера в победу движет людьми!..

Написал резкое письмо во 2-й отдел Главного политуправления о недостатках агитационно-пропагандистской работы на флоте. Достаточно резкое: это мои выводы после восьми с половиной месяцев наблюдений — нет материалов, нужных книг, брошюр, отсутствует мобильность, нет обмена опытом с другими флотами; сильно запаздывают газеты и т. д. Аналогичное (краткое) письмо послал начальнику Военно-морского издательства.

Дорога жизни.

Ладожская военная дорога работает с полным напряжением. Перевозят до семи тысяч тонн грузов в день (на глазах у фашистов). Фрицы *голодные*, облизываются, сидя в Шлиссельбурге, временами пытаюсь выскочить через озеро к финнам...

Идет поток грузов: мука, английский рис, табак, мясо, бензин и т. д.

На льду плакаты (к шоферам): «Родина и народ не забудут ваших трудов»... Регулировщики, ледяные домики — зенитные точки. Гонят машины со скоростью шестьдесят километров — два-три рейса в сутки. Бывают аварии.

Шоферы живут в лесу, в землянках. Спекут блины из «процента», поспят — и работают, работают, работают...

Железные дороги подбрасывают грузы, и они идут по льду в Ленинград, чего немцы никак не ожидали.

Эта дорога спасла город и фронт...

Мысли, бессонница...

9 марта 1942 года.

Спали у своих на Каляевой. От разрывов снарядов дребезжат стекла... Солнечно...

С. К. выступала 8 марта на минзаге — набирается опыта, смелости...

Заводской район и Нева обстреливаются все чаще.

Принесли ряд книг по вопросам войны: Тарле и др. Надо, чтобы все в группе к весне подчитали, вошли в круг европейских мировых проблем, в круг военных широких задач...

10 марта 1942 года.

У меня давно внутреннее ощущение, что все-таки Ленинградский фронт и сам Ленинград в общих операциях войны занимают сейчас подчиненное положение.

Стороны ищут и будут искать решения в других направлениях: *Центр и Юг.*

Ленинград нам нужен как база нового Северо-Западного фронта (Прибалтика). Несмотря на обстрелы и бомбежки, индустрия Ленинграда *сохранилась*. Возвратят со временем из тылов и армии часть рабочих кадров, восстановят таким образом и живую силу. Город надо еще разгрузить от непроизводительных элементов; есть сведения, что намерены вывезти еще пятьсот тысяч человек.

Балтийский флот в современных условиях на данном театре, при данных технических условиях, будет решать *местные задачи*...

Реальная обстановка. Бои на Ленинградском фронте. Окруженная 16-я армия нами уничтожается... Вязьма окружена нами; бои за Смоленск, бои за Курск. Харьков под артиллерийским обстрелом Красной Армии; бои в Донбассе. 7 марта началось наступление Красной Армии в Крыму.

Спротивление немцев упорное, а нам зимнего времени остается *мало*; на Северо-Западном и на Центральном участках — может быть, месяц. А на Юге уже весна. Надо торопиться! Оттеснять немцев, срывать их весенние планы!

(Обстрел...)

Зимой серией наступлений и осад, теряя в некоторой степени и свои силы, мы втягиваем фашистов в мясорубку. В живой силе они нам уступают. Гитлер цепляется за землю... Что это — ошибочное упорство или предвидение исходных позиций 1942 года?

(Обстрел...)

Ладожские земельные органы получили планы сельскохозяйственных работ с *включением временно захваченных фашистами районов*.

В Ташкенте стало модным возвращаться в Москву. Один из писателей разлетелся с телеграммой в Совинформбюро: «Прошу отправить меня на фронт». Ему ответили, что предложение несколько запоздало...

12 марта 1942 года.

Написал письмо-отзыв о пьесе Крона... Нельзя писать с оглядкой, осторожно — это в литературе губительно... Кроме того, у

Крона еще нет достаточной широты взгляда, твердой позиции в искусстве и опыта... А писать может: несколько образов в пьесе написаны блестяще.

Обстановка.

...На Ленинградском и Северо-Западном фронтах. Наши армии — от Копорского залива до трех армий Мерецкова — во взаимодействии. Два дня тому назад части Федюнинского и Мерецкова возобновили удар и идут навстречу друг другу (к северу от Чудово). Взято Бабино... Немцы подбрасывают резервы. У противника для питания фронта остается пока одна железная дорога — через Псков. Рейд Городовикова к Дно и глубже ставит эту дорогу и Псковский район под удар...

На Западном фронте — положение хорошее: взяты Кромы, перерезана шоссе́нная дорога Орел — Курск; Орел окружен...

Наступление в *Крыму* продолжается.

Международная обстановка. Гитлер шумит: «Весенний удар! Двести восемьдесят дивизий! 6 000 000 германских солдат!» Подготовка Гитлером ведется безусловно, но в *ином масштабе*. Наши резервные армии будут посильнее немецких. Идет доставка боевой техники.

Успехи Японии могут беспокоить Гитлера — ему хотелось бы быть в Индии первым...

Немцы по-прежнему хотят втянуть в игру Швецию, Турцию и др. и заставить Японию ударить весной по СССР. Квантунская армия наготове; на маньчжурской границе — инциденты...

Немцы стремятся подчинить, парализовать англофильствующую Швецию. Идут концентрации войск. Видимо, возможность Скандинавского фронта реальна. Может быть, надо поставить в связь с этим и прорыв кораблей «Шарнхорст», «Гнейзенау» и поход «Тирпица» на север...

Методический обстрел нашего района. В 7 часов качнулось здание...

Читаю Ленина и думаю о том, как Россия, ее вожди и рядовые бойцы круто с 1917—1918 годов изменили ход истории, мышление, методику — в Европе и во всем мире...

14 марта 1942 года.

Поехали в батальон моряков в район Белоострова.

Как памятливы эти лесные дороги, снега, полувесенние небеса!..

Заехали в штаб дивизии, побеседовали с военкомом. Рослый, седоватый партработник-хозяйственник с Украины. Кратко доло-

жил: «Фронт у нас сейчас стабилен; оживленная разведывательная деятельность; противник что-то подвозит, перегруппировывается...»

Познакомился по карте с обстановкой в дивизии. Был случай боевой разведки финнов. Дали артиллерийский огонь, отбросили их. Дивизия готовится к весенним «наводнениям». Довольствие дивизии стало лучше, чем в декабре—январе. Сейчас дают: восемьсот граммов хлеба в день, три раза горячее, мясо по сто пятьдесят граммов, сахар — тридцать пять граммов, хвойный экстракт и т. д...

Н-ская армия много пережила — она была на госгранице с Финляндией...

Сейчас в армии растет снайперское движение. На Карельском перешейке ежедневно истребляют сто пятьдесят — двести сорок белофиннов. Скинем 30 процентов на ранения, ошибки, обман, и все же ежедневно выбивают до роты. Финнов труднее бить, чем немцев, так как они более опытны в этой зимней лесной войне. В Н-ской армии тысяча четыреста истребителей-снайперов... Уже есть целые взводы и роты.

Снайперы бьют со 100—200 метров, иногда подбираются на 70 метров к противнику. Маскируются, даже оружие обертывают белой марлей... Снайперы-истребители изучают порядки на переднем крае у финнов: дымки, тропинки, дзоты, пути к НП¹, к кухне, к колодцам. Мы все это посмотрим на месте — в батальоне моряков.

Побеседовал с моряками-разведчиками, шедшими в поиск. Обсудили план поиска: захват одного передового дзота.

По лесной дороге идем на командный пункт морского батальона. Телефонные провода, перевернутый трактор, пустые бензобочки, грязные следы, тропинка. Вдали виден лес за станцией Александровка — там финны. Над всем — солнце и чистое, голубое-голубое зимнее небо.

В землянке ознакомились по карте с обстановкой в батальоне, вызвали представителей рот. Я тут же сделал товарищам доклад о ходе войны, о весенних наших задачах... Слушали хорошо...

После доклада бойцы помолчали, помялись, а потом разговорились. Моряки рассказывали о своей боевой работе. Пришло новое пополнение (батальон тут же, в окопах, развертывается в полк). Новое пополнение дало обещание принять боевые традиции, участвовать в снайперском движении. Один из раненых (вернувшийся в строй) доложил, что открыл свой счет.

Выступления (в тесной, душной землянке, с низким потолком, грязноватым окошечком) хорошие, краткие... Народ на войне!..

¹ Наблюдательный пункт.

Дал человек обещание, вскинул винтовку и пошел по тропинке на передний край.

Мы направились к наблюдателям. Хорошо видны казармы, церковь, в которой помещается финский наблюдательный пост. Вот современный окопный фронт.

По вечерам финны пускают ракеты. В 22 часа 30 минут пропитой голос сообщает число убитых русских (вздыхает, сочувствует...). Музыка играет похоронный марш. Это финское радио со станции Лахти. Финны сбрасывают листовки на дурной бумаге, с плохими иллюстрациями — приглашают русских бросать фронт и «идти пахать»; рассказывают, что в Финляндии семьдесят тысяч русских пленных... Красноармейцы и краснофлотцы плюют на финские «штучки».

Побеседовал с командиром разведчиков товарищем Иониди. Это моряк, служивший в торговом флоте; плывал, кончил военную школу в Кингисеппе, ходил по финским тылам.

...Проводил разведчиков, уходивших на поиск, пожелал им привести «языка». Вспомнил свои поиски-разведки в 1914—1920 годах.

Ракеты... Мертвенный их свет... Чуть шуршат смерзшиеся белые халаты... Возвращаемся в штаб по лесным дорогам... Дома плохо затемнены, пропусков почти не спрашивают, указателей на дорогах нет... Селения носят следы запустения.

15 марта 1942 года.

...Днем поехали в УР¹ на Черной речке. В лесу, в толще холма, — помещение штаба; в подземных бетонированных убежищах — командный пункт, радиоузел и телефон. Люди от искусственного освещения, недостатка свежего воздуха и движения хворают (ослабление зрения и т. д.). Местами в холме — деревянно-земляные сооружения.

Беседа у карты с военкомом УРа (бывшим инженером). УР за зиму вырос в два с половиною раза. Все доты и дзоты наготове. В целом настроения боевые и бодрые...

Сделал активу штаба и политотделу доклад о современной обстановке.

Поехали на передний край. Сделал доклад активу артиллерийско-пулеметного батальона (в землянке). Осмотр дзота: землянка узкая, нары, тут же боезапас и лампа... Ее опрокинули, вспыхнуло горючее; четко затушили... Поговорили о сложных формах борьбы: блокировке, химическом нападении, о возможности завала выхода из дзота и пр.

¹ Укрепленный район.

Молодежь в настоящих боях еще не бывала... Бойцы не все представляют себе. По данным видам борьбы мало тренировались (где же опыт боев на линии Маннергейма?!)..

Поехал в политотдел армии, где должен был выступить на собрании актива.

Рассказал о Балтийском флоте, о морских делах, о боях за Таллин, об участии Балтийского флота в обороне Ленинграда и пр.

Спал как убитый.

16 марта 1942 года.

Написал статью для местной армейской газеты. Ряд примеров с 1914 по 1918 год.

Книгу о крахе наступательных операций германской армии в 1918 году так и не могу достать. Нашел ее след в библиотеке Свердловского райкома, но она была выдана на завод и там сгорела (при обстреле).

Текущие дела в группе. Почта из Москвы, пакеты от Михайловского, теплое письмо от Ставского. Для писателей Ленинграда он и другие товарищи (кто?) достали полторы тонны продовольствия!

Письма от друзей и знакомых. Из «Знамени» (от т. Михайловой¹), от Эсфири Шуб — добрые слова фронтовикам и т. д. и т. д. Далекое, в общем, литературные дела. Читаешь обратные адреса: Алма-Ата, Барнаул и т. п. (!)

17 марта 1942 года.

Пока тихо... Усиливается ПВО. К Ленинграду подошло несколько новых авиационных полков. Морские летчики сбили в последних боях тридцать немецких истребителей, в том числе и М-115 (охотники улучшенного типа).

...Беседовал в 1-м отделе Пубалта.

Написал письма в «Знамя», в Военно-морское издательство, сообщил им (в ответ на их «планы») о том, что делается на Балтийском море, что можно сделать. Эти издатели (бродящие по Волге и другим «рубежам») плохо представляют себе обстановку в Ленинграде и на КБФ.

Слушал радио.

Вечером сидели своей дружной группой, ужинали, выпили коньяк (из подарков ССП, по 150 граммов — флакончик на человека). Писательская застольная болтовня, уверения в дружбе и т. д.

¹ Ответственный секретарь журнала «Знамя».

Хочу верить, что в группе отстоялось крепкое ядро. Посмотрим — проверка весной и летом.

18 марта 1942 года.

По фронтам.

На Севере местные стычки, разведывательные бои. Бомбежки отдельных городов Финляндии (нами). Налеты немцев на Мурманскую железную дорогу. В Финляндии сильные признаки усталости, разложения. Паек в этой стране: триста граммов хлеба (картофель, видимо, у них есть)... Финны на привязи у немцев, и до решения вопроса на германо-советском фронте тут, видимо, изменений не будет. В порядке отвлечения наших сил возможно наступление финнов на отдельных участках: на Ленинградском (Карельский перешеек) и на Мурманской железной дороге (на севере).

Ленинградский фронт. Медленное движение Н-ской армии и частей генерала Мерецкова. Воздушные схватки в нашу пользу. Ленинградскими летчиками за последние пять дней сбито 37 самолетов противника. Если мыотрежем железную дорогу через Псков — Лугу — Красногвардейск, немцы будут догорать, как 16-я немецкая армия...

Южный фронт. Широкое наступление Красной Армии. Цель — отрезать ударом на Днепропетровск всю немецкую армию в районе Таганрог — Донбасс — Крымский перешеек. Бои в Крыму.

Английские, американские и другие газеты считают, что СССР имеет огромные резервные армии, подготовленные к весенне-летним операциям...

Берлин ждет новых воздушных налетов. Недостаток нефти в Германии ощущается все сильнее. Гитлеровская пропаганда стремится еще больше запугать нейтралов и вбить клин между союзниками.

В Индии лихорадочное состояние. Неру и другие требуют полной независимости и отделения Индии.

Из речи Гитлера 15 марта: «Только теперь мы узнали, какую смертельную опасность представляет собой большевистский колосс... Не позволять ему переходить свои границы!»

Абсолютно новые ноты в этой речи!.. Не «взятие Москвы», не «дни СССР сочтены», а «смертельная опасность» и мечта сдержать Красную Армию у границ Германии! А может быть, и скрытый намек — не хотите ли поладить на старых границах?

...Расчеты Гитлера напрасны! Дело надо доводить до конца.

19 марта 1942 года.

Солнечно. Горком поручил сделать доклад (о текущем моменте) в Кировском райкоме завтра в 4 часа дня.

К Неве, Фонтанке и к другим каналам свозят грязный снег. Обстрел города — ежедневно. Огневой налет на площадь Урицкого — лежат убитые и раненые у Дворцового моста... В среднем до ста тяжелых снарядов в день — видимо, бьют из района Урицка.

Может быть, думаю я, мы будем весной драться, как осенью, в условиях блокады... Опять бомбежки, простреливаемый, просматриваемый фарватер... Немцы в Петергофе. Ощущение затычки операций есть... Видимо, сейчас нельзя расходовать лишние силы — они нужны для лета?

Вечером пили чай всей группой. С. К. хозяйничала... Народ сдружился, стало несколько легче: на столе масло, хлеб, консервы... Шутки, остроты.

А зимой было темно, ледовая холодина, голод, и люди были обостренно-нервные. Приходилось примирять их, писать им, настаивать, воздействовать на них.

Устаю я очень... Единственный мой отдых — сон...

20 марта 1942 года.

Солнечно, местами подтаивает... Рукописи...

К четырем часам дня еду с С. К. в Кировский район.

Краткая беседа с председателем райисполкома, секретарем райкома и др. В районе было сто тридцать тысяч человек, осталось после выселений и местной эвакуации до тридцати тысяч. (Зона за мостом перед Кировским заводом почти очищена от населения.) Многие умерли от голода. Сейчас продовольственные нормы поддерживают людей, но еще не восстанавливают полностью. В отдельных бригадах на заводе в строю только 25—30 процентов, остальные больны, истощены. В банях заметно: тела у людей бело-бледные, ребра выступают ...

Район готовит к весне двести гектаров огородов. Сто квадратных метров огорода обеспечивают человека на год. Привлекли агрономов, выделяются участки, выдается посевной материал.

Кировский завод выпускает оборонную продукцию и в то же время ремонтирует авиационные моторы, орудия, танки и т. д. В Торговом порту собираются доставать со дна десятилетиями ссыпавшийся в угольной гавани уголь! Будут работать водолазы (по прямой — в трех километрах от немецкого переднего края). Это самая необыкновенная угледобыча в мире.

Ленинградцы упорствуют, работают, борются...

7 часов вечера. Беседа с кинематографистами о фильме «Оборона Ленинграда». Охотно им помогу. Есть около пятнадцати тысяч метров снятой в блокаду хроники.

9 часов вечера. Мое радиовыступление о Семилетней войне.

21 марта 1942 года.

На Неве у ледокола «Волынец» разорвался снаряд, окрасивший лед в розовый цвет. Видимо, химический. Немецкая артиллерия, как нам стало известно, получила химические снаряды.

В 1 час 30 минут командирская учеба — о действиях артиллерии КБФ в 1941 году.

...За время войны с 22 июня по 31 декабря 1941 года КБФ израсходовал сто тринадцать тысяч снарядов, то есть больше, чем весь царский флот за всю империалистическую войну (!)...

*22 марта 1942 года.
Воскресенье.*

Выспался...

Девять месяцев войны... Весеннее равноденствие. Солнечно, с утра воскресник — расчистка улицы и двора.

Работаю над рукописями: сборник, книга Мирошниченко. Текущие дела...

К обеду сегодня дали стопку водки, суп с сушеным американским (надоевшим) мясом, рис...

В «Красной звезде» от 20 марта говорится о том, что Гитлер шутит о весне, о наступлении, но *весной наступать будем мы*. Дано жирным шрифтом. Это симптоматично и отвечает моим мыслям о необходимости упреждения гитлеровского весеннего наступления...

Англии и США — хватит уже отсиживаться и выжидать!..

Обстрелы продолжают. Немцы с нескольких точек открывают шквальный огонь, стремясь, чтобы их не засекали и не подавили. Маскируются умело... Мы усиливаем воздушную фоторазведку и пр. Прежние методические обстрелы (несколько часов подряд) пока не повторяются.

У нас вышел уголь, не топят, холодно.

Вечером все вместе пили чай.

У меня возникают в последнее время темы новелл, рассказов...

...История снайпера... Охота на переднем крае. Немцы тоже охотятся за русскими... Убили одного немца, при нем завешание и прощальное письмо к жене. Раздумье снайпера над телом немца... Письмо не порвал, оставил. «После войны поеду в Германию, сам отдам вдове...»

23 марта 1942 года.

Подготавливаю отчетный материал по группе за полгода.

Читал, редактировал сборник погибшего поэта-штурмана А. Лебедева... Это лирика моря, чистая, несколько традиционная, местами несколько старомодная: экзотика океанов, девушки, штормы, корабли, дружба, портовые встречи, символика — и вместе с тем все молодо, мускулисто. Это от нового поколения наших моряков... Местами поэт как бы предчувствует свою гибель на войне, говорит о ней, о гибели, «на ходу» — как о возможном и естественном. Я не был знаком с Лебедевым, но его тоненькую книжечку «Кронштадт» я помню... В стихах его есть культура, они просты, в них здоровье, но в них нет еще познания жизни, ее трагизма, глубины... Это должно было прийти. Война уже создавала в стихах Лебедева некие новые образы, звучания... (Маленькая финская война 1939—1940 годов не породила сдвигов в литературе.)

Смерть оборвала путь поэта... Мне захотелось взять на память два-три стихотворения о боях балтийцев у Муурилы (зимой 1940 года).

Днем шквальный огонь по Васильевскому острову, близкие разрывы, шрапнель над Балтийским заводом, снаряды у группы эсминцев на Неве... Есть раненые...

24 марта 1942 года.

Фельдмаршал Лист был в Хельсинки, Осло. Северные норвежские порты закрыты. Надо рассматривать это как инспекцию перед «весенним ударом». Однако есть признаки того, что весной ударим *мы*, об этом даже прямо говорится.

...Речь Галифакса: «Англия ведет войну два с половиной года, создана крупная регулярная армия, способная защитить свою страну». А вести операции вне ее?.. Галифакс, кстати, мог бы сравнить усилия Англии и СССР в области военных успехов, жертв и пр. Но он этого не сделал.

США усиливают выпуск самолетов: с 7 декабря (удар по Пёрл-Харбор) увеличение на 50 процентов...

Весь день беседовал с начальником отдела печати Главного политуправления Военно-Морского Флота. Он понял, как работает группа. За шесть месяцев дано: 79 печатных листов, 2800 строк стихотворений, 90 очерков в центральную прессу, 96 — в военно-морскую прессу, 44 — в пресс-бюро, до 60 радиовыступлений, до 150 устных выступлений; серия новых книг... Изложил писательские нужды, пожелания (литературный материал давать в «КБФ» шире, иметь свою полиграфическую базу, связь с Военно-морским издательством, отделом печати, с «Красным флотом», о необходимости свежей литературы)...

25 марта 1942 года.

Оттепель... Пробитая осколками крыша дала течь... В комнате группы «потоп», валится штукатурка. В городе лужи, грязь... Затопляются подвалы.

Сводка. «Ничего существенного».

Идут упорные бои для расшатывания немецких «очагов сопротивления». Апрель—май дадут новые сдвиги.

Днем поехал на кинохронику. Горком просит заняться фильмом о Ленинграде. Просмотрел три с половиной тысячи метров заснятого материала... Есть сильнейшие куски. Довоенный Ленинград, отдельные куски боев, огнеметы, бомбежки, пожары. Особенно сильны эпизоды блокады — застывший город и т. д. Фильм будет сильный. Сроки дают минимальные: пять недель.

Это должен быть фильм острейшего международного звучания — рассказ о героизме Ленинграда, стойкости ленинградцев. Вызов Англии и США: вот как надо драться. Все ваши «жертвы» не идут ни в какое сравнение с жертвами России, Ленинграда...

Сильный шквалистый ветер. Питерская погодка!.. Думаю о том, что Ледовой дороге приходит конец. Город будет снабжаться только по воздуху и по Ладоге — это осложнит борьбу. Правда, армия генерала Федюнинского нажимает, бои в восьми километрах от Любани...

В сводках материалы о том, что японцев, по-видимому, приостанавливают в Бирме и на Новой Гвинее. Пора!

Беседа о фильме. Слушали мои соображения о фильме, о днях осени 1941 года. Коснулись вопроса о сроках, о монтаже... О «пожеланиях» товарища Большакова взять весь ленинградский материал в Москву и там его смонтировать. Как это могут режиссеры, не зная Ленинграда, его борьбы, делать фильм? Говорил я горько...

Поздно ночью ехал по городу — сыро, луна, тучи... Сколько тебе еще биться, терпеть, мой Ленинград?

26 марта 1942 года.

Снежок... В трубу печурки задувает ветер, несет копоть... Обстрел района.

Умер писатель Е. Лаганский. Язвенный или раковый процесс в желудке.

Сильный обстрел днем. Видимо, противник будет стремиться повредить корабли, стоящие на Неве. Еще больше возрастает роль нашей противобатарейной артиллерии.

Вечером сообщили: «29 марта в 14 часов совещание писателей, на нем будет присутствовать армейский комиссар».

Подготовил материалы, отчетность и пр. Меня раздражает, что некоторые люди вынюхивают, нельзя ли ликвидировать группу. Отдаешь все силы делу военно-морской литературы, а чиновники уже хотят все втиснуть в «рамки отдела».

При обстреле сегодня — несколько пробоин у кораблей (осколочные попадания), порваны антенны. Если не подавят батареи противника — корабли пострадают. Больно... Балтийский флот и так в невероятных условиях...

Усталость.

27 марта 1942 года.

...В 5 часов поехали с С. К. на кинофабрику. Просмотрели до двух тысяч метров пленки. Снова сильные куски: город, Волховский фронт, пленные немцы. Сидели, смотрели, думали, волновались... Много, ох как много пережито! Герои операторы — худые, бледные, истощенные — все засняли, сохранили для истории.

Беседа с коллективом. Сообщил им свои соображения о монтаже: дать сильно сентябрь — момент отпора врагу, дать облик надломленного врага, дать сильный финал. Эти три эпизода требуют доработки, акцента...

На фабрике грязно, запущенно... Люди усталые, небритые, в заносенных полушубках, но работают упорно. Как успеть все закончить к 30 апреля?..

Вечером у товарищей в группе очередные литературно-служебные треволения: как будет с группой, ее хотят влить во 2-й отдел, некоторых послать в многотиражки и т. д.

Я слушаю, выравниваю линию поведения отдельных товарищей... *Все-таки у нас здесь не ССП, не дискуссии — а война.*

29 марта 1942 года.

Днем солнечно. После обеда — зенитный огонь. Вокруг сирены... Летают самолеты, от времени до времени — выстрелы.

Беседовал с лыжником из морского полка. Это высокий симпатичный спортсмен, в серой куртке, с якорем на левом рукаве, в вязаной шапке и трофейных двойных перчатках. Он взял «языка»... Сделали засаду, подпустили на пятнадцать метров восемь немцев — головной дозор. Дали автоматный огонь, раскроили черепа четверем фашистам, остальных подбили. Один немецкий пулеметчик лег за куст. Его окружили. Он бросил пулемет в снег и поднял руки... Немец одет неплохо, из свежих, «весенних»... В показаниях врал. При отходе наши взяли все документы у убитых. Пленного привели в землянку, дали сто граммов водки, шей, сухарей. Нужно успокоить такого «языка», чтобы говорил. Предварительная беседа дает, конечно, минимум, так как наши слабо знают немецкий язык. Немец показал, что у них получают пятьсот граммов хлеба в день, а о расположении своей обороны он врал.

Речь Черчилля... Старик говорит, что если союзники не проявят энергию, умение и т. п., то война будет проиграна. (СССР проявляет умение — добавим мы — в полной мере... Кому же адресует Черчилль свои соображения?!)

Стоит хоть на день-два выключиться из суеты, сконцентрировать мысли на одной теме, и я чувствую себя ровно, хорошо. Внутренне прочен — все эти оргвариации несущественны. (Совещание перенесли на завтра.)

Главное — писательская работа, возможность наблюдений, записей, анализа. Временами я заметно ухожу в области, совсем удаленные от быта. Что ж делать, я не бытовик. Стоило подумать о сценарии, как зашевелились воспоминания: Таллин, поход 28—29 августа, осенние бои, образы бойцов морской пехоты, десанты.

Написал письмо редактору «Правды» — сжато о своих мыслях, настроениях (предвесенних).

Вечером передают по радио стихи Пушкина о Петербурге. Как они волнуют! Вечером же — джазовая музыка... Странно, я так давно не слышал ее... Еще бутылку бы вина, и на час иллюзия мирного вечера...

30 марта 1942 года.

Выспался. Завтрак.

К двенадцати часам сорока пяти минутам — в комнату № 106.

После долгих размышлений писатель победил во мне дисциплинированного военного.

Я готов к бою, к спору за литературу, за балтийское литературное дело против (может быть, даже хороших пубалтовцев) людей, не понимающих сути литературного дела. Слухи, шепотки... В редакции «КБФ» разговоры: «Ну, пора кончать с группами, надо работать вместе», и т. п.

Краткое вступительное слово Рыбакова: «Проработка писателей» (?!). Тяжелая пауза... Начальник Политуправления КБФ Лебедев смущен, просит меня взять слово.

Я говорил, чувствуя, что это дело моей жизни, творчества... Говорил в лоб — о литературе, о писательском праве, говорил смело. А за этим — шквал глубоких, умных, дружных выступлений всех писателей. Я редко видел в писательской среде такую внутреннюю силу и единство. Это шел бой за литературную жизнь, за литературную среду Балтийского флота.

Мы выиграли этот бой. Армейский комиссар понял, что ломать, «прорабатывать» людей, которые в осажденном Ленинграде пишут, действуют, несут факел литературы, невозможно.

Мы вышли сияющие, гордые...

Прогулка по Неве, удивительный весенний вечер. Говорили с Брауном, Азаровым, С. К. о литературе.

Позже, вечером, просят во 2-й отдел:

— Товарищ Вишневский, противник взял Гогланд, срочно нужно возвращение к лыжному полку: «Взять Гогланд обратно».

Вот и оперативная работа... Признаки весенних операций... Написал четко, подъемно, ударно. Замечаний никаких, лишь добавили две-три фразы о наступательной тактике.

31 марта 1942 года.

Апрель будет месяцем новых, повышено-активных операций.

За окном весенне-солнечно. Душа сжимается от прикосновения к тайнам просыпающейся природы... Какие краски были вчера на закате, какой город!

Работал с упоением (после всех дрызг, заседаний и пр.) над монтажным сценарием фильма о Ленинграде. Будет вещь!

Прочел стихи И. Каберова (летчика-истребителя). С темпераментом написаны...

Последние номера центральных газет говорят о разгроме фланговых группировок врага, о борьбе траншейной, маневренной, — *за захват инициативы!* Красная Армия теснит немцев. Есть симптомы новых наступательных операций!

К Неве идет махонький мальчик с лопаткой и фанерной досочкой на веревке — тянет снег.

— Что ты делаешь?

— Чищу снег.

— А зачем?

— Хочу помочь.

— А как тебя зовут?

— Коля Ликин.

— А сколько тебе лет?

— Семь.

И пошел паренек дальше, и в самую Неву стал сбрасывать снег, аккуратно подбирая все, до последнего комочка.

Делегация от Киргизской ССР просила приехать в Смольный на встречу с ней. К сожалению, не смог...

Вечером был большой разговор с Роговым. Очень прямой, откровенный, теплый. Поговорили о людях, об обстановке. Политическое руководство сделает все необходимое для лучшего использования писателей (по моему докладу, утвержденному ПУ и Военным советом): лучше их распределит, разгрузит, даст необходимые сроки, если надо — командировки.

— Мы вас не забываем и не забудем, — подчеркнул Рогов.

— Я знаю.

Коснулись вопроса о других флотах, о связи с ними, о цензуре, о необходимости издания сборников и т. д.

Л. Соболев — в Севастополе. Я сказал Рогову:

— Пусть Леонид помнит о Балтфлоте — тут его родили. Пусть дает опознавательные — «свое место». (Но я рад, что он в работе.)

Есть усталость — реакция после напряжения последних дней... Болею, когда вижу интриги, непонимание и т. д. Видимо, есть глубокий нервный след от литературных драм и обид в 1930—1937—1938 годах.

1 апреля 1942 года.

...Весь день на кинохронике за монтажом фильма. Варианты названий: «Великий Ленинград», «Битва за Ленинград», «Ленинград в борьбе».

Группа операторов, как я вижу, поняла на практике мои драматургические решения. Глаза у людей веселые, дружеские. Слушают хорошо.

Сегодня смотрел в черновой подборке большую часть фильма. (Ряд эпизодов работает, играет, а некоторые совсем сырые.) Дал дополнительные советы. Сильная вещь — кино!

Кронштадт в полной боеготовности. Ночью не спят. На льду была немецко-финская разведка.

Началась питерская весна: лужи, талый снег. Везде работают граждане. На Большом проспекте Петроградской стороны на тротуарах еще лежит плотный слоистый грязный лед, больше чем на фут высоты. Грузовые трамваи, красные, с прицепами... Разобранный на дрова стадион... А у меня минутами почти довоенное ощущение города. Может быть, этому способствует литературная и кинематографическая деятельность... Вот, кажется, заедешь в «Асторию» или в Дом кино, вот позвонят из Москвы... Кого-то надо встретить на вокзале...

Вечер... По радио — речи Идена и Бивербрука. Это, видимо, ответ Литвинову. Видимо, требования СССР приняты: 1) больше снабжения на «критический фронт, главный фронт цивилизации» — в СССР, 2) летом 1942 года начать концентрированное наступление союзников на суше, на море и в воздухе.

Хочется верить. Но Иден осторожен, а Бивербрук даже не член военного кабинета.

СССР имеет достаточные резервы, дух прочен...

Приближается момент высшей проверки сил, энергии, ума, организационных и военных способностей. Так что же, в конце концов, думают Англия и США?..

Усталость. Прилег и заснул не раздеваясь.

Хотел бы написать для Англии и США; моя первая статья 24—25 февраля обошла иностранную прессу, и просят еще и еще...

2 апреля 1942 года.

Поехал на кинофабрику: снегопад, угрюмая погода... Люди работают, сбрасывают снег в Неву, в каналы, а с неба валит и валит (снова) снег.

...Работал весь день над монтажом. Отличный кусок о партизанах: потрясает лаконичная лесная сцена расстрела двух предателей. Я думаю, что мне удастся построить весь материал драматургически сильно... Коллектив понял, работает... Музыкальная сторона пока лишь в контурах.

Кинофабрика существует, но люди устали...

В городе появились продавцы еловых и сосновых веточек. Это витамин «С», продают для изготовления отвара...

Написал статью о первой войне Руси с немцами в XII— XIII веках (к 700-летию Ледового побоища)... Привел и пример колхозника-партизана Зайцева, который в Чудском районе принял бой с немецким полком, убил десять немцев, был схвачен и казнен в своем селе Большие Щепцы. Перед казнью он сказал: «...Не топтать вам русской земли, все равно могилу тут найдете...» Крепкий человек!..

На Северо-Западный фронт приехал К.Е. Ворошилов.

3 апреля 1942 года.

Питание наше несколько улучшилось. Дают щи из кислой капусты, супы из сушеных овощей, немного сушеного мяса, баранину с кашей (умеренные порции), стакан абрикосового компота-киселя. Хлеба достаточно.

Опять на киностудии. Работал весь день. Минутами товарищам кажется, что дело трудное, что не выйдет и пр. Упорно гну свою линию. Нашел эпилог, доволен. Просматривали четыре части, все это упруго, стройно. Верю в фильм!

Мне передали содержание информации А. Глебова¹, сделанной им в Ленинградском отделении ССП. Сейчас в ССП новое правление — президиум из тринадцати человек. Работают журналы: «Знамя», «Интернациональная литература» и др. В Москве до трехсот писателей, в Ташкенте — до ста писателей. Там быт трудный, сварливый... В Ташкенте устраиваются читки... Б. Лавренев и В. Иванов пишут военные рассказы. Вирта перебрался в Москву, пишет пьесу.

Вечером был вызван к начальнику Политуправления КБФ: пришел приказ о присвоении гвардейских званий кораблям.

На соединении торпедных катеров даны звания Героя Советского Союза Осипову и Гуманенко. Надо дать в прессу...

Сильное впечатление от выступлений партизан из Партизанского края Ленинградской области.

Ложусь спать. Сон — отрада, отдых.

---

¹ Писатель. Приезжал в Ленинград по поручению ССП с продовольственными посылками для ленинградских писателей.

4 апреля 1942 года.

...Поехал на студию. Короткая беседа. Начался просмотр фильма. Есть оттенки былых нервнующих общественных просмотров... Фильм шел хорошо, хотя некоторые части сделаны еще сугубо «вчерне». Потрясает Ленинград — мирный и блокадный, зимний... Это трагедийно. Я рад, что снова мог поработать.

Просили сделать три-четыре поправки... Все выполнимо.

Поехали с С. К. на партактив в Свердловский район; там собралась почти вся группа — на вечер, посвященный 700-летию Ледового побоища. Около семи часов сильная стрельба... Я спрашиваю: «Будем продолжать? Или уйдем вниз?» — «Продолжать!» Но, оказывается, сильный налет после четырехмесячного перерыва. Более часа длились стрельба, разрывы бомб... Дом трясся, качался. По телефону сообщили, что пострадал ряд зданий: Горный институт, хлебный завод. Земля вздрагивает от глухих разрывов. Это налет на корабли и на город. Беседуем, ждем, народ держится хорошо. Отбой... В зале немного людей, но для оставшихся энтузиастов мы с подъемом проводим вечер, говорим, что бомбежки не собьют занятий ленинградцев, не нарушат их интересов, традиций.

Вечер прошел хорошо, с настроением. Очень дошли до аудиторной стихи Яшина — и лирика, и юморески.

Шли под звездным небом домой... Поздно... В больших домах теперь нередко живет всего по пятьдесят человек. Идет эвакуация — в день по Ледовой трассе вывозят до семнадцати тысяч человек... Город надо разгружать.

...У ворот Горного института убит капитан 2 ранга Лихолетов, герой траления. При разрыве снаряда обвалом ворот ему снесло голову, а тело стояло, странно прижатое к стене.

На новых гвардейских кораблях стреляли с возгласами: «Гвардейцы, бей!»

5 апреля 1942 года.

...Днем краткая воздушная тревога.

В 5 часов пошел с С. К. на воскресный «обед» на Каляеву.

Шли пешком по Неве... Пригревает. Всюду убирают снег, мусор.

Корабли после вчерашних и ночных налетов стоят *нерушимо*. Следы бомбежки видны у Адмиралтейства, у Зимнего и далее к Литейному мосту. Краткие итоги, как мне сообщили: вчера в ком-

В полдень 22 июня 1941 г. на Невском проспекте

С.К. Вишневецкая

В.В. Вишневский

Ополчение уходит на фронт. Сентябрь 1941 г.

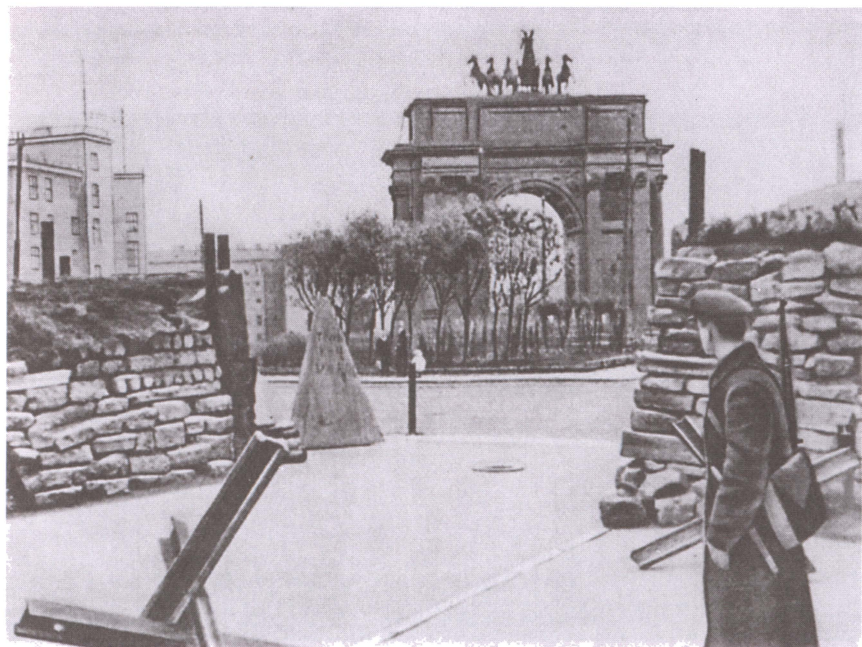

Патруль рабочих Металлического
завода

Балтийский патруль на набережной
Невы

Баррикады за Нарвской заставой. Осень 1941 г.

Редакция «Боевой Балтийской» в прифронтовом лесу
(слева — редактор газеты писатель Г. Мирошниченко)

Небо Ленинграда. Осень 1941 г.

На Невском в первую блокадную зиму

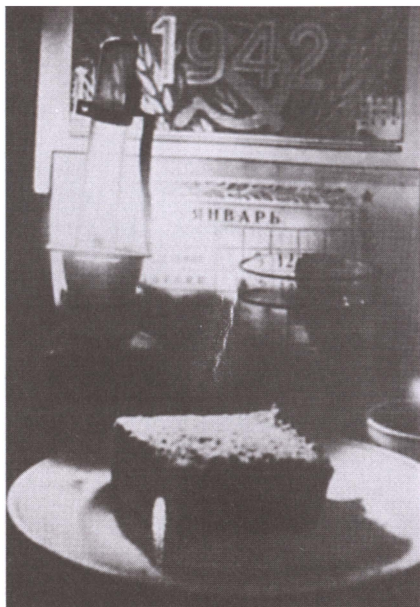
Урок в школе зимой 1941/42 г.

Группа делегатов на совещании писателей КБФ
(справа налево: Д.О. Корниенко, Н. Михайловский, В.В. Вишневский,
Л. Успенский, В.К. Кетлинская, С.К. Вишневецкая, Н.К. Чуковский,
В.А. Лебедев, В.М. Инбер, Г.М. Рыбаков, Н.К. Смирнов, Г. Мирошниченко
и Е. Добин). Февраль 1942 г.

Последствия голодной зимы.
Весна 1942 г.

125-граммовый ленинградский
хлебный паек

На ледовой трассе весной 1942 г.

В.В. Вишнеvский и В.А. Овчаренко (военный комиссар, убит в бою весной 1942 г.)

Эвакуация населения. Апрель 1942 г.

На очистке города от снега 8 марта
1942 г.

Огороды в садах и парках
Ленинграда. Июнь 1942 г.

Дом на Песочной улице № 10 (ныне улица профессора Попова), где жил В.В. Вишневский. Слева — мемориальная доска, установленная на доме в 1952 г.

Ленинград летом 1942 г.

У последнего КПП. Свидание с сыном.
1942 г.

Очередь за билетами в Филармонию

А.А. Фадеев, В.В. Вишневский и Н.С. Тихонов (слева направо) среди командиров Н-ской морской тяжелой батареи на участке Невской оперативной группы войск Ленинградского фронта. 4 июля 1942 г.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТР **МУЗЫКАЛЬНОЙ КОМЕДИИ**

№ 10, Ленинград, 2

Тел. номера 50-50 д.д.

— ПРЕМЬЕРА! 7, 8, 10, 12, 15 ..... НОЯБРЯ 1942 г. ПРЕМЬЕРА! —

РАСКИНУЛОСЬ МОРЕ ШИРОКО

Музыкальные номера в 3-х действиях

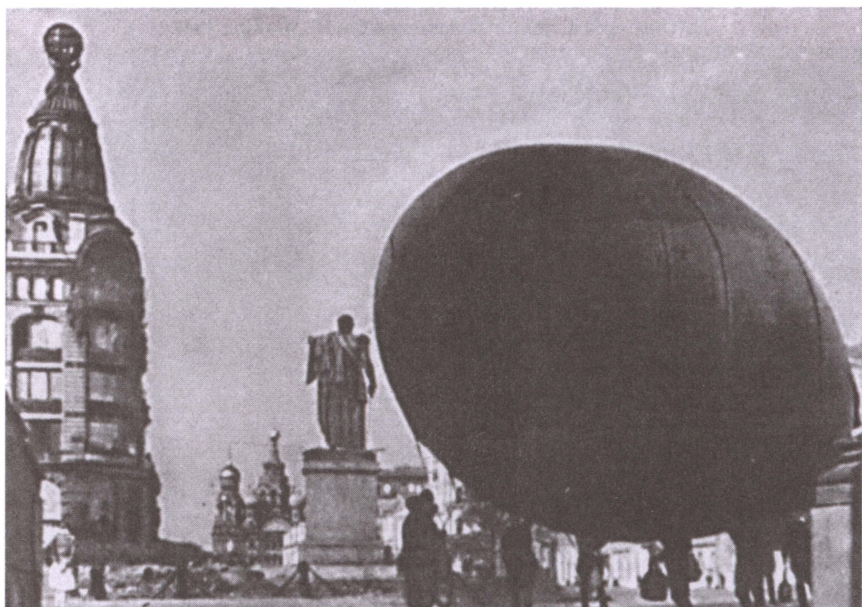
Либретто Ю. В. БОНДИНОВА (продолжение), А. КРЮК и Ю. АБОРОВА. Музыка Ю. БУТЯКИ, А. КРЮК и Ю. В. БОНДИНОВА. Постановка оперы, арт. Репер. бригады Ю. В. БОНДИНОВА.
Сопровождение Ю. В. БОНДИНОВА. Дирижер А. А. ЛЮБИМОВ. Танцы постановили Ю. В. КИЛЬДЕР (продолжение), А. Д. БЕЛЫЙ (либретто), Ю. В. БОНДИНОВА и А. Г. ШИШОВЫЙ

Реклама Ю. В. БОНДИНОВА

Художественный руководитель Ю. В. БОНДИНОВА

Афиша премьеры спектакля «Раскинулось море широко». Ноябрь 1942 г.

Ленинград. Блокадный пейзаж

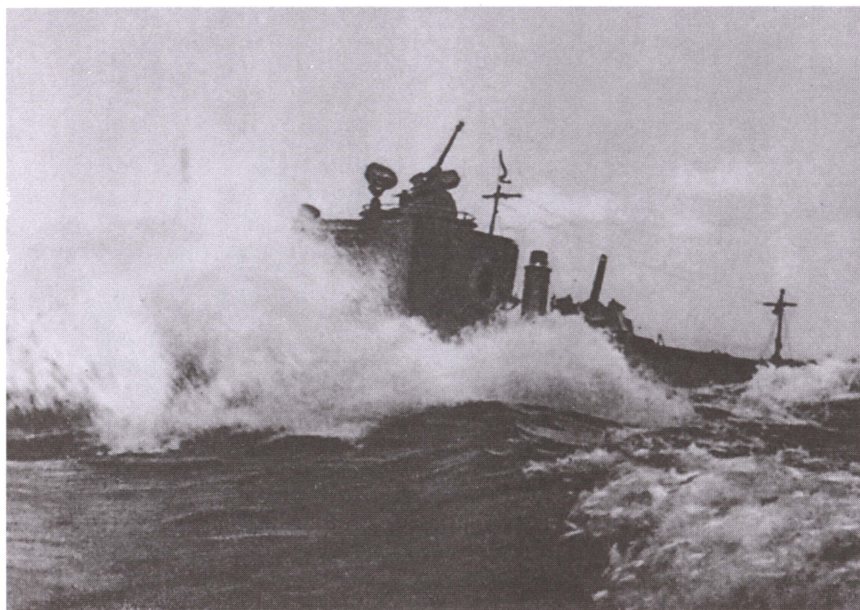

Разборка деревянных домов на топливо. 1942 г.

Пленные немецкие солдаты на улицах Ленинграда.

Финский залив. Бронекатер в дозоре

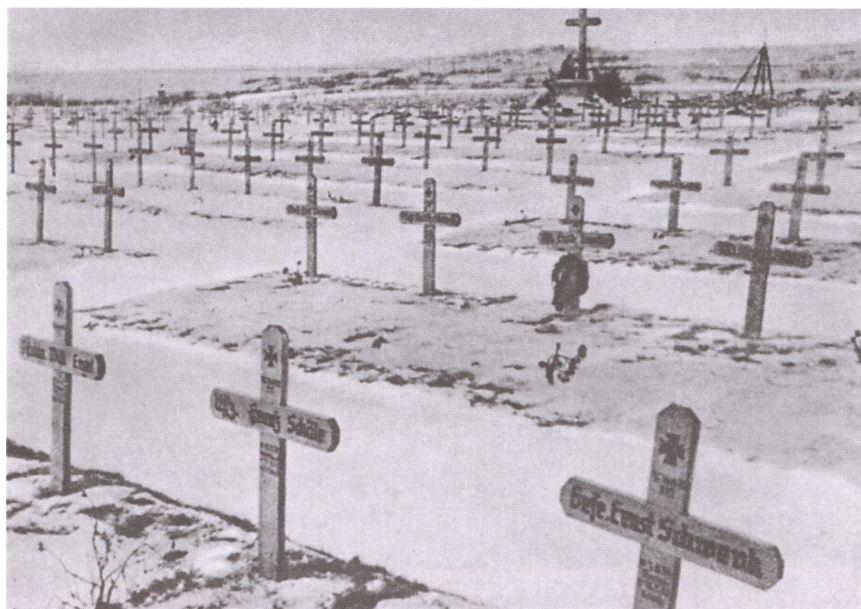
Тяжелая морская батарея готовится к открытию огня. 1942 г.

Разбитая дальнбойная пушка, из которой немцы обстреливали Ленинград

Немцы под Ленинградом

Г Р А Ж Д А Н Е !
П Р И А Р Т О Б С Т Р Е Л Е
Э Т А С Т О Р О Н А У Л И Ц Ы
Н А И Б О Л Е Е О П А С Н А

Страна, наиболее опасная при артобстреле

бинированный налет немцы выслали около 120 самолетов (!), — были перехвачены. Прорвалось в город до 30 машин. В воздушных боях и зенитным огнем сбито 18 немецких самолетов и 18 подбито. Есть сведения, что ряд самолетов *приземлен* нашими истребителями. Отпор считают сильным. Военная цель налета — разрушение кораблей и удар по аэродромам — не достигнута. Бомбы сбрасывались повышенной взрывной силы.

На набережной между Летним садом и Литейным мостом новые ряды зияющих окон, дыры во льду. На улицах гуляющие... У кораблей — девушки, поджидают моряков. На серо-белом Зимнем дворце — красные пятна от попадания осколков; обвалившийся красный старый кирпич рассыпан у углового подъезда и дальше. На Неве в двадцати — двадцати пяти метрах от корабля образовалась во льду огромная воронка от бомбы (в тонну или крупнее).

Вечером пошли в радиокомитет. Передается концерт из театра имени Пушкина...¹ Овации... Это начало музыкального сезона — Ленинград верен себе.

...Провели радиовечер о 700-летию Ледового побоища.

В 11 часов вечера шли по городу... Темно, хрустит ледок на подмерзших лужах, тянет гарью от почерневшего сожженного Гостиного двора. А в темноте из рупоров льется «Интернационал» — над живыми и мертвыми... Редкие прохожие, узкий луч прожектора, звездное небо... Знакомые, привычные, на «своих местах» недвижимые троллейбусы и автобусы...

6 апреля 1942 года.

К полудню — стрельба. Летают наши истребители. Обстрел района... Читаю книгу Ренэ Турнеса о весенне-летней кампании 1918 года на Западе, о немецких наступательных планах и об их разгроме союзниками.

В городе снова ряд симптомов оживления: возобновляются некоторые производства, начали выходить заводские газеты.

Сейчас звонили с завода имени Молотова. «Слышали вчера вашу речь о Ледовом побоище. Напишите нам, у нас возобновляется заводская газета «Молотовец»...

Написал статью о гвардейцах-моряках для радиопередачи 7 апреля.

---

¹ Во время блокады в помещении Академического театра имени Пушкина играл Театр музыкальной комедии.

Беседовал с Лебедевым о распределении писателей, о новых формах их работы.

Партсобрание. Хорошо приняли в члены партии Всеволода Азарова.

Вечером беседовал с группой. Объяснил, что литературное движение переходит в новую фазу, — товарищи будут на главных соединениях сами создавать литературные ядра писателей, помогать росту молодых. В Политуправлении останется основное ядро, — связь будет постоянная, будет творческий контакт, встречи и совещания.

Писатели, направляемые в части, все-таки переживают отрыв от группы и нервничают. Да, в нашей группе, несмотря на все бытовые трудности, скученность, отдельные антипатии, — была литературная жизнь, и люди здесь *писали*...

Прочел группе вслух, при свече письмо из Керчи от старого моего друга Тихона Василенко, бывшего унтер-офицера с «Евстафия», ныне электрика-инженера на Черном море. Письмо потрясающе по эпической простоте, правде о бомбежках Одессы и т. д. Сколько там люди пережили! Письмо это надо напечатать, несмотря на его обнаженную резкость.

Сон. Как хочется отдохнуть!

7 апреля 1942 года.

Болят сердце...

Жужжат наши истребители. Видимо, немцам дали 4 апреля хорошую взбучку. Если из ста машин им разом покалечили и перебили тридцать шесть, то это процент отличный.

Приходил мой таллинский шофер товарищ Коваленко. Он сейчас находится на корректировочном пункте южного побережья. Там пустынно, наши живут в брошенных дачах, иногда находят зарытую картошку. Противник стреляет по «площадям». Позиции стабильны. Были захвачены «языки». Позиции немцев защищены сильным автоматным и минометным огнем. Вчера ночью наша рота ходила в боевую разведку. Немцы подпустили их на семьдесят пять метров, кричали: «Рус, сдавайся!..» Наши ответили огнем и смехом.

Ледяная дорога продержится на Финском заливе еще дней семь—десять.

...Наши летчики летают по два-три раза в день. Летают и на И-15, и на «чайках», и на У-2. Если б можно было — летали б на телегах.

9 апреля 1942 года.

8 апреля пропустил — очень устал вчера.

Пишу, пишу... Пишу о Ленинграде и думаю — пусть это останется.

На противохимических занятиях сообщили, что немцы готовят химическое нападение и подвозят к Ленинградскому фронту отравляющие вещества...

Сдал дикторский текст для фильма... Надо авралом посмотреть еще сборник стихов и др.

...Прочел в «Правде» от 6 апреля тексты речей на Втором всеславянском митинге... Думается, что Второй всеславянский митинг и комментарии к нему в печати — весьма значительный факт.

Весь день редактировал большой сборник «Балтийцы на защите Ленинграда». Я думаю, что сборник крепкий. Намеренно даю материалы с излишком (784 страницы 22 писателей Балтики). В Москве, я думаю, отождут лишние очерки и рассказы. Книга основательная. Есть ли такие в армии? Работал очень напряженно и очень устал. Работа шла до позднего вечера. Просмотрел и сборник стихов. Есть острые, страстные стихи Дудина — красноармейца с Ханко... У наших поэтов много головного, «традиционного»...

Завтра в Москву летит В. Инбер. Хотят лететь на совещание поэтов Вс. Азаров и Н. Браун. Какая весенняя тяга!

Вечером читал «Красный флот» за несколько дней: бои у Явы — побоище, разгром союзной эскадры; разноголосица голландцев, англичан и американцев.

Союзники, видимо, хотят сыграть так: устоит Россия, победит — мы подоспеем и сядем за стол делить; не устоит — хуже, но неплохо, — тоже сядем за стол и будем делиться с немцами и японцами.

10 апреля 1942 года.

Неимоверная усталость, кажется — не встать... Встаешь, и опять привычный ритм.

...Помчался в киностудию...

В городе тает. Ряд кусков набережных и проспектов уже очищен от снега. Но как «облезло» выглядят дома, сколько побитых стекол. Когда все это сгинет и город засияет под солнцем в мире и тишине?..

Тает и тает... На Ладожской трассе шоферы буквально героически ведут машины — по ось в воде. Городу дорог каждый лишний килограмм грузов.

В окопах под Урицком вода и вода... Видимо, на ближайшие десять—пятнадцать дней, а может быть, на все двадцать, боевые действия будут затруднены. Тяжело, что наш контрудар по Гогланду и Тютерсу не удастся главным образом из-за оттепели. Немцы точно рассчитали время...

Просмотр фильма. Все семь частей со звуком. Все лучше и лучше, точнее видишь, что и где надо подчищать.

Да, это фильм о великом Ленинграде — образ осажденного города получился сильнее всего.

Сильно, очень сильно вышел «эпизод немцев». Улучшены боевые куски.

Жду просмотра в Смольном.

...Из бытовых наблюдений. Женщина-поэтесса, большой былой красоты, — в платочке, в каракулевом пальто и продранных ботинках... Сыновей отправила... Живет одна в огромной квартире, полной картин, фарфора и холода... По вечерам сидит у огонька печурки в обществе крысы, которую она приручила и которая тоже вылезает погреться. Женщина не в силах бросить город, свою квартиру, вещи: «Куда же я поеду?..» В огромной пустой квартире сидит одинокая женщина...

Тяжка поступь войны!.. А скольких явлений мы не знаем и даже не догадываемся о них.

11 апреля 1942 года.

Серая мать, тихо...

С утра немного отдыхаю. Был Н. Чуковский, который заканчивает книгу об авиации — «Ленинградское небо». Говорит со своей неизменной мягкой, извиняющейся улыбкой. Очень обрадовался, взволновался, задвигался, когда я сообщил ему о его переводе на авиасоединение. Он хочет быть в интересной части.

Спекулятивные цены: пачка папирос — 150 граммов хлеба (было 200 граммов); 100 граммов хлеба — 60 рублей. Цены опять пошли вверх, так как с прекращением доставки по Ледовой дороге (весной) опасаются уменьшения пайков. Напрасно! (Официальных рынков нет. Меняют и торгуют из-под полы.)

Крон получил письмо от детской писательницы А. Бруштейн из Кузбасса. Бодрая, активная женщина. Пишет пьесы, выступает, агитирует... (В письмо была вложена половинка луковицы и про-

сьба к цензору «не изымать этот материнский подарок фронтовикам»)... Просится на фронт...

У Финляндского вокзала скопище эвакуируемых. На дорогу дают хлеб, масло и другие продукты. Люди их тут же съедают. Нет достаточного количества кипятильников. Грязновато. Люди тянутся к «тому берегу». Они бледные, изуренные...

А жизнь идет... Портной штаба шьет новые костюмы командному составу. Ведь днем нет тока для утюжки, и портной шьет, что-то обметывает, а вечером ходит среди парадных манекенов, снимает кителя, тужурки, утюжит и чистит их.

Впереди Первое мая...

Несколько прояснилось. Светлый вечер... Луна... Беседовал с Кроном об его пьесе, о письме из МХАТа. Легковесное письмо с легковесными вариантами переделки пьесы «*в связи с войной*». Перешли на воспоминания о Москве, о театрах, о друзьях и знакомых...

Всеволод Азаров прочел письмо-дневник о литературном движении на Балтике. Есть ряд хороших лирических мест, но критиковали в целом крепко. Нужно давать глубже, смелее, вскрывать противоречия и суть процесса... Будет недели две дорабатывать. Есть много чистых, хороших мест, растрогавших нас до глубины души, но странно видеть себя самого в некоторой исторической ретроспекции.

12 апреля 1942 года.

После налета 4 апреля и разгрома немецкой авиации фашистское радио сообщало, что «остатки Балтийского флота добиты» (!!). Ха-ха!

...Днем — на минный заградитель со всей группой... На улице воистину весна — тепло, солнце, все тает. Люди греются на заварочных, копошатся дети... Нева темнеет. Снег талый и грязный... Мы шлепаем по мокрым панелям среди полупустых домов. Балагурим, попадаем в лужи, любимся архитектурой. Иные дома стоят, как сказочные руины (бывший дом Манизера). Вот свежий завал 4 апреля... Бредут люди с темными пятнами на лицах. Измученный Ленинград! Следы тяжелые, и лишь привычка, нужная спасительная «толстошкурость» помогают шутить и дышать весной... Шесть лет тому назад я и С. К. в этот день уезжали в Париж — в ландышевую весну, весну Народного фронта. Сколько было надежд, восторгов! А сейчас мы идем, взявшись за руки, по лужам среди весенней осадной грязи... Ничего, мы еще поживем!

Н-ский завод. Поблизости тикают пять-шесть неразорвавшихся (замедленного действия) бомб. Саперы приходят, послушают, как доктора, и убегают. А бомбы тикают с 4 апреля... Над головой на семи тысячах метров высоты кружит немецкий разведчик. Его обстреливают, но без толку. Люди смотрят из-под ворот, они уже не спешат в убежище.

Завод полупуст, но дышит... Пожарные красят свои инструменты. Катера еще лежат на стенках. Буксиры в «ковше». Все несколько заброшенно.

Пришли на корабль. Там была объявлена тревога. После отбоя провели беседу и литературную встречу с командой. В иллюминатор врывается весенний ветер, скользят блики солнца... Говорили о гвардии, о ее новых задачах. Поэты читали стихи. В них есть подлинный накал (у Брауна). Во время читки свист снарядов — обстрел Васильевского острова. Потом ужин в кают-компания: стопка английской водки, густой рисовый суп, картофель с мясом (немного) и компот (о, традиционный флотский компот!)... Старая «штандартская»¹ кают-компания, где когда-то пили гвардейские офицеры царского флота... Красное дерево, уют. В каютах пахнет одеколоном, мылом — в общем приятно, чисто... Радио передает музыку. Выпили по две-три рюмки.

Беседа с командирами. Я говорил о традициях гвардии, взял тему России — широко, коснулся дневника Достоевского (о России). Говорил о противнике прямо: это не «вшивые фрицы». Я в эти фельетоны (тут, при всем моем уважении, и Эренбург) и «раешники» не верю, я все-таки воевал. Враг сильный, опасный, ловкий, организованный... Слушали внимательно...

В 11 часов вечера в Смольном будут смотреть наш фильм о Ленинграде.

...Ночью в Смольный... Город тих... Милиционеры с «летучими мышами», на мостах — проверка документов. Город пустеет.

Возвращался в пятом часу утра. Ранняя заря, контрастно — силуэты зданий. Пожар на берегу Невы (на Выборгской стороне). Пустынность...

13 апреля 1942 года.

Весенний день.

Начальник штаба объявил в приказе о том, что противник готовит штурм Ленинграда с применением ОВ². На кораблях готовятся. Но как же будет с населением?

¹ Дело происходит на минном заградителе, который был переоборудован из бывшей царской яхты «Штандарт».

² Отравляющие вещества.

Вчера на эсминце во время артобстрела была раздача наград. Люди обветренные, крепкие, строй стоял не шелохнувшись... Вице-адмирал Дрозд спокойно говорил речь, наблюдая за строем.

Настроение в командах на флоте — бодрое.

В 4 часа 30 минут поехал в Выборгский район. Весна в полном разгаре. Сегодня я видел первый весенний пассажирский трамвай и мальчишек на «колбасе». Ура!

В райкоме сдержанная беседа... Полный зал молодежи и актива. Настроение у меня боевое.

Выборгский район! Здесь, по этим местам, ходил Ленин в 1905 и 1917 годах!

Говорил я с редким подъемом, как в дни Таллина, в дни осени 1941 года. Слушали напряженно: это ведь о них! Об истории их Родины. И после речи очередь: запись в комсомол. Тут в районе все обновляется: все старые кадры ушли, идет приток новой молодежи. В общем до двух тысяч человек боевого комсомольского актива с оружием район даст. С ними надо еще встретиться и поговорить о традициях Гражданской войны, о комсомоле, о задачах дня. Молодежь хорошая.

Разговорились. В районе есть потери, но люди сейчас оживают...

Заводы дышат, еще хрипло, но дышат. Все для фронта! Везде есть чудом уцелевшие упрямые старики. Вокруг них складывается производственный актив: «Сделаем!» Да будут имена ваши благословенны! Дают фронту орудия, снаряды и т. д.

В районе до ста тридцати тысяч жителей. Значение моральной поддержки райкома было для них огромно: «Меня помнят, помогают...»

Все это мне рассказывал молодой секретарь райкома, — у него «Знак Почета», кончил Инженерно-экономический институт. Говорит умно, просто, с долей практицизма. Словом — партработник.

И он же сообщил:

— У нас в районе решили проблему белка... Из сосны и ели даем заводским путем дрожжевой концентрат, в котором есть 80—85 процентов белка. Проверили... Люди говорят: «Где вы мясо воруете?» — и требуют наши котлеты и каши из дерева...

Я слушал, потрясенный... В осаде решают мировую пищевую проблему!.. К 1 Мая дадут не только дрожжевую массу, но и второй вид: спирт из жидких перегонных продуктов древесины... Химия — наука нового времени.

15 апреля 1942 года.

Устроил отъезд товарищу Яшину. У него туберкулез, слабость...

День солнечный... Кажется, что выпался, но... два раза по лестнице с пятого этажа и обратно, чтение, сводки, беседа с товарищем Карякиным — и резкая головная боль, утомление.

Сводки обычные. На Ленинградском фронте — бои на прогрызание обороны противника.

Заем на флоте за 24 часа реализован почти на 100 процентов (свыше 40 миллионов рублей). Есть товарищи, подписавшиеся на 500—800 процентов. С. К. написала корреспонденцию о займе в «Правду»...

В городе снова оживление... Прошла красноармейская часть, видимо из выздоравливающих, с оркестром... Так удивительно, странно после ленинградской тишины. Идут переполненные трамваи. На Большом проспекте — торг, мена; деньги берут охотнее, чем зимой. Многие торгуют носильными вещами — наследство от покойников...

Достраивается ряд кораблей. Судостроительные заводы получают электроэнергию... Видимо, завезено топливо, мобилизованы внутренние ресурсы...

Вечером по радио — о переговорах между Англией и США: о координации действий для *наступления на всех фронтах*. Почему это делается 15 апреля 1942-го, а не в декабре 1941 года? Почему нет представителей СССР? Или сложность отношений с Японией мешает нам дать советского представителя? Или советская точка зрения уже изложена — ясно и требовательно?

16 апреля 1942 года.

...После десятимесячных боев и психологического опыта наши шансы в войне стали прочнее. Мы требуем, торопим союзников для *ускорения развязки, а не во имя спасения* (как представляет дело фашистская пресса).

Мы теперь знаем силы, состав войск противника, его методы... Мы дали Англии и США возможность развернуться, глубже понять сущность борьбы, усовершенствовать их военную технику...

17 апреля 1942 года.

Днем иду в Порт — надо к 1 Мая сшить костюм... Мой, с осени 1939 года, совсем обтрепался.

Город по-весеннему оттаял.

На улице, на складном стульчике, сидит согбенная старушка в черной шубе, спиной к солнцу, греется, горестно глядит. Ка-

кой-то бородатый брюнет, с клокочущими хрипами в горле, тоже сидит, несколько подальше, на панели. Ему лень или, может быть, трудно, вынести себе стул или скамеечку. На Неве к парапетам набережной свезены кучи снега. Трамваи идут редко, переполненные до невозможности, — люди висят с внешней стороны дверей. Толпа очень усталая, болезненная; всех тянет на солнце, на воздух. Эта выставка оживающих людей предельно волнует. Много я видел в жизни, но это превосходит все виденное ранее. Контраст голубого неба, солнца и мучительно-бледной массы людей разителен. Мальчишки гоняют по улицам; проходят небольшие команды бойцов. В скверах, в садах проступила прошлогодняя трава. Сметают в кучи остатки снега и битые стекла. Лед на Неве серовато-грязный.

С пробитой крышей, с обвисшими железными ржавыми листами, с выбитыми окнами стоит бывшая типография Академии наук. Рядом с трудом рубит топором остатки сарая какая-то женщина. Она отщепляет куски сырых пеньков. Из пустых домов тянет сыростью. Вспомнил старинное пророчество: «Петербургу быть пусту», — но все относительно... Жизнь вечна! Она упорна до невероятия!.. Прошла полная, здоровая, чисто одетая девушка... Видишь в толпе здоровых женщин и думаешь: вот матери нового поколения!

В здании штаба для учения пролили хлорпикрин. Мы все в противогазах.

В сводках. О гитлеризации Франции. Лаваль — премьер, американцы покидают Францию. Может быть, дело пахнет англо-американским десантом?

Показания фашистских пленных стереотипны: потери, усталость и т. д. Однако было бы правильно думать, что мечта, надежда достичь победного мира летом 1942 года может двинуть миллионы немцев еще на новое усилие. Аналогичную картину мы видели весной 1918 года на Западном фронте: немецкие волны шли с марта по июль, пока резервы Фоша, ярость Клемансо, английское сопротивление, приток американцев, а главное — пример русской революции не сломили Германию окончательно...

Город как выздоравливающий больной... Покачивается на зыбях болот и истории и доверчиво улыбается весне. Сколько в городе странных, трогательных и ужасных историй... Вот гражданка Матюшина, — знала Горького, Маяковского, товарищей из старых большевистских и издательских кругов. Сейчас почти слепая, но бодрая старушка... Зимой к ней тянулись дети, — она вела для них журнал, беседовала, придумывала игры... Многие дети, однако, умерли. Матюшина жила на сто двадцать пять граммов хлеба,

дышала на свои замерзающие комнатные растения, и некоторые из них чудом уцелели. У нее была собака — овчарка, она тоже голодала, скулила, отошала, стала есть песок из пожарного ящика. Однажды Матюшина и ее приемная дочь отдали свои пайки собаке. Она на лету проглотила хлеб и удивилась: откуда это, почему же еще не дают? Женщины заплакали, заскулила собака... Она умерла бы, но пришла повестка из военкомата, собаку забрали — это ее спасло.

А рядом мелкие люди за вермишель выменивали для своей «квартирки» мебель у голодающих товарищей...

Вечер, сидим без света. Кровавый закат... Пока тихо... Крон, Штейн, Азаров рассказывают о своих осенних впечатлениях 1941 года...

Я вспомнил о том, как грустил Иоганн Зельцер, будто чувял свою гибель.

Работу по фильму продолжать отказался — на уступки и компромиссы не пойду.

Из морских бригад моряков списывают обратно на корабли. Признак как будто хороший.

19 апреля 1942 года.

Солнечно, совсем тихо...

Письмо из Красноярска, от Петра Попова¹, — такое родное, душевное. Сразу же написал ему ответ.

...В городе новые необходимые строгости с пропусками. Все документы визируются заново.

Читаю историю Ленинграда.

С 10 апреля не имеем центральных газет. Ждем, когда подсохнут аэродромы.

К шести часам поехал на радиоузел. Весенний малолюдный город. Против бывшего кадетского корпуса на Неве — прямо сева-стопольский бастион: мешки, ограждения, в середине — зенитная батарея. Невский — подсохший...

Прочел по радио свою статью «Балтийцы идут на Запад!». В радиоузле мне дали письма слушателей: просят меня опять вести пол-литбеседы, «как в октябре—ноябре». Надо подготовить майскую беседу.

---

¹ Товарищ Вс. Вишневого по Гражданской войне.

Пошел пешком по Невскому в «Асторию». Люди счастливы — весна, жмурятся на солнце. Видишь улыбки и в то же время видишь на лицах тяжелейшие следы зимы. Несколько новых плакатов-лубков, афиши о концерте Ленинградского ансамбля красноармейской песни и пляски, о весеннем цикле концертов; объявления магазинов... Признаки упорной жизни, быта и труда. Взгляды проходящих женщин веселые, потаенные, вызывающие и ни к чему не обязывающие. Кое-где уже блестят трамвайные рельсы, катят автомобили, иногда совсем «мирные». Бывают и «трофейные». Запахи бензина, асфальта, тепла — почти парижские дуновения. Еще немного ландышей и фиалок — и иллюзия будет законченной. В Париже я вспоминал свой Ленинград — в этих годах есть нечто неуловимо общее...

По радио передают концерт. Многие на улицах слушают его на ходу или по-южному, у подъездов. Прежней густой суеты, вечного бега толпы нет и в помине. Промчался грузовик с бойцами, они задорно, горласто поют. Этого я не слышал с августа — последнюю песню бойцов я слышал в Минной гавани Таллина, когда отряды с кораблей шли в бой. Осенью в Ленинграде не пели. Были картины такого утомления, что холодела душа.

Вспоминаю, как добровольцы отходили от больницы Форелля¹ — хмурые, растерянные... Что это было? Ведь почти мгновенно — те же части вновь бились, но уже насмерть, и первые остановили врага... Немцы испугались четырехмиллионного Ленинграда!

Иду и гляжу на старину города: Аничков, Пажеский корпус, костел Екатерины, почерневший деламатовский² Гостиный двор, Казанский собор... И Петербург поры капитализма: дом Мертенса, дома на Морской, немецкое посольство, «Астория»...

Из военных новостей. Противник как будто концентрирует силы в районе Пушкина... К штурму или для борьбы с ударными группами генералов Федюнинского и Мерецкова?

Наши готовятся. Части заняли исходные рубежи... Пришло пополнение. У одного бородача — четыре Георгиевских креста под шинелью (!). Объяснил:

— Я не царя защищал, а Россию...

Все жадно ждут вестей о событиях, перспективах, о втором фронте...

В армию прибыл уполномоченный Ставки товарищ Ворошилов. Смело, упрямо идет вперед. Прямым попаданием был разбит его блиндаж, бомбой — дом, где он останавливался. Но оба раза товарищ Ворошилов куда-то выезжал, и дело обошлось.

¹ Один из рубежей обороны Ленинграда.

² Деламот — архитектор.

20 апреля 1942 года.

Солнечно. Читаю историю Ленинграда...

Днем к 3.30 еду в Ленинградское отделение ССП. На Неве местами промоины, у Троицкого моста Нева почти очистилась от льда. На подводных лодках оживленно... Весенние приготовления.

В ЛО ССП собрались в небольшой гостиной. Крошечная эстрада, старый потертый ковер, круглый столик, несколько обитых выцветшей материей кресел. Сегодня литературный вечер Веры Инбер. Она читала несколько стихотворений и три главы поэмы «Пулковский меридиан». Было человек двадцать пять. Я слушал ее чтение в третий раз, — меняется обстановка, меняется и отношение к вещи. Первая глава — с жалобами на бомбежку госпиталя — мелка; современная война идет выше этих «гагских жалоб». Точка зрения врага нам ясна: в госпитале лежат кадровые военные — командиры и бойцы, целесообразно их уничтожить. Этому «тотальному» подходу фашистов надо противопоставлять *не жалобы*... Вообще хлипкий подход к грандиозной машине войны негоден...

У Инбер еще не решена политическая, историческая тема... Вещь идет по субъективным, бытово-лирическим путям. Но события потянут автора куда-то дальше, выше... Инбер ищет, сбивается, кое-чего побаивается. О сути войны она не говорит, тему России, славянства не затрагивает, а поэма о современном Ленинграде — это поэма о большой борьбе... После кратких прений я высказал свои соображения.

19 часов. Партийное бюро: план до 1 мая...

Ждем первомайских лозунгов, материалов и парада 1 мая...

После бюро сидели и говорили о войне.

Я рассказывал о Первой мировой войне, о кризисах лета 1918 года, о Версальском мире, о Европе. Очень внимательно слушали: у всех напряженный интерес к военно-политической проблематике.

Вечером — шквальный обстрел. Света не дали...

24 апреля 1942 года.

С утра в городе оживление... Майские продовольственные выдачи (вплоть до пол-литра водки).

В час дня поехал на Рузовскую, 12, в казармы, где находится пополнение для флота. Прохладно, солнечно. Воздушная тревога... Начался налет и артиллерийский обстрел. Близко рвались снаряды, стучали осколки... «Все в подвалы!» Я наблюдал из штабного помещения, как с воем упал подбитый фашистский самолет

за Обводным каналом, — летчик спускался на парашюте. Парашют стал сморщиваться, видимо, его прострелили, и летчик быстро падал... Все это произошло в несколько секунд, потом — дым на месте упавшего самолета...

Обстрел и налет длились более часа. Близко от нас загорелся дом. После отбоя я сделал доклад — «Задачи балтийцев на 1942 год». Выступал прямо, минутами резко — против ряда отрицательных явлений в частях. Было человек четыреста моряков (кадровые и из запаса). Слушали очень внимательно, реагировали горячо. Все в армейском, разношерстные, еще нет собранности, есть отлынивающие от дела. Знакомая картина тыловых казарм... Но в массе все стремятся на фронт.

Еду обратно. На 11-й линии — груды стекла, воронки на мостовой, выбоины в стене. Почти все стекла в нашем здании вылетели. Разбомбили штаб и Политуправление КБФ. Стоят часовые. Краснофлотцы сгребают груды штукатурки и битого стекла... Некоторая нервозность... Есть жертвы. В трех-четырёх этажах — разрушения. У нас в комнатах выбиты все окна и вырваны оконные рамы. Идет уборка. В суматохе украли продукты из сумки Пронина¹. На полу валяется штукатурка и осколки стекла. Зашел Н. Браун. Я сказал ему: «Весна, выставляется первая рама...» Тянет прохладой. С. К. успела собрать и вынести документы и рукописи — держалась молодцом, хотя все ходуном ходило, здание было полно дыма; всех налет застал врасплох — сигнал «Под укрытие» вовремя не дали (!). Со двора доносится стук: уже чинят, штопают, забивают чем попало окна.

Зашел к заместителю начальника Пубалта Карякину.

«В налете участвовало 110 немецких самолетов, сбито 18... Попадание без пикировки, то есть по данным фашистской разведки, по ориентирам. В здании штаба — четверо убитых и пятнадцать раненых. Видимо, был прицельный удар. Одна бомба рванула в четвертом этаже, ударив по карнизу, в комнате лекторов. Все перевернуто, все в кирпичной пыли».

Ждут, как и в прошлый раз, ночного налета. Наша авиация готовит ответный удар. Но где штаб немецкого флота? Туда надо направить ответный удар!

...Ночью «Киров» переменял место.

Сплю не раздеваясь, холодно! Отдаленные свистки, гудки. Товарищи разбрелись кто куда; мы с С. К. остались на месте.

Читал Вигеля. Любопытные записки.

---

¹ Журналист.

25 апреля 1942 года.

К полудню — воздушная тревога... Все сходят в убежище.

Стрельба, резкий свист бомб. У дверей стоят часовые. В убежище — полно, готовят операционный стол, койки. Гаснет свет, потом опять дают ток. Приготовлены ломы, лопаты. Люди сидят в молчании, потом постепенно оживляются. Кто-то играет в домино. Кое-где флиртуют. Отбой!..

Делаем в комнате уборку. Все бумаги перевезу на Каляеву, хотя и там достаточно опасно. Окна закрыли досками, бумагой, одеялом. В щели дует ветер. Подмели пол, рассортировали книги, вчера все было смешано, разбросано. Привел в порядок письменный стол — хорошо, что дали ток и уже можно работать.

В шестом часу опять стрельба, вой моторов, тревога: «В бомбоубежище». Я остаюсь с С. К. в комнате. Хочется побыть одним. Идут воздушные бои над окраинами, слышны пулеметные очереди.

Заместитель начальника ПУ сказал нам днем:

— Квартиру придется менять.

Очевидно, штаб и Политуправление думают куда-нибудь переехать.

Все время летают и стреляют. Вчера в налете участвовало 172 «юнкерса» и 10 «мессершмиттов». Сбито 19 самолетов. Сегодня — 63 «юнкерса» и 20 «мессершмиттов». К концу дня сбито 10 немецких самолетов. Итоги неплохие...

Наблюдается, таким образом, выравнивание технических средств борьбы, об этом прямо пишет «Красная звезда» в передовых: «Весна в воздухе» и «О средствах противотанковой обороны».

«Правда» в передовой статье об интендантах пишет о том, что снабженцы справились образцово с зимним снабжением армии.

Советский народ встречает весну 1942 года с глубокой уверенностью в победе. Размолоты сотни немецких дивизий; уничтожен ряд бронетанковых групп, прокладывавших путь пехоте.

Значительно увеличился *наш* танковый парк. Созданы средства противотанковой обороны. Выросла и окрепла советская авиация. Инициатива в руках Красной Армии, и ставится вопрос об использовании весны для *наших новых ударов* и с фронта, и из партизанских районов.

Работал... Ночью написал рассказ «В море» для «Красной звезды» — о трудностях войны, о волевом типе старого бойца, о долге...

26 апреля 1942 года.

Пубалт готовится переехать в новое помещение. Здесь без стекол холодно, неудобно и трудно работать; может быть, меняют место и потому, что ожидают массированного удара двухсот самолетов (есть сведения) и не хотят подставлять под бомбы руководство КБФ. Корабли меняют места. Я мельком подумал: надо — «Балтийцы идут на Запад», а практика заставляет оттягиваться на Восток... Трудно флоту, но переживем, своего добьемся!

...Днем написал радиоречь о Ленинграде для передачи из Москвы (на 10—12 минут, общий обзор обороны). Преодолеваю усталость, и когда в тишине пишу, — мне хорошо. Когда же по мелким, бытовым делам товарищи лезут, дергают, не могу терпеть — это растрата нервов, времени.

...Из обывательских разговоров:

«Будет мир. Бог поможет. Гитлер оставит нашу землю, уйдет. Вести войну нет сил...»

Трогательная концепция религиозных дур. Впрочем, хоть установка ясна: с советской земли — немцев долой!

Вечером писал статью в редакции «На страже Родины». Возвращаюсь домой, а мосты разведены: «Свирь»¹ переставляют. Заночевал в редакции.

27 апреля 1942 года.

...7 часов 28 минут. День ясный, обстрел продолжается. Сильный зенитный огонь, но бомбардировщики идут очень быстро. Вдали отчетливо видны (из окна) высоты Красного Села, Воронья Гора и пр. — там немецкие наблюдательные пункты. Патрулируют истребители. На крышах кое-где посты...

8 часов 30 минут. Отбой. Работаю... Звонили из Смольного, просят 29 апреля сделать доклад активу Свердловского района.

Итоги налета. Разбита «Свирь». (С. К. шла по мосту Лейтенанта Шмидта, видела это, плакала... Под обстрелом шла домой.) «Свирь» вчера стала на место «Кирова». Хорошо, что крейсер вовремя увели! Сбито несколько немецких самолетов, были пожары. При обстреле повреждены некоторые подводные лодки.

Видимо, это повторение кронштадтской сентябрьской недели. Фашисты хотят доконать Балтийский флот. Не выйдет!

¹ Вспомогательный корабль. (Прим. автора.)

28 апреля 1942 года.

Работаю над темой об артиллерии (о Красной Горке). Опять тревога.

Был А. Крон. Он сейчас работает на Подплаве. Там — подготовка к походам. У некоторых есть кислые настроения: как ходить по Финскому заливу — по минам?

...Работал весь день над темой: Красная Горка, — я там не раз бывал. Изучил комплект газет с сентября. Взял затем сводки в Пубалте и сводку начальника артиллерии вице-адмирала Грена...

Очерк писал с настроением. Это для «Правды», для страны — некий рефрен о «Моряках из Кронштадта». Мое майское напоминание, привет и отчет!

Ночью отдаленная канонада.

29 апреля 1942 года.

Готовлюсь к докладам (в госпитале, где я лежал, — в 3 часа, и на активе Свердловского района — в 5 часов дня). Очерк «Стреляет Красная Горка» отослал.

Вежливое письмо из Военно-морского издательства. Просят новых рукописей, издадут мою книжку «Балтийцы». Они готовят писательское совещание и в мае хотят отозвать в Москву пять-шесть писателей для написания больших вещей...

Еду делать доклады...

Говорил, хотя и усталый, с подъемом. Нарисовал картину майских праздников с 1917 года, ход войны и пр.

30 апреля 1942 года.

Усталость...

Днем были Крон, Азаров и др. Потом пришли Фадеев (прилетевший из Москвы) и Тихонов. Посидели часа два-три. Дружно беседовали о Москве в нашей холодной комнате с выбитым окном (С. К. и я упорно остаемся на месте).

Видимо, они были взволнованы всем виденным.

Стрельба...

В 7 часов вечера в Военном совете совещание о документальном фильме «Краснознаменный Балтийский флот».

Ночью стрельба — то отдаленно рокочущая, то близкая. Вся наша артиллерия бьет по немцам. Так их!

1 мая 1942 года.

Утром слушал приказ Сталина.

...Из московских новостей. Город живет активной жизнью. Фронт — в ста пятидесяти километрах. Готовятся резервы...

С Севера везут много техники. Страна имеет необходимое продовольствие, но транспорт неважно справляется с перевозками. Есть трудности в металлургической промышленности...

Традиция праздника сильна, — особое чувство на душе. Его угадываешь и в других... Может быть, мы еще не можем понять, что выпало нам на долю.

6 часов вечера. Москва передает мою речь. Рад, что она дойдет до миллионов людей и до моих друзей, раскиданных событиями по стране.

Все время обстрел. Немцы «поздравляют» нас. Ладно... У меня в глубине души ощущение военного перелома, кризиса. Гитлер уже не может сломить нас, а мы еще не можем окончательно опрокинуть его. Но наши шансы нарастают. Однако лето даст новый штурмовой немецкий бросок: он будет яростен... У немцев новые мины, ресы¹, новые пулеметы, автоматика, самолеты, отравляющие вещества. Гитлер выступил в рейхстаге (дня три тому назад): признал невероятные трудности зимы, неподготовленность германского транспорта, но, мол, в будущую зиму (!) «мы будем подготовлены, где бы зима нас ни застала. Лето 1942 года решает». У них полемика с внутренней оппозицией, угрозы...

Обстрел весь день. На площадях у «Астории», у Экипажа² и др. есть жертвы — это ответ на наш артиллерийский майский «визит».

Слушал радиоречь А. Фадеева о писателях во время войны. Трижды, с душой, говорил обо мне...

Вечером тихо поговорил с С. К., поужинали вдвоем, выпили немного и написали письмо в Алма-Ату Эсфири Шуб и Эйзенштейну. Мы были счастливы сегодня, по-своему...

2 мая 1942 года.

Временами обстрел. Сильный артиллерийский шквал — часам к пяти утра. Почему-то дана химическая тревога. Пожары. Снаряды свистят близко.

Говорил с начальником ПУ Лебедевым о Кроне (отбивал его, так как его хотят услатить из Подплава в морскую пехоту, а Подплав стал его темой), о моем майском плане и о новом помещении.

¹ Реактивные снаряды.

² Здание флотских казарм.

Читал сводки. Прочел приказ наркома Военно-Морского Флота. В нем говорится о наступательных операциях.

...Политуправление готовится к переезду в новое помещение. Там налаживают связь, делают побелку. Переедем на Песочную улицу. Мне обещают дать «хату», то есть квартирное устройство. Посмотрим...

Неуютно на нашем пятом этаже, холодно.

Вечером звонок — просят прибыть к заместителю начальника Пубалта Карякину. Иду с оружием и пр. В операцию! Все одеты, выходим... «Какая задача?» — «Выпить и закусить». Оказывается, группа бывших выпускников Военно-политической академии отмечает свой выпуск и проводы одного товарища в Москву... На частной квартире, поблизости от Политуправления, накрыт стол: мясо, колбаса, хлеб, салат (все в ограниченном количестве). Графинчик с русской горькой, пиво, — от такого стола в январе или феврале можно было остолбенеть. Пили, шутили, вспоминали годы учебы. Я в этой товарищеской среде почувствовал себя хорошо... Боевые комиссары, на десять лет — по службе — моложе меня. Крепкий народ... Некоторые политработники пьют и все время спрашивают: не грешно ли, нет ли тут проступка? — и тут же смеются над собой. Пили, плясали, пели хором и признавались друг другу в хороших чувствах.

Мы были в маленькой квартирке комиссара, который сейчас служит на Севере. Истощенная хозяйка, маленький уцелевший сынишка Леня, который мирно спал, а потом проснулся. Я с ним на рассвете дружно беседовал: о папе, о войне, о флоте, о том, как с мальчишками драться надо... Чудесный мальчишечка — глазки ясные, чистые... Ходит в матроске... Шепчет, что хочет быть моряком... «Лейтенантом, капитаном или адмиралом?» Мальчик шепчет: «Адмиралом». Показывал мне, где в комнате попал осколок снаряда, рассказывал, как умер от голода его братишка.

Временами слушал излияния некоторых товарищей о литературе. Хозяйка так устала и так тоща (у нее распухшие ноги), что от танцев отказалась. Я пил мало. Записывал некоторые рассказы товарищей о боевых действиях...

3 мая 1942 года.

В 2 часа 25 минут в малом зале Военно-морского училища провел доклад на тему о комсомоле и его пути. Аудитория очень внимательная, крепкая. Говорил с настроением, обрисовал и современную обстановку. Осмотрел выставку трофейного оружия и

немецкого обмундирования. Это трофеи моряков под Ленинградом. После моего доклада выступали Азаров и Крон, затем концерт.

5 мая 1942 года.

Холодно... С Каляевой на мотоцикле, через центр города, в Политуправление. Ветер леденит лицо, срывает фуражку. Корабли заметно оттянули в глубь Невы...

В здании штаба и Политуправления небрежно забивают окна синей бумагой. Запустение... Все равно уезжать...

Штаб Балтийского флота уже перебрался на Петроградскую сторону.

Говорят о том, что на Ладоге искусственно задерживают лед. На судостроительных заводах срочно строят баржи и шаланды... Завоз продуктов продолжается...

Уборка города в апреле дала результаты. Стало сравнительно чисто, кроме того, уборка была физической зарядкой, встряхнула сотни тысяч людей.

На Ленинградском фронте — наступление. Потери немцев от одной до двух тысяч человек в день, но на Неве мы оставили пятючок у Дубровки.

В 3 часа поехал на соединение торпедных катеров — сделал доклад перед началом весенней кампании. Соединение готовится, на днях начнутся ходовые испытания... Немцы патрулируют¹ от Петергофа к Лисьему Носу и высматривают, нет ли чего-нибудь в Финском заливе.

Познакомился с Героями Советского Союза Осиповым, Гуманенко и Афанасьевым. Афанасьев, выступая, напомнил о моем приезде в Либаву в марте 1940 года.

— Вы тогда рассказывали о либавской старине, о горечи и злобе старых матросов, о царской каторге... Я, признаюсь, не понимал этого, но когда двадцать второго — двадцать пятого июня я увидел горящую Либаву, фашистские самолеты, расстреливающие толпы на улицах, я *впервые* понял, что такое гнев...

К новому поколению приходит новое восприятие жизни.

...Мертвецов возят совсем «классически» — обернутыми в кусок материи, на обыкновенных тачках или на роллерах...

¹ Воздушный патруль.

7 мая 1942 года.

Выспался. 9 часов утра. Помещение Политуправления на Песочной еще не готово. Там (в помещении Электротехнического института) переделывают кабинеты, лаборатории, мастерские... Много портят.

Подготавливаю «Кронштадт». Читаю «Историю искусств». Временами вскипают какие-то новые планы.

Днем — стрельба. Дрожат окна... Погода сумрачная, идет снег...

8 мая 1942 года.

...В 5 часов еду на мотоцикле в Политуправление. Холодный ветер, малолюдно... Корабли на Неве закрыты сетками, маскировочными полотнищами, деформирующими их очертания. Белая, зимняя окраска уже не годится...

В Политуправлении холодно. Прочел сводку, газеты... Особых новостей нет.

9 мая 1942 года.

Работал в комнате 106. С утра — сильный обстрел, близко рвутся тяжелые снаряды.

Прочел письма из освобожденных местностей. Это письма краснофлотцам от родителей и близких — русская эпическая простота, глубокая, органическая злоба к Гитлеру, возмущение и страшные краткие описания:

«Сами не знаем, как живы остались». «Сестра твоя погибла, мсти, Лешенька...» «Враг разорил нас в пух и прах, сукин сын, грабитель... Кур всех позабирали, идут с дубинкой, сшибают, отрывают им головы, пожрали всех колхозных коров и овец. Так мучили нас почти целый месяц, но Красная Армия повернула их назад пятками...»

Местами есть термины «священная наша земля» и пр. И в устах крестьян это приобретает необыкновенно сильный смысл!

«Я никогда не могла себе представить людей такими жестокими, как эти фашисты. Пишу, а у самой слезы на глазах... Валентин! Мсти фашистскому зверью!» «Учительницу Анну Васильевну эти бандиты расстреляли за то, что она была комсомолкой и не хотела у них быть переводчицей. А как их возьмешь в плен, они кричат: «Я не стрелял, я ваш...» «Бить их и бить! Привет от партизан-бойцов, тружеников Тихвина...» «...Погибли люди, ни в чем не повинные. Дорогой брат Ленья, я выходила на улицу, долго стояла, смотрела туда, где находилась наша Красная Армия. Я знала и крепко верила...

В последнюю ночь была жуткая, печальная картина, кругом были пожары... Сейчас живем хорошо. Мама ходит в колхоз, там восстанавливают хозяйство, брат — на шахту крепильщиком, Нина — в школу. Город наш сожгли почти весь».

Вот что пишут в Балтфлот отцы, матери, сестры моряков!

Работаю над темой Кронштадта. Взял библиографические справки.

...Прочел свежие московские газеты. Мне прислали специальный номер «Правдиста»¹ ко Дню печати. Моя работа отмечена в передовой Емельяна Ярославского, в статье Заславского, в заметках об избранных очерках и статьях из «Правды» — материалах *гвардии* военных корреспондентов «Правды»... Тронут до глубины души, хочется еще больше сделать...

Недавно Германия, через стокгольмские круги, сделала новое предложение союзникам о мире. В ответ — отказ или молчание. Немецкая пресса заговорила о желательности взаимного воздушного перемирия между Германией и Англией. Удары по Любеку, Росток, Аугсбургу, Штутгарту сказываются. Впереди — более сильные удары.

10 мая 1942 года.

В полдень тревога. Света нет.

Идем с пятого этажа вниз по грязной, с осколками стекла лестнице. Ветер в коридорах. Внизу совсем темно, заколоченные уборные. «Летучая мышь» освещает убежище. Приглушенные разговоры. Комментируют сообщения о применении ОВ на Юге. «Это серьезное сообщение...» Кто же спорит?

...Приказ по армии о противохимическом наблюдении и обороне: надо уметь вести огонь в противогазах, отражать танковые и пехотные удары.

В Ленфронте дают добавочное питание начсоставу (а нам не дали). Первая категория: три стакана какао, шесть бутербродов, вторая категория — два стакана какао и четыре бутерброда и т. д. Талоны розовые, черные, зеленые... Шутят: «Вы какой?» — «Розовый».

Прибывает новая техника отечественного производства.

Были в отделении ЦО. Написали письмо — привет «Правде».

---

¹ Печатный орган партбюро и месткома «Правды».

Поехали с С. К. «домой» к двум часам ночи. Ночной Ленинград пустынен. Дворцовый мост разведен. Ехали через Троицкий и Тучков. Иллюзия прогулки... Продолжить бы маршрут в Петергоф и Пушкин!

Ночью громopodobные редкие выстрелы — видимо, с Невы бьют корабли.

11 мая 1942 года.

Общая проверка противогозов.

Пробую работать в отделе печати. Холодно. Иду в наш «дот», где С. К. подтопила, утащив где-то доску. Штудирую старый «Морской сборник» и «Красный флот» — о Кронштадте. Прислали гранки моего рассказа «В море». Надо внести некоторые поправки. Были Азаров, Браун и Крон.

Читаю старые «Морские сборники». Статья 1922 года:

«Сосредоточенный в Кронштадте и Петрограде Балтийский флот опять под угрозой, так как ясно определилась тенденция белофиннов и германцев занять Петроград...»

Проклятая балтийская география!..

12 мая 1942 года.

«Кронштадт» закончу завтра-послезавтра. Сценарий документального фильма «Краснознаменный Балтийский флот в боях 1942 года» в основном закончил. Сегодня им займется Военный совет. Пубалт согласен пригласить Дзигана¹ сюда, для съемок.

Днем шквальный обстрел района завода... Смотрел из окна... Стелется черно-рыже-розовый дым, стоит грохот... Сеанс продолжался минут пятнадцать, была тревога, а потом веселенький отбой на горне...

Утром слушал по радио о речи Черчилля: Англия обещает в случае химического нападения Гитлера на СССР начать химическую бомбардировку германских городов. All right!²

Прочел «Правду» за 8, 9 и 10 мая. В нашей промышленности новый подъем, летнее соревнование на военных заводах. «Правда» отмечает, что численно наш танковый парк «подтянулся к немецкому». Еще больше танков!

Вечером пошел в госпиталь — постричься, побриться, встряхнуться. Что-то близко громыхало... Теплый вечер, дождик, пар-

¹ Кинорежиссер.

² Хорошо! (англ.)

но... Я впервые ощутил *лето*. Прошел год (?!). За проволокой копают огороды. Госпиталь стоит огромный, гранитный. Радужнейшая встреча, поболтали.

Между 12 и 20 мая ждут наше наступление. Госпиталь готов для приема раненых. Общее настроение бодрое. Временами громыхало, дрожали стекла, но это не прерывало беседы. Я рассказывал о Балтийском флоте, о писателях. Потом в молчании слушали радио (вечернее — 10 часов 30 минут). За окном — пулеметные очереди: до переднего края пять-шесть километров.

...Мы на своем осажденном участке многого не знаем. Мы не слушаем по радио ни Лондона, ни Парижа (Radio Paris¹ разбита диверсантами), ни Берлина — как слушали обычно до войны. Ощущение оторванности, блокады минутами очень остро. Нас «гвоздят» все время, «удобства» минимальные... Но все мы, русские, ленинградцы, деремса, бодры, привычно зубасты, живы, напористы — и не изменяем себе. И пусть живет жизнь! Есть какое-то инстинктивное ощущение: мы раздавим фашистов, — мы здоровее, упорнее... Нас много — с нами народы. В эту войну мы сделали огромный шаг в смысле пропаганды социалистических идей — не литературно-агитационным путем, а органически... СССР врезан в сознание человечества навсегда. Никто и никогда этого не вытравит из сознания, памяти, души народов (даже с поправкой на будущие возможные осложнения).

А артиллерия меж тем работает. Кронштадт за десять месяцев войны провел 951 стрельбу.

...1 мая противник бил но форт «П» — 244 снаряда. Есть убитые и раненые, но батареи форта живучи, бьют, настроение бодрое. Краснофлотцы просят добавить снарядов «для того, чтобы отомстить фашистам за убитых товарищей».

13 мая 1942 года.

Работаю. Беседовал с Рыбаковым. Все внимание сейчас на Ладожскую флотилию. На этот участок выделим специальную группу работников. Надо усилить и тамошнюю печать (послать Тарасенкова, Пронина). Задачи у Ладожской флотилии большие — давать четыре тысячи тонн грузов в сутки для Ленинграда и ежедневно вывозить обратными рейсами три тысячи человек эвакуируемых. Строятся пристани, делаются расчеты противовоздушной обороны...

Началось наступление Ленинградского фронта.

¹ Радиостанция в Париже.

Был Крон. Признается в усталости... Говорит об апатии. Его намерение ехать в МХАТ¹ пока неосуществимо, хотя он на это рассчитывает. Политуправление против и я *против*. Пока Крон работает в Подплаве, сделал агитпесю и думает над рассказами.

Вечером вспоминали о Юрии Крымове. Ему было тридцать два года, инженер, лысоватый, с характером... Жена... Скромные люди, жившие в одной комнатке с больной матерью. Крымов — беспартийный; судил прямо и сурово о литературе, не терпел литературной «биржи», приспособленцев. Жизнь знал, чувствовал ее, мог много дать, внимательно слушал критику... Его видели последний раз в бою: он залег с автоматом и гранатами, чтобы прикрыть отход наших... Это в его характере.

14 мая 1942 года.

«Ввиду превосходства сил противника наши части отошли на Керченском полуострове на новые позиции...» Куда? К Керчи?

Началось наше наступление на Харьков.

Днем: ожесточенные бои на Керченском полуострове.

Работаю над сценарием о действиях Краснознаменного Балтийского флота. Дал уточненный план фильма в семи частях, с охватом осени 1941 — марта 1942 годов. Дал и пояснительную записку, ибо кинематографический образный ряд могут и не воспринять.

...Поехали в город. Летний ослепительный день, несколько прохладно. Нева синяя, полноводная... У завода стоит «Максим Горький» и несколько других кораблей... Ниже, по правому берегу, затопленная «Свирь». Старик «Комсомолец» подкрасился... У Зимнего стоят ледоколы. Сегодня был обстрел по берегам Невы; свежие воронки у Дворцового моста, у Адмиралтейства и у бывшего Главного штаба. На Невском — гуляющие; девушки в летних пальто, ходят группами... Правая сторона Невского традиционно людная, но как в общем поредела эта толпа, как все стало иным... А город сияет неумирающей красой — огромный, вечный... Небо голубое, солнце слепит глаза, блистают стекла и металлические части автомашин. Кажется, что не было осадной зимы, не было ледового склепа. Видишь опять просторы, море, песок, берега, леса...

Ну, мой родной Балтфлот, сейчас, как никогда, судьба Ленинграда зависит и от тебя!

¹ МХАТ репетировал псью Крона «Глубокая разведка».

15 мая 1942 года.

Наши опять отступили на Керченском полуострове.

Почему-то кажется возможной затяжка войны. Англия и США будут последовательно выжидать, маневрировать... На Дальнем Востоке решения придут позже, причем думается, что англичане и янки будут создавать (против нас) противовес в Азии, используя подстриженную Японию.

Весь день писал «Кронштадт». Работал с увлечением.

В городе прошли мобилизации по заводам... Народ подголаживает, еще много бледных, слабых людей. Есть дистрофики и в Политуправлении. Наиболее слабым дают диетпитание. Даже на кораблях, где получают по восемьсот граммов хлеба, еще не все оправились от зимних лишений.

16 мая 1942 года.

Весь день работал над «Кронштадтом». Дошел до последней главы.

...Приказ о строжайшем засекречивании сообщений с флота. Вообще в последний период меры эти чувствуются: стало гораздо меньше болтовни.

Виделся с комиссаром Ладожской флотилии. Она пополняется баржами и другими плавсредствами. Ладожский лед уже идет по Неве, — в ближайшие дни флотилия поможет... Доставят из Осиновца первые грузы для Ленинграда.

Днем — письмо от Корнея Чуковского с просьбой отпустить в Ташкент его сына... Начальник ПУ посоветовался со мною; решили ответить вежливо, но прямо. Николай Чуковский *сам* не поедет в тыл...

17 мая 1942 года.

...Народы Европы пылают ненавистью к Гитлеру. Таким образом (заклучают многие английские журналисты), есть благоприятные шансы для создания второго фронта. Это — побережье Ла-Манша и менее всего Дания, Италия. Общественная английская анкета дала: *67 процентов за второй фронт*, 23 процента — воздержалось, 10 процентов — против. Правительство Черчилля упрекается в нерешительности, в расхлябанности... Ну, нет! Все делается с точным расчетом.

Черчилль, принимая советскую профсоюзную делегацию, 29 января сказал речь, которую закончил призывом: «Рабочие всех стран, соединяйтесь!» Какая терминология! А между тем английская авиация опять делает паузу в Западной Европе.

Днем поехал на Каляеву. Ветреный солнечный день. Корабли на Неве закончили маскировку на весенне-летний период. В Союзе писателей (на ул. Воинова) выбиты стекла...

Выкупался (в лоханке), надел новый, отлично на «Кирове» сшитый костюм. Как-то приятно — из просоленной, пропотелой «шкуры», которую я носил с осени 1939 года, со дня прихода в Таллин¹ (!), переодеться в чистое, новое... А фуражка пусть остается старая, боевая...

Письмо от внука Людмилы Владимировны² — Китьки (ему одиннадцать лет, он с матерью живет на Шлиссельбургском заводе³):

«Мы ходили с мамой за клюквой и набрали полтора стакана. Мы собираем березовый сок и делаем из него квас. Такой крепкий, даже в нос колет. Собираем мы крапиву и варим щи. В этом месяце, если буду жив (толстовская формула у одиннадцатилетнего ребенка!), устраюсь на работу к маме в цех. Буду получать рабочую карточку. Лес у нас начинает распускаться. Все было бы хорошо, если бы не война. Мама часто ложится не раздеваясь, стала сердитая. Я варю дома обед и, как могу, убираю комнаты. (По уборке всегда не угождаю маме, ей все не так!) Я сам сделал две финские пилы, одну подарю тебе, если увидимся. У меня теперь много коньков, мне оставляли уехавшие товарищи. Бабушка! Давайте все вместе уедем подальше...»

...На Керченском участке ожесточенные бои. Противник бросил сразу на узкий фронт перешейка до тысячи самолетов и пр...

Получил бодрое, молодое письмо от Ильи Сельвинского — ответ на весеннее письмо (мое и С. К.). Илья в «Боевой крымской», много пишет, рад широте работы. Горд своей военизацией, получил звание старшего батальонного комиссара... Как-то Илья в эти тяжелые для Керчи дни?

Разведывательные органы сообщают, что есть новые признаки немецких сосредоточений на Ленинградском фронте. Возможны,

¹ На одном из кораблей Балтфлота, пришедших с визитом дружбы в Эстонию.

² Л. В. Зернина — дальняя родственница Вс. Вишневого.

³ Шлиссельбург был захвачен фашистскими войсками, а район Шлиссельбургского завода удерживался советскими частями на протяжении всей блокады Ленинграда.

думаю, следующие операции немцев: 1) удар в волховско-тихвинском направлении для замыкания внешнего блокадного кольца; 2) удар через Неву — для перехвата Осиновецкой железнодорожной ветки и, может быть, замыкания кольца на Карельском перешейке путем соединения с немецко-финскими войсками; 3) удар по Н-ской армии со стороны Московского шоссе.

Надо думать, что командование вовремя учтет планы противника. Ленинград надо сберечь — и политически, и символически, и практически он нужен стране... Но убеждаюсь в том, что главное направление, конечно, — Юг, Центр. Мы здесь должны обходиться имеющимися у нас силами. Боезапас надо тоже экономить.

Вечером в «Астории» — встреча писателей армии и флота. По началу «роскошный холод», пустые «апартаменты»¹... Были: А. Фадеев, Н. Тихонов, А. Прокофьев и наша группа. Дружно беседовали, пили, ели и пели. (Организовали все в складчину из привезенных Фадеевым посылок...) В общем было мило...

Расстались в 6 часов утра. Майский тихий Ленинград, мягкий, теплый воздух, легкий туман над Невой. Спешащие на работу женщины, усталые лица. Влажные от утреннего тумана тротуары, булыжник Галерной, где я жил в 1922—1923 годах. Тишина... Очарование просыпающегося города... Распускающиеся почки на деревьях и кустах; садовники перекапывают клумбы и газоны. Из дощатого укрытия памятника Петру простерта черная бронзовая рука — властная, сильная. Седой Николай Тихонов со вкусом рассказывает о поездках, о былых приключениях на Кавказе, о фронте...

18 мая 1942 года.

...В городе спортивно-военные соревнования пятнадцати женских команд.

Убит товарищ Овчаренко, бывший начальник политотдела той армии, в которой мы с С. К. побывали зимой... Он был в ударной группе войск. Убит прямым попаданием снаряда. Чудесный боевой товарищ...

Подготавливаю к поездке в Невскую опергруппу войск и в отряд судов на Неве. Пишу тезисы нового доклада о ходе войны и обстановке на май.

¹ Номер из нескольких комнат.

19 мая 1942 года.

Бои продолжаются... У Керчи наше сопротивление; за неделю немцы потеряли 339 самолетов.

Группа из Пубалта в десять человек улетела в Новую Ладугу для помощи в работе флотилии. Тарасенков переведен туда же.

Пишу с утра последнюю главу «Кронштадта». Взял период 1921—1941 годов. Завтра напишу о десяти-одиннадцати месяцах обороны Кронштадта. Машинистки говорят: «Интересно читать...» Признак хороший...

Об артиллерийской борьбе за Ленинград. Артиллерия противника применяет огневые налеты одновременно с различных позиций. Например, последний налет по Неве производился с четырнадцати различных точек различными калибрами. Наш ответный огонь силен и эффективен. Мы применяли для подавления двойное количество батарей. Немецкий огонь пока у нас не разбил *ни одной нашей батареи*, а мы уничтожили ряд немецких батарей. К сожалению, еще слаба наша разведка. Бить приходится, когда немецкие точки открывают огонь.

В Ленинграде в Ботаническом саду Академии наук открыта выставка дикорастущих съедобных растений. 20 мая там будет прочтена лекция на эту тему.

20 мая 1942 года.

Писал весь день с подъемом «Кронштадт». Глава получилась горячая: осень 1941 года, зима. Кончил в момент артиллерийского обстрела... Настроение бодрое — работать, работать!

Работал у корреспондента «Красной звезды» над очерком-некрологом о товарище Овчаренко.

Прочел свежие номера «Красной звезды». Наши бойцы отлично встречают немецкие танки, уничтожают до 50 процентов.

Бои разгорелись на барвенковско-изюмском направлении. Немцы, таким образом, стараются бить во фланг войскам, идущим на Харьков.

Ленинградский фронт готовится по всем линиям: проверяют заградительный огонь, противотанковую оборону и пр.

Вот съезжу в Невскую группу — посмотрю...

...ТАСС сообщил, что Союзкинохроника начинает съемки большого документального фильма о КБФ по моему сценарию. Воз-

ник ряд мыслей о художественном сценарии... Образ старого матроса (типа Бушуева¹) и молодых. Философско-юмористическая тема — «молодежь и старички»; красноармейцы и морская пехота; современный бой, танки, воздушные десанты и борьба с ними; типы пленных... Стоицизм часового: «Идем!» — «Не могу — я на посту». — «Снимем! Где караульный начальник, разводящий?» — «Убиты...»

Ночью опять работал над биографией Овчаренко. Взял его личное дело в отделе кадров Политуправления фронта. Какая чистая, молодая, боевая биография!

21 мая 1942 года.

Штаб и Военный совет наконец переехали на Петроградскую сторону. Мы переедем 24 мая.

На флот приходят из страны три тысячи девушек (по мобилизации). Они заменят три тысячи краснофлотцев и работников тыла. Очень хорошо, но будут «биологические заботы»...

Передовая в «КБФ» — Подводники! Страна ждет от вас новых подвигов!

Жена Тарасенкова пишет: «Про вас (о Ленинграде) ходят слухи, будто в центре, на Невском проспекте, опустился немецкий десант...» (!?)

Из радиосообщения: Муссолини призывает к сдаче шерстяных изделий и запасов для зимней кампании 1942/43 года (!!).

22 мая 1942 года.

Одиннадцать месяцев войны. Дни холодные. Затяжная весна.

Днем, в обед, двойной артиллерийский налет по нашему району. Свистят снаряды, звуки разрывов — кричающие, раздражающие.

В сводках. Наступление на харьковском направлении; немецкая атака на изюмском направлении отбита; бои на Керченском полуострове — держатся!

Написал очерк о Ленинграде для Англии и США, с юмором и долей вызова.

¹ Бушуев — актер, исполнявший роль матроса Артема Балашова в кинофильме «Мы из Кронштадта» (описка автора).

Объявление о новом ордене Отечественной войны — 1-й, 2-й степени и статут ордена. Сильный стимул для новых боевых подвигов армии и флота...

Были Азаров и Браун. По заданию Главного ПУ просил их срочно дать сборники стихов и песен.

Был у меня заведующий издательством «Правда» из Москвы. Передал личные приветы и посылку... Тронут вниманием «Правды»...

В Москве живут бодро. Продовольственное положение несколько ухудшилось. Ездят за продуктами на базары в Дмитров и другие подмосковные города.

Идут и идут резервы... Бои за Москву показали значение «калюш». Они сугубо засекречены, били в ряде мест смертельно: очень резкий звук разрыва, все кромсают. Сейчас таких пушек изготавливают очень много...

23 мая 1942 года.

Из редакции «Литературы и искусства» сообщили, что мои очерки прошли в американской прессе с большим успехом, просят еще...

Сообщили, что армейский комиссар Рогов опять «изъяснялся»: «Вишневский вот напишет хорошее, а даст не нам, а в «Правду» или «Красную звезду»... Народ ждет от него трагедии, пьесы, сценария...»

Это справедливое замечание!

...В. Ставский просил передать приветы, нежнейшие поцелуи и пр. «Скажите Всеволоду, что ему нужно быть не только на Балтике, но и по всей стране, шире!»

Может быть, это правильно, но я не могу оторваться от Ленинграда и моей органичной балтийской темы. Надо довести ленинградские дела до конца. Так и напишу ему.

Настроения в стране бодрые... Война, может быть, и не кончится в 1942 году, но созданы предпосылки для успешной борьбы...

...Сегодня тихо, глаза и душа привыкли к виду города. (А приезжающих он потрясает...)

Везде вскапывают газоны, грядки. Узнал адрес витаминного завода — Дегтярный, 5. Говорят, что, если полторы недели принимать сосновый экстракт, цинга проходит. Проверю!..

24 мая 1942 года.
Воскресенье.

Сдана Керчь, но это не даст немцам «ключей к Кавказу».

Вспоминаю отца и мать. Отец мощный, около ста килограммов весу, деятельный, бодрый, многосторонний, обожавший жизнь, общество. Он сумел на седьмом десятке уехать на море, плавал, загора до коричневого оттенка... Был прост, горд, не любил мелкую карьеристическую среду, предпочитая «людей искусства». Одевался просто, ходил быстро, очень быстро, рассекая толпу. Как мне горько, что осенью 1939 года я так и не застал его в живых и, придя из Таллина, мог только поклониться его могиле. С. К. приняла его последний вздох.

И мать... Работящая, скромная, в своей комнатке в больнице, где прослужила до пенсии. Читала женщинам газеты, трактовала, как могла, сообщения; обучала детей французскому и немецкому языкам; мечтала на старости лет о комнатке в Москве, чтобы видеть Волю и Бориса (меня с братом).

Из быта. Семья избалованная, из технической интеллигенции. Красное дерево, картины, золото, серебро. Вымирали от голода, но вещи берегли. Осталось двое — и продолжают «беречь вещи». Чтоб прокормить мужа, жена поступила в грузчики — «дают первую категорию», но бережет вещи... «Ну как же я отдам часы, ведь это мозеровские... Или туфли? Что я буду носить после войны? Пусть останутся...» И сидит эта пара на кухне, пара странных собственников в осажденном социалистическом Ленинграде.

...Поздно вечером поехал в город... По Литейному мосту идет колонна женщин с мешками и ранцами — на огородные работы. Навстречу — отработавшие группы, видимо, с Финляндского вокзала.

Штаб и Политуправление размещены в здании Ленинградского электротехнического института. Мне кажется, что здесь чем-то лучше... Нет «ассоциаций», связанных с голодной дистрофической зимой, с мраком, с дымом, холодом, выбитыми окнами...

Занимался оборудованием комнаты. Это 47-я аудитория на четвертом этаже. Большая светлая комната, из окон видны крыши, сады. Вдали — Петропавловский шпиль. Рядом — Ботанический сад. Отличная столовая и салон. Квартиры не дали (разобрало начальство)... Ну и ладно... Проживем... Пусть на новом месте будет лучше, чем на старом...

...У нас пять коек в комнате: моя, три койки для группы и одна для шофера. За черным коленкором — койка и столик С. К... Три рабочих стола, два шкафа...

25 мая 1942 года.

Продолжаем оборудование: электропроводку, мытье полов, окон, расстановку столов, шкафов и пр. Приятно, что книги в шкафу рядом, у окна. Что еще нужно? Стол, стул, хорошая бумага, перо, чернила, книги, койка?.. И поменьше «ведомства».

...Окидываю взглядом события одиннадцати месяцев. Молодежь на войне хлебнула житейской горечи и правды; изменилась, стала опытнее, в чем-то тверже, в чем-то суше. Громадность масштабов горя и бед не позволяет все вместить. Человек защищается эгоизмом, выключает многие реакции, чтобы «сердце не лопнуло».

Только после войны придут оценки, перспективы, общий объективный взгляд на события, анализ, определившееся самопознание советского общества. Народ сделал воистину много. Выносливость русского народа выше европейской. Гитлер в определении наших возможностей просчитался. Он не учел сокровенного в русском народе — его души, его упорства, его скрытых внутренних сил.

Я сам еще не могу разобраться в своих ощущениях, рожденных войной, вернее — синтезировать их... Это и глубокая радость: велик, могуч русский народ; это и неизбежная горечь, рождаемая человеческими муками, страданиями; это — некий холод наблюдений. Когда война кончится, жизнь покажет, что человечество, быстро оправившись, воспрянет и займется воспроизводством. Будет радостно от шума ребят, людского непрерывного кипения, напора, если не ударит третья мировая война (видимо, капиталистического блока против социалистического)... У нас героизм — явление массовое, рядовое; мы находимся в «повседневности» героизма, так, что ли? Люди сами своим поведением и отношением к происходящему меняют оценки и критерии. Таран — норма, осадный быт и пр. — норма, самосожжение танкистов — норма... Все это порождено глубоким патриотизмом, верой в свою советскую правду.

Все это надо продумать.

В трибунале перечитываю ряд дел — надо для пьесы.

Мое решение — писать пьесу. Сценарий — это опять волокита. Комитет, режиссура, год съемок, а пьеса — это сейчас нужнее, и это мое, и только мое, дитя.

Пока тихо, хотя позавчера по району нашего нового места жительства — Политуправлению и штабу — был огневой налет. Один снаряд попал во двор (!)... Агентурят какие-то типы... За Карповкой взлетали ракеты (сигнализация диверсантов). В соседнем здании взяты явно вражеские субъекты. Будут выделены краснофлотские патрули.

Перед окнами остатки тропической оранжереи Ботанического сада... После осенней бомбежки стекла вылетели, тропические растения погибли. Сейчас Ботанический сад занимается рассадой, овощами, цветами. Попрошу пропуск, чтобы иногда гулять в саду. Военному совету сегодня из Ботанического сада прислали салат и укроп... 4-й отдел штаба пробует наладить рыбную ловлю и огороды.

С. К. худеет, седеет, у нее, кажется, признаки цинги...

Из Москвы вернулась Вера Инбер. Была в «Правде»... Илья Эренбург много работает, пишет по несколько статей в день, ездит по заводам и частям, выступает. Совершенно измотан, но бьется.

Начались съемки документального фильма о КБФ по моему сценарию. Операторы до сих пор не получают военно-морского пайка. Не могут обеспечить людей, фиксирующих войну! Снят приход первого каравана Ладожской военной флотилии к нашему берегу; канонерские лодки берут по тысяче тонн груза.

Утверждают, что немцы уже использовали против Ленинграда ресы (?).

Геринг в своей речи объявил, что вводятся новые продовольственные ограничения; что зима была трудной и «трудности превзошли всякое воображение»; что если немцы не напрягут до предела свои силы, то крушение Германии неизбежно...

Друзья мне предлагают тут же, на Песочной, две квартиры: одна — бывшая квартира писателя Амфитеатрова. А зачем? Уже ведь устроились...

Посмертно награжден орденом Красного Знамени писатель Орест Цехновицер. Послал газету с приказом Военного совета КБФ его матери. Но на стук двери не открыли... Уехали, эвакуировались? Завтра выясню.

Прочел «Новый мир» № 11—12. Горячие стихи Константина Симонова; очерки, новеллы... Интересны материалы об Идене и французские зарисовки — очерки Жан-Ришара Блока...

26 мая 1942 года.

...Сборник «Балтийцы на защите Ленинграда» *расфасован* по различным отраслевым сборникам «по родам оружия»... О, ведомство!..

Читаю сборник стихов Всеволода Азарова... Лирика, еще неуверенная («Два мира», «Балтийская баллада» и пр.).

Военные новости. Сводки фронта отмечают сосредоточение против Ленинграда новых трех-четырёх немецких дивизий и танков. В районе Дно обучаются немецкие новобранцы и резервисты. Наши части готовятся к отпору. Н-ская армия роет новые линии окопов, части получают пополнение, но в недостаточном количестве. Я думаю, что поработает опять Балтийский флот — моряки.

...Ленинград существует, не дает сомкнуться германо-финскому кольцу, сковывает их, значит — сила. Ленинград бережет заводы. Есть флот, есть запасы.

Сегодня утром в море пошли катера-«охотники» и первые подводные лодки. В добрый час!

Наши летчики разведали одиннадцать немецких аэродромов.

...Идет переоценка ценностей — людей и их способностей. Есть в городе среди различных слоев населения приступы религиозных настроений: вешают иконы, молятся...

27 мая 1942 года.

Радиосводки. За неделю с 17 по 23 мая уничтожено 332 немецких самолета и пр. Английская и шведская печать говорят об огромной силе удара на Южном фронте. На харьковском направлении уничтожено до 900 танков. Бои развиваются. Активизируется и смоленское направление.

Немцы кричат о Керчи — «ключе к Кавказу». Но в Германии симптомы инфляции, усталости — *кривая Германии идет вниз!*

В 4 часа дня вызывали в горком на совещание.

На июнь надо сделать две радиопередачи — 14 июня о героизме балтийских моряков и 21 июня о годовщине войны.

...*Из военных новостей.* Наша морская авиация усилилась. В Н-ском авиасоединении получили новые «яки», прибыл еще один полк. Летчики абсолютно обстрелянные; четыре человека представлены к званию Героя Советского Союза; на очереди еще ряд товарищей. Костылев сбил двадцать шесть немецких машин. Очень умело вводят, обучают молодых летчиков. Тактично поправляют их и прикрывают в боях, когда те, в молодом рвении,

кидаются в лоб, не видя опасности с хвоста. (Впрочем, лобовые удары — устрашающее средство, немцы их не выдерживают.)

...Главное — устоять летом 1942 года, тогда к зиме немцы проиграют и покатятся. Англичане опережают немцев в воздухе, но действуют в общем слабо. Могли бы бросать по *тысяче* самолетов на объект.

Просмотрел письма из германского тыла к убитым и пленным немцам (за апрель 1942 года). 80 процентов писем — стереотипных, осторожных («Живем по-старому, приезжай, бог тебя храни...»); 20 процентов — горьких, разочарованных и местами протестующих («Скорей конец войне, мы влипли... Солдаты 1918 года знали, что надо сделать...»). Жалобы на жесточайший недостаток вещей и продуктов... Жалобы на потери, беспокойство за исход войны...

...На Неве появились немецкие плавающие мины. Усилено наблюдение.

Нейтральная печать, в первую очередь шведская, усиливает свою ориентацию на демократию, на союзников. Обзоры о Красной Армии объективно-положительные

В Берлине было военное совещание (Гитлер, Геринг, Браухич и др.) о летних операциях 1942 года. Удар наших войск на Западном фронте нарушил ряд немецких предположений.

Ночью тревога. Зеленовато-серая ночь, зенитный огонь. Фонтаны трассирующих пуль над Невой. «Всем под укрытие!..»

29 мая 1942 года.

...Написал тезисы доклада к совещанию 30 мая¹. Устроил А. Крону новое обмундирование. Он обносился до крайности, небрит, грязный воротничок...

4 часа. Еду с Фадеевым к подводникам, идущим в море... Дружеская беседа с командиром подлодки Афанасьевым, комиссаром и другими. Фадеев и я провели беседу для военкомов и командиров, обрисовали обстановку...

Шел домой один белой ночью. Тишина... Великолепие улиц, садов, запахи сырого камня... Просторы Невы... Я поцеловал металл Троицкого моста... Здесь в 1917 году шли матросы, здесь кипала борьба.

¹ Совещание писателей Ленинграда, Ленфронта и КБФ в Доме Красной Армии 30 мая 1942 года.

Шел усталый, а было хорошо... В светлом небе — аэростаты заграждения...

30 мая 1942 года.

Поехали к двенадцати часам на совещание писателей... Солнечный день. Дом Красной Армии. Большинство в военной форме. Несколько встреч, разговоры на ходу. Атмосфера пленумов.

Совещание шло ровно, общая устремленность. Литературных споров и пр. нет. К чему они сейчас? Три доклада — один из них мой. Прения. Ряд интересных сообщений и характеристик. Раненый, без ног, требует: «Несите на партсобрание...» Раненые просят душевных рассказов, стихов...

...Наступило лето. Тепло, солнечно.

На заливе первые стычки: обстрелы с катеров; налеты наших штурмовиков на корабли противника...

С. К. поехала на форт «П» (на залив!).

31 мая 1942 года.

Ослепительный день и подозрительная тишина. К двенадцати часам поехали с Фадеевым и начальником политотдела базы Подплава на подводную лодку «Комсомолец». За Литейным мостом на барже, на мостках сидели команды с нескольких лодок. Дружно беседовали на солнышке о ходе войны, о настроениях и пр. Привели некоторые данные о Москве, о тылах. В пасхальную ночь было разрешено служить церковные службы более чем в сорока московских церквях. Религиозные организации помогают делу борьбы. Церковники пишут сборник «Религия и советское государство»... Затем обед на лодке: портвейн, соленая рыба, консервный суп с огурцами, макароны с тертым мясом, компот. Это «автономный паек». Оживленная беседа, взаимные расспросы. Очень бодро, по-товарищески просто. Расспросы о писателях: где Шолохов, где Серафимович? На корабле в поход берут до восьмидесяти книг. Командиры требуют Стендаля и др. Народ кадровый, все коммунисты и комсомольцы, кроме трех человек. Почти все с семиклассным образованием. Здоровы, за исключением двух, не оправившихся после зимы. На корабле чистота, порядок. Осмотрели все отсеки...

В общем провели на лодке часа три. Крепкий, здоровый народ. Зимний ремонт они сделали сами, превысив в десять — пятнадцать раз старые нормативы. Установка на гвардейское звание. Шутят: «Вот летчики начали долбить транспорта, наш хлеб отбивают». Торопят — в море!

Необходимо еще ближе узнать внутренний мир краснофлотцев.

На лодке узнал сообщение Совинформбюро о Харьковской битве — 5000 наших убито. Видимо, часть наших войск, прорвавшихся вперед, попала в мешок...

...Опять о фронте. Немцы будут пробовать наступать, иных путей для них нет. Для них каждый прошедший день — потеря десятков тысяч солдат, оружия, горючего и т. п. Немцы хотят выскочить из капкана «войны на истощение»...

В последние дни немцы пробуют минировать фарватеры у Кронштадта. «Юнкерсы» сбрасывают мины на парашютах. Посты службы наблюдения и связи засекают, отмечают места. «Мессершмитты» пулеметным огнем обстреляли форт «П». К чему? (Надо справиться о С. К.) Действия активизируются. Противник шлет по заливу сторожевые суда, транспорты и пр. Наши штурмовики уже потопили несколько кораблей противника. Вышло в море несколько подводных лодок. Ждут выхода и другие.

...Думаю о писателях: они держатся, во внутренний свой мир, в котором сами еще не разобрались, пускают неохотно... Все в напряжении, в ожидании, в борении с усталостью.

Штрихи. Крон много пишет... писем, создает себе интерес к этим беседам с Большой землей! Ему страшно хочется на время уехать, он устал, рассеян, но бодрится, иронизирует над бытовыми и служебными трудностями. Азаров «терпит», отошал, спотыкается от слабости и близорукости, ему очень трудно. Бодрю их... Ничего, походите, молодые, своими ножками, посмотрите службу. В группе им было литературно вольготнее.

1 июня 1942 года.

...Вспомнилось: с фронта идет окопный батальон — загорелые, обветренные, в продыmlенных шинелях, касках... На дороге сидит тощий котенок. Батальон идет, громыхая... Прохожие останавливаются. «Раздавят котенка», — думает каждый. А котенок сидит... Батальон идет вплотную, но люди осторожно подымают ноги и передают предупреждение — оно бежит по рядам. Батальон прошел, котенок цел! Это было в октябре 1941 года!!

Идут по Ладоге караваны. Было много налетов на базы и железнодорожные станции того берега. Наши отбивают налеты. Массовые воздушные бои, дымы. Сетка трассирующих пуль в небе, рев, вой, треск. Наши роют на берегу щели, рассредоточиваются. Ин-

тенсивность воздушных боев на всех фронтах возрастает. На днях сбито 145 самолетов противника за один день.

...Приехала вторично дальневосточная делегация. Каждый (по решению делегации) увозит с собой одного ребенка (из сирот Ленинграда).

Сцена в детдоме. Лежит мертвая женщина; она добралась туда и скончалась. Рядом тихо сидит ребенок, стоит желтой кожи чемоданчик. На нем: имя, фамилия, адрес, справка, когда привита оспа, какие у ребенка склонности, и записка: «Я умираю, но знаю, что мой ребенок не будет забыт». В чемоданчике выстиранные детские вещи, игрушки, какие-то лекарства. Мать, умирая, снарядила дитя в далекий жизненный путь...

Делегаты смотрят на сирот, дают им конфеты, шутят. По какой-то необъяснимой симпатии, влечению выбирают: «Будешь сыночком... Будешь доченькой...»

На Неве нерушимо стоят дворцы, памятники, мосты. Стоят корабли... «Киров» — в багрово-черных пятнах маскировки, удивительно напоминающих войну, пожары, дым, разрушения.

Нет, жив и будет жить наш Ленинград!

2 июня 1942 года.

...Зашли ко мне член Военного совета и начальник ПУ... Рассказал им о своей работе. Пубалт просит писателей сделать до тридцати очерков-листочков о героях Балтийского флота. Поговорили об английских бомбежках и прочих новостях...

Немецкие налеты на форты Кронштадта — попытка минами блокировать форты, так как там, конечно, уменьшается боезапас (проведено до тысячи стрельб за десять месяцев войны), и немцы хотят помешать снабжению фортов новыми запасами.

У немцев ослабление деятельности под Ленинградом: по правому берегу Невы выпускают не полторы тысячи снарядов, не тысячу, а семьсот — это уже третий день. Подвоза не видно. В захваченных районах начата эвакуация русского населения; нетрудоспособных расстреливают. Луга объявлена военной зоной. Идет смена дивизий в Красном Селе и в Пушкине.

Ленинград благоразумно готовится ко всем вариантам. Районы города готовят боевой актив, будут строиться уличные укрепления...

С подъемом написал в «Правду» очерк «Белые ночи» — о Ленинграде и Кронштадте.

Встал в 9 часов.

Написал С. К. письмо.

Еду в Невскую оперативную группу... Подготовил дела, бумаги. К одиннадцати часам пришла машина от командира Н-ской стрелковой дивизии — Краснова, Героя Советского Союза. Заехал за Тихоновым. Солнечный день, отличное настроение и самочувствие. Как похорошел город летом! Заехали за Фадеевым в «Асторию». Он идет, улыбается: «Ну вот, два «старика» — Всеволод и Николай...» Быстро едем по Невскому к Охтинскому мосту, минуем предместья...

По дороге — проверка документов два-три раза... Огороды, леса, полупустые селения. Колтуши, где, кажется, еще есть обезьянник и обезьянам дают паек первой категории. Странно думать, что сюда, к мировому научному центру Павлова, хотят прорваться гитлеровские кретины, которые все разобьют в щепки, если их допустят... Если! Для Ленинградского фронта сейчас — ответственнейшее направление невиско-ладожское. Выход немцев к высотам правого берега Невы, откуда просматривается *весь* Ленинград, был бы смертельно опасен и нарушил бы последние коммуникации через Осинец... Посмотреть все на месте! (Мы и едем.)

Нас встретили командир и комиссар дивизии.

Я был в лагерях этой дивизии до войны и писал о них в ЦО... Встреча дружеская, хорошая, обнялись. Заехали на КП. Вежливый и шуточный вступительный разговор.

...По карте посмотрели обстановку НОГа¹. На берегу Невы — наши дивизии. Противник подкидывает свежие дивизии, есть эсэсовские. Последние дни — затишье, но идет подвоз боезапаса, рекогносцировка. Мы ведем наблюдение, пристрелку. До прихода Н-ской стрелковой дивизии немцы гуляли по тому берегу, мылись в Неве и т. п. Наши снайперы и артиллерия стукнули, отучили их. Весь май наши строили рубежи и дороги...

После беседы едем с командиром стрелковой дивизии к нему — километров пятнадцать по старым дорогам и новым гатям. Краснов — бывший агроном, пензенский, русак, несколько стилизует себя под Чапая... Любит популярность, фотографируется, рассказывает о себе, о том, как немцы давали пятьдесят тысяч рублей золотом за его голову или сообщали, что он взят в плен и доставлен Гитлеру. Язык у Краснова народно-хитрецкий, ряд удачных оборотов, острот... Краснов дрался и под Волховом, и на Погостье, где штурмовал в лоб дзоты на железнодорожной линии. Тридцать пять минут шла рукопашная. Вятичи одолели врага! Шапку на ухо:

¹ Невская оперативная группа.

«А, мать их...» И в драку. Находили сцепившиеся трупы наших и фашистов...

Всего не упомянуть из рассказов... Это рассказы в землянке — экспрессивные, соленые...

4 июня 1942 года.

Завтрак, чай, затем в артиллерийский полк.

Знакомство с командиром полка Кодацким — 1911 года рождения, член партии, сын извозчика, киевский литейщик, затем курсант, с 1934 года конник-артиллерист, призовик, атлетического сложения...

Взяли по карте обстановку. Сначала у командиров — некоторое стеснение, но потом разговорились. Я попросил провести нас на наблюдательный пункт.

...Дошли мы до переднего края... Наблюдательный пункт — под разрушенным домом, из-за щитов выдвинута стереотруба, рядом перископы... Всего в артиллерийском полку тут, на берегу, восемь наблюдательных пунктов... До немцев расстояние от ста пятидесяти — двухсот метров до пятисот — шестисот, в зависимости от ширины Невы.

...Участок один из ответственных. Тут возможен немецкий бросок. Надо помнить керченский урок: массированные удары авиации; массированный артиллерийский налет по артиллерийским позициям, КП; обрыв связи и применение ресов, крупнокалиберных минометов и пр. Немцы могут использовать на Неве авиацию, дымы, моторные лодки (выпустить их по реке Тосна), могут сбросить парашютные десанты...

Только не прозевать! Подбросят резервы и из города и из Н-ской армии...

Враг не должен замкнуть кольцо! Ленинград умеет биться!..

...К вечеру мы поехали на грузовике в штаб полка. Свежие газеты. Нарастание английских воздушных ударов по Германии... Наши сводки лаконичны...

До полуночи говорили с командиром и комиссаром полка. Прочли историю полка — блестящая... Артиллеристы из окружения пробивались штыками и гранатами, опрокидывали батальоны СС, вывозили материальную часть, провозили горючее сквозь немецкое расположение. Полк уничтожил за десять месяцев 7 тысяч немцев, 55 танков и пр.

Во время разговора — звонок: «Сосредоточить огонь всем хозяйством!..» Не немецкий ли удар? Нет, пока лишь проверка огня для соседей из Н-ской армии — удар по району Усть-Тосно.

5 июня 1942 года.

...Осмотрел новый КП дивизии. Хорошая землянка — четыре комнаты, два выхода, накаты. На такую землянку пошло до шестисот деревьев.

Досадно, конечно, что здесь, на ленинградском кольце, приходится выжидать. Но действия определяются *общей* обстановкой. Армии получили пополнения. Резервы есть! Правда, дело в их качестве... С этим я и знакомлюсь в дивизии...

Днем поехали на передний край — на левый фланг дивизии к товарищу Мустафину. Пересекли по лесным болотным дорогам железнодорожную ветку и выехали к командному пункту полка. Мустафин — из татар, активный, спокойный, боевой. В полку 35 процентов русских, остальные — казанские татары и марийцы. Большинство — настоящего боевого опыта не имеет, но месяц уже на переднем крае, втягиваются... Война их еще не шарахнула... Учеба, конечно, не заменит опыта. Много усатых, одеты по-пехотному. Вид усталый. Это, конечно, не бывшие кадровики — ядреные, молодые. Но воевать будут. Внешний вид еще не характеристика полка. Ближайшие бои покажут... Комсостав боевой, опытный — это кадровики. Командир 1-го батальона — молодой боевой лейтенант, украинец. Но осенью надломился, не явился вовремя в часть... Дезертир... Комиссар спас его, взял на себя ответственность за человека. Вернули лейтенанта в строй, дав условно десять лет. Он пошел в бой и с семью автоматчиками переколол больше полсотни немцев. Сейчас сидит на островке, в ста пятидесяти метрах от противника.

Полк на переднем крае, но учеба идет! Готовят снайперов, командиров отделений. Подвозят новую технику, но этого еще *мало*. Полк выдвинул все огневые средства вперед, а глубина защищена недостаточно. При массированном ударе фашистов могут возникнуть неприятности, учитывая необстрелянный состав. Но люди задачу понимают: «Стоять до конца».

...Вернулись вечером в штаб дивизии.

В центральных газетах за 3 и 4 июня некоторые подробности английских воздушных ударов и о Ливийской битве...

Война приобретает все более жестокие формы...

Ужин...

Легли спать в землянке во втором часу. Ночью была тревога.

6 июня 1942 года.

Встал в 9 часов...

Итоговый разговор с Красновым и другими товарищами. Наши впечатления от дивизии (Тихонова, мои, Фадеева) в общем совпали в ее оценке.

...Днем, напоследок, были в учебном батальоне стрелковой дивизии. Это отборные солдаты, преимущественно из молодежи. Землянки, учебный городок... Впечатление хорошее. Батальон в лесу. Шаг, ритм, штыки, песнь — пахнуло военной старой «классикой». Роты собрались, побеседовали.

Я разговорился с тремя курсантами. Все трое уже были ранены (один из них — трижды). Задачи свои понимают, но, конечно, это еще не универсалы... Придет со временем.

Попрошавшись с командиром и комиссаром стрелковой дивизии, поехали в штаб НОГа. Краснов на прощанье снял шапку: «Поклон Москве от стрелковой дивизии». Какие еще испытания ждут эту стрелковую дивизию, боевых товарищей?..

7 июня 1942 года.

Чистился после окопов, мылся, брился. Позавтракал. Солнечно... Записка от С. К., она пока на форту «П». Обстановка не позволяет ей выехать.

Обдумываю ближайшие работы, надо подготовить ряд военно-морских тем: по обороне Ленинграда и пр.

Хочется проанализировать ряд материалов, но бег событий стремителен. Успеваешь делать только основные, сжатые записи. Перечитал свой последний очерк, разобрал бумаги.

Есть усталость, но настроение бодрое.

8 июня 1942 года.

Вражеские налеты. Сожжен поселок в городе Волхове. Нападение на железнодорожный мост. Наготове второй, новый мост.

Связь с Москвой: поезд Москва—Вологда, пятнадцать часов езды. В Вологде надо ждать почти сутки поезда на Волхов... У пристаней Ладоги потоки грузов, построена узкоколейка.

На Волховский фронт идут свежие дивизии. Есть *нетронутые кадры* (!). Видимо, приходит час, когда надо их пускать в ход. Наши писатели с Волховского фронта пишут: «На днях дадим!» Может быть, упреждающий удар? Через Ладогу идут стрелковые части. Прошла и тяжелая танковая часть.

Говорят о близком прорыве блокады. Говорят и о том, что противник готовит к 22 июня — к годовщине войны — штурм Ленинграда. Есть признаки концентрации немецких сил. Определить направление и характер удара — вот наша главная задача. Не позволить застать себя врасплох...

Командующий ленинградским направлением генерал Говоров — опытный артиллерист. Огневая мощь Ленинграда — огромна. Внутренние резервы собираются; восстанавливают и строят огневые точки. Ленморбаза готовит морские отряды.

Общая обстановка.

...Ленинградский фронт. Накопление сил сторонами. Подготовка к новым боям. Нами взяты Кириши. Балтийский флот начал операции, но они стеснены минными постановками немцев. В течение двух недель противник сыпал в залив магнитные мины на парашютах. Кронштадту досталось. Наши тральщики нашли способ борьбы с ними. Это блестяще! До двадцати наших торпедных катеров вышло к островам Лавансаари и Сескару. Наша штурмовая авиация утопила семь транспортов противника и несколько сторожевых судов (еду в этот штурмовой полк 12 июня). Подводные лодки понемногу выходят в море. Лодку капитана 2 ранга Вишневого выводили из Невы с боем и с дымовыми завесами. На катерах охранения ранен командир катера, убит боцман. Главная направленность внимания на торпедные катера, тральщики, ВВС, Подплав. (Противник готовит десантные средства.)

Северо-Западный фронт. 16-я немецкая армия, потеряв до 50 тысяч, вывела 40 тысяч и соединилась со своим соседом... Не дожали мы. Противник пытается активизировать действия своих частей в районе Ржев — Гжатск. Цель, видимо, — прорыв к Октябрьской железной дороге. Наши активизируют действия в глубине — к западу.

Охват Орла — Курска (нами).

Противник готовил до пятидесяти дивизий для внезапного удара на Ворошиловград и глубже в Донские степи с целью взятия Ростова. Одновременно — удар по Керчи для создания сплошного Кавказского фронта... Прорыв танков в степь вывел бы их сразу очень глубоко — в направлении Махачкала, сорвал бы значительно нефтеперевозки. Наши удары по трем направлениям (белгородское, харьковское и направление от Лозовой) упредили немцев. Противник повернул свою группировку и ударил по нашим войскам на изюм-барвенковском направлении. Наши потери в этих боях велики... Майский план Гитлера уже сорван. Но противник упорен: подводит новые части и пытается нанести новые удары — атаки на Севастополь (по 500 самолетов) и т. д.

Наши писательские задачи. Полный темп оперативно-литературной, политической и агитационной работы, внедрение в обстановку, помощь командованию, изучение настроений, ряд инициативных предложений, советов и т. д. Не отставать ни на один день от обстановки — *предвидеть!* Выдвигать героев, передовиков,

освещать их опыт. Нацеливать людей на главное в работе: повышение военно-технического уровня, мобильность, бдительность, умение упредить противника, «ущучить» его, «перехитрить». Устранять помехи!

Мы, комиссары, отвечаем за всю военную и политическую работу. Чувствую, что приближаются накаленные дни. Поработаю!

Засел за письмо-документ в Военный совет КБФ о мерах обороны Ленинграда, в частности — на участках моряков.

9 июня 1942 года.

...Мой обзорный очерк о Ленинграде и первых боях Балтийского флота передан в ЦО 4 июня. В последних номерах «Правды» — большой материал о соревновании оборонных заводов. Наша промышленность все больше набирает темпы.

Всматриваюсь в город, в лица людей — в толпе, в трамваях. Да, следы прошедшего года очень сильны... Не забуду: вошла в трамвай молодая тощая девушка-контролер... Проверила билеты, молча стала у выхода... Взгляд усталый, грустный. И вдруг я увидел ее руку — исхудавшая, резко выделяются суставы, а ногти ярко-красные — маникюр... Это сочетание поразило...

Если бы не обязанности в Политуправлении, я гораздо больше и глубже вникал бы в быт города. Если Мерсье¹ писал «Картины Парижа» мирного, то надо писать «Картины Ленинграда» — осажденного...

Публичная библиотека с двумя-тремя лампами «летучая мышь» не прекращала работу всю зиму... Работает несколько типографий, детдомов.

К вечеру — дождь... Растительность все пышнее... Люди подбирают, щиплют траву: «Говорят, что суп из одуванчиков вроде картофеля». «Нарвать бы крапивы, сделать бы сто котлет и съесть...» Пока не пробовал. Лужи, изъязвленные здания. Зазеленели огороды («За проволоку не ходить»). Женщины-часовые, девушки из команды МПВО²... Глухие раскаты артиллерии с моря...

10 июня 1942 года.

С шести часов утра — истребители. Короткие обстрелы. Два «мессершмитта» из-за облаков сбросили у «Кирова» две бомбы.

¹ Французский писатель.

² Местная противовоздушная оборона.

Думаю о С. К., как она? Соскучился...

Немцы засыпали магнитными минами выход у Толбухина маяка. Из тридцати их самолетов нами сбито семнадцать (!).

Наблюдается концентрация немецких танков у Красногвардейска. Обстановка серьезная.

Весь день работал. Сделал в Петропавловской крепости доклад о международной обстановке для военно-морской автороты. Рота работала на Ладоге всю зиму: дальние рейсы в мороз, перевозили сотни эвакуируемых; пробивались по лесным дорогам; кормили-поили членов семей моряков; ремонтировали машины. По ночам — волчьи стаи, светящиеся волчьи глаза окружали роту. Очередями из автоматов отбивали их.

Обдумываю письмо-документ в Военный совет...

11 июня 1942 года.

События развертываются.

В Кронштадте находятся вице-адмирал Раль¹, начальник Пубалта и его заместитель. Активные действия морской авиации; пошли подлодки. Наши катера несут дозоры, тралят мины, обстреливают берега, проводят (с дымовыми завесами) корабли из Невы в Кронштадт. Ряд подвигов.

Совершенно ясно, что в воздухе соотношение сил резко изменилось в нашу пользу. Штурмовики КБФ с весны уже утопили 2 сторожевых корабля, 3 транспорта, 11 катеров, один тральщик; 3 сторожевых катера противника сильно повреждены.

Севастополь отбивает немецкие атаки.

На харьковском направлении — немецкое наступление.

Написал итоговый очерк-обзор — в развитие своих прежних очерков за сорок и за сто дней войны — «Краснознаменный Балтфлот за год войны».

Да, год...

Сводка по Балтфлоту. С 22 июня 1941 года по 10 июня 1942 года *уничтожено*: 88 боевых кораблей противника и 227 вспомогательных кораблей. Всего уничтожено 315 единиц противника, повреждено значительно больше.

...К вечеру по телефону: в Лондоне и Вашингтоне — Молотов, Черчилль, Иден, а затем Рузвельт и Хелл подписали союзный до-

¹ Начальник штаба КБФ.

говор на двадцать лет (с американцами — соглашение). Договор предусматривает создание второго фронта в 1942 году, послевоенное устройство Европы (конечно и Азии!), экономическое сотрудничество, устранение возможности всякой агрессии Германии. Договор исторический! Звоню начальнику Пубалта, еду проверять текст.

Весь город в возбуждении, звонки, обсуждения: «Ну, половина дела (или, может быть, даже больше) сделана». Нам это стоило года неимоверных усилий! США и Англия видят, с кем имеют дело, — с СССР!..

12 июня 1942 года.

Встал в 9 часов утра. Написал письмоцо С. К. Подготовился к поездке. Дал необходимые указания по группе и пр. В «Правде» напечатан мой очерк «Белые ночи» — подвал.

Еду на мотоцикле в село Гражданка — в авиационный полк ВВС КБФ. Погода прохладная, дождливая. Настроение очень бодрое...

Штаб Н-ского авиаполка — на краю села в двухэтажном домике.

В полку — штурмовики и «ночники» У-2. Сначала о последних. Где-то на Южном фронте зародилась идея боевого применения этих старинных, наивных деревянно-перкалевых машин. Обстановка требовала использования всех ресурсов. Осенью 1941 года было не до выбора. В ход пошли У-2. На КБФ летчики, назначенные на У-2 для штурмовки, считали себя смертниками. «Куда же против «мессершмиттов», зенитного огня и пр. на У-2?» В первые полеты пошли командир и комиссар полка. Ползали ночью над фронтом. Сбросили груз и обратно — потерь нет. Так несколько раз, и постепенно втянулись. Довели бомбардировочный груз до двух соток! Поставили на самолетах пулеметы, наладили зимнее оборудование... И ползали, ползали на немецкие тылы, сбрасывая бомбы, помогая Федюнинскому. Немцы удивлялись: «Что это за машины у русских? Придет, повиснет в воздухе и бомбит». Допустим, что это из необходимых легенд, а может быть, из показаний пленных, но эта славная, хилая и смелая машина У-2, с трудом выгребаящая против ветра, вздрагивающая, качаемая зимними шквальными ветрами, достойна уважения! Летчики влюбились в дело и при переводе на новые отличные машины мрачнели, просили оставить их на У-2. Вот тебе и «смертники»!.. Все — дело опыта и привычки.

...К двум часам — обед в столовой летчиков. Два стола, кое-какие весенние цветы, графины с водой. Рисовый суп с несколькими кусочками мяса, затем мясо с кашей, один блин с маслом,

кисель (чайная чашка). Это все-таки роскошно с точки зрения нашего пайка... Летчики несколько примолкли, стесняясь моего присутствия. Ничего, через час-два познакомимся, подружимся... За столом все наши асы: Мазуренко и другие. Это старая шестерка, ее дополняют молодыми, постепенно втягивающимися в работу.

Поехали в штабном автобусе на аэродром.

...Осматриваю штурмовик летчика Мазуренко. Сначала о самом летчике. Это высокий украинец, тонкое лицо, темные подстриженные усики. Говорит весело, просто:

«Мой вес до войны — 84 кило, теперь 65... Конечно, устаешь... Но мы взяли обязательство — летаем и по четыре-пять раз в день. Летом труднее — жарко, запах бензина, ну и прочее. Штурмовики идут, конечно, прямо в огонь... Я покажу вам всю эту технику. Боевых вылетов у меня 130». — «А счет?» — «Да кто их, перебитых, считал!.. Раз записали мне 50 немцев, а потом пехота наступала и нашла 450 трупов и побитые машины. Потом подсчитали... После полетов аппетита нет, только выпьешь. По ночам летчики бредят, кричат со сна: «Заходи левее, бей!» Это отзывается в голове вся работа... После войны, если живы останемся, скажем: «Что прошили — мы сделали, а теперь не мешайте нам, месяц кутить будем... (Смеется, шутит.) Пить, конечно, будем, но не запьем, это так, для красного словца».

Летает Мазуренко с 1932 года, еще молод, но уже восемь лет службы. Возвращался много раз с пробоинами...

Разговорился с другими летчиками. Один из них, бывший гражданский летчик, русак с усиками, идет в огонь, перекрестившись валится на голову немцам и жмет на гашетки.

Был на КП. Это землянка: телефон, окошечко, две койки. Охрипший, стареющий начальник штаба. На стене таблицы, карты... С аэродрома взлетают и возвращаются У-2, один СБ¹.

Вечером в большой палатке на аэродроме сделал доклад о международной обстановке. Говорил с подъемом. Военком после доклада спросил аудиторию:

— Ну как, все ясно, хорошо?

Кто-то прогудел:

— На отлично!

Забавно...

---

¹ Средний бомбардировщик.

Пошел делать доклад 1-й эскадрилье гвардейского полка. Ребята молодые, сегодня выходные — выпили по сто граммов, поют, играют на баяне, танцуют.

Доклад вел, как застольную беседу... Темнело... Поставили коптилку... Было товарищески интимно... Много рассказывал о войне, о Западе, о наших задачах.

13 июня 1942 года.

...Весь день беседовал с капитаном Мазуренко... Он держится свободно, явно переутомлен, что скрывает, но это чувствуется в быстрых сменах настроения, часто проскальзывающей теме смерти. Летчик возит с собой два талисмана (портрет Суворова и металлического мишку). По-человечески его можно понять: из двадцати шести старых «иловцев» в живых в КБФ остались *только трое*... Мазуренко и другие — уже второй кадр, за ними втягивается третий, а на Ладого обучается четвертый.

Обед неважный — соленая рыба.

Весь вечер беседовал с командиром полка подполковником Морозовым. Он из комсомольцев Гражданской войны, в авиации служит с 1926 года — «уже старичок», год рождения 1904. Службу знает, все умеет, опытный, но что-то проскальзывает усталое. Временами ходит в боевые полеты для примера (ну, и для счета — на орден).

Беседовали до двух часов ночи при коптилке.

14 июня 1942 года.

...Наши упорно бомбят Котку, караваны транспортов в Финском заливе, бьют по аэродромам. Немецкие самолеты изредка появляются на восточных участках (на Ладого, в Волхове), сбрасывают листовки. На каких идиотов это рассчитано?..

С. К., как я узнал, еще с форта не вернулась... Жду...

На душе ровно — я живу без литературно-служебных дразг... Летчики народ боевой, простой (хотя тоже относительно). С ними мне хорошо. Я продумываю их рассказы, сверяю, подмечаю быт, штрихи. Быт донельзя простецкий, никакой аффектации, но внутренняя дисциплина строгая и, конечно, уйма служба-бытовых неполадок... Летчики не имеют *полных* выходных дней, явно скучают, так как их свободное время не разнообразится концертами, кино, играми, хотя отдых можно было бы рационально организовать. Когда мы прикончим эту бытовую неорганизованность?

Аэродром плоховат: в стенах — выбоины, лужи, грязно; на старте тучи пыли.

Ночью штурмовики ходили в Финский залив и потопили два транспорта.

15 июня 1942 года.

Позавтракал, побрился — и на аэродром (с комиссаром и командиром полка). Четыре «ила» идут к Гогланду топить транспортеры. Задание: у восточной части острова стоят эсминец и сторожевики противника — нанести удар. Мазуренко в некотором волнении (это только в рассказах все просто). Все идут к машинам. Мазуренко, стоя на крыле, надевает парашют. Садится в кабину... «От винта!» Самолет срывается с места и, вздымая тучи пыли, старой травы и мусора, идет к старту. Так выходят четыре машины...

Беседуем на травке о том, о сем. Подъехал командир авиасоединения, расспрашивает меня о политических новостях. Рассказываю. Сегодня ждут члена Военного совета КБФ, он вручит орден штурмовикам. Мотористы, техники, оружейники у машин — нужен глаз да глаз. Делаем попутно «Боевой листок».

Через час двадцать шесть минут возвращаются самолеты — все четыре машины. Как раз подъехали член Военного совета и комиссар ВВС КБФ.

Мазуренко рапортует (лицо в копоту):

— Товарищ корпусной комиссар, боевое задание выполнено. Докладывает капитан Мазуренко. У Гогланда, по-видимому, стукнули двухтрубный эсминец. Был взрыв в центре корабля... Сильный огонь с острова и со сторожевиков. Видели, как немецкий транспорт (на семь тысяч тонн) шел к югу от финского берега, но решили не трогать, а бить по заданной цели.

Оживленный разговор; осмотр пробоин на одном штурмовике. Сбор эскадрильи. На фюзеляже самолета укрепили бумажный лозунг метра на два с четвертью: «Привет летчикам — героям Балтики». Вынесли стол, покрытый красной бархатной скатертью, графин, стакан, портфель с наградным приказом и орденами. Краткая команда. Член Военного совета здоровается, сообщает о награждениях. Вызывает по списку. Тут же, на траве у самолетов, вручают орден. Короткие ответы летчиков. Карасев получает и орден Ленина, и звание Героя Советского Союза, то есть еще один орден Ленина и Звездочку. Летчики после вручения гурьбой идут к машинам, проверчивают дырочки на гимнастёрках, фотографируются. Поздравления. Весело, оживленно. «К вечеру выпить надо, по закону». Смех... Комиссар говорит мне: «Дадут грамм по сто пятьдесят, а пьяны все будут, вот увидите... У них ведь припасено;

где-нибудь разживутся...» Ну, посмотрим... Организуется легкий банкет...

...Обед: суп с рисом, гречневая каша с яичным блином, чашка киселя. Для летчиков не густо!

Написал для «КБФ» очерк о Мазуренко.

Мой мотоцикл в переборке, чистке и смазке. Это улучшит его ходовые качества на 25 процентов

...В 9 часов на ужине у летчиков. Умеренные дозы водки, речи, шутки. В полку праздник. Беседовал с рядом летчиков. Мазуренко с удивительной мягкостью и тонкостью сказал: «Когда я сегодня летал, вы были со мной...»

Почти так — я думал о нем, писал... Хотелось бы, чтобы он остался жив.

После ужина поехал в Ручьи, в общежитие летчиков.

Направо, в палатках, — моряки (морская пехота); видимо, пойдут на Карельский перешеек...

Летчики — кто спит, кто «расползся» по деревне, к девушкам... С новым орденом каждому хочется показаться, поделиться радостью, пройтись... Молодость... Иногда летчики идут на могилу разбившегося недавно товарища Мелкунова. Помолчат, дадут залп из пистолетов и идут обратно. У летчиков есть свои традиции, свой внутренний мир. После полета им хочется уединения. Один из них — северянин — ходит по полю... Его зовут — он отвечает: «Подождут...» Знает, что подождут... Хорошему летчику многое прощается.

Ночь тихая... В дневной сводке сообщение о боях под Севастополем и на харьковском направлении. Передали о награждении моряков и морских летчиков. В ЦО — передовая о моряках.

16 июня 1942 года.

...В «Красном флоте» от 6 июня в заметке ТАСС сообщается о том, что мой фильм «Мы из Кронштадта» прошел с блестящим успехом в Южной Америке. «Восторженные отзывы прессы» и т. д. Я улыбнулся, прочтя это... Пахнуло 1936 годом, Парижем, музыкой победы — «Мы из Кронштадта» во Франции. А ныне в жарких кинозалах Южной Америки идут мои балтийские матросы, сквозь огонь и воду, крича об упорстве России, о боях за Ленинград, призывая тысячи и тысячи людей встать в строй против фашизма. Биография у фильма большая...

Я думаю, что смогу сделать вещи и более значительные. Мысли обращаются к родному городу — его истории, его славе, его трагедии.

Шесть «илов» сделали новый налет — штурмовали три транспорта. Немцы бьют с палуб и с мостиков. Летчик Новицкий получил прямое попадание «в лоб» — снаряд пробил бензиновый бак (!), но бензин не вспыхнул (?). Два транспорта как будто подожежены. Наблюдал возвращение летчиков. Садись чисто, отстал шестой. У трех — пробоины-попадания. Ремонт будет сделан быстро, но сюда нужны ПАРМ — ремонтные мастерские.

Беседа с Героем Советского Союза Карасевым. Это строевой летчик, весьма опытный, думающий над тактикой штурмовиков, работающий над обобщением опыта... Из витебских крестьян... Биография чистая... Говорит простовато... Цифровые данные его эскадрильи внушительны: 75 танков, 450 автомашин, до 25 кораблей и транспортов и т. д.

17 июня 1942 года.

Встал в 10 утра. Переменная погода. Читал. Затем на аэродром.

Была штурмовка по каравану противника, но без особых результатов. Чем ближе присматриваюсь, тем больше вникаю в суть. Штурмовики еще недостаточно знают морское дело, иногда определяют типы судов с ошибками, путают, а удары пулеметные и пушечные производят неплохо. Штурмовики, по-моему, не вполне приспособлены для действий против крупных морских целей. Им не мешало бы пройти специальный морской курс...

Переброски немцев в Финляндию идут все время. Очевидно, у них готовится концентрический удар: Карельский перешеек — Нева — Ленинград.

Приехала С. К. на час ко мне. Бодрая, загорелая...

Видела стрельбы фортов, налеты, гибель четырех немецких самолетов, сбрасывание парашютных мин, взрыв катера с пятьюдесятью моряками на mine и пр. Рисовала, обветрилась. Молодец, работала более двух недель. Хорошо побеседовали...

Днем спал. Все было бы хорошо, но опять идет кровь.

Днем сделал запись беседы с летчиком Кожиним.

Вечером сделал доклад личному составу базы. В конце доклада поставил ряд задач об усовершенствовании базовой службы: маскировка, обслуживание, дороги и пр. Все это тут не на высоте. Лень-матушка...

Командира авиаполка вызывали в Кронштадт в Военный совет. Пробрали и командующего ВВС КБФ за все организационные недостатки в авиации... Таким образом, некоторые мои критические соображения подтверждаются.

18 июня 1942 года.

...Говорил с одним летчиком — девичье чистое лицо, скромн, как девушка... Но это так кажется: он капризен, кричит, требует звания дважды Героя и пр. Но «для истории» — скромн.

Янки громят нефть Румынии. У них была вынужденная посадка в Турции. А может быть, посадка с целью?

Итоговая беседа с командиром и комиссаром авиационного полка. Ужин, какая-то водка с бензином... Я, выпив, шучу: «Сейчас взлечу».

Тепло расстались, и на мотоцикле в Ленинград.

...Ленинград огромный, мощный, он будет жить!.. Два ангела над ним: один над Петропавловской церковью, другой — над столпом Александрийским, и над ними... истребители ПВО...

К одиннадцати часам вечера — в Пубалт. Вдали, где-то за Кировским проспектом, закат. Когда-то, в 1922—1923 годах, я называл этот проспект «Дорога моего счастья».

Душевная беседа с С. К.

19 июня 1942 года.

Работаю, дождливый день...

К двум часам поехал в Экипаж делать доклад мобилизованным во флот девушкам. 90 процентов комсомолок: аккуратные, дисциплинированные, здоровые — с Волги, с Севера и с Урала. Хороший народ. Будут работать связистами, в клубах, канцеляриях, библиотеках и пр. Это освободит до трех тысяч моряков.

Готовлю радиостатьи, заданий много.

Севастополю исключительно трудно. Бьют осадные сверхтяжелые немецкие орудия; разбит водопровод. Доставка морем в летние короткие ночи трудна. Положение считается очень тяжелым.

Под *Харьковом* наша армия, бывшая в окружении, вырвалась шесть дней тому назад.

Концентрация наших войск на Брянском, Западном, Калининском фронтах, концентрация и у немцев.

Были товарищи из Москвы... Москва бодрa, все в движении, лучше с продуктами, много огородов и пр. Все баррикады, укрепления в черте города убраны. С 4 апреля были всего одна-две воздушные тревоги.

Письмо от Тарасенкова... Послал ему рекомендацию в партию. Усталость, но, преодолев ее, сел, написал радиоречь к 22 июня — годовщине войны...

20 июня 1942 года.

Скупые сводки. Севастополь держится.

Писал радиоречь-памфлет «Они проклянут этот день» (о 22 июня 1941 года, о врагах). Вчера же написал еще одну краткую радиостатью. Работал с подъемом, но потом быстрое утомление и головная боль.

...Работаю над письмом в Военный совет.

Обстрел, слышен свист снарядов, бьют по Выборгской стороне.

Сильная усталость, — видимо, трата сил несколько больше, чем питание и отдых.

Все время в голове остаточные мысли и темы о 22 июня.

У А. Штейна в «Астории» — в честь полученного им ордена Красной Звезды. Было мило: собралась балтийская группа писателей, Фадеев, Ольга Берггольц и другие. Шутили, пели, сидели до утра. Ели хлеб, лук, сомнительную колбасу, кашу, шемаю. Фадеев необыкновенно душевно, тепло говорил обо мне...

21 июня 1942 года.

Дождливо... Усталость...

К годовщине войны поработал: большой очерк, две радиостатьи, статья-обзор о КБФ, доклады и пр.

Сегодня написал днем лирическую статью о душе Ленинграда... Послал ее в «Ленинградскую правду».

В 6 часов 30 минут — на радио, литературная передача для Балтфлота.

Затем — речь на митинге-собрании в Доме Красной Армии. Были представители Ленинградского фронта.

Началось наше наступление на Брянском фронте.

Под Ленинградом у немцев до семи новых дивизий плюс пять дивизий на Волховском фронте.

Глаз сводить с этой концентрации нельзя. Быть начеку!

Летаю по городу на мотоцикле. Устал, но дух бодрый... Вот и годовщина войны...

...Письмо от Кетлинской. Она была в «Правде»... Меня хотят вызвать в Москву для какого-то задания (?).

Не хочется с Балтики никуда!

Работал до позднего вечера. Послал в «Ленинградскую правду» официальный обзор годовой деятельности КБФ. Без цифр, так как их надо проверять и проверять.

Ночь... Ровно год тому назад началась война...

22 июня 1942 года.

Просят в Военный совет. Долгая хорошая беседа. Расспрашивают о писателях, о моей работе, настроении, о том, кого из писателей наградить. Я охарактеризовал работу всех балтийских писателей... Говорил о случаях формального, холодного подхода к писателям. Говорил далее о своих соображениях по обороне Ленинграда. (Сегодня послал в Военный совет письмо-документ.)

Днем — обстрел Невского, затем Невы. У нас — артиллерийская тревога.

Из обстановки. Дела в Севастополе плохи, немцы на Северной стороне, то есть в тылу южного кольца обороны. Защитникам города тяжело, трудно...

...Против Ленинграда немцы снова подтянули до двенадцати новых дивизий. Особых, специальных признаков, указывающих на подготовку штурма, еще нет, но надо готовиться. Мои соображения, посланные Военному совету (на 12 страницах), освещают ряд вопросов обороны города — в пределах моего поля зрения.

23 июня 1942 года.

Солнечно... Перечитал еще раз копию своего письма в Военный совет. Полагаю, что ряд вопросов обороны Ленинграда (для морских частей и сил) поставлен правильно. Я хотел бы углубить эти разработки, но под рукой нет военно-морской библиотеки... Как у нас все это коряво организовано! Нужны некоторые справки, а где их взять?

...Мысли, мысли... Новые проекты, пишу второе письмо в Военный совет...

На днях на одном складе сгорел весь тираж «Войны и мира» и «Севастопольской страды». Случайность или?..

Один самолет противника «прошелся» бреющим полетом над Васильевским островом и прострочил пулеметными очередями крыши на Большом проспекте.

24 июня 1942 года.

Обзорное годовое коммюнике Совинформбюро... Есть цифры весьма серьезные. Истребительная война быстро пожирает кадры воюющих сторон...

Но война решается не этим, а сплошным весом резервов, ресурсов плюс *духом* народов. *Преимущество у нас!*

Блестящие поздравления СССР от США, Англии и других к годовщине войны. Письмо от Гопкинса, специального помощника Рузвельта, о России, о ее подвиге, который *никогда* не забудут все нации.

Написал большое второе письмо в Военный совет КБФ об обороне Ленинграда и пр...

Вечер... Работаю над вопросами об обороне Ленинграда. Наша обязанность предусмотреть все, вплоть до мельчайших деталей.

25 июня 1942 года.

Работаю, но приходят, перебивают.

Тишина весьма обманчивая.

Севастополь бьется, но в сводках предупреждающее «с превосходящими силами противника». Гарнизон может еще «маневрировать», есть пятачок с недостаточно оборудованными бухтами — Стрелецкой, Камышовой, Казачьей и др. Обороняться на херсонесском пятачке — это последний шаг... Но наши при крайности и тут будут драться! Пусть мир и немцы увидят, что это такое.

...Еду в Укрепленный район. Солнечно, тихо, даже снайперы притихли. Позиции здесь *неизменны* с 5 сентября 1941 года. Батарея Лагина, бронепоезда и морская пехота заставили немцев осенью 1941 года остановиться у речонки Воронки. Наши строят окопы, все изрыто. Из лесов выходят лоси и медведи; один лось подорвался на mine и, умирая, приполз на камбуз к морякам. Те обрадовались: «Мясо!» На днях медведь напоролся на часового. Тот спрашивает в темноте пропуск, а мишка молчит. Часовой выстрелил... Мишка кинулся к Н-ской дивизии — там заговорили пулеметы. Медведь бросился к немцам, у тех трескотня на целый день... Ушел ли мишка?.. У немцев часть снарядов не взрывается.

Бойцы раскупоривают эти снаряды, берут взрывчатку, что-то до-полняют и «новыми» зарядами глушат рыбу. Делают огороды. На лугах уйма трав. Кто их будет косить?..

В Укрепленном районе идут крупные оборонительные работы. Батареи и бронепоезда ведут тщательные определения огневых точек и других пунктов противника. Стукалов и Пермский¹ уже определили и обстреливают до трехсот пятидесяти точек. Это сложная математическая работа. Стреляют хорошо...

Артиллерия у нас мощная. Идти десантом к нашему южному берегу — значит идти на верную гибель. Но, может быть, немцы, дождавшись *темных* ночей, ударят, подослав вперед финнов, и этим попытаются отвлечь КБФ к западу. А главный удар будет по городу и по Неве (на порогах и т. д.)?

Идет движение барж и малых кораблей под прикрытием дымо-вых завес.

Старый Петергофский собор, где находятся немецкие артилле-рийские наблюдатели, неизбежно стоит. Крепко строили наши деды!

Еду обратно в город.

...Жесточайшие бои за Севастополь! Немцы применяют тяже-лые новые танки. В «Правде» от 23 июня блестящий пример под-вига моряков: четыре краснофлотца-корректировщика, чтобы спасти свою часть, вызвали огонь на себя. Один из них, обвешав себя минами, бросился под немецкий танк и взорвал его и себя.

Вдоль правого берега Невы от Охтинского моста строят оборо-нительный рубеж.

...Вечером был на митинге-альманахе в Ленинградском Отде-лении Союза советских писателей. Прочел очерк «Родному городу». Хорошо приняли. Читали поэты. Хорошо читал Дудин, есть у него свое, острое... Решетов монотонно дудил...

...Немцы жмут на Южном фронте на Купянск, видимо, с целью перерезать воронежско-ростовские коммуникации и обойти Рос-товский район, то есть делают заход левым плечом более глубокое, чем намечалось ими в мае. Южный фронт должен не до-пустить продвижения противника.

26 июня 1942 года.

В 9 утра стрелял в тире из пистолета. Бью кучно, но пули про-шли несколько вниз, влево от десятки. Надо потренироваться.

Обстрел, свист снарядов...

---

¹ Командиры бронепоездов.

На Ленинградском и Северо-Западном фронтах оперируют «старые знакомые»: эскадра¹ Гинденбурга. Мы ее помним по переходе КБФ из Таллина в Кронштадт.

Севастополь дерется упорно, отбиты ожесточенные атаки немцев. От всей души послал телеграмму Политуправлению Черноморского флота: от писателей Балтики — сверхгероям-севастопольцам.

Наши оставили Купянск. Удержатся ли на реке Оскол или уже отходят в степь?..

Черноморцы и бойцы южной Приморской группы отбивают штурмы немецко-румынских дивизий. Четыре немецкие дивизии разгромлены, две румынские тоже. Огромный урон нанесен 24-й и 170-й немецким дивизиям и 4-й горно-стрелковой румынской дивизии. Уничтожено 150 танков и несколько сот самолетов (из воззвания Военного совета Черноморского флота)...

Агентство Рейтер сообщает, что в Дюнкерке, на Крите, в Гонконге, Тобруке, Ливии и пр. за время войны сдалось в плен 174 760 английских солдат и офицеров... Жаль! Это гарнизоны, которые могли бы биться, нанося потери врагу и выигрывая время.

У памятника Кутузову на маленьком газоне посеян табак. Кем? Может быть, постовым милиционером?

27 июня 1942 года.

Солнечно... Тихо...

Написал в Военный совет КБФ письмо о штурмовой авиации и некоторых мерах улучшения в ней (о технической стороне «илов», о тактике, организации, о питании летчиков и пр.).

Температура событий необыкновенно повышается. Дерется Севастополь — город сметен с лица земли, люди живут в скалах. Бойцы в окопах, на батареях — держатся!.. Корабли подходят вплотную, стреляют, дают берегу резервы, боезапас, продукты, воду; берут раненых.

Немецкое радио передает, что битва за Севастополь небывалая в этой войне, — «каждый метр земли поливается немецкой кровью...»

...О наших разведчиках. Это отборные бойцы несколько необычного плана.

...Вот один — русский, бывший боксер. У него погибли жена и ребенок в Эстонии. Рослый голубоглазый блондин. Ненавидит

¹ Авиэскадра.

фашистов и кайселитов беспредельно. Переходит фронт один, без фуражки, в кожаной тужурке, со свастикой на груди и с финским ножом в кармане. Ищет одиночек, штабы... Раз зарезал семь немецких офицеров, принес их документы и пр. На одиночек выходит приветливо, свастика помогает. Потом бьет на месте.

«Дома», в разведке, играет с ребятишками. Как-то всю ночь укачивал на руках чужого крестьянского младенца и гудел басом: «Бай-бай».

...Кто напишет об этих засекреченных людях?

...В салоне за «кашицей» — разговоры о Севастополе. Немцы уже просчитались в сроках... В огонь бросили еще три немецких и румынских дивизии. Севастополь дает уроки обороны современных городов. Ленинград гораздо сильнее Севастополя и обороной войсковой, и воздушной, и артиллерийской. Немцы должны будут многое пересмотреть в своих расчетах на штурм Ленинграда.

...Виделся с прилетевшим из Москвы работником НКВД товарищем В. Н. Ильиным.

«...Москва сейчас бодра. Много людей, движение. Отремонтирован Большой театр. Открыт «Эрмитаж». На эстраде — Смирнов-Сокольский.

В Наркомате Военно-Морского Флота — белые воротнички, кортики. Обед с вином стоит двадцать пять — тридцать рублей. Официантки говорят приезжим ленинградцам: «С удовольствием подаем вам, товарищи-балтийцы!» А балтийцы рады — кушают за троих!.. Некоторые живут эгоистично. У них зависть к людям Ленинграда и Севастополя — героям, но чувство самосохранения сильнее, и они предпочитают удобства и безопасность... Поездка в Мурманск, например, считается опасной (мы смеемся).

ПВО в Москве налажена так, что англичане завидуют. Уйма аэростатов заграждения, мощная зенитная артиллерия и истребительная авиация.

На сессию Верховного Совета съехался весь дипкорпус, посмотреть на Москву, поразведать».

Поболтали об общих знакомых. Пахнуло былой московской жизнью...

28 июня 1942 года.

С утра зенитный огонь по разведчикам. Политуправление просит днем выступить в Экипаже...

Обеспечил Л. Успенского необходимыми письмами в Москву и распространил. Успенский пробыл год в Укрепленном районе. Это бывалый, опытный человек, культурный, дипломатичный. Работяга... Любопытно: вернется ли Успенский обратно?... Все уезжающие на Большую землю там как-то застревают, оттягивают сроки...

Днем поехал в Экипаж. Идет отправка девушек в Кронштадт, на Ладогу и пр. Выступил для них.

В 3 часа 40 минут артиллерийский шквал по Международному проспекту (стреляют четыре батареи). У Клинского рынка убитые, раненые женщины и дети.

29 июня 1942 года.

Закончил работу над материалами о немецкой армии на Ленинградском фронте.

Севастополь бьется.

Жарко... Шквальные обстрелы.

Некоторая усталость... Продумываю дальнейшие работы...

30 июня 1942 года.

Беседа с начальником Пубалта о делах писателей, об обстановке.

КБФ активизирует действия. У Сескара и Лавансаари что-то готовится, возможен десант противника с целью запереть наши выходы. Наши катера сбили два «юнкерса». Проблема антимагнитного траления решена. Здесь мы оказались хитрее немцев.

Высокая оценка севастопольцев. Их подвиги исключительны...

Курско-купянский удар — либо попытка охвата на Ростов — Кавказ, либо подготовка удара на сталинградское направление.

1 июля 1942 года.

...Вступаем во второе полугодие 1942 года. С. К. вчера сказала: «А может быть, война только начинается?» Мне думается, к зиме должны наметиться решения. Англия и США — огромными нечеловеческими усилиями СССР, примером СССР — кажется, выведены из наблюдательной позиции, о которой мы так резко говорили... Для главных участников борьбы — тяготы неимоверны. 1942-й только определит направление; дело, по-видимому, затянется и на 1943 год...

Наше решающее слово еще впереди!

Сводки положительные. Севастополь упорно бьется; на курском направлении — наш жестокий отпор; активизация на отдельных участках. Россия стойчески бьется!

Англичане сдали Мерса-Матрух. Фронт катится к Александрии.

Третий удар англичан по Бремену. Думаю, что английская и американская авиация систематически приближают удары к Берлину, по которому, видимо, будут бить еще более жестоко.

Немцев гонят в «решающее наступление», но *вера, выучка их — уже не те...* Мы обязаны выстоять!

Из наших анекдотов. «Каков для Англии вариант победы?» — спросил английский главнокомандующий у одной известной гадальщицы... Та подумала и сказала: «Есть два варианта». — «Слушаю, миссис». — «Первый — военно-стратегический вариант: бог пошлет двести тысяч ангелов с танками и пр. Второй вариант — фантастический: у английского народа лопнет терпение, и он сам начнет воевать». Неплохо.

...Светлый вечер. Прошлись по Литейному, где все так знакомо. Глаз совсем привык к военному облику улиц и толпы; сравнительно с зимой все дышит жизнью, везде люди, зелень. Внутреннее утомление и создавшаяся привычка мешают подмечать детали. Прошла рота девушек-краснофлотов...

По дороге купил у букиниста (для А. Крона) первое петербургское издание «Двенадцати» Блока. Надо отметить день рождения Крона (ему 33 года).

...В толпе на улице кто-то неожиданно сказал мне: «Почет вам и уважение». Я успел, от некоторого смущения и внезапности, только отдать честь...

У Дома искусств меня кто-то остановил — Сережа Казаков, бывший сосед, друг детства. Больше тридцати лет воспоминаний. Мы поговорили, условились встретиться. На душе было как-то смутно-хорошо, какая-то нежность, растроганность... Жив Сергей, жив его брат Петр, с ним я был еще дружнее. Держимся, питерцы!

Так я шел по вечернему, сумеречному Невскому, среди светлых милых воспоминаний юности...

Вечер в честь дня рождения Крона... Провели время с девяти вечера до трех утра. Танцевали, острили, немного ухаживали за дамами. Рассказывали случаи из прошлого...

2 июля 1942 года.

Очень жарко...

Шел по лестнице — было мучительно трудно, в глазах началось мигание... Сердце давно не давало о себе знать, и вот... Впрочем, понятно — и жара, и утомление...

...Пишу и вдруг... вижу родной Севастополь, где был в 19-м году с бронепоездами, где писал «Оптимистическую трагедию» в 1932 году. Видимо, город бьется из последних сил.

Немцы стремятся ускорить и усилить свои удары. Вырисовывается крупный план южной кампании — и в Африке, и в Азии, и в Европе.

Вечером прочел третью часть «Падения Парижа» Эренбурга. Бегло, очерково в ряде мест. Наиболее сильные главы — лирические, народные.

3 июля 1942 года.

Бои на улицах Севастополя. Месяц длится этот штурм.

Бои на белгородском и волчанском направлениях. Попытка вбить клин между нашими фронтами?

...Радио: *Севастополь пал в борьбе.*

Немцы могут выиграть еще ряд битв, *но войны не выиграют.*

Думаю о том, что сейчас ускорится борьба за Ленинград.

Враг стремится ковать железо, пока оно горячо... Есть у него успехи: Египет, Севастополь и т. п. Опять шум, опять у Гитлера надежды... Какие-то недовольства и колебания в Англии (парламентские прения)... Противник опять попытается играть ва-банк. Со звериным упорством он лезет к цели...

Силы сопротивления — хоть это и подмятая, обездоленная, покорно работающая Европа — велики... Все-таки это до трехсот и более миллионов людей, и немцам приходится второй год выдерживать давление всей этой массы... Оно повысится в Европе при усилении массовости актов саботажа, диверсий и пр...

Надо, даже не зная того, что страстно, жгуче хочется знать, — идти вперед!

Севастополь пал. *Да здравствует возвращенный Севастополь!* Он потерян временно, а триста тысяч фашистов под Севастополем выбиты навсегда...

4 июля 1942 года.

Меня просят приехать к летчикам 1-го гвардейского полка. Затем к начсоставу тыла КБФ. Надо поехать, объяснить обстановку и задачи по обороне Ленинграда.

...На Ленинградском фронте идут напряженные саперные работы, усиливаются дзоты, наблюдательные пункты, ставятся мины и пр. Еще интенсивнее стали работать снайперы.

5 июля 1942 года.
Воскресенье.

Солнечно, временами зенитная стрельба. Днем огневой налет. Готовлюсь к докладу на «Полярной звезде».

Центральные газеты за 3 и 4 июля. Более полный текст речи Черчилля; в ней есть очень беспокойные ноты. Удержатся ли англичане в Египте? Их оптимистические высказывания, комплименты нам и янки пока идут вразрез с их боевой деятельностью. Сто — сто пятьдесят тяжелых танков Роммеля колеблют все здание союзников?! Неужели англичане не выправят положение? Где же мощь почти миллионной английской армии на Ближнем Востоке?

...Был А. Крон, побеседовали. Я сказал ему:

— Лето трудное, но будем верить, что придет «8 августа» — день, когда в ту мировую войну немецкая армия была надломлена и потеряла темп¹... Людендорф называл этот день «черным днем немецкой армии».

Готовился к докладу подводникам. В 7 часов 20 минут вечера поехал на «Полярную звезду». Радушнейший прием: «Помним ваши выступления в октябрьские дни 1941 года». Были и товарищи из армии. Оживленный разговор.

О подводной лодке Афанасьева (это та, где я был с Фадеевым перед ее походом):

«Лодка ходила 20 суток, ходила смело, несмотря на белые ночи, когда заряжаться было чрезвычайно трудно. Отовсюду просматривают, налетают, бомбят. И вот в опасной серо-голубовато-розовой ночи лодка все-таки всплывает, делает зарядку. Несколько атак. Командир стоит на мостике и, выгадывая лишние минуты для зарядки, подпускает атакующих. Затем в последний момент — под воду... Рвутся бомбы, за-

---

¹ 8 августа 1918 года англо-французские войска перешли в наступление и нанесли серьезное поражение германским армиям в районе Амьена.

клепки дают местами течь. Были и воздушные налеты... Лодка снова смело всплывает и опять ходит, выискивая цели. Разведали фарватер противника, определили минные поля... Раз Афанасьев погнался (!) за каким-то катером — хотел взять «языка»... В конце концов высмотрел в Финском заливе солидный конвой: транспорт тысяч на десять тонн, с танками и артиллерией. Показал в перископ комиссару и другим: «Вот кого на дно отправлять будем», — и послал две торпеды. Через четыре минуты на поверхности только пятна, а их катера сопровождения спасали тонущих...»

В 9 часов начали вечер. Я как бы отвечал сам себе на ряд вопросов дня, рассказывая о Ленинграде, его истоках, основании, борьбе, о ходе войны, о том, как будем драться в случае штурма города. Говорил о Севастополе, младшем брате нашем... (В народе падение Севастополя вызвало слезы жалости... У «слабонервных» жителей — тяга к эвакуации.)

Отлично, с подъемом и блеском читал стихи Н. Браун, читал Вс. Азаров, прочел рассказ А. Крон (в холодноватой манере), прочел очерк-рассказ Илья Амурский (о погибшем краснофлотце с лидера «Ленинград»). Вечер был удачным.

Заехали с С. К. на Каляеву. Жарко, вечера уже темнее. Лето проходит.

Пили чай. Беседовали. Нина Кравец видела подругу, вернувшуюся из Партизанского края... Немцы пробовали «качать» партизан — не выходит. Немцы на каждый день вводят в селах особые порядки хождения, маршруты. Таким образом, посторонний сразу обращает на себя внимание. Наши партизаны выведывают и это. Немцы охотятся за партизанским активом. В прифронтовой зоне все выжжено и сеять не дают. Словом, там идет жизнь, с ее трудами, подвигами, драмами...

В городе усиленно едят траву. Ее выщипывают везде. Трава, вода, соль — это суп. Толченая, печеная трава — котлеты...

6 июля 1942 года.

...Весь день работал над сборником рассказов.

Устаю я последнее время сверх сил. Хочется писать свое, большое, но жизнь не дает ни времени, ни сил (пока).

Потеря Керчи и Севастополя для нас тяжелый удар и стратегически, и политически.

Думы, думы... «Красная звезда» от 5 июля приоткрывает суть боев на курско-белгородском направлении. Это сильный удар по

стыкам фронтов в глубь России с целью перерезать Московско-Ростовскую железнодорожную магистраль. Возможно, что это новая попытка захода на Москву с юга.

На курском направлении у противника пять пехотных дивизий, четыре танковых, две мотомеханизированных. Подводятся резервы. (Всего, видимо, у немцев атакует 20—25 дивизий.) На направлениях удара у противника численное преимущество. Наши контратакуют и местами отстают.

Где последуют новые немецкие удары? А они будут. Тут и отчаяние их, и азарт, и опьянение успехами лета 1941 года.

Американцы в день национального праздника 4 июля¹ начали воздушные налеты на Европейский континент. У них недостаточного опыта. (Они отстали от англичан на три года в смысле оперативного и тактического опыта.) И начинают они осторожно: шесть бомбардировщиков, из них два не вернулись. Так пока *реально* выглядит цифра «65 тысяч самолетов». А «125 тысяч самолетов» на 1943 год? Посмотрим, как будет дальше, каково будет «нарастание».

На передовых островах КБФ — Сескар, Пенисаари, Лавансаари — интенсивное строительство. На одном из островов построено силами лыжного морского полка аэродром. Люди корчевали вековые сосны, уложили двадцать шесть тысяч тонн дерна и сами сделали пять миллионов кольшков для укрепления дерна на аэродроме.

Немцы и финны налетают, бомбят. На катерах, что на рейде острова, — по тридцать тревог в сутки. Недавно подводная лодка, утопившая транспорт в десять тысяч тонн, просила помощи. Ее несколько подбили самолеты. Был туман, казалось бы, идти и спасать ее. Но командир базы выждал, послал пять тральщиков и два «охотника»... *Тральщики обнаружили мины, в тралах подорвалось шестнадцать мин.* Лишь *после* этого занялись лодкой. Спасенные подводники потом, на пирсе, благодарили командира базы, тащили его к себе.

...У пристани стоит старая, заброшенная, но нарочно замаскированная шхуна. Немцы ее усиленно бомбят, сбросили более двухсот бомб. Одно попадание в корму — шхуна села на грунт, а немцы опять ее бомбят...

Идет концерт... В это время появляется самолет. Видно, как падают бомбы. «Пойте, товарищи артисты, эти мимо...» Бомбы действительно со свистом идут мимо, и артист поет.

---

¹ 4 июля 1776 года была принята Декларация независимости, провозгласившая образование США.

Над островом шло три «юнкера». «Морской охотник» с первого выстрела попал в «юнкерс» — в бомболюки. Самолет разлетелся на куски — фейерверком. Осколками сбило и второй немецкий самолет. Третий стал уходить, но был подбит. Его нагнали три И-16 и без выстрела прижали к воде — и в воду.

Случай редкий...

7 июля 1942 года.

Солнце, жарко...

Встряхнулся, умылся. Стол залит солнцем, светом, хорошо! Писал весь день, отгоняя всякие думы.

На воронежском направлении танковый прорыв Клейста. Он пробует квитаться за Ростов...

Мы должны срезать клин Клейста с севера и с юга (из Донбасса). Фронт не может быть разорван.

Англичане у Эль-Аламейна вводят резервы, бросая авиацию в контратаку; кажется, удержались.

Мысли о Ленинграде.

...Снабжение города упорядочивается. План выполняется. Проведен ладожский нефтепровод! Это здорово! Везут нам печорский уголь — по новой железной дороге, на Котлас и к Ладогге. С торфом будет, наверно, «зашивка». Везут нам американский сахар, консервы, сушеное мясо и т. п. Резерв будет на два с половиной месяца. Есть указания готовиться к зиме. В городе будут сотни тысяч трудоспособного населения... «Неужели еще одну такую зиму?» Какие бы критические минуты ни выпадали — держаться!

Обстановка. Сильный воздушный налет на Мурманск. Концентрация противника на Лоухи — в Карелии (Мурманская железная дорога).

К Ленинграду немцы перебрасывают осадные тяжелые орудия из-под Севастополя.

В районе Вязьма — Гжатск — прощупывающие немецкие удары, отбиваемые нами.

Сильные налеты на Туапсе, Новороссийск и другие порты.

На Ленинградском фронте активность нашей авиации. Подорван ряд батарей противника.

Из европейской прессы. «Немецкое командование стремится выявить планы командования Красной Армии...», «Ожесточенная битва, не имеющая себе равной, в районе Касторное — Воронеж — Н. Оскол — Белгород...», «Немцы стремятся двумя группами окружить, стереть» войска Тимошенко. План их: захватом Во-

ронеза оборвать южную железнодорожную магистраль, создать надежный фланг и затем бить на Ростов и далее», «Большевики дерутся с исключительным упорством», «Черноморский Красный Флот в полном порядке. Он мешает немцам на Юге. Большевики применяют новые истребители» (?).

8 июля 1942 года.

С утра работал над большим очерком «Ленинград — морской город». Сделал черновики и в течение дня продиктовал. Дал очерк в «КБФ» и, может быть, на радио... Некоторая усталость...

В 5 часов поехал в гвардейский авиационный полк. Взял и Азарова — надо, чтобы он там прочел свою поэму о летчиках...

...Приехали в штаб полка. Знакомлюсь с военкомом Оганезовым — невысокого роста, бритый кавказец. Несколько суховат... Погуляли в саду, поговорили и тут же собрали летчиков — основной состав экипажей... Сделал им полуторачасовой военно-политический доклад об обстановке; рассказал ряд вещей, выходящих за рамки газетной информации. Предупредил о возможности штурма Ленинграда: «Отступать не будем, Ленинград отдавать нельзя». Слушали внимательно и, как потом говорил инструктор-пропагандист, остались докладом довольны.

...Лег спать с летчиками на веранде... Сквозь сон слышал какие-то голоса, рев моторов...

9 июля 1942 года.

Встал часов в 9 утра...

Гулял с Азаровым по полям, любовался природой; рвали цветы, смотрели на стадо коров. Азаров хотел «купить стакан молока». Шутили... Солнечно, жарко...

В 11.30 — собрание летчиков. Азаров прочел им поэму о Герое Советского Союза Василии Гречишникове, одном из славных бойцов гвардейского авиационного полка. Местами поэма риторична, местами, особенно к финалу, звучит с подлинной силой, волнует. Слушали очень внимательно... Просили автора написать о погибшем летчике Плоткине.

Из утреннего налета вернулись экипажи четырех торпедоносцев. Я пригласил их в круг, и они рассказали о боевой операции. Рассказ оперативный, суховатый.

Душно — предгрозовая духота. Серые жаркие тучи над городом, потемневшая Нева, камуфлированные корабли. У Финлянд-

ского вокзала толпы уезжающих — вывозят до десяти тысяч в день.

В Пубалте сегодня было совещание. Член Военного совета и начальник Пубалта изложили последние установки: Ленинград сделать военным городом; быстро вывезти лишних, слабых и т. п.; вывезти ряд заводов. Армия имеет достаточно сил и техники. Готовиться, повысить бдительность. Никто не имеет права оценивать временное затишье как ослабление боевых действий. Противник подвозит войска, много танков.

Сообщили, что погиб Джек Алтаузен¹.

Мысли о Ленинграде... Что ему, герою-борцу, еще выпадет на долю?

10 июля 1942 года.

...В сводке: бои за Воронеж и Россошь. По-видимому, южная железная дорога уже перехватывается противником. Размах двойного прорыва, полагаю, крупный. Южные грузы идут, очевидно, уже на Сталинград.

«Переворот» в Турции, смерть премьера, назначение одного «врида», а затем англофила Сараджоглу.

Итак, в великой южной битве 1942 года у сторон — колебание успехов. На сегодняшний день у союзников есть некоторые улучшения: 1) выигрыш времени; 2) стабилизация в Египте; 3) изменения в правительстве Турции.

Мы должны стабилизировать положение на Юге. Битву за Юг надо выиграть! Начат контрудар на Брянском фронте.

Чую, ощущаю просто физически — Гитлер готовит новые испытания для Ленинграда...

У противника много (до шестнадцати) дивизий, из них 50 процентов «весенних». Идет непрерывная разведка. Ночью немцы вели на участке Н-ской стрелковой дивизии разведку боем. Осталось до двенадцати немецких трупов у проволоки. Ночью их должны взять — днем не удастся. Идет пристрелочная артиллерийская стрельба немцев по фронтовым дорогам и по городу. Мы устаем отмечать эти огневые налеты. В городе непрерывно усиливаются оборонительные сооружения.

Командующий Ленинградским фронтом товарищ Говоров на партактиве штаба и Политуправления сделал аналитический до-

---

¹ Поэт.

клад об обороне Ленинграда, ставил вопросы об организации связи, резервах, мобильности. Быть стойкими, гибкими!

Новости из страны. В НКПС ввели железный график, и (впервые за время войны) с мая железнодорожное движение стало нормальным. Вместо семи суток поезда с Урала в Москву идут сорок восемь часов.

Отлично проведен сев: до 115 процентов от прошлого года.

Набирает темпы индустрия. Немцы имели в июле 1941 года *тройное* превосходство над нами и Англией в танках. Сейчас это превосходство ликвидировано...

Сообщения из Главного политуправления: подробности о сдаче Севастополя; о героизме *моряков*; о всемерной популяризации подвигов севастопольцев.

Севастополь, Севастополь! Переживаем сдачу Севастополя очень тяжело.

...Мы не знаем истинного положения вещей в мире (численности сторон, соотношения техники, сути операций, экономики и пр. и пр.). В открытую печать все это не принято выносить. Это тайны войны, но эти тайны истории мучительно хочется вскрыть. Голые статистические данные об американской и английской индустрии пока ничего не говорят. Где результаты, где эти «потoki» самолетов, танков и пр.? Россия вновь *одна* должна будет вынести еще одну кровавую кампанию?

Наша сводка от 9 июля горько отмечает, что немцы снимают все свои войска из Франции и прилегающих районов и перебрасывают их на Восточный фронт... Как долго, думает каждый, англичане и янки будут копать со вторым фронтом? Действительно, они очень хотят обескровливания России!

11 июля 1942 года.

Написал на трех страницах письмо Ставскому — дружеское, но с укором за его молчание и отрыв от ленинградцев. Дело ведь не в продовольственных посылках (зимних), а именно в дружеском контакте.

Балтийский флот активизируется — подводные лодки утопили в Балтике десять транспортов. (Насчитывают до восьмидесяти во-сьми тысяч тонн.) Активно действует и авиация...

Уцелевшие студенты-медики (многие из них не выжили) занимаются, готовятся к государственным экзаменам, бегают по квартирам и оказывают медпомощь...

Все время мысли о положении на Юге... Керчь, харьковская неудача, Севастополь, прорыв немцев к Воронежу — это слишком! Надо выравнять соотношение. До осенних дождей (сентябрь—октябрь) осталось мало времени.

Некоторые данные:

...В стране — более 250 тысяч доноров. За время войны с 22 июня 1941 года по 9 июля 1942 года в Красной Армии награждено 111 768 человек, во флоте — 6224 человека (большинство — рядовые). Героев Советского Союза за год войны — 242 плюс 44 во флоте (главным образом командиры — 175 человек). Многим частям и кораблям присвоены гвардейские звания...

В Красную Армию пошло более двух миллионов комсомольцев.

В фонд обороны народом сдано два и три четверти миллиарда рублей плюс золото, платина, серебро, драгоценные вещи и т. п. Облигаций отдано на два и одну десятую миллиарда; заем почти на тринадцать миллиардов рублей; теплых вещей — до тринадцати миллионов штук...

Из быта. На эвакуопунктах — слезы... Какая-то старушка говорит: «Посадите меня в тюрьму, в больницу, куда хотите, только не увозите из Ленинграда. Не хочу уезжать...»

К семи часам вечера поехал на трамвае в город. Давка, люди нервные — видно, очень измучены. Трамвай с испорченными тормозами... А кругом июльская пышная зелень, гряды овощей... Прошелся по набережной... У моста через Лебяжью канавку — примитивный дзотик: несколько бревен и мешков для пулеметчика, такой же дзотик на мосту через Фонтанку, у Петровского дворца. Девушки ждут у кораблей. Тут же кучи велосипедов, бочек, ящиков. Летний сад пустынен — там склады.

...На фронте затишье, немцы за передними линиями играют в волейбол. Наша артиллерия глушит этих «спортсменов». Учащаются вылазки наших разведчиков.

С. К. уехала опять, на форт.

В окна смотрит белая ночь. Ложусь, не зажигая света.

*12 июля 1942 года.
Воскресенье.*

Пасмурно, теплый день. Изучаю материалы о противнике. Вновь и вновь — для выступлений, для подъема ярости, духа

масс — мобилизую материалы... Идет второй «девятый вал» войны. Надо держаться!

Гляжу на карту. Противник рвется к Воронежу, к Сталинграду...

Вопрос о Северном и Северо-Западном фронтах решится в зависимости от хода битв на Юге.

...Битва у Воронежа яростная, контратаки наши — крепкие. Много примеров индивидуального и массового героизма: дают у Знамени перед боем клятву; таранят танки врага; наш горящий танк мнет немецкую пехоту и пушки до конца, пока не взорвется; раненые бьются, не уходят из строя; партизаны уничтожают связь, штабы и т. д.

Смелее давать лозунг: «В решительную битву 1942 года, за Россию!» Впрочем, главные удары еще впереди. Сейчас — одна из битв 1942 года. Если потеряем южные железные дороги — война затянется на зиму.

Противник начал разбрасывать листовки, сработанные... от имени ПУРа¹.

Снова и снова о враге... О концепции Гитлера и его присных...

13 июля 1942 года.

Положение на Юге тяжелое. Там орудует бывший «гусар смерти» фон Клейст (из клики бывшего кронпринца).

Немцы, считая от Харькова, уже прорвались на триста километров к Богучару. Они нависают над тылами всей Донецко-Ростовской группировки, угрожают железной дороге Ростов — Сталинград. Основная цель противника — отрезать Юг...

Снова и снова вопросы у людей: «Что же делают Англия и США?», «Неужели где-то есть тайный план предать СССР? Для видимости — посылка некоторого количества танков, самолетов; льстивые речи и пр., а в основе плана — отсиживание, некая пассивная помощь Гитлеру?», «Неужели Гесс все-таки посеял какие-то семена?».

Ведь предательство может быть не открытым, не примитивным...

И все-таки выстоит Россия!

...Перечитал свои письма-документы в Военный совет. Многое абсолютно необходимо, правильно. Прошло три недели, и жизнь ряд моих положений подтверждает...

На Юге жесточайшая борьба. Опять выматывание противника, сопротивление наличными силами. Все признаки «придержива-

¹ Политуправление РККА.

ния резервов» Ставкой. У них есть свои планы, а наше дело выполнять задания и ждать...

Статьи «Правды» — все накаленное, тревожнее, как в осень 1941 года...

14 июля 1942 года.

Немцы прорвались в район Воронежа. Напряженнейшие бои на Юге. Частичные неудачи под Ржевом...

В 3 часа 30 минут вызван в Военный совет КБФ. Сообщили о совещании политработников фронта...

15 июля 1942 года.

Душно. Готовлюсь к отъезду в Н-скую авиационную базу. Там подышу воздухом и поработаю. Усталость дает себя знать — идет кровь носом, головные боли...

Сделал подвал для «Правды» на тему «Ленинград — морской город» (вариант очерка дал для «КБФ»)... Отредактировал сборник рассказов, выпускаемых ко Дню флота, написал к нему предисловие. Собрал, проверил бумаги, привел в порядок свой стол.

Звонки: требуют статей, выступлений... Надо ехать, иначе не оторвешься от забот и дел...

Под Воронежем жесточайшая драка; наши контратаки. Очевидно, подошли резервы. Врага нельзя подпустить к Сталинградскому узлу — тогда повиснет Юг, ослабнет до крайности нефтяное снабжение страны. Может измениться в худшую сторону позиция Турции (она и так плоха).

Выехал в 2 часа. Грозовые тучи, в пути дважды (ехал на мотоцикле) попал под проливной дождь.

...У Финляндского вокзала масса людей — «табор»... Солнце... Усталые люди со скарбом. Далеко не у всех в глубине страны есть близкие, надежные друзья. Только дети копошатся, резвятся на вокзале.

Летняя массовая эвакуация из Ленинграда идет полным ходом. Штормовые дни на Ладоге задерживают в Осиновце несколько тысяч человек (на два-три дня). У каждого эвакуируемого — талоны, пропуска, удостоверения...

Поколесил по избитым мокрым дорогам района Приятное — Всеволожский — Бернгардовка... В садах и лесах стоят части, добраться до нужного объекта трудно. Как всегда, люди «не знают», «не видали, не слыхали». Кое-где внешне нетронутые дачные

уголки... По непролазной грязи чудом добрался. Тут авторота, база... Лесочки, полянки... Пахнуло свежестью...

Комната, койка, поставили стол. Я разложил книги и бумаги. «*Omnia mea mecum porto*»¹. Я абсолютно потерял тягу к вещам. Все брошенное в Москве как-то далеко, почти нереально. Ничто не обременяет, не заботит... Даже архивы, семейные документы, некоторые любимые фото, сувениры... Что значит вся эта бумажная пыль в эти дни, в этот год(ы)? Созидание начнется после войны, когда люди, представления, отношения и пр. стабилизируются. Я, например, давно ничего не покупал, разучился... Хотя как-то в подарок купил «Двенадцать» Блока...

16 июля 1942 года.

Дождливо — некоторая передышка. Собираюсь с мыслями, материалами. К вечеру из Пубалта письмо от Лебедева: «Прошу, необходимо 17 июля сделать ленинградскому партактиву доклад о Военно-Морском Флоте». Вот и отдых... «Есть».

Подбираю материалы, готовлюсь.

Мой сосед, летчик-истребитель, был ранен в руку под Красногвардейском. Прямым попаданием в самолет пробит радиатор. Машину надо было вести левой рукой; потеря крови... Летел так двенадцать минут (до Кронштадта), посадил машину «на пузо». Его отнесли в госпиталь, рана еще не зажила...

17 июля 1942 года.

Спал с давнишним ощущением заботы — надо что-то сделать. Встал, написал план доклада, только не на отвлеченную тему о флоте, а о событиях дня, об угрозе стране, о положении на Юге, о том, что актив должен нести в массы: бодрость, напор, ненависть к врагу — до предела. Верю в народ, в его силы, его органические способности.

В 2 часа пришла машина...

В Пубалте обычный шум аппарата. Звонки, приходы, уходы. Нашел ряд писем от Таирова², телеграмму от Фадеева: «Радостно вспоминаю Ленинград, целую, обнимаю...» и т. д. Мне приятно, что Фадеев, видимо впервые за двенадцать лет нашего знакомства, увидел меня вне литературных шор.

Письмо-воплъ от одного писателя: «Не могу работать, тоскую о детях, о жене. Умоляю дать отпуск...» О, эти интеллигенты, «ин-

¹ «Все свое ношу с собой» (*лат.*).

² Режиссер.

женеры душ», умелые составители идеологических романов, пьес и пр. Меня давно мутит от этих людей: хлипких, дряблых, подделывающихся и в кино, и в литературе, и в живописи под советский, большевистский героический стиль, не имея на то прав и внутренних волевых данных. Сколько этих интеллигентов «полияло», залезло в разные провинциальные щели, где и отсиживаются, выжидая.

...С. К. вернулась с форта. Привезла отличные работы. Бодра. Стреляла из нагана — попадания в десятку, семерку.

Доклад в Доме партийного актива. Говорил с большим подъемом, особенно о двух мировых концепциях: об архаическом статическом фашизме (именно статическом — окостенелое рабство, регресс мысли и общественной структуры); о революционном движении России, о путях будущего общества, о технике и интеллектуально-творческих возможностях мира. Дал и все необходимые данные о флоте и об обстановке. Говорил о значении южной битвы и о необходимости абсолютной подготовки Ленинграда к возможной попытке немцев штурмовать город.

Отличный прием у аудитории. Вернулся к десяти часам вечера.

18 июля 1942 года.

...Беседа с летчиком... Он рассказал, что немецкие летчики стали хуже летать; не принимают боя на малых высотах; не владеют техникой пилотажа; были случаи попадания «мессеров» в штопор и гибели их.

...Он отметил, что у нас сохранилось гораздо больше кадровых летчиков, чем у противника.

Говорят, что по радио сообщили: наши войска перешли под Воронежем в контрнаступление, форсировали Дон; противник отступает, бросая трупы, раненых, технику. Сердце застучало от радости! Ура России!

Пришли газеты. Отпор наш под Воронежем нарастает, наши контратаки. В некоторых местах немцев потеснили; отдельные немецкие полки и мехчасти разгромлены. Наши форсировали Дон. Потери немцев — десятки тысяч. Сотни уничтоженных и подбитых танков. Планы немцев срываются.

Передовая «Правды» ставит вопрос четко: Гитлер играет ва-банк. Его тыл на Западе обнажен (!). Необходима упорная оборона до последней капли крови, контратаки, изматывание противника... Во что бы то ни стало сорвать наступление врага. Враг не должен пройти, *он не пройдет!*

Канадские части закончили большие десантные маневры. Теперь они, видимо, будут «отдыхать»?!

19 июля 1942 года.
Воскресенье.

Солнечно... Весь день действия авиации... Днем прошел с характерным подвыванием немецкий самолет. Был зенитный обстрел. Летали наши истребители и бомбардировщики... Ленивая артиллерийская стрельба. Несколько относительно близких разрывов... Доносится рев моторов с окрестных аэродромов...

Получил газеты. Наши контратаки под Воронежем. Немцы быстро зарываются, закрепляются. Нужно их отбросить за Дон, обратно.

Бои на северо-западном, калининском, западном и брянском направлениях...

Воронежские бои невероятно интенсивны, ожесточенны... Горят танковые команды, стреляют до конца, насмерть. Один ослепший водитель вел танк (все-таки!).

Во всех корреспонденциях проглядывает одно: главная задача — стойкость *пехоты*... Сейчас опыт приобретается в боях. Мы цепкие, выносливые и намерстаем упущенное.

Введены отличительные знаки для раненных в Отечественную войну. Это хорошее мероприятие...

21 июля 1942 года.

Дождливо... Первую половину дня — артиллерийская стрельба. Видимо, на том берегу Невы.

...Сильный советский воздушный налет на Кенигсберг — тридцать восемь пожаров... На миллеровском направлении стабилизации еще нет. Оставлен Ворошиловград (Луганск).

Тон газет спокойный. Урал повысил за полугодие выпуск пушек, минометов, моторов и самолетов в три-четыре раза, танков — в шесть раз (!). За второе полугодие Урал обещает еще *удвоить* последний выпуск. Артиллерии и снарядов Красная Армия имеет столько, что может дать «...такой плотности артиллерийский огонь и такой пробивной силы, при которой никакие танковые тараны не смогут проломить оборону наших войск» («Правда», 20. VII. 42 г.)...

В «Красной звезде» от 19 июля некоторые данные об обстановке на Юге: немецкое командование намеревалось одним ударом опрокинуть наши армии и вырваться на равнину между Доном и Волгой — на оперативный простор, разваливая наши тылы, дезоргани-

зую управление и по частям уничтожая наши армии. Немцы главную задачу *не решили*. Противник на первом же этапе должен был бросить в бой основные силы и резервы и у Воронежа остановиться.

Задача: *чтоб впредь ни один немец не перешел Дон!* Закрепиться врагу — не давать! Изматывать и теснить его! Сейчас немцы переносят удар на южный участок, за Миллерово, стремясь охватить нашу Донецкую группу войск, выйти к Ростову и далее на Кубань — Сталинград. Центр южной битвы переместился к низовьям Дона... «Немцы не должны пройти на Юг!»

...Восточный фронт поглощает все главные силы германской армии, опустошает военные склады. Гитлер уже вводит в действие, все в больших размерах, свои *основные* резервы. На Западе немцы не могут вести воздушную войну в полном масштабе, так как и авиация их сосредоточена на Восточном фронте.

Союзные державы благодаря СССР получили время и возможность для накопления сил. В настоящее время есть объективные предпосылки для победоносного окончания войны. Задача заключается в том, чтобы *своевременно и решительно* использовать все возможности для разгрома гитлеровской Германии.

Работал. Набросал схему очерка-статьи о ненависти к врагу... Должен выйти!

...Ночи все темнее. Долго ходил. В эту ночь начинается четырнадцатый месяц войны. Почему-то последнее время думаю о дате 1 августа¹, — может быть, на Западе начнутся англо-американские операции?..

22 июля 1942 года.

Утром ощущение свежести, но затем утомление и головная боль. Солнечно...

...Приехала на новом мотоцикле С. К. Промокшая, но бодрая. С успехом приняты ее работы о форте «П».

23 июля 1942 года.

Проснулся рано...

Послал с С.К. шутовую записку Крону и Азарову о своем «тихом» уголке, где гудят три аэродрома, бухают тяжелые орудия с морского полигона, шумят в автобазе и пр.

...К полудню самолеты идут в операцию на Колпино—Чудово (?!). Затем сквозь сетку дождя — вспышки, грохот канонады... Ви-

¹ Вс. Вишневский имеет в виду 1 августа 1914 года — начало Первой мировой войны.

димо, Ленинградский фронт развивает активные местные операции.

Артиллерийский огонь — бьют по немецкому берегу Невы.

Написал радиовыступление к 26 июля.

Десятый аэродромный батальон просит побывать у них и выступить. Надо...

В газетах. Бои уже в районе Новочеркаска — Цимлянской. Видимо, противник стремится к полному окружению Донецко-Ростовской группы войск, к переходу за Дон, захвату железной дороги Тихорецкая — Сталинград и к дальнейшим ударам — на юг. Видимо, тут будет главный удар противника, а не на воронежском направлении. Немцы играют крайне азартно. Внешнее кольцо — наше! Только бы вовремя и согласованно били войска: с юга, с востока, с севера.

...Битва разгорается... Героически ринулась в бои югославская Народная партизанская армия (более 100 000 человек), отвлекая резервы немцев, итальянцев и пр. Это помощь и нам, и англичанам на Ближнем Востоке.

Что делают англичане и американцы? Бомбежка Дуйсбурга, удары против Роммеля... Об остальном пока неизвестно.

...Взялся за новую работу. Хочу написать один памфлет и речь о боевом содружестве КБФ и Ленинградского фронта.

Физически чувствую себя лучше: и воздух, и питание сказываются... Последние дни дают овощи, но убавили мясо (?). Тыловой паек армии и флота с 15 июля несколько увеличен.

24 июля 1942 года.

...Послал письмо в «КБФ», записку С. К., извещение в Пубалт о том, что все поручения выполнил.

Днем ко мне приехал представитель «Известий» — две молнии из редакции, — нужен материал ко Дню флота.

Дал копию радиоречи на 26 июля.

Написал статью в газету Подплава. За время войны я, пожалуй, теснее всего связался с подводниками и летчиками.

...Ленинградский фронт продолжает удары. У Лигова (как будто — там) прорваны три линии немецкой обороны; уничтожена тысяча немцев; взят командный пункт, оперативные документы, трофеи, пленные. Бои продолжаются...

Не пришел ли час большего удара Красной Армии? Не пришел ли час высадки союзников на Европейский континент? События назревают с каждым днем.

...Писатели в общем мало пишут. Алексей Толстой осенью дал две-три статьи — и умолк. Шолохов дал за все время один рассказ. Эренбург много пишет, но теория «фрицев» оказывается ложной, и автор ищет иных определений и слов. Только временами Эренбург находит страстный лирический тон... Но я думаю о большой русской публицистике, о силе, диапазоне статей Белинского, о «Дневниках» Достоевского, статьях Льва Толстого, Горького... Не видно такой публицистики, не слышно. Тезисы агитаторов не заменят ее. Где литературные раскрытия духовных явлений во время войны, мирового смысла борьбы? Где научное бесстрашие? Далеко не все, мол, можно писать... Ну, о многом можно, — было бы кому...

Мысли, мысли...

Поведение союзников вызывает подозрение!

Надо могучим усилием народа, всех сил СССР выправить дела на Юге. Не раз бывало туго... *Мы всегда побеждали!*

25 июля 1942 года.

...Напряженные раздумья о делах на Юге. Вижу донские степи, Волгу, движение пароходов, эшелоны, встревоженный Кавказ... Сильный напор!

Активнее быть в эти дни!

Готовлю речь-очерк «Красная Армия и Военно-Морской Флот — родные братья» — исторический обзор совместных действий.

...*Из новостей.* Последнее время только и говорили, что о готовящемся штурме Ленинграда. На 15 июля ждали штурма Ораниенбаума, удара по Кронштадту и т. д. Как будто, судя по опросам пленных и по захваченным оперативным документам, это блеф (!). Немцы имитировали приготовления, чтобы сковать нас, держать в напряжении и путать планы.

В двух последних ударах в районе Урицка и Усть-Ижоры уничтожено три батальона противника. В отдельных местах их оборона взята и пробита на три километра. Уничтожен один батальон из бывших айзсаргов. Аджютант командира взят в плен и дал ценные показания...

Сегодня по улицам Ленинграда водили пленных немцев. Половина их была в подавленном состоянии — боялись толпы. На Невском женщины кричали: «Отдайте их нам!» Могли и конвой смять. Некоторые немцы усмехались (наглецы!). Они держатся на допросах упорно, сильно разагитированы фашистами. «Нам нуж-

на земля — пространства Украины, Белоруссии и Прибалтики». Разношерстный состав, но упорный... Есть среди пленных сыновья рабочих — членов национал-социалистской партии. При допросе выясняется, что они из хозяйских холуев, если не шпииков. Рассказывают о том, что в Германии силен приток иностранных рабочих и что это беспокоит немцев. «А нам умирать приходится». Некоторые плачут, когда им мягко говорят, что все разрушенное в России им же придется восстанавливать вдали от семей и родины... Технических новинок в немецких окопах не найдено. Масса писем, газет и пр. (Протоколы допросов я получаю.)

26 июля 1942 года.

День флота. Не могу вспомнить прошлогодний день. Кажется, что-то писал в Таллине.

Послал бодрые письма Таирову, Тарасенкову.

Есть ощущение праздника, лета, некоторых успехов Ленинграда. Хотя над всем этим — тревога, большая тревога за Юг.

...Мировая печать в ажитации.

Всевозможные толки, комментарии, предположения. Литвинов требует открытия второго фронта; Хелл заявляет о наступательной стратегии союзников. Англичане говорят, что, пока не выиграна битва за Атлантику, нельзя идти на вторжение в Европу. Немцы сообщают, что за последние месяцы их подводные лодки потопили до шестисот пятидесяти пароходов, теплоходов и пр. — у союзников (то есть до трех с половиной миллионов тонн) и что Германия готова устроить второй грандиозный Дюнкерк союзникам. Английская пресса говорит о подготовке большого контрудара СССР — до сентября.

В общем — обычное европейское трепыхание: шум, нервозность, крики.

...Днем был приглашен на «Иртыш». Дружный веселый завтрак с командирами подводных лодок. Лодки потопили уже сто двадцать семь тысяч тонн. Ждут возвращения подводных лодок товарищей Афанасьева и Вишневого. Настроение на базе Подплава хорошее. В Москве армейский комиссар Рогов говорил северморцам: «Смотрите, балтийцы вас начинают обжимать».

Поехали с С.К. на выставку трофеев. Интересная коллекция немецкого оружия, обмундирования и пр. Ряд «эрзацев» — смешные немецкие зимние «коты», валенки... Ряд документов...

Евгений Петров был на «Ташкенте»¹, пошел в Севастополь, вернулся на кавказский берег, полетел на «Дугласе» обратно в Москву и у *Сталинграда* разбился. Тяжело ранен и А. Первенцев.

Выступил на радиомитинге — речь о флоте...

Вечером были у нас Крон, Рудный, Азаров. Тихо беседовали. Я был усталый...

27 июля 1942 года.

Встал в 9 часов утра. Краткая беседа о делах с С.К. (она 1 августа едет в Кронштадт).

Немцы подкидывают дивизии из Франции и Голландии (одну за другой)...

В ближайшие недели должен быть наш контрудар. Приходит час бросить в ход наши резервы. Полагаю, что будет удар с Брянско-Воронежского фронта (надо срубить фланг и тылы фон Бока!) и с Северного Кавказа.

...Получил из Гослитиздата сборник «Великая Отечественная война». Здесь отборный публицистический и очерковый материал, стихи. Дана и моя речь к молодежи Ленинграда от 14 сентября 1941 года во дворце Урицкого. Видел ряд новых брошюр Военно-морского издательства... Только сейчас вышел сборник «Флот в финской войне 1939—1940 годов». О, темпы! Просто позорные! Дан мой и Соболева очерк о Бьёркской операции. Какая это теперь старина!.. Прочел сборник В. Рудного — о Ханко. Книга удачная, он очеркист хваткий, зоркий.

В отделе печати Главного политуправления ВМФ — требуют крупных вещей... Точно их можно написать в этой горячке дней — Ленинграда, Севастополя!..

Немцы долбят Мурманск. Говорят, что город почти сожжен. Начались налеты немцев на Полярное...

Англичане усиленно ведут разведку у наших берегов, северных баз и т. п. (На будущее!)

...В эти дни активно, героически борется с фашизмом, помогая СССР, югославская Народная армия... В марте 1942 года партизаны сковывали двадцать восемь дивизий противника!

Что бы могли сделать англичане и американцы?

---

¹ Военный корабль.

Наши последние массированные удары по району Урицка с прикрытием сорока истребителей прошли отлично.

28 июля 1942 года.

...Когда наступит кульминация немецкого наступления? Когда растянутся их коммуникации, ослабнут от жары и потерь их войска. Тут и бить!..

Но против танковой армии нужны танковые же армии или армии бронейщиков всех типов, как некогда против белой конницы мы создали Первую Конную. Может быть, сейчас танковые дивизии резерва и идут в дело?

Мир в лихорадке. Обмен радиодонесениями и т. п. Опять напряженная психологическая борьба... «Выдержит ли Россия?»

Союз *двадцати шести* государств! *А Россия пока одна...*

Занимаюсь материалами о противнике:

Германские племена (Тацит и др.) — попытки походов на запад и юг... Неудача.

Арминий...

Рим. Германские племена и их роль в сокрушении Рима. Первая Германская империя.

XI—XIII век. Drang nach Osten¹, Тевтонский орден. Особенное значение этого ордена в германской современной публицистике, агитации и пр. «Пробиться через славянскую толщу в Прибалтике...» (первые идеи истребительной, тотальной войны). Сопrotивление России — Александр Невский и др.

XV век. Грюнвальд, 1410. Разгром ордена (см. у Сенкевича в «Крестоносцах» — описание битвы). Пруссия — лен Польши, но в Прибалтике немцы держатся.

XVI век. Ливонская война.

XVII век. Ослабление Германии под ударами Франции и др. Вестфальский мир.

XVIII век. Фридрих II. Макиавеллизм Фридриха, никаких колебаний совести. Роль России в борьбе с Фридрихом... Русские в Пруссии. Кунерсдорф, — взятие Берлина (1760). Завещание Фридриха.

XIX век. Пруссия. *Иена*. Россия отвечает Наполеону Бородином, Москвой, разгромом европейских сил. Пруссия воскресла благодаря победе России.

1848 год².

¹ Натиск на восток (*нем.*).

² Дата буржуазной революции в Германии.

Бисмарк. (1870—1871 г.)¹ Вторая империя, зарождение пангерманизма. «Германия до Дуная и до Буга»; «Разгром Франции и России»; «Наша жизнь — смерть для славян». Идея захвата Австрии. Пропагандистский центр в Мюнхене. Георг Шённерер — помещик, антисемит, пангерманист, австриец, духовный учитель австрийца Гитлера (традиции «Heil»² от Шённерера). Планы подчинения Европы. Брошюра 1895 г. «Gross Deutschland und Mitteleuropa im 1950»³. Война с Россией завершит объединение: Прибалтика, Украина и пр. «Переселение славян»; «Чужестранцам — выполнение физических работ». Книги о проникновении в Малую Азию и затем через Кавказ на Украину (!).

Вильгельм II и период первой империалистической войны. Усиление милитаристских прусских планов. Немцы в колониях, в Китае. Война 1914—1918 г. Вундт и др.

Послевоенный период — реваншистские планы. Реакционные союзы... Людендорф, Сект и пр.

Гитлер и дальнейшая история... Третья империя.

К полудню налеты, стрельба зенитных батарей... Газет не имел ни вчера, ни сегодня, будут, наверное, к вечеру.

...К вечеру канонада за Невой. Пришли газеты. Передовая «Правды» от 26 июля указывает, что «враг рвется к нашим базам флота, он угрожает нашему существованию. Помните это, воины флота! Постоянно помните, какая участь ждет наш флот, если врагу не будет прегражден дальнейший путь!..»

Нами оставлены Ростов и Новочеркасск. В районе Цимлянской противник, видимо, переправился через Дон. Это очень тяжело... Общий тон наших газет — *ровный*. В литературе одна тема: «Убей!»...

30 июля 1942 года.

О наших писателях. Некоторые из них работают отлично, но некоторые проповедуют воинские и прочие доблести, а сами трусят или стоят на грани трусости. Они учат «презирать смерть», но усиленно заботятся о своем здоровье и целостности своей жизни. Несогласованность поведения этих лиц и их писаний меня мучит, они обесценивают нашу литературу и искусство. Есть какой-то обман народа во всем этом со стороны ряда писателей, кинематографистов и артистов. Пусть какие-нибудь философы оправдают

¹ Даты франко-прусской войны.

² «Хайль» (нем.) — фашистское приветствие.

³ «Великая Германия и Центральная Европа в 1950 году» (нем.).

мне это «право» писателей сидеть вдали, в укрытиях, где тепло и сытно, и советовать другим идти и умирать.

Был представитель от эскадрильи разведчиков. Просят побывать у них. Рассказал, что недавно наш самолет-разведчик летал над Таллином. Там шла разгрузка шести транспортов. Были немедленно посланы наши бомбардировщики — три немецких транспорта утопили и разбомбили груз на пристани...

31 июля 1942 года.

...Вызывают к двум часам в Военный совет КБФ.

Выехал. Разбитая дорога, которую без особой пользы забрасывают песком и ветками. Где же саперы? Невеселые мысли... У Финляндского вокзала по-прежнему — с узлами, тюками — эвакуируемые. Моросит мелкий дождь. Неуклюже закрытый памятник Ленину¹...

Было общее собрание работников Политуправления. Лебедев сделал доклад...

«Красная Армия на Юге отступает... Ростов и Новочеркасск сданы...» Что-то в организме армии не в порядке... Многие старые дефекты дают себя знать с такой кровавой силой в эти дни.

Дни критические. Они серьезнее былых прорывов и пр.

Выстоять, продержаться! «Ни шага назад!»...

Выстоять! Все упорство, все мысли, весь инстинкт, всю страсть, всю веру, все физические силы — на борьбу! Россия, тяжки твои испытания!

Верю, что пример смелейших, слово агитаторов, ум командиров выправят положение. Исход всей мировой войны зависит от нас. Все внутри бурлит! Писать — в новые дела!

Усиливается поток техники из восточных районов. Резервы готовятся влиться в действующие части.

Введены новые ордена за успехи стратегически-оперативного порядка — орден Суворова трех степеней, орден Кутузова и орден Александра Невского.

На Ленинградском фронте. Противник все-таки хотел ударом с моря и по Ораниенбаумско-Красногорскому району выбить нас оттуда, чтобы окончательно запереть выходы из Кронштадта. Удары Н-ской армии и некоторые операции КБФ заставили противника изменить план.

¹ В целях сохранения памятник был закрыт мешками с песком и обшит досками.

С участка Урицка смешанная группа войск противника снята и заменена 58-й немецкой дивизией с Волховского фронта. Наше продвижение ослабило немецкие позиции.

...На море противник стремится минировать выходы Сейвисто—Шепелев. В море наши эсминцы. Подлодки утопили уже сто шестьдесят пять тысяч тонн.

В «Известиях» в День флота напечатаны статьи—моя и А. Довженко¹. Все, все дышит одной жаркой — из глотки, из души, из нутра — темой: «Стоять, бить насмерть!» Есть потрясающие эпизоды в газетах о смерти девушки из подпольной редакции «Червонной Украины», о боях на фронте. Как повышается накал газет и радиопередач... Еще, еще!

На всех фронтах всеми способами уничтожать, перемалывать врага! От одиночной работы истребителей — до массированных местных ударов! Изобретать новые приемы, выманивать противника из нор, бить, тревожить. *Тщательно готовить всякую, даже маленькую, операцию.*

Таджикская ССР собрала для КБФ два с половиной миллиарда рублей, хлеб, 130 тонн овощей, 80 тонн фруктов, 2250 голов скота, мед, яйца, арбузы и пр.

В Казахстане вышел сборник «Ленинграду» — стихи, очерки.

1 августа 1942 года.

Пасмурно, ветер...

Двадцать восемь лет тому назад началась Первая мировая война. Я ринулся в нее...

Не могу в такие дни «отдыхать». Уезжаю из Бернгардовки. Больше, больше писать, работать!..

2 августа 1942 года.

...С утра пишу рассказ. Тема — стойкость и упорство...

Последние сводки. Бои в районе Сальска. Под ударом железнодорожное сообщение с Кавказом. Это было бы тяжелой потерей. Немцы будут вклиниваться.

...В Лондоне — семидесятитысячный митинг с требованием второго фронта.

Вой, воздушная тревога...

---

¹ Кинорежиссер и кинодраматург.

Пятьдесят немецких самолетов бомбят передний край нашей обороны в районе Урицка. Немцы тревожатся за этот участок. Они потеряли здесь узел железных дорог и шоссе.

На Неве поставлены, видимо, против Н-ской стрелковой дивизии два польских полка. Неоднократно поляки переплывали на нашу сторону. Говорят о волнениях в этих полках. Взят пленный. Он из рабочих военного времени, обучался неделю стрельбе, затем — в Прибалтику. Еще неделя обучения — на болоте учили наступать — и под Ленинград. Сегодня взят в плен...

Конечно, ударные немецкие части — на Юге.

Запад оголяется все больше и больше. Там второ- и третьеочередные немецкие дивизии. Но Черчилль, в биографии которого катастрофы Дарданелльской и Дюнкерской операций, медлит, а вернее всего, тут и более хитрый замысел.

Тревога длилась более двух часов. Сбито пятнадцать немецких самолетов, пятнадцать повреждено. Наши сбито шесть.

В интернациональной группе войск генерала Еккельна (она уже снята из-под Урицка) есть эстонцы, голландцы, бельгийцы и пр. В Германии призван контингент рождения 1925 года и все белобилетники...

3 августа 1942 года.

...Недавно на волховско-тихвинские тылы было сброшено четыре парашютных группы агентов (фашистов) в форме командиров РККА. Изъяты... Надо тщательно проверять на всех путях — всех лиц.

...Очень напряженная борьба.

4 августа 1942 года.

Пасмурно... С утра продиктовал очерк о Герое Советского Союза Карасеве (11 страниц). Дал в «КБФ» и в сборник Пубалта.

В центральных газетах тонус горячий, страстный, напоминает дни октября — ноября 1941 года. В Англии и США широчайшее движение за второй фронт. Гитлер соскреб с Запада все. До миллиона вассалов брошено на наш фронт. Идут жесточайшие бои. Наш отпор усиливается.

С. К. готовится сегодня опять ехать в Кронштадт — на катера и подлодки.

К пяти часам тридцати минутам по просьбе Военного совета поехал в Театр музкомедии смотреть спектакль военного време-

ни — «Лесная быль». В общем, это самодеятельный спектакль. Текст убогий. Высказал обо всем этом свои соображения дирекции и режиссуре. Есть проект к 7 Ноября сделать с ними героическую комедию или «вообще спектакль». Ну и сроки! А задание это от Военного совета КБФ.

Пахнуло театральной стариной... С удовольствием смеешься в веселых местах. Театр делает битковые сборы и дает в блокаду до девятистот тысяч прибыли. В репертуаре «Любовь моряка», «Баядера», «Роз-Мари» и т. п. Труппа играла даже при температуре минус 3 градуса (в зале).

...На жизни страны война отражается все сильнее и сильнее. Цены растут. В Молотовской области кило масла стоит тысячу рублей. Деформация экономики, конечно, небывалая.

Всемерно усиливается заготовка торфа и дров на зиму, и, по-видимому, запасы будут. Отставали торфяники, но сейчас подтягиваются — им дали индивидуальную сдельную оплату. Лесорубы перевыполняют план.

По флоту заканчивается эвакуация членов семей.

5 августа 1942 года.

...Работал над очерком для «Правды» — «Осадные ночи». Хочется передать надвигающуюся осень, ливни, последние бои, облик города... (Мешают головные боли.)

Было совещание о составлении истории гвардейских кораблей и частей. Срок — месячный.

На Ленинградском фронте сегодня тихо.

В сводке — упорные бои...

Написал письмо Сельвинскому...

Написал вдове О. Цехновицера о возможности получения пенсии для нее и ее сына.

Работал: разбирал записи, очерки 1941 года для сборника.

6 августа 1942 года.

Солнечно... Опять кровотечение... Эх!..

Работы на август много. Заканчиваю дополнения к «Кронштадту». Готовлю новые очерки о командире подводной лодки И. Вишневым, о летчиках и пр. Военно-морское издательство требует сборник «Балтийцы на защите Ленинграда». (Наш сборник весной угрбили, а теперь делай опять.)

...В 4 часа дня поехал на базу подводных лодок. Встретился с командиром подводной лодки И. Вишневым. О нем я писал поздней осенью 1941 года, и в Москве должна уже выйти брошюра о трех командирах-подводниках — Вишневском, Мыльникове и Иванцове.

Сидели в кают-компании и дружно обстоятельно беседовали. Лодка прошла тринадцать старых и одно новое минные поля; утопила три транспорта. Примеры выносливости и стойкости. Завтра, соединив материал с осенним, дам брошюру-разработку.

Бодрое настроение. Проехался по городу. Есть какое-то внутреннее спокойствие — Россия обязательно выдержит. Махинища — колоссальная!.. И Юг не решит для Гитлера кампанию 1942 года.

В Англии и США растет народное движение за немедленное открытие военных действий (второй фронт)...

У нас. Южный фронт устоит. Резервы еще не двинуты. К сентябрю должен быть перелом. Союзники могли бы выступить именно к сентябрю...

Эвакуация, по-видимому, заканчивается. Вот город и остался с основным закаленным кадром...

Солнечно... Прошел легкий дождь... Нева, ее просторы — все монументально, незабываемо, и что бы еще ни «стряслось» — стой, родимый город! Будем биться... «Бей сатану, ударишь на Неве, отдастся на Дону», — уже есть бойцовская поговорка.

Взял тринадцать протоколов допросов немцев и тринадцать немецких иллюстрированных журналов.

Был у Веры Инбер; она усталая, озабоченная. Москва шумная. В гостинице «Москва» — Илья Эренбург, переутомленный, худой, плохо выглядит. Пишет, вечером едет в «Красную звезду» за новостями. Почти не бывает на воздухе... Сельвинский переживает керченскую неудачу... В Чистополе¹ — захолустье, заботы о хлебе насущном. Ждут реэвакуации в Москву...

В Шлиссельбурге. Завод продолжает работать под минометным обстрелом, работают и дети(!), выполняют нормы. Все заготавливают на зиму травы, грибы, ягоды и пр. Сейчас некоторые меняют свои вещи на подмоченное зерно, которое достают с затопленных прошлой осенью барж.

¹ В Чистополь были эвакуированы некоторые писатели и их семьи.

7 августа 1942 года.

...Работал весь день: дал на пятнадцать страниц очерк-портрет командира подводной лодки И. Вишневого.

Обстановка. Мы удерживаем станцию Паново и Ям-Ижору.

Ожидается осадная немецкая артиллерия. Пленные показывают, что опять готовится наступление на Ленинград.

Потери противника в последних боях серьезны. Их 215-я дивизия выбита на 40 процентов.

На Карельском перешейке артиллерийский и минометный огонь...

В море — деятельность авиации, катеров и тральщиков. Подводные лодки работают хорошо. Одна лодка потопила два транспорта, из воды выловили капитана и матросов (финны).

В 5 часов 30 минут — снова в Музкомедии. Присматриваюсь к жанру, к труппе. Если придется делать пьесу, надо знать все обстоятельно.

Домой шел пешком... Каждый раз как особое, неповторимое — свиданье с городом. Августовский вечер. В Екатерининском садике (садике моего детства) много народа. Везде пышная зелень...

Марсово поле. Багряные пятна сквозь тучи за Петропавловским собором.

Мысли о С.К.

Пужинал: суп овощной (кусочек пудинга оставил машинистке), чай с хлебом. Кормят последнее время несколько лучше...

8 августа 1942 года.

...Весь день писал очерк в «Правду». Надо дать снова синтезированный образ осеннего активного Ленинграда. Дал бои, ливни, впечатления последних дней. Мне кажется, очерк удался.

Звонила из Кронштадта С.К. Она хочет идти на катере в дозор. А. Зонин идет на подлодке в поход.

Крон и Азаров работают, у них много впечатлений от действий подводных лодок. Напишут ли они обо всем пережитом?

Сдан Армавир. Таким образом, таманско-новороссийско-краснодарское направление разобщено от направления Минеральные Воды — Грозный и пр. Майкоп, видимо, уже жгут. Надо уничтожить, чтобы не отдать нефть врагу. Я думаю, что в предгорьях немцев начнут останавливать.

Воронеж: наши наступают к западу от Дона.

Клетская: упорная оборона *гвардии*.
Котельниково: наши несколько пятятся.

...Илья Эренбург прислал мне свою книгу «Падение Парижа» с надписью: «Всеволоду Вишневскому от всего сердца». Написал ему несколько слов благодарности.

После работы интенсивно переживаешь написанное, мысленно проверяешь, критикуешь... Так я проверял свой очерк в «Правду». В нем есть сила, патетика, юмор и документальная точность. Одну-полторы страницы можно сократить. Материал актуальный — «Ленинград атакует». Это тема боевой помощи Югу...

9 августа 1942 года.
Воскресенье.

Солнечно, тихо... Пролетели истребители... Отправил в Москву очерки о Карасеве и Вишневском. Сегодня отдыхаю.

Сводка. Упорные бои, наше наступление у Воронежа, есть успехи. Противник упорно нажимает от Котельниково на Сталинград, чтобы перерезать Волгу и прекратить нефтепоток из Баку, а заодно — вывести из строя сталинградские танковые и оружейные заводы. На Северном Кавказе бои (у Армавира, Кропоткина).

В 3 часа пошел в Ботанический сад. Встретил Веру Инбер с ее мужем — профессором Страшуном. Гуляли по саду, смотрели пальмовую оранжерею. Здесь в одну ночь после попадания бомбы погибли от мороза все уникальные пальмы. Колоссальный стеклянный павильон разбит. Мертво шелестят на ветру серо-рыжие сухие пальмовые листья. Некоторые срезаны осколками.

В оранжерее, где виктория-регия, тропически тепло. Дан пар. Ботаники вывели тропические цветы заново, и они начинают расти. Распускаются нежные розовые бутоны водяных цветов из свиты виктории-регии. Сама виктория-регия дала только первые листья. Влажный теплый воздух, солнце, запах зелени... Как странно...

В эти дни много мыслей о Западе, его цивилизации и отстраненно враждебном отношении к России, даже сейчас. В демократических массах есть к нам симпатия, тяга и пр., но в целом тот мир *иной*. Я очень почувствовал это в поездках по Европе. Теперь эти ощущения подвыветрились, а забывать их опасно. Мы всецело обязаны знать Европу и США. Это наши соседи, и среди них есть враги и контрагенты. Отставание России можно ощутить еще во многом: потребление на душу, связь, транспорт и т. д. Чудо-

вишнее давление военной опасности долго не позволяло нам заняться всем сразу... В течение двадцати пяти лет не пройти все-таки вековых дистанций. Мы сделали неимоверно много, но впереди еще в десять раз больше задач и планов...

Голову сверлят мысли о причинах бед на Юге... В чем просчеты, недостатки наши?.. Имеют значение и персональные моменты: кто отвечает за Ростов и Новочеркасск?

К семи часам вечера поехали в Филармонию на 7-ю симфонию Шостаковича... Давно я не был в этом старом чудном зале. Ряд встреч. Первая часть симфонии потрясает. Это гениальное раскрытие хода врагов, поступи фашизма по Европе. Мелодия, ее нарастание, эта назойливая автоматически-ритмическая тема — даны необыкновенно. Люди были захвачены: потоки чувств, мыслей, слезы на глазах... Это — страшный 1941 год... Композитор услышал *это*, может быть, в осенние ночи, когда вал немцев подкатывался к Ленинграду. Есть еще несколько сильных частей, но после первой — впечатления не столь остры и душа уже так не отзывается. Финал помпезен, широк, но все это умозрительно, вне мировой драмы. Это еще будущее.

...Война становится все более войной на измор... Нам приходится очень трудно. Нужно думать об осенне-зимней оборонительной кампании. Требуется остановить врага, чтобы он не получил ни Волги, ни Грозного, ни Баку. Тогда 1942 год даст нам — в сумме — положительный итог.

10 августа 1942 года.

Переменная погода... Головные боли...

Отбираю материалы для сборника, заказанного Москвой.

Обстановка на фронтах СССР.

Мурманский фронт. Затишье. Горно-егерские части немцев сняты отсюда и направлены на Кавказ... Резко сократилась деятельность немецкой авиации.

Карельский фронт. Без перемен.

Ленинградский фронт. Противник намерен до зимы попытаться еще раз взять Ленинград. Продолжает подбрасывать войска... Наблюдается движение автоколонн с боезапасом. В последних боях у немцев большие потери... Сильно потрепаны немецкие части под Ям-Ижорой.

На Ладозе. Местные операции наших кораблей, огонь по артиллерийским позициям противника.

На волховском направлении. Местные бои.

На Северо-Западном фронте. На реке Ловати уничтожена одна немецкая группировка.

Калининский фронт. Наступает, стремясь к Витебску.

Западный фронт. Пятый день наступает, есть местные успехи.

На Брянском фронте. Тихо.

На Воронежском фронте. Наши наступают третий день, теснят венгерские части.

На сталинградском направлении. Противник, не имея успеха, бросает силы на Юг.

На Северном Кавказе. В армавирском направлении идут до двадцати немецких дивизий; танки и механизированные колонны немцев растягиваются на тридцати километрах. Противник азартно бросает силы на Северный Кавказ. Возможен немецкий десант на Таманский полуостров. Противник, видимо, думает отрезать Краснодарскую группу наших войск, прижав ее к Черному морю в районе Новороссийск — Туапсе. На Северный Кавказ брошена часть наших резервов, как сообщает иностранная пресса (?).

Таким образом, Юг и, возможно, Ленинград — вот центры современных операций на Восточном фронте.

На Балтийском море. Вернулись еще две подводные лодки. Ими уничтожено семь транспортов. Командир подводной лодки Осипов утопил пять транспортов — тридцать три тысячи тонн. Бомбежки и штурмовки. Отлично действует железнодорожная морская артиллерия — подавлено шестнадцать немецких батарей. Резко сократился обстрел Ленинграда.

Затишье перед событиями. Немцам хочется зимовать в Ленинграде. Что ж, пусть начинают штурм! Мы им покажем!

11 августа 1942 года.

...С.К. вернулась из Кронштадта. Рассказывает много интересного. Была на встрече подводной лодки Осипова. (Наши подлодки работают в тяжелейших условиях. За ними — бешеная охота противника.) Подводникам устроили торжественную встречу, вручили им цветы и живого поросенка! (Где его раздобыли?) Объятия, поздравления и банкет — в 8 часов утра.

12 августа 1942 года.

Обстрел.

Написал листовку по просьбе 2-го отдела.

В сводке. Упорные бои Воронеж — Котельниково. На Северном Кавказе дела трудные: противник у Минеральных Вод. Где и когда его смогут сдержать?

Смотрел эскизы С.К. о Подплаве. Хорошо!

13—14 августа 1942 года.

Солнечный день... Начата еще одна тетрадь...

Последние бои позволили раскрыть группировку и состояние сил противника под Ленинградом — заглянуть в его «нутро». Мы ослабили немецкие позиции и их артиллерийский огонь по городу... Сейчас мы вступаем в фазу новых *активных* операций под Ленинградом. Хотя противник подтягивает некоторые силы, но мы, во взаимодействии с Волховским фронтом, можем предпринять ряд операций серьезного характера (*с участием сил КБФ*).

Положение на Юге (на Северном Кавказе) остается тяжелым. Противник имеет преимущество в силе и технике.

Геббельс кричит: «Что немцам нужно? Хорошо накрытый стол. Они получают хлеб Кубани...» и т. д. Бандит!

...Вчера беседовал с командиром соединения подводных лодок товарищем Стеценко. Подводные лодки опять идут в море. Одна лодка вернулась. Привезла захваченных в плен капитана и матроса с финского транспорта, перевозившего картошку для продотдела финской армии. Пленных кормили «подводным» пайком — они поправились...

Пленный капитан успел прихватить деньги, некоторые личные документы и новый костюм на металлической вешалке. Когда он вышел из лодки с костюмом в руках, на пирсе раздался дружный хохот краснофлотцев. Фигура капитана действительно была нелепа (рассказ С.К., она тоже была на пирсе). Показания пленных — ценны. Полковник Фрумкин предложил мне побеседовать с ними. Я отказался. Вот с немцами — дело иное, поговорил бы.

...Были Крон, Азаров и Штейн. Побеседовали о последних новостях.

Наметил на завтра новый очерк в ЦО о героике Балтийского флота.

Обстрел, свист тяжелых снарядов. Где-то на Петроградской стороне — разрывы.

Написал письмо Е. Дзигану, несколько ироническое, дружеское. В частности, о том, что эта война закончила целый цикл киноискусства (1925—1941). В мире уже много нового... А кино все барахтается по инерции. Правда, отражение нового в искусстве

придет не сразу. Но в 7-й симфонии Шостаковича, в первой ее части, уже есть глубокие познания и раскрытия новых событий.

Написал Дзигану о ряде своих мыслей, о тотальной войне. Написал о таллинских днях, о затмении от дымов — дневной мрак над рейдом, свет прожекторов...

События показали, что (мой и ряда других писателей) путь к трагедии, к монументальным формам был правильным.

В «Правде» от 13 августа — мой очерк о Ленинграде (о последних боях).

...Ночью возвращались с С.К. в Пубалт. Были у литературных друзей. Темно... Тучи... За Троицким мостом — патруль, вдали, как всегда, артиллерийские вспышки. Иногда машины с *открытыми* фарами.

Поток ночных творческих мыслей... Писать, действовать еще сильнее!

15 августа 1942 года.

...После обеда — редкий обстрел. Близкий свист снарядов.

Написал статью «Жить мезью» для «Ленинградской правды». Обдумываю новые темы.

Противник взял Элисту и Пятигорск.

Накал статей и очерков все сильнее. Есть темперамент. Даже газета «КБФ» улучшилась — и фото, и верстка, и шрифты.

В центральных газетах за 13—14 августа прочел свой очерк, статью Эренбурга, рассказ Алексея Толстого, корреспонденцию с Брянского фронта И. Уткина...

В Ленинградском издательстве выходит сборник статей и очерков, в том числе и моих.

Взял в библиотеке два тома Ницше. Хочу узнать некоторые его мысли о немцах.

О ходе войны. Потери в людях у немцев велики, расход их материальных средств — огромен. Понятно, и у нас большие потери. Осложнилась доставка оружия и снабжения южным путем. Поток, шедший через Иран, надо поворачивать на Среднюю Азию. Путь удлиняется.

Связь с Черноморским флотом и с Северо-Кавказским фронтом идет уже через Ташкент. Как все это осложняет борьбу! Но размол немецких сил продолжается. Сейчас постепенно активизируются Ленинградский, Волховский, Северо-Западный, Калининский, Западный и Брянский фронты. Есть уже крупные удары в

масштабе нескольких дивизий. Полагаю, что они будут усиливаться. В бой вводится и готовится к вводу часть резервов сторон.

Потерь в этой войне значительно больше, чем, например, в 1914—1918 годы.

...До пяти-шести миллионов людей в Европе «беженствуют». В лагерях и тюрьмах Германии до двух-двух с половиной миллионов пленных. В Европе убито при преследованиях до двух миллионов человек. Потрясены все основы европейского бытия. На территориях, где прошла война, прямо или косвенно пострадало более ста миллионов человек. Разрушение и гибель материальных ценностей — многомиллиардны.

...В Москву прибыли какие-то иностранные делегации. Видимо, идут переговоры... Есть сведения о серьезных успехах наших войск на Северо-Западном и на Калининском фронтах; в прессе об этом еще не сообщали.

В тылу — здоровые настроения: хорошо работают железные дороги, большое движение на Сибирском железнодорожном пути. От Кирова до Урала строят вторые пути. Урожай в этом году отличный. Засеянных земель больше, чем когда-либо. Много огородов — это поможет горожанам...

16 августа 1942 года.

Весь день работал над брошюрой «Кронштадт». Написал главу «Балтийский флот в войну 1914—1918»; дополнил ряд других; расширил последнюю часть о боевых действиях этой кампании. Получается брошюра в пять-пять с половиной печатных листов. В будущем, конечно, надо сделать книгу по истории Кронштадта.

К обеду дали немислимую розовую (с бензином?) водку.

Телеграмма из «Красной звезды»: «Обнимаем, с интересом читаем в «Правде» ваши очерки. Когда же нам дадите?» Ответил им: «Спасибо за телеграмму. Жаль, что нет добавочной правой руки и добавочных двенадцати часов в сутках. Но раз есть задание — постараюсь прислать».

Сегодня День авиации... За время войны на Ленинградском фронте уже уничтожены тысячи немецких самолетов.

...Днем время от времени свист снарядов... Двойные разрывы — это бьет 11-дюймовая немецкая бродячая пушка. Ее в конце концов раздолбают.

Откуда-то — звуки пианино.

Вечером в 7 часов 30 минут надо идти на митинг летчиков КБФ и Ленфронта...

Митинг. Беседовал с военкомом одной подводной лодки. Записал об их действиях. Говорил с Преображенским и летчиками, которые бомбили вчера Котку. В результате: сильные пожары, сгорел целлулоидный завод.

Вечер, безоблачное небо, угасающая заря... Темнеет все раньше и раньше...

Реактивные снаряды рвались у Финляндского вокзала: есть убитые и раненые. Отправление поездов перенесено на пригородные станции...

17 августа 1942 года

Солнечный, яркий, тихий день... С утра пошли наши самолеты.

В лесах Ленинградской области, в тылу противника, действуют три отряда балтийских моряков. Один отряд — из Кунды — действует блестяще и даже не имеет потерь. Надо взять о нем материал для печати.

Оставлен пустой Майкоп. Все вывезено, разрушено. «Немцы советской нефти не получили и не получают», — гласит сводка.

Достоверное сообщение: Черчилль в Москве. Усиленное движение посольских машин — прибыл целый штат английских и американских советников, военных специалистов и пр. Идут переговоры — видимо, уточнение и координация совместных действий. Настроение в Москве твердое. Предстоящие операции будут, очевидно, связаны с возможными действиями союзников.

Во всей стратегии Гитлера лежит старая континентальная ошибка: Гитлер претендует на мировое господство, на морские пути, но ведет борьбу, не имея флота, отказавшись (убоявшись) от морского прыжка на Англию и повернув «по привычке» на Восток, где и завяз... Противнику подводная война никаких решений за три года не дала. Торговый флот «оси» скован и потерял шесть с половиной миллионов тонн...

Коалиция сохраняет морские пути, базы, *всемирную* связь (в основном не нарушенную ни на севере, ни на юге) и огромные ресурсы...

Три года войны ничего Германии не дали — лишь пространство, усеянное крестами, могилами, и мстителей-партизан (*везде*). Впереди — упорнейшая мощь России и силы США и Англии (цифры, цифры!). Впереди — два или три фронта плюс восстания в оккупированной Гитлером Европе.

На немцев надо без передышки обрушивать лавину наших ударов!

Приехал за материалами военный корреспондент с Волховского фронта. Там готовятся к наступлению. Просят дать статью о Ленинграде: «Бойцы Волховского фронта — на освобождение Ленинграда!» Прошлой зимой лыжники и конный корпус самоотверженно, без отдыха, шли по снегам, но тылы отставали. До Любани оставалось шесть километров; до соединения с Ленинградским фронтом (с Федюнинским) — тринадцать с половиной километров. Гитлер поднял бешеный крик: «Потеря Волховского фронта — потеря 50 процентов войны. Германия погибнет!» и т. д. Говорят, сам прилетел на фронт и погнал резервы. Немцы делали ледяные валы, дзоты и доты. Наши дрались упорно, но их удар стал ослабевать, так как аэросани, боезапас, продовольствие и фураж не подоспели. Фронт снова активизировали, но добиться успеха уже не смогли. Началась распутица... Весной все поплыло. Приходилось кое-где ставить орудия на плоты.

Вторая ударная армия оставалась, как клин, за рекой Волхов. Немцы ударили, закрыли коммуникации армии. Пришлось генералу Мерецкову выручать...

Сейчас фронт стабилен. Обе стороны в окопах (бетонированных), в дзотах...

Нам надо взбодрить, раскатать Волховский фронт...

Из сводок. Сданы Краснодар и Пятигорск...

Черноморский флот — в Батуми. Это *последнее* прибежище.

Когда усилится сопротивление на Северном Кавказе? Задержат ли противника в горах? Как долго там могут длиться операции и есть ли возможность удержаться, пока не скажутся действия других наших фронтов, резервов?

Как все это волнует!

Из разговоров:

«...В окопах все поправились, загорели. Там много ягод, грибов... Вчера немцы обстреляли Финляндский вокзал. Зачем бить по несчастным эвакуирующимся? Убили наших знакомых — мать и сына... Один снаряд разорвался в Неве — всплыла оглушенная снарядами рыба. Жаль, нечем было подобрать...»

Я рассказал своим о действительной обстановке. Внук Людмилы Владимировны пишет:

«Баба, вы мне велите дневник писать, но он будет очень грустный. Потом будешь его читать, а после войны захочешь забыть эти кошмары». Мальчишечка работает у станка, бродит в свободное время в шлиссельбургском лесу около заво-

да, собирает грибы, ягоды на зиму. Там частые бомбежки и артобстрелы.

Браун, Азаров и Крон надеются на отпуск. Писатели в Ленинграде очень устали, некоторые просто *не могут* писать, а их уже хотят проработывать, «рычат» на них. От этого творчество писателей не станет лучше. Ни армия, ни флот не имеют еще серьезного опыта работы с писателями. Поздно стали этим заниматься. Наша работа на Халхин-Голе и во время войны с Финляндией не обобщена, не изучена. Ведь вся работа велась в лихорадочном темпе фронтовых газет, наспех собранных альманахов. Союз советских писателей тоже не успел этим заняться: все оборонные писатели были в работе, в нагрузках. Времени на подготовку, на научные обобщения нам не было дано историей. Многое зависит от работников политуправлений и политотделов. Положение писателя двойственно: он — и военнослужащий, и творческий работник. Многое зависит от уровня писателя, его такта, личных качеств. И в то же время — от уровня, такта, умения редакторов и работников политуправлений и политотделов. В ряде случаев эти «руководители» достаточно недальновидны. Порой берет тихая тоска. Спорить и перевоспитывать их трудно. Только временами даешь отпор, пытаешься установить хоть некоторый порядок.

Центральная проблема революции: *культура* — напоминал, завещал Ильич... Не все успели мы сделать за годы мирного строительства... Не все... А шли верным путем...

18 августа 1942 года.

Коммюнике о встрече Сталина с Черчиллем, Гарриманом, начальником генерального штаба Англии и др. Краткое выступление Черчилля: «Рад, что я в Москве: во-первых, мне надо было высказаться, во-вторых, этот контакт будет полезен; мы будем действовать, как товарищи и братья».

Гарриман: «Америка будет действовать на фронте рука об руку с русскими». Четко (?).

В эти напряженные дни визит Черчилля в Москву чрезвычайно важен, симптоматичен. Может быть, это канун второго фронта? Как раз тогда, когда немцев остановили по всей дуге Воронеж — Котельниково и когда завязывается горная война на Кавказе.

Вот теперь действия свежих англо-американских армий, флотов и авиации в соединении с основным контрударом Красной Армии могли бы дать серьезнейшие успехи. Но не надо, однако, увлекаться... Предстоит еще упорная и, может быть, долгая борьба...

Представляю себе, какое оживление в Москве. И представляю себе нервозность немцев. Получить по затылку — в такой момент, может быть, к 1 сентября! Потоки информации и дезинформации с обеих сторон. Во Франции, в Норвегии, Бельгии, Голландии — вооруженное подполье, безусловно, готовится к борьбе.

Массированный налет немецкой авиации на базу Черноморского флота (Поти или Батуми?). Сбито 23 немецких самолета, повреждено 5.

«Илы» штурмовали Финский залив: потоплено и повреждено 5 кораблей противника, сбито 5 фашистских истребителей и 2 повреждены.

На сухопутном участке нашего, Ленинградского фронта взят новый опорный узел немцев на железной дороге. Уничтожена часть СС; при их психических контратаках убито 120 эсэсовцев. Есть пленные (бои 16 и 17 августа).

Моя статья в «Ленинградской правде» вошла в полосу о мщении фашистам. Написал в газету Ленинградского фронта горячую призывную статью об активности, о том, что немецкое кольцо у Ленинграда не стальное, его можно и надо согнуть, сломать. Надо быть все настойчивее. Привел ряд примеров усиления связи флота и армии.

...Сильнейшие головные боли.

Сбит немецкий истребитель — летчик Иозеф Штайзель взят в плен. Его допрашивали тут же на месте.

Штайзель — кадровый летчик, был во Франции. Сообщил, что на Восточном фронте убит Мельдерс — их лучший ас, имевший на счету 101 сбитый самолет. Убит генерал Биберг, один из старейших летчиков Германии. Сбит король бомбометания — О. Вегнер, находится у нас в плену. Штайзель говорил о том, что русские летчики фанатичны: «Один идет против группы немцев...» — «Будет ломать, таранить...» Против тарана немецкие летчики носят талисман — желтую обезьянку. В конце допроса Штайзелю прочли выдержки из его дневника о том, как он и К. Бишоф пытались изнасиловать на станции Сиверская советскую девушку. «Жизненная струя переборолла мой рассудок. Боже, прости меня (!)». Но они ничего не добились и застрелили девушку.

Скотину эту повели на расстрел. Плакал, что-то бормотал... Вокруг стояли наши летчики, у которых погибли семьи, жены...

Пришли Крон и Азаров, привели товарища, прилетевшего из Москвы. Жизнь в столице идет нормально

Немцев стукнули под Ржевом; их потери — 25 тысяч человек; коммуникации перерезаны.

В «Арагви» бывают шашлыки, зелень, сациви, вино. (Я уже забыл вкус шашлыка.)

Старики писатели — Сергеев-Ценский, Алексей Толстой — работают хорошо... В ССП работа идет расхлябанно. Шолохов с семьей в Камышине. У него убита мать...

19 августа 1942 года.

Солнечный день... С утра написал очерк для «Правды» (5 страниц) к годовщине нашей обороны.

В сводке ТАСС — итоги трехмесячных боев на Восточном фронте...

Разлом врага продолжается — на Северо-Западном, Калининском, Брянском и других фронтах немцы теряют десятки тысяч солдат...

Тон наших газет крепкий, деловой. Промышленность продолжает усиливать выпуск вооружения.

Я полагаю, что ближайшие десять—пятнадцать дней будут отмечены новыми немецкими атаками на Юге. Немцы — пока есть время до удара союзников на Западе и до осенних дождей — постараются еще дальше продвинуться и закрепиться...

За оставшиеся до зимы три месяца немцам на Востоке не добиться решений. Громадность СССР, его мудрость, воля, упорство и техника вновь разбивают немецкие планы.

...Сегодня радиоперехват: на побережье Франции высажен английский разведывательный десант. Идут бои (?)...

Картина все расширяющихся операций.

Вечером были у друзей, сидели до 3 часов утра. Беседа о литературной работе, о войне.

Шли домой (с Невского на Песочную) пешком. Очень устал... Серый рассвет, тишина...

20 августа 1942 года.

Из показаний финского капитана (взятого в плен нашей подводной лодкой):

«Мне 34 года. В деревне есть невеста. Имею трех коров, дом, участок. Сказал невесте, если будет общаться с немцами — убью. Моряки в Финляндии английской ориентации. Сейчас у финнов нет сил выступить против Гитлера: немцы держат крупные части в стране. Финны считают немцев плохими солдатами — они боятся самостоятельно действовать в лесах, привыкли к танкам и к помощи артиллерии. В Фин-

ляндии бывают схватки с немцами из-за женщин. В германских портах — сильнейшие разрушения. Можно купить только эрзац-пиво. Иностранцев в магазины не пускают. В Риге очень голодно. Но всюду, где *только* немцы — в ресторанах и других общественных местах, — есть все, что угодно. В портах работают истощенные пленные. Их подгоняют. В Финляндии тоже голодно...»

Мать капитана получает в деревне: 15 килограммов муки в месяц, один стакан молока в день, 200 граммов мяса на десять дней. Мыла нет. Урожай средний, нет рабочей силы для уборки хлеба...

Солдатам война очень надоела. Как устоял Ленинград — финны не понимают. Им говорили, что русские потеряли в 1941 году много подводных лодок, и если в Балтийском море есть подводные лодки, то это английские. Капитан убедился на личном опыте, что немцы лгут.

Во время походов на транспортах финны слушают передачи из Москвы; эти передачи слушают и жители норвежских портов. Приходят на транспорт и дают финнам «за слушание» продукты — яйца и пр. Норвежцы ждут высадки английских войск и ненавидят немцев. Финны думали, что русский Балтийский флот заперт, поэтому появление русских подводных лодок у их берегов было для них неожиданностью.

Английский десант — *только «рейд»*... Разведка?

Читал комментарии английской прессы к визиту Черчилля... Как будто есть сдвиги.

В газете «На страже Родины» сегодня мой очерк...

Усталость...

21 августа 1942 года.

Солнечно, тихо...

Работаю. Написал еще несколько страниц для «Кронштадта». Подготавливаю материалы для пьесы, начинаю ее обдумывать. Военный совет просит дать эту пьесу к 25-летию Октября.

Широкое награждение бойцов и командиров противовоздушной обороны Ленинграда. Генерал Зашихин получил орден Ленина. В течение года ПВО Ленинграда сбило более девятисот немецких самолетов.

В 3 часа были на заседании правления Ленинградского Союза советских писателей.

...Видел Л. Славина. Он вчера прилетел из Москвы.

— Ну, как Ленинград?

— Сердце дрогнуло, не передать... У города вид пустыни, много разрушений.

— Что вы, чудный летний город!
Все относительно...

Беседовали с Кроном о пьесе. Делали наметки... Кажется, кое-что нашли.

На Неве бои. 1-я дивизия СС была застигнута врасплох. Моряки на катерах ворвались в Тосно и захватили железную дорогу и шоссейные мосты. Командование Балтийского флота руководило операцией на месте. Пятачок взят — там два немецких дота с орудиями. Эти доты обстреливали отряд кораблей Невы и правый фланг НОГа фланкирующим огнем. Сейчас наши продвинулись в Ивановское, наступают на Пелла. Сегодня погибло четыре наших катера.

Тон прессы все крепче. В «Правде» от 20 августа: «Лето на исходе, а немцы далеки от достижения своих основных задач. Гитлер снова обманул немцев». Указывается, что немцы бросили на Восток даже резервы из Африки — от Роммеля (!). «Своими собственными силами гитлеровская Германия не могла предпринять наступление»; в вассальных странах взято семьдесят дивизий плюс легионы «добровольцев»... И все же СССР стоит и будет стоять!..

...Вчерне закончил редактуру моего последнего варианта «Кронштадта». Отдал во 2-й отдел.

К вечеру со стороны Невы — дым... Пожары или дымовые завесы на участке Н-ской армии?..

22 августа 1942 года.

...Написал очерк в «Красную звезду» о патриотах Ленинграда. Есть волнующие примеры, письма...

Думаю о пьесе. Делаю первые наброски.

Информация. Бои у Клетской и Котельниково. Наша авиация бомбила военные объекты в Восточной Пруссии и Восточной Силезии. Это показательно.

...Выходит моя брошюра-листочка о капитане 3 ранга И.М. Вишневым. Подготовил план статьи «Возмездие».

Усталость... В 9 часов вечера поехал с С.К. в «Асторию» к Славину узнать московские новости.

...Душно. Вечером — теплый серо-дымчатый воздух. Пустынная Нева... Какое-то оцепенение... Ленинград выстоит и будет

вновь воспитывать (в своих традициях) дух и сознание тех, кто придет потом... после нас...

23 августа 1942 года.

Солнечно, какая-то дымка. Написал до обеда статью «Возмездие придет».

Обстановка.

Ленинградский фронт. Пришло пополнение для дивизии СС из тысячи пятисот голландцев. Отмечено прибытие шестнадцати-семнадцатилетних немцев-новобранцев. Некоторые из них уже взяты нами в плен. Противник подтягивается к Красному Селу. На море наши штурмовики и бомбардировщики ежедневно топят и выводят из строя сторожевые корабли противника. По ночам немцы минируют район островов Сескара—Лавансаари.

Северо-Западный фронт. Идут бои. Есть продвижение к Старой Руссе. Уничтожаются две окруженные дивизии противника. До пятидесяти Ю-52¹ подбрасывают им боезапас и продовольствие, но наши летчики многих из них сбивают.

Калининский фронт. Нами окружен Ржев...

Ухудшились дела на *Сталинградском фронте*. Противник форсирует Дон в его излучине. Туда прибывают наши резервы, в том числе и морские батареи.

Из *Новороссийска* эвакуировано население. Бои в горных долинах под *Нальчиком*. Противник рвется к *Грозному*...

...В 5 часов 30 минут пошел на оперетту «Роз-Мари». Смотрел спектакль, чтобы вызвать забытые за время войны театральные эмоции, рефлексy; расшевелить творческое воображение, ослабленное напряжением всех сил, усталостью... Спектакль в темпе, веселый и абсолютно... аполитичный. Музыка мелодичная, приятная. Публика принимала шумно, отлично. В финале — цветы, вой и визг девчонок, бросившихся к рампе, чтобы получше разглядеть тенора...

Думаю: как в месяц-полтора сделать пьесу? Где взять легкость, задор, шуточный тон? О-о!.. Ведь со страниц газет смотрят наши люди, повешенные, растерзанные фашистами... Борьба лютая!

24 августа 1942 года.

Отправил материал в «КБФ». Написал некоторые положения для партбюро о работе писателей в «КБФ».

¹ «Юнкерс-52» — немецкий транспортный самолет.

В «Новом мире» (№ 5—6) прочел международный обзор. Есть любопытные, не встречавшиеся в общей прессе политические подробности.

...Весной 1941 года у Гитлера окончательно вызрело решение об ударе Германии на Восток (то есть до завершения западного плана был начат восточный). Этапы: ввод войск в Финляндию в 1940—1941 годах; ввод войск еще осенью 1940 года в Румынию; демарш и ввод войск 1 марта 1941 года в Болгарию; удар по Югославии 6 апреля 1941 года. Это были подготовительные шаги. Гитлер в позднейших речах признавался в ненависти к СССР, а его декларация 22 июня 1941 года гласит, что наконец-то он может высказать свои истинные чувства к СССР, которые ему с таким трудом приходилось скрывать в течение долгих месяцев.

Ныне — затяжная война; дипломатические просчеты Гитлера; огромная трата немецких кадров и резервов.

... На Западе близится наиболее подходящий (по обстановке и метеоклиматическим условиям) для военных операций сентябрь... Вторжение *должно* произойти. Идет какая-то подготовка.

25 августа 1942 года.

Встал в 8 часов утра. Усталость... 11 часов 5 минут — обстрел. Ближко рвутся и свистят тяжелые ресы.

Беседовал с заместителем начальника Пубалта о текущих литературных делах. При беседе присутствовал начальник отдела печати Главного ПУ — бригадный комиссар Токарев. Спросил, не хочу ли я съездить в Москву. Я ответил отрицательно: «Должен работать здесь».

Разведчик-комсомолец Лазарев был взят в плен. Лазарев увидел, что немцы ведут его на наше минное поле. Подумал — и пошел, решив не предупреждать их: «Я погибну, но со мной — и эта сволочь». Дошли и все взлетели. Лазарев был ранен, уполз и добрался к своим... Побывал и в плену, и у смерти в лапах.

«Мы дорожим отвоеванной нами свободой»; «Любим нашу родину, наших детей. За это и будем биться. Помрем за это», — пишут бойцы. Взывать надо к величайшему в русской душе и *через* это идти к бою, к мести...

С ленинградцами мне легко говорить. Они многое выстрадали, но все понимают. Тихо готовятся к зиме, строят печурки, варят свою «хряпу»¹, интересуются политической информацией, вторым фронтом. Люди горды своим упорством, своими подвигами.

¹ Суп из ботвы.

Им дороги даже их страдания. Писатели должны понять эти переживания. Вот в чем задача. Это все вещи серьезные... А поэты и журналисты часто берут «формулу» и долбят ее, долбят. Пишут: «СТОЙ в Ленинграде!» — хотя нам давно пора отбросить немцев от города, идти вперед и гнать врага на запад... И мы это сделаем. Надо брать любое народное, даже обывательское «хочу мира» и вести эту тему вплоть до того момента, когда люди скажут: «Да, путь к миру — в настойчивой, упорной борьбе за него, в данном случае в том, чтобы *выиграть войну*». У нас много пишут о немецких зверствах, а надо, кроме того, описать и показать мир, победу, счастье будущего, контуры будущего общества. Брать *смело* — вести к *этому* и через *это* — в бой!

Где это в прессе?

...Властной руки, огня, смелости, гибкости не хватает нашим военкомам и начальникам политотделов. А молодых способных новых политработников еще *не угадали*...

В значительной мере, думаю я, здесь сказываются недостатки довоенной подготовки и отбора.

26 августа 1942 года.

...Написал группе письмо-инструкцию о немедленном включении писателей в работу газеты «КБФ»: «Никакие ссылки на загруженность Пубалтом принимать не буду».

Общая сводка.

На Севере без перемен...

В Балтийском море потоплен транспорт противника в десять тысяч тонн и конвоировавший его эсминец.

На Ленинградском фронте — бои в районе Ивановского. Противник подтягивает резервы, но успеха не имеет.

...Усилили активность партизаны *Ленинградской области*. За последние дни они пустили под откос восемнадцать немецких эшелонов. Взято много трофеев. В Партизанском крае уничтожено до двух с половиной тысяч фашистов.

В нашем наступлении у Ржева — за последние дни — захвачено более тридцати населенных пунктов. Противник отступает.

Наше наступление идет и на других участках. Активен *Брянский фронт*. Там окружены четыре немецких полка. Наше наступление у Богучара — Серафимовича продолжается. Противник форсировал Дон у Калача и рвется к Сталинграду. У Красноармейска противник выходит к Волге, создавая охват Сталинграда.

На Северном Кавказе — бомбежка черноморских портов. Немцы наступают на Туапсе. Противник в десяти километрах от Эль-

бруса, где ему помогают предатели-проводники. Нами оставлен Моздок. Бои в районе Грозного, но общий темп немецкого наступления замедляется.

С часа до четырех с Кроном и Азаровым обсуждали структуру пьесы, образы, сквозные линии, некоторые сюжетные положения. Есть ряд находок...

Я очень забочусь о музыкальной стороне — народные героические мотивы плюс индивидуальные лейтмотивы.

Есть некоторые интересные ситуации... Чувствуется юмор. Все записываю. Завтра с двух часов будем работать дальше.

...Гулял по городу... Памятник Суворову окружен оранжевыми цветами. Многие ташат с собой связки овощей, трав. Население готовится к зиме, но не хватает водопроводчиков и печников. Кубометр сырых дров стоит 500 рублей(!).

Вечером к 9 часам уже темно. Через мост шли танки — отвратительный шум, стук, лязг...

С.К. с утра была в железнодорожной артиллерийской бригаде КБФ. Видела артиллерийскую дуэль на Неве. Сама попала под обстрел. Зарисовала огонь морских орудий. Наблюдала всю штурмовку.

Сегодня на Неве — новый десант: моряки, части НКВД и пехота. Вели бой за Ивановское. Морская артиллерия поддержала.

У железнодорожной батареи свои позиции... Тут же клумбочки, грядки... Командир с гордостью показывал цветы и огурчики, а кругом и рядом — минированная зона, землянки. (Рассказ С.К.)

27 августа 1942 года.

Бодр... Пишу две листовки о летчиках — Преображенском и Хохлове. Пишу очерк в «Известия».

Сводка Западного и Калининского фронтов. Прорван немецкий фронт!.. Наши окружили Ржев, бои в городе; продвижение на 40—50 километров в глубину немецкой обороны. Признаки хорошие...

Вот для нас и радость, вот и «второй фронт» собственного изготовления. Немцам будет трудно!

...Работали над первым актом, вчерне набросали его. Ряд забавных мест. Сами хохотали. Выйдет! Сделали схематические записи для второго акта. Там надо сочетать и юмор, и драму. Съели по репке, по кусочку белой свеклы и брюкву. Вкусно... После казарменного положения так отдыхают и тело, и душа...

Был в мастерской у С.К. «Уход подводной лодки в море» сделан ею с настроением, хорошо...

Вечером набросал черновик статьи «О нашей газете»; надо взбудоражить балтийских читателей. Писал и вспомнил свою статью на эту же тему осенью 1922 года.

В «Красной звезде» мой очерк «Голос сердца» — о письмах ленинградцев.

Температура воздуха несколько снизилась.

Ночью вспышки — стрельба морских батарей.

28 августа 1942 года.

Двенадцать лет жизни с С.К. В прошлом году в этот день — тяжелый поход Таллин—Кронштадт, в 1940 году — мы в поездке по Бессарабии и Буковине, в 1939 году в этот день мы были на Дальнем Востоке, в 1938 году — работа над «Первой Конной» (сценарий), в 1937 году — возвратился из Испании, и мы — в Сочи, в 1936 году — мы провели этот день в деревне, вернувшись вместе из Франции, Англии, Италии.

Наша авиация бомбила десять городов Германии и в том числе *Берлин*. Хорошо! Урок союзникам.

Черчилль в Палате общин будет делать доклад о поездке в Москву и на Ближний Восток. Это оттяжка или за этим скрыты дела?

С подъемом написал статью-призыв к балтийцам о необходимости писать в «КБФ», о том, что в недрах флота, несомненно, есть нераскрытые таланты, литературные силы — «золотые жилы»...

Генерал армии Жуков назначен первым заместителем наркома обороны. Товарищ Жуков, безусловно, способнейший генерал.

В городе молниеносная реквизиция военных мотоциклов. Видимо — для фронта. Был взят и мой мотоцикл, но быстро возвращен.

К восьми часам вечера поехали на Каляеву. Домашний «ужин», немного водки, настоянной на свежей рябине. Были Крон, Успенский, Рита¹, С.К. и я. Дружески беседовали — о пьесе, о Западе, о всякой всячине...

В направлении финской границы бьет наша артиллерия, и в серо-голубом лунном «венетическом» небе — желтые вспышки выстрелов.

---

¹ М. Файбушевич — актриса.

29 августа 1942 года.

Солнечно, тихо...

Работаю.

В ряде рассказов, пьес, повестей начинают пробиваться пробы оценок воюющей Красной Армии, есть ряд новых типов, описание борьбы отживающих и новых военачальников; проистекающие из этого ситуации, результаты. Попытки анализа (Симонов, Корнейчук, Гроссман, Довженко). Война еще не закончена, ряд писательских положений может оказаться неточным... Но самые попытки анализа войны следует приветствовать.

В Госкиноиздате вышло новое издание «Мы из Кронштадта» с предисловием Николая Тихонова. Узнал об этом из газеты «Литература и искусство». В производство сдана 2-м отделом Пубалта моя книга «Крепость Кронштадт» (четыре с четвертью листа).

Просят написать листовку для немецких и финских моряков.

Мысль: дать голубым карту Балтийского моря, по карте красные стрелы на Хельсинки, Турку, в море; на Кенигсберг, Штеттин, Дания, Берлин. Удары советской авиации и подлодок. К этому текст: «Балтийское море — могила немецких и финских кораблей».

Написал статью для радио к 30 августа — призыв к балтийцам: «Знайте, что у немцев под Ленинградом на окопных работах — дети... Истощенные, избитые советские дети, а эти дети — наша золотая пионерия, друзья балтийцев... Освободите их!»

Думаешь, пишешь, а у самого душа разрывается...

Работал над пьесой. Уточнял второй акт.

К семи вечера поехали в сад отдыха — в театр. Парк, аллеи, публика, даже киоски с «розовой» водой. Смотрели «Русские люди» Симонова. Есть несколько хороших походных сцен; хороши Глоба, старый офицер, есть зарисовки русских типов... Но философии событий, проникновения в нутро войны — еще нет. Была гроза, шел дождь, — это несколько мешало смотреть спектакль.

...Под грудой земли, тут же в саду, лежат зарытые кони Клодта с Аничкова моста... Эпос Ленинграда неизмеримо сильнее бытовой драмы.

В газете «Das Reich» статья Геббельса «Если мы не победим теперь, мы не победим никогда». Справедливо! Не победите!

30 августа 1942 года.
Воскресенье.

Работаю с утра. Детализация второго акта и схема третьего. В общем темп работы над пьесой хороший.

Получил сводку. Подвиг семи балтийцев: держали три дня дом на переправе против сотен немцев (дать в центральную прессу). Горд за моряков!

На Юге двадцать пять черноморцев, возвращаясь из госпиталя, вступили в бой с воздушным немецким десантом (шестьдесят восемь человек), разбили его, взяли пленных, захватили еще один десант.

...Крепнет сопротивление фронтов. Сейчас мы наступаем везде, кроме сталинградского и северокавказского направлений, но и там упорные контрудары...

И под Ленинградом идут дела, — о многом пока молчим...

31 августа 1942 года.

Солнечно... Встал в 9 часов утра. Написал очерк о Балтийском флоте в журнал «Ленинград».

Мысли. Эта война разрушает планы иностранных генштабов. Наши огромные, неучтенные ими народные силы крушат их штабные комбинации, расчеты.

Завтра — три года мировой войны, фактически с прелюдиями к ней — шесть лет. Пути войны неисповедимы. «Прогулка» Гитлеру не удалась. Действуют факторы нашего духа, выдержки, экономики...

...Мы снова бомбили Берлин, Кенигсберг и другие города. В Берлине *сорок девять пожаров*, были и сильные взрывы — это подарок Гитлеру к трехлетию войны. С запада бомбят англичане и американцы (понемногу).

...Немцы бросают в переплавку все законсервированное и трофейное оборудование заводов и железных дорог...

1 сентября 1942 года.

6 часов утра. Радиосводка: «Существенных изменений не произошло». Контрудары у Сталинграда и Клетской.

Солнечно... В последние дни температура воздуха упала. Осенняя прозрачность... Начало учебного года...

Написал листовку к морякам германского флота «Что с вашим флотом?».

30 августа были интенсивные штурмовки и бомбежки авиации КБФ по десантным средствам противника. Уничтожен и поврежден ряд немецких катеров и спаренных глассеров. На неприятельских аэродромах уничтожено и разбито 13 самолетов (летчиками Морозовым, Карасевым и др.). Разбит эшелон из шестидесяти вагонов. Немцы подбрасывают к фронту боезапас. Вчера, 31-го, удары авиации КБФ и Ленинградского фронта продолжались. Сбито и уничтожено на аэродромах еще 45 самолетов противника.

На море с 1 апреля по 15 августа 1942 года балтийскими кораблями и летчиками уничтожено 97 неприятельских морских единиц.

...На Калининском и Западном фронтах продолжается наступление. Иностранная печать пишет об СССР с уважением, ибо шансы на успех Гитлера явно уменьшаются.

Вечером работал над пьесой... Обстрел города...

2 сентября 1942 года.

Работаю над третьим актом. Веду вещь в героическом плане. От оперетты — к героической комедии. Работаю стремительно... Сроки, сроки!

Мысль. Уже 2 сентября... Где же вторжение в Европу? Либо это вопрос дней, либо?..

Под Сталинградом — штурмовые бои. Немцы идут по «дороге мертвых». Все в огне и дыму. Сейчас немцы вновь бросили на прорыв танковые массы. Сводка отмечает ожесточенные бои — немцы вклинились в оборону.

Сталинград — это *узел*, соединение Северо-Кавказского, Юго-Восточного и пр. фронтов. Немцы хотят *разрубить* наши фронты...

Противник убыстряет войну, но в то же время готовится и к 1943 году. Гитлер еще надеется использовать Виши и другие «колонии» плюс удары Японии (может быть, на Дальний Восток, если наше положение осложнится?).

...Немецкая пресса кричала о политическом кризисе в СССР, а теперь пишет, что «было бы ошибкой ожидать крушения России»...

О японском флоте.

1) В базах метрополии: 11 линкоров, 7 авианосцев, 9 крейсеров, 8 легких крейсеров и 80 эсминцев;

2) Алеутские острова: 1 крейсер, 1 легкий крейсер, 1 авианосец и 16 подводных лодок;

3) Южно-Китайское море: 5 легких крейсеров, 6 канонерских лодок, 12 эсминцев и 16 подводных лодок;

4) Мандатные острова: 2 линкора, 2 крейсера, 3 авианосца, 3 легких крейсера, 6 эсминцев, 9 подводных лодок;

5) северные воды Японии: 3 легких крейсера, 20 эсминцев, 2 минзага, три бригады подводных лодок;

6) Маршалские острова: 30 подводных лодок...

Японские суда появляются у советских берегов Сахалина и северного берега Охотского моря...

3 сентября 1942 года.

...Написал черновик второго акта пьесы. Этот акт и третий — решил и написал (в основном) я. Крон пишет первый акт — более комедийного плана.

Сегодня был отличный обед: два бокала вина, семга, зелень, борщ и каша с консервами, компот, папиросы, печенье. Народ удивлен, оживлен. Секрет раскрылся: уходит заведующий салоном и кают-компанией и на прощанье «раздает» сэкономленный им запас... Если бы эти завывы почаще уходили!

В 2 часа дня поехал во Флотский экипаж. Там прибыло пополнение до тысячи пятисот девушек для работ саперами, шоферами, связистами и пр. На 85 процентов — колхозная молодежь Молотовской области, с Урала. Здоровые, ширококостные... Собрались в клубе. Охотно провел доклад-беседу. Рассказал им о героизме флотской молодежи... Ряд примеров насторожил аудиторию, тихие девичьи «ах». (Рассказ о подвиге и смерти Александра Закусова...) После доклада — фильм...

4 сентября 1942 года.

Проснулись в 9 часов. Открыли шторы — солнце, сад... Отлично... Завтрак: по кусочку цветной капусты с огорода Матюшиной, кофе, поджаренный хлеб... Весело... Мы перекидываемся словами, зубоскалим...

Сел и сразу написал третий акт. Работа напомнила мне чем-то 1930 год, лето, залпом написанный «Последний решительный» с его политическим устремлением, музыкальными номерами, пародиями, монологами, эмоциями. Вещь будет!

В 12 часов 15 минут приехал по нашему приглашению товарищ Янет — художественный руководитель Театра музкомедии. Краткая вводная беседа; я обрисовал обстановку, некоторые образы; все настроились... Крон прочел вводную часть первого акта... Я

подхватил... Первые реакции взвешивающего, скептического, бывалого Янета — он все берет «на зуб». Читаю второй акт, мой любимый. Пьеса нашлась от мгновенной идеи дать флотскую песню «Раскинулось море широко» в драматургическом решении. Я тогда же театру — в начале августа — об этом сказал.

Читал я в своем стиле, на полном накале. Сам взволновался... Янет был захвачен... Почти до слез... Краткий перерыв. Читал я с подъемом и сам себе, до конца, раскрывал суть, образы, музыкальную и духовную ткань пьесы... Прочел третий акт — все шло хорошо. Читал два с четвертью часа.

Янет:

— Замечательная вещь, это музыкальная поэма... Это о Ленинграде!..

Жал руки, вскакивал... Словом, был *взят!*..

Давно я не испытывал такого удовольствия... Десять лет я не писал пьес. Все отдал кинематографии... Сколько она сожрала моих сил! Куда делись «Мы, русский народ», «Первая Конная», «Бессарабия»? Хорошо, что хоть «Мы из Кронштадта» и «Испания» вышли на экран...

— Музыка мы, конечно, поручим флотским композиторам... Декорации — Софье Касьяновне Вишневецкой. Она знает, сделает... Вы по-своему повернули жанр, у нас такого не было.

Приятное ощущение успеха...

...Азаров, Крон и я выпускаем шуточный «Боевой листок» — «соединения»¹ трех авторов... Подхлестываем сами себя... Сегодня попало Азарову.

5 сентября 1942 года.

Солнечно, прозрачно... Голубое небо.

Последние дни — ожесточенные воздушные бои...

Встал в 8 часов 15 минут. Работал снова над вторым актом.

Азаров вдумывается в жанр, стиль пьесы.

В 12 часов — в Пубалт. Мне звонили из Военного совета. Начальство уже знает о предстоящей читке. Интересуется... У меня подъем, то замечательное состояние духа, в котором можно черт знает что сделать. Это от прикосновения к искусству, к иллюзии природы.

С.К. до 15-го уедет на форт «П» показать там свои картины. Она шеф форта, поможет заодно наладить клуб.

¹ Вс. Вишневецкий в шутку подразумевает воинское соединение.

...Написал статью — ответ на письмо вдовы убитого капитана-краснознаменца Половинкина. Письмо ее — залитое слезами — призыв к мести. Думаю, что моя статья вызовет много «выстрелов мести» на балтийском участке.

Беседа с Героем Советского Союза Преображенским:

«Сейчас наша авиация наносит удары по городам Германии в шесть — десять раз сильнее, чем в 1941 году. Работают новые советские бомбардировщики и усовершенствованные старые... Кадры немецких летчиков ухудшаются, а у нас на одного летающего приходится пять-шесть летчиков *в очереди*. (Резервы и еще неиспользованные кадры.)».

О союзниках он говорил сдержанно и несколько скептически.

Сделал доклад молодежи Выборгского района. Говорил крепко, с подъемом. Встретил молодого летчика, с которым познакомился в прошлом году на вечере МЮДа. Он уже капитан — два ордена и золотая нашивка. Ранен в лицо, несколько деформирован нос. Познакомился с восемнадцатилетним снайпером Корольковым. Бывший повар, маленький, тихий, сержант, на груди — орден Красного Знамени и значок снайпера. Уже убил сто сорок два фашиста. Он рассказывал о снайперской практике: иной раз выжидают по шесть часов; бывают и снайперские дуэли.

Вечером хорошо работали над пьесой. Свеча догорела, — стали жечь шнурки от ботинок...

6 сентября 1942 года.

...Днем был в ПУ. Обед: чарка вина, салат овощной, пустой гороховый суп, рис и немного мясных консервов, флотский компот. Все это в сравнении с зимним и весенним питанием — роскошь. Но все мечтают о мясе. Свежего жареного мяса, с кровью! Овощи есть, иногда молоко.

Заходила Вера Инбер с мужем. Она была в Кронштадте, провела двенадцать выступлений, устала. Рассказывала морякам об Одессе, о своем пути, о своем творчестве. Моряки в ответ: «Вот наша одесская мама!»

Писал весь день. Пьеса завладела моим воображением, мыслью. Образы уже сами живут и действуют, следуешь их внутренней логике. Будет большая психологическая роль Чижова (роль была бы для Игоря Ильинского). Писал, внутренне развивая некоторые свои прежние опыты. Сделаны: роль немецкой опытной шпионки; роль советской разведчицы — героико-лирическая;

роли четырех моряков — боевые, но менее глубокие и ряд ролей второго плана.

Приятно, бодро. Воздух — чистый, сад... Ночью — звездное небо и мысли, мысли...

7 сентября 1942 года.

...Работаю. Написал картину «Высадка разведчицы». Она и напряженная, и лирическая... Не знаю, хороша ли эта сцена, но у меня, когда писал, слезы набегали на глаза... Пьяниссимо... Зазвучит в ночи старая флотская песнь «Раскинулось море широко» — песнь прощания, тоски, тревоги...

11 часов. Несколько орудийных выстрелов... Громко, сильно поют бойцы проходящей воинской части... Проглянуло солнце...

Наш домик хотят сломать на топливо. Послал в исполком, горком и райисполком просьбу сохранить домик. Маленький дом... В нем так хорошо...

Работал до ужина. Мы шутивно соревнуемся. Выпускаем ежедневный «Боевой листок». Вставляем туда иной раз острые шпильки друг другу.

Пока я иду первым: закончил весь второй акт, готов черновик третьего акта. Завтра напишу, вероятно, половину третьего акта. Пьеса сюжетная, динамичная...

8 сентября 1942 года.

Сводка. Наши контрудары под Сталинградом. Под Ленинградом уничтожено 30 немецких самолетов на их аэродроме.

...Из военных разговоров. Наступление Ленинградского фронта развивается... Взят: Ивановское, Пелла, Отрадное. Немцы оттягивают тяжелую технику из шлиссельбургского мешка. Наши непрерывно бомбят Тосно—Красногвардейск. Там пожары. Надеются к 25-летию Октября освободить большую дорогу, то есть Октябрьскую. Фронт Мерецкова нажимает, и немецкие сводки это признают.

В городе сносят много деревянных домов — в Володарском районе снесено уже более тысячи. Жаль... Но, с другой стороны, это расчистка города для будущего и топливо для настоящего... Есть сведения, что немцы готовятся бомбить нас, вызвать пожары в городе, чтобы уничтожить перед зимой запасы топлива. Ну-ну!.. Суньтесь!..

Были директор Музкомедии и Янет. Побеседовали о пьесе, о необходимости изучения морских объектов, о цикле лекций перед началом работы и т. д.

...Взят в плен немецкий летчик. Он показал, что через десять—двенадцать дней начнется сильный обстрел и бомбежки Ленинграда, что с юга к Ленинграду немцы перебросят тринадцать дивизий и три воздушных эскадрильи, что идет подвоз боезапаса. Сведения серьезные. Ну, с честью встретим бой!

Приехал Пронин и др. Привезли материалы о шлиссельбургской крепости Орешек. Второй год ее удерживают бойцы — морская пехота и батарея. До противника сто восемьдесят метров. Стена бывшего тюремного корпуса крепости сильно разрушена.

Сегодня объявлены награждения шлиссельбуржцев.

...В 11 вечера к нам приехал член Военного совета Смирнов.

Я поднял тему борьбы за Ленинград:

— Кто осенью 1941 года создал перелом? Как?

Смирнов:

— Жуков... Не считался ни с кем... Работать приходилось с огромным напряжением... Бывало, батальоны формируешь за два часа...

9 сентября 1942 года.

В 9 утра — немецкий разведчик. Стрельба зениток. Солнечно...

Работаем бодро. Проверили первый и второй акты, нашли дополнительные детали плюс музыкальную тему немцев... Заканчиваем все детали в схеме третьего акта. Наметили места хоров, песен и пр.

Секретарь горкома сообщил, что наш домик № 10 по Песочной сохраняют...

Читка пьесы 12-го в 12 часов дня... Ну, вперед!

Из фронтовых новостей. От района Ивановское—Отрадное до участков нашей Н-ской армии, нажимающей на немцев с востока, только двенадцать километров. В ближайшие дни, может быть, в эту ночь, ударят две-три наших дивизии (Краснов и др.).

На Западном фронте — упорнейшие бои во Ржеве. У немцев обороняются штрафные батальоны. Отступать им некуда — сзади их ждет расстрел...

10 сентября 1942 года.

...Работаю над пьесой, и из-под тяжелых пластов будней и всеподавляющего военного начала—«Убей!» — опять проступают начала духовные, творящие, пылливо-созидательные: «Роди, создай!»

Закончил пьесу в 12 часов 20 минут. Внутренний анализ. Состояние — как перед премьерой. Взвешиваю возможные про и contra¹. Уверен, что читкой возьму...

11 сентября 1942 года.

...Отредактировал первый акт. Шлифую. Внутреннее волнение.

Прочел еще раз речь Черчилля. Впечатление неважное. Нужно достать дополнительную информацию для выступлений.

В ЦО — «Правде» — передовая об обороне городов: «Второго фронта нет, мы ведем войну один на один».

Речь Рузвельта: «Убей, или убьют тебя!» (Ага! Начинают понимать как будто...) Дает перспективу на 1943 год: усиление потока войск и грузов. Россия дерется блестяще, и немецкая армия вынуждена будет провести еще одну зиму в русских степях и лесах. Ряд решений о совместном ударе в Европе: «Есть до десятка пунктов для вторжения...» и т. д. *А сроки?*

Работаю. Горят три свечи... По радио передают скрипичный концерт...

Работаем до полуночи — шлифовка пьесы. Нева вздулась... Ветер... Усталость...

12 сентября 1942 года.

...Сдан мой родной Новороссийск². Ожесточенные бои у Моздока. Атаки гвардейских частей в районе Синявино — на помощь Ленинграду.

Ждем литературного боя. Я внутренне спокоен, последние штрихи, дополнения и пр.

Приехали на читку. Фойе театра... На столе красное сукно... Зеленые лампы... Присутствуют: член Военного совета КБФ, секретарь горкома, пресса, актив труппы.

¹ За и против (*лат.*).

² В Новороссийске в 1920—1921 годах Вс. Вишневецкий служил в Черноморском флоте.

Прочел пьесу. Началось обсуждение... Молчание и выжидание. Ответственные лица, Н. Пельцер¹, Н. Тихонов, ведущие артисты высказались определенно положительно: «есть новое», «синтетично», «талантливо», «это наше», «расцеловать за роли» и т. д.

Деловое обсуждение в Пубалте назначено на 14 сентября и 15-го — снова в театре.

Усталость... А в 6 часов надо ехать на доклад в лекторий.

Нами брошен новый десант через Неву; взята Московская Дубровка. На переправе действуют моряки. Между фронтами менее десяти километров. Неужели мы накануне прорыва кольца?

Большая честь в эти дни написать пьесу. В ней есть перегрузки, нужны подчистки, дорисовки, но в целом это будет оригинальный синтетический спектакль.

В 6 часов поехал в Ленинградский лекторий. Сделал доклад...

Жестокие бои у Синявино: перебито до шести тысяч фашистов. Они предпринимают контратаки, чтобы не дать прорвать блокаду Ленинграда...

13 сентября 1942 года.

Начальство разрешило мне переехать из Пубалта в домик. Здесь спокойнее работать и почти рядом с ПУ.

Написал новую схему распределения музыкальных номеров в пьесе. Кое-что улучшил. Делаю сокращения. Деловая беседа с Кроном и Азаровым: «Темпа не сбавлять. Завтра, с 10 утра, даем пьесу на машинку».

Час-два некоторого отдыха.

...Голод еще ощутим в городе. Люди подбирают оброненные с грузовиков капустные листья, сушат травы и ботву (на зиму). Пучок редиски на рынке стоит 30 рублей, маленькая брюква — 10 рублей. Иждивенцы получают по 75 граммов мясных консервов, первая категория — 300 граммов.

В газете — речь Гарримана. Она еще горше для нас, чем речь Черчилля. Ясно, что есть крупнейшие принципиальные расхождения между Англией, США и СССР. «Союзники не могут приступить к немедленным действиям». «Где бы ни проходил фронт в России, немцы застрянут там на зиму» (что и нужно Англии и США). Очередные комплименты русскому народу...

Если все эти речи, статьи и прочее не грандиозная игра с целью сбить с толку Гитлера, то, видимо, дело со вторым фронтом серь-

¹ Балетмейстер и солистка Театра музкомедии.

езно затягивается. «Таймс» и другие газеты признают затяжку — «пятно на Англии» и т. д.

...Если Англия и США не выступят осенью, Гитлер усилит удары на Востоке. Может быть, ожесточенные штурмы под Сталинградом и есть результат заминки со вторым фронтом — у немцев все еще развязаны руки.

Звонил член Военного совета товарищ Смирнов. Хочет иметь пьесу с машинки. Есть! Перепечатку и правку сделаем к 16 сентября. Правлю второй акт. Днем немного походил по нашему садику.

...В 7 часов пришел Николай Тихонов. Его как-то взволновала вчера читка пьесы. Он попросил разрешения прийти к нам. Рады... Пришел точно. «У вас тут, как в голландском домике, а в Морской академии вы жили, как пираты в старину, — в каких-то руинах. Ветер выл, а вы поджидали, кого бы сцапать на рифах, на отмелях... Хо-хо!»

Мне кажется, что Тихонов с детства видит мир романтизированным, любит все «чрезвычайное, необычное, отстраненное». Сидели в нашей комнате и беседовали до самой тьмы. Во многом внутренние литературно-философские ощущения наши совпадают. Западная литература с трагическим вопросом: «За что?» (о войне 1914—1918 годов), литература и французская, и английская, и американская, и — с другой стороны — немецкая (Ремарк и др.) кончилась 1 сентября 1939 года... Новая война *по-новому* освещает всю войну 1914—1918 годов.

Литература сейчас только «варится», все в переоценках, в перестройке.

Тихонов говорил о своей работе... Хочет написать трехчастную поэму о Кавказе, о Серго, о горцах, о людях старого и нового века, о взаимовлиянии, о процессе изменения сознания, о проблеме Кавказа в истории России... Тяга России к Кавказу извечна, неистребима, органична. Говорили о Грузии, об ее природе и истории, о встречах с грузинами...

Рассказывал Тихонов о своем литературном пути. Начал писать лет четырнадцати (в 1910 году); писал о войнах, исторических потрясениях... «Откуда эти предчувствия?» — «Поколение тогда жило, видимо, войной».

Во Франции в 1935 году на Первом конгрессе писателей слова Тихонова о близости войны вызвали усмешки и возражения Мальро и других: «Это только впечатления от поездки в район исторических мест Соммы и Вердена». В книге Тихонова «Тень друга» удивительно точно переданы ощущения европейских бед и приближение катастрофы для той же Франции.

Говорили о некоторых суевериях, о том, что война обострила эти начала в людях...

Засиделись до одиннадцати часов вечера... Подарили Тихонову «букет» для его жены: цветную капусту с нашего огорода. Шутит: «Меня не задержат? Скажут, с чужого огорода». Завернули на всякий случай капусту в газету.

Беседа как-то внутренне взбудоражила литературные эмоции и мысли...

Опять и опять о городе, о Ленинграде. Хватит ли сил изобразить наш город в 1941—1942 годы? Город, где Эдгар По казался бы только бытовиком!

Догорает свеча...

14 сентября 1942 года.

Работаю. Отделка второго и третьего актов. Нашел ряд хороших мест: усилил роль «старухи» — Марьи Астафьевны. Она должна быть несколько перезрелой красавицей из народа, душевной, забавной. Вышло! Продумываю отдельные дополнительные штрихи.

В 12.45 приехали Янет и директор. Они всецело за немедленное начало репетиций. Завтра в 12 часов услышим о решении.

Весь день — до головной боли — работали с композиторами. Сделали всю музыкальную разметку. Слушали ряд пробных номеров и вариаций.

Месяц величайших лютых боев под Сталинградом. Горит земля! Немцы пишут, что «русские дерутся, как звери, целыми сутками поливают нас огнем». «Русские превзошли себя» — из речи Ламонта в Нью-Йорке. (Желаем того же и американцам!)

15 сентября 1942 года.

...В «Знамени» № 7 прочел очерк «Германские колонизаторы на Украине». Второй год там идет какая-то «деятельность» — немецкая администрация, частники, петлюровцы, продажные журналисты, какие-то «теоретики», немецкие инженеры, немецкие акционерные общества и т. д. Читать об этом — мучительно. На Украине все было так близко, так дорого нам.

Жесточайшие бои у Сталинграда, у Моздока (в горах выпал первый снег).

Вчера Ольга Константиновна рассказывала о своем прошлом... Рассказывала Матюшина и о Маяковском, — как он, художник Малевич и другие громыхали в комнатах, где сейчас пишем, шу-

мим и спорим мы... Задумчивый, хмурый Хлебников часами сидел в углу, забывая о еде. Однажды все пошли на костюмированный бал в Медицинский институт. Хлебников был одет римлянином. Встал в римской тоге на лестнице и молча простоял часа два. Потом вышел без пальто на улицу, где его немедленно забрали горюховые: «Сумасшедший!..»

Бригадный комиссар Рыбаков о нашей пьесе: «Споры, может быть, пойдут с гражданскими организациями — вытянет ли Музыкальная комедия вашу пьесу, сумеет ли театр преодолеть свой опереточный жанр? А замечаний по военно-морской линии у меня мало...»

Говорил дружелюбно (обычно он угрюмый).

К двенадцати часам в солнечный прохладный день помчались на мотоцикле через Троицкий и Марсово поле на обсуждение пьесы. Задорные, мы влезли на мотоцикл все трое, как экстренный вызов десантников. Забавляемся, озорничаем... Прохожие, наверно, думают: «Морячки с утра уже выпили...»

В театре дружная встреча — очень хвалят пьесу. Обсуждение прошло на хорошем уровне — много похвал, серьезных мыслей, замечаний, советов. Все это у меня записано в «деле» пьесы «Раскинулось море широко».

Решение: ставить пьесу... 19-го читка всей труппе. (Ох, устал...) 20-го — первая репетиция.

Послал письмо и телеграмму Таирову о том, что написана героическая комедия о балтийцах, о ленинградцах. Таиров с театром в Барнауле. Театр выезжал на фронт с «Оптимистической».

...Гитлер признал, что 1942 год ему не даст развязки!.. Внутренние осложнения в Венгрии: убийства близких к Хорти людей.

Передача по радио: вернулась подлодка Грищенко. Командующий флотом говорил горячо... Пахнуло 19-м годом...

16 сентября 1942 года.

Встали к девяти часам. Солнечное прохладное утро... Ежимся от холода: дверь в сад — настезь...

Ощущение творческого порыва, радости проходит — пьеса уже написана... Началась фаза критики, обсуждений, забот...

Обдумываю новую пьесу...

Из флотских дел. На Лавансаари два-три раза в день бомбят. Это крайняя западная точка СССР (в данный момент)... Обстановка в Финском заливе трудная. Засады против наших лодок...

От меридиана Хельсинки до эстонского берега к West'у девять параллельных рядов антенных мин. Фашисты постарались. Наши подлодки проползают чудом...

Наш десант на Дубровку не удался: части отошли опять на правый берег Невы.

Ненадолго остался один. Разбираю библиотеку художника Матюшина. Есть хорошие старые книги. Так хочется сидеть и читать, читать... Но в 7 часов надо идти на «Полярную звезду» выступать на митинге (новый отряд подводных лодок уходит в море).

На митинге выступали: командующий КБФ и несколько командиров-подводников. Хорошо говорил главстаршина с лодки Вишневецкого. Он потерял отца и брата — партизан... «Мстить!»

Говорил командир, утопивший финский транспорт. Последним выступил я...

17 сентября 1942 года.

Сильная ночная канонада... Дождь...

Работаю над шлифовкой второго акта. Работал весь день.

Говорил по телефону с С.К. Она на форту. Была больна... Сейчас поправилась. Ходила на катере в дозор к финским берегам. Штормовая погода помешала ей перебраться на сестрорецкий берег и быть на читке. Вернется в ближайшие дни.

Вчера был Зонин, вернулся из похода, много рассказывал...

18 сентября 1942 года.

Сводка. С северо-западной окраины немцы ворвались на улицы Сталинграда, но в ожесточенных боях были уничтожены.

США дают 35 процентов поставок для СССР; 35 процентов — для Англии; остальные — на Ближний Восток, то есть той же Англии (!). Явно *неравномерное* распределение.

Был Янет — он увлечен постановкой, фантазирует, глаза блестят. Торопит. Пришли композиторы. Они играют, а мы пляшем, поем. Трясется пол нашего домика. И тут же деловым образом все взвешиваем и «пробуем на зуб». Есть хорошая балтийская песня, несколько арий, два чудных одесских мотива... Будет дело! До слез берет ария Елены в плену.

Работали весь день. К шести вечера сдали всю пьесу на машинку. Идет страница за страницей... Улучшил третий акт, некоторые ситуации стали напряженнее. Чижов выпрямляется, излишняя психологичность снята.

Усталость... В 7 часов партийное собрание. Сумерки, деревья шумят за окном... Зажгли свечу. Разбирали вопрос об участии работников Политуправления в устной агитации. Доклад Корниенко... Прения... Корниенко на вопрос: «Кто лучший агитатор в Пубалте?» — ответил: «Вишневский». А почему они не вырастили молодых? Я предложил вести учет, собрать молодых агитаторов, поработать с ними. Это принято.

...Синявинская группа в *четырёх* километрах от Невы, — упорное сопротивление противника.

19 сентября 1942 года.

...Город — осенний. Числа с пятнадцатого все стали ходить в пальто. Лето пролетело быстро. Жить все труднее... Работа над пьесой в солнечные дни первой половины сентября была моим прощанием с летом. Сегодня ночью сильные заморозки.

Бои в черте Сталинграда. Воронеж сумел удержаться. Тула тоже. Пример Ленинграда известен. Как будет в Сталинграде?

Прочел статью Оки Ивановича Городовикова об использовании конницы. Современная техника сузила ее значение. Только в отдельных случаях конные корпуса и дивизии смогли при *умелом руководстве* добиться успехов.

У немцев появляются новые типы самолетов: истребители «фокке-вульф»; разведчики; бомбардировщики ДД¹ и т. п. (данные из армейской газеты).

Прибыл вице-адмирал А. В. Немиц. Работает консультантом в наркомате. Пишет доклады по ряду военных вопросов. Прошлой зимой упирал на комсостав, его организаторские способности, волевые качества и пр. Недели две тому назад он говорил: «Нам надо продержаться еще полтора месяца — тогда справимся и без второго фронта». Англичанам не верит... В ответ на записки стучит палкой и говорит: «Немцы будут разбиты...» Помню адмирала по походу 1924 года с Михаилом Васильевичем Фрунзе — тогда эскадра ходила к Балтийским проливам.

Дал выправленный текст речи на митинге у подводников в «Красный флот». Просят дать целую полосу.

...В «Морском сборнике» готовится материал о боевом содружестве России и Англии. Найдены материалы об участии русских в Трафальгурском бою. Это симптоматично!

¹ Дальнего действия.

Вечером собрались: Крон, Азаров, Штейн и др. Тихо беседовали о морской и литературной всячине. Устроили ужин в складчину (по две рюмки водки, по стакану плохой мадеры, селедка, бутерброд, соус из брюквы, одна тарелочка риса с мясными консервами на всех, кофе-суррогат).

Политруки Ленинградского фронта разбирают с бойцами пьесу Корнейчука «Фронт». В ней поставлен вопрос о новом молодом генералитете. Подтекст — об единоначалии. Ряд откликов, разговоры. Есть недовольные — из «старых».

Шел по городу. Тепловатая осенняя ночь... За всю дорогу — от Невского до Песочной — всего два-три прохожих. Три проверки документов. Я не имел последней буквы-шифра. Но все-таки пропустили...

С.К. должна завтра вернуться с форта «П»...

*20 сентября 1942 года.
Воскресенье.*

...Немцы подтянули к Ленинграду и на Волховский фронт до семи дивизий (из Крыма), осадную артиллерию и самолеты.

...Нами готовится новый удар у Дубровки. В добрый час!

...Читаю две пьесы Крона: «Винтовка...» и «Наше оружие». Первая пьеса — юная, наивная, схематичная, но есть в ней тепло и доверие к людям.

Вечером приехала С.К. Рассказывала про форт, про катера «МО». Она ходила в дозор, мерзла, и с вечера до рассвета ее качало на волнах в дрейфе. Рисовала на форту, оформила клуб, обучала молодежь. На форту напряженно — боевые тревоги и пр. Кронштадт в последние дни часто обстреливали... Пожары... В дозоре С.К. наблюдала ночные полеты наших бомбардировщиков на Финляндию. Не вернулся — один...

В Финляндии кризис все глубже, но оторваться от «оси» финны не могут, — они во власти жестокого немецкого контроля.

21 сентября 1942 года.

Заморозки... С утра солнце, прохладно. Завтра на рассвете — пятнадцать месяцев войны.

Сталинград контратакует! Молодцы! Дерутся упорно и у Моздока.

Под Синявино наши жмут с трех сторон. Смотрел сегодня карту... Да, целый год — пробка на Синявино и на Мгу... Пробрить надо «всего» четыре-пять километров... «Всего!»...

На Ладоге гонят и гонят грузы: на понтонах — вагоны, паровозы из Ленинграда на восточный берег; оттуда гонят цистерны на буксирах, вплавь. На озере появились итальянские торпедные катера. Один катер (штабной) захвачен нашими «охотниками». С конца августа возобновились воздушные удары немцев. В шлиссельбургской крепости Орешек осталось пятьдесят моряков. Это кадровая лихая молодежь. Убито пять, ранено двадцать, но все раненые вернулись в строй. Живут в подземельях, страдают «куриной слепотой», но не уходят. Вылезают и из 45-миллиметровых пушек по-снайперски бьют по немецким амбразурам на двести—триста метров. Потом утаскивают пушки в окопы. Стреляют и из 76-миллиметровой разболтанной пушки, изобретают свои способы.

У немцев до 30—40 процентов, порой 50 процентов 8-дюймовых снарядов *не рвется*. Наши после обстрелов их подбирают. Это называется «искать поросят»...

Поехали с С.К. в 11 часов в театр. Я прочел пьесу всей труппе...

Труппа дала о пьесе отличные отзывы. По-видимому, в комедийном жанре мы сделали что-то нужное, новое... Итак, «Раскинулось море широко» живет!

Холодно... Заметно желтеют листья... Ранние заморозки вредно отражаются на еще не убранных огородах. Среди населения опять слухи о предстоящем штурме Ленинграда.

22 сентября 1942 года.

...Сталинградцы контратакуют противника, уничтожают целые полки фашистов. Ожесточенные, небывалые бои. Непрерывные атаки с применением огромного количества техники. Дерутся за каждый дом.

Упорные бои юго-восточнее Новороссийска — у берегового шоссе и перевалов. Там наша морская пехота.

На Кавказе — применение горных методов... Охотничьи и истребительные команды, засады и пр. Под Моздоком — кровопролитная битва в долине.

О «вторжении» союзников ни слуха ни духа!

...Прочел центральные газеты за 18, 19, 20 сентября,— наконец пришли из Москвы самолеты.

Ночь... Крон уехал на аэродром, летит в Москву. Дали ему ряд поручений: об издании пьесы, книгах и пр.

Читаю Эдгара По. Хочется проверить, как он воспринимается сегодня...

Сильный артиллерийский огонь...

Мысли о литературе. Зимой надо писать новую пьесу — о Ленинграде, о времени, о духе людей и вопросах истории.

23 сентября 1942 года.

Тихо, несколько потеплело, облачно...

Днем — тяжелый гул орудий... Противник перебросил из Крыма под Ленинград дивизию 11-й немецкой армии и осадную артиллерию. Генерал Манштейн на Ленинградском фронте.

Работал с режиссером Янетом, композитором и С.К. Экспликация второго и третьего актов, уточнения...

...Идут приготовления сторон к штурму Ленинграда и отражению этого штурма.

Усердно ломают деревянные дома. Городу надо два миллиона двести тысяч кубометров дров. Задание Ладожской флотилии по перевозкам повышено на 100 процентов. Идет подготовка к зиме...

24 сентября 1942 года.

Потеплело... Солнце сквозь облачную пелену...

О Западе информации мало. Немцы выкорчевывают в Бельгии, Франции, Люксембурге все прогрессивные элементы.

Во Франции созданы отряды «вольных стрелков».

«Если война еще продолжится, в Польше не останется интеллигенции. В Кракове бегают поляки-рикши» («News Chronicle»¹).

Гул, сильная артиллерийская стрельба.

Начали бить зенитки. Стрельба...

В 12 часов радио. Атаки противника в районе Сталинграда отбиты. Массовые воздушные схватки. Город горит, атакуют — немцы, итальянцы и пр.

Наши бьются упорно — ведь Волга позади...

Днем в ПУ. Сдал в перепечатку сборник статей покойного Е. Лаганского. Известил его семью.

Взял для дополнений свою рукопись «Кронштадт». Сделаю еще главу и дам в Ленинградское издательство.

¹ «Ньюс Кроникл» — английская газета.

Написал для всех многотиражных газет КБФ статью о текущем моменте, о новой фазе войны и задачах балтийцев по обороне Ленинграда. (Прямая подготовка на случай штурма.)

Азаров в скором времени закончит последние тексты песен. Сегодня проверяли музыку семи номеров.

...К ноябрю надо взять у всех писателей группы отчет за тринадцать месяцев их работы.

25 сентября 1942 года.

...В Ленинграде всемерно экономят топливо. На перевозку и заготовку овощей дано сто тонн бензина, пять тонн керосина. Заготавливают спешно — к 10 октября надо все закончить. Выделены воинские команды и пр. Город будет обеспечен. Подвозят и с Ладоги.

Противник опять вклинился в нашу оборону под Синявино. Сталинград бьется упорно. Каждый дом — крепость.

К одиннадцати часам — в театре. Первая читка пьесы по ролям, за столом. Идет неплохо, некоторые сцены уже искрятся. Есть кое-где затяжки...

26 сентября 1942 года.

...С пяти часов работал с режиссером Янетом... Устал.

Получил индивидуальную посылку. Это несколько поразнообразит питание.

От С.К. записка (она работает и живет сейчас в театре). Устает...

В Н-ской армии получены тезисы ЦК для агитаторов. О втором фронте: не ждать, *мы деремся одни.*

Союзники боятся победы СССР. Надо думать, что мы в этой обстановке будем идти своими путями и делать свои выводы.

*27 сентября 1942 года.
Воскресенье.*

Дождливо...

В саду роятся в траве дети — собирают желуди для еды.

Упорная оборона юго-восточнее Новороссийска; отбито несколько зданий в Сталинграде; упорные бои под Моздоком. Вал последних немецких атак на Юге опять разбился.

Если б так дрались в июле! Если б так обороняли Ростов! Но опыт приходит в ходе битв. Теперь мы раскусили Гитлера.

Был в Политуправлении. Отобрал для «Ленинградского альманаха» ряд своих очерков и рассказов. Надо издать свою книгу очерков, радиоречей, рассказов, а также «Кронштадт».

Приезжала С.К. Она в четыре дня решила все оформление. Есть, безусловно, удачные решения, главное — есть морская даль. Но как успеть все построить? Нет рабочей силы, — в театре за зиму вымерли почти все рабочие сцены. Посоветовал ей достать нескольких плотников-краснофлотцев.

Морская пехота сделала бросок через Неву и зацепилась за кровавую Дубровку. Моряки держатся уже третий день, противник упорствует. Немцы стремятся покалечить Н-скую армию, ту, которая едва вырвалась от них летом...

По-прежнему всего четыре километра до соединения фронтов (и прорыва блокадного кольца). Может быть, удар моряков поможет?

...Вечером был у члена Военного совета товарища Смирнова. Говорили до пяти утра... Идут упорные бои на Неве. Моряки пробиваются...

28 сентября 1942 года.

Получил тезисы ЦК для агитаторов от 18 сентября. Решается судьба Родины, Октября. На многие годы будет определена судьба всех народов. Опасность возросла. Противник стремится отрезать Юго-Восток от Центра и Севера, захватить и эвакуировать важнейшие районы, нефть и затем бросить силы против Москвы и Ленинграда... Главные силы брошены *на Юг*.

Остановить врага во что бы то ни стало!

У нас есть опытная многомиллионная армия, военная промышленность, превосходный тыл. Образцы стойкости: Москва, Ленинград, Сталинград, Тула и др. Противник несет огромные потери, немцы наступают на одной пятой фронта...

Усилить отпор!

Положение в Сталинграде осложняется. В сводках «вклинение», «тяжелые оборонные бои».

...К вечеру общая воздушная тревога. Вой, гудки. Хлопают зенитки. Слышно пять-шесть тяжелых разрывов бомб. (Это был налет 18 «юнкерсов», отбили. Сбито 2 самолета.)

29 сентября 1942 года.

В Сталинграде тяжелейшие бои.

Все утро и днем артиллерийская канонада.

Подготовил материал для «Ленинградского альманаха».

Ольга Константиновна Матюшина говорит, что «что-то происходит в природе, и вообще...». Безусловно происходит, это ясно и без мистики. Взял историю жизни художника М. Матюшина. Аккуратная папка. Должны были издать, но помешала война...

Весь день канонада. Видимо, Ленинградский фронт наступает, помогая Синявинскому участку. Немцы обстреливают окраину города у Кировского завода.

Мы прорываем немецкую оборону у Ржева.

В 8 часов поехал к С.К. — в театр, рассказал ей о делах, отдал газеты...

30 сентября 1942 года.

Под Ленинградом сбито за два дня до сорока немецких самолетов. Артиллерийская стрельба несколько слабее, чем вчера.

Под Сталинградом отбиты атаки немцев на северо-западной окраине, уничтожено двадцать шесть танков и до полутора тысяч немцев. Активно действуют наши части и к северо-западу от Сталинграда.

В 2 часа 30 минут я был принят членом Военного совета Ленинградского фронта товарищем Кузнецовым. Было очень радушно. Сообщили, что по решению ЦК ВКП(б) я направляюсь в США как представитель «Правды». Сообщение неожиданнейшее! С.К. едет тоже. Помчался к ней. Она заплакала, не хочет уезжать из Ленинграда...

Некоторые детали: перед отъездом Уилки устроил закрытый обед и пригласил нескольких писателей. Писатели устроили ему хорошую баню по вопросу о втором фронте.

Я на сборы попросил три-четыре дня. Надо взять максимум полезного делу материала. Да, резкое изменение в работе, а уезжать из любимого Ленинграда жаль.

Всю силу души, ума, воли — на решение поставленной задачи! Это борьба за второй фронт. Я должен буду говорить от имени борющихся советских людей и писать в нашу прессу правду о народе США...

Но как будет трудно: в такое время замучит тоска по родине... Я помню во Франции, в Европе — как грызло это чувство, как надоел чужой мир с его «комфортом» и со всем его «чужим»!..

Вечером была С.К. Сидели с Азаровым и Ольгой Константиновой, обсуждали поездку, возможные варианты и т. д. Составил список ближайших дел.

Был в Военном совете КБФ. «И жаль вас отпускать — сроднились, но нужно...» Говорили о писателях, об их работе. Надо сделать все аккуратно — оставить дела в порядке.

Завтра поеду на фронт, на Неву.

Ожесточенные бои за Невой. Каждые пятнадцать минут — «юнкеры», барражи «мессеров», воздушные бои. За день сбито над городом двадцать шесть немецких самолетов. Есть потери и у нас.

1 октября 1942 года.

...С шести часов — канонада. Видимо, новый немецкий командующий — Кюхлер — упражняется, наводит «порядки».

Сталинград ожесточенно отбивается. Мировая пресса пишет о различных фазах битвы: «Все в дыму, обе стороны подбрасывают резервы». Да, Сталинград — величайшая битва времен. Тут дело чести, дело стратегического и политэкономического расчета... Удержав Сталинград, мы морально и политически выиграем, даже больше чем в военном отношении. *Может быть, от этого зависит судьба второго фронта, судьба войны...*

2 октября 1942 года.

Сталинград упорно бьется. Отбиты немецкие атаки. Русские «дьяволы» показывают немцам, что такое ад... Очень хорошо!

Послал статью в «Известия» о боях на Неве.

К одиннадцати часам в театр. Там идет лихорадочная работа. Хотят до нашего отъезда показать максимум. С.К. не выходит из театра. Показали прогон первого и второго актов. Это в темпе, остро, весело, а второй акт довел до слез. Пьеса возьмет. Ряд замечаний исполнителям. За месяц они отшлифуют роли. Я уверен.

Мысли о войне. Как отзываются все наши трудности, некоторые промахи, недочеты! Все суммируется и жестоко дает себя знать. Но будем упорны! В этом путь к победе! Мы бьемся честно, никто нас не посмеет прекнуть.

С восьми до двенадцати вечера — с С.К. у В. Инбер. Она работает, держится, хотя ей трудно. «Тяжко, но встряхнешься и работаешь. Так хочется дожить, все увидеть, когда кончится война...» Инбер пишет последние главы поэмы («Пулковский меридиан»).

В абсолютно сырой, тепловатой тьме шли домой. Забыл взять фонарик. Идем на ощупь. Какие-то крики. Дежурные МПВО — женщины — у ворот...

3 октября 1942 года.

Еду на Бородинскую улицу к композиторам. Слушаю всю музыку к спектаклю. Все это светло, лирично, бодро. Молодцы Круц, Минх, Витлин и Будашкин — офицеры флота! Есть места просто блестящие. Мы сидели у раскрытого окна. Вся квартира как бы застыла с 22 июня 1941 года — рояль, ковры, картины, безделушки, фото... Пустынная улица осажденного города, а из окон льются бравурные песни. Вызов врагу в лицо... Хорошо!

...Вечером из Смольного сообщили: «Поездку товарища Вишневого просят задержать. Подробности письмом». Есть! Может быть, внешние причины, а может быть, флот не пускает. Узнаю. У меня удивительно ровное отношение к этой поездке. Работа везде есть, а сказать: «Я из Ленинграда» — все-таки лучше, много лучше, чем: «Я из Нью-Йорка». Дела у нас покрунее!

После разборки бумаг я обрел удивительно хорошее настроение. Сделано много, огромное внутреннее удовлетворение. В «Известиях» сегодня моя статья. Утром слушал ее по радио из Москвы. В «Красном флоте» 1 октября была напечатана моя речь у подводников и общий отчет о митинге. В эти дни — с 30 сентября по 3 октября — есть ощущение некоего итога, результата. В связи с предполагавшимся отъездом все суммировал.

Думаю о теме: уроки Севастополя и Сталинграда в применении к Ленинграду. Надо подготовить речь-очерк для радио (в Октябрьском цикле)... Написал свой план работ на октябрь.

4 октября 1942 года.

...Бодрое, чистое настроение. Какая-то душевная ровность. Доволен своим внутренним «сметром» последних дней, систематизацией дел и мыслей.

Пошел в домик на Песочной. Солнце, пробиваясь сквозь золотисто-коричневую листву дубов, играет на окнах, на столе. Пришел корреспондент «Правды» Н. Воронов: «Вас отправляют в Америку». Я написал телефонограмму-запрос: «Сообщите, пожалуйста, обстановку, сроки. Нужно для планирования работы на месте. Выполню любое задание в любом пункте. Вс. Вишневский».

Солнечно... Удивительно мягкий воздух, нежные краски. На душе светло, певуче. Написал статью для радио о работе интеллигенции в Ленинграде.

Поехал в город... Заехал к С.К. Дал Н. Янету последние уточнения, штрихи в текст... Макет декораций готов, хорош...

Поехал с С.К. на Каляеву. Закончил разбор своих бумаг: в один чемодан основные материалы и документы, а в большой мешок все остальное, на сохранение в Ленинграде (если поеду).

...Ну, я все свои дела, мысли, вещи, привел в порядок — готов к дальнейшей работе. *Где работать* — будет указано...

5 октября 1942 года.

...К часу дня пошел в Политуправление. Пришел приказ народного комиссара Военно-Морского Флота о моем и С.К. откомандировании — через Главное политическое управление — в распоряжение ЦК.

...В ПУ. Разобрал последние папки (январь и февраль), письма из Москвы и пр. С.К. разбирает свои рисунки. За два-три часа все сделали...

Мысли о книге художника Матюшина. Прочел ее в течение дня, залпом. История жизни... Чистая книга — трогательная, душевная и художественно умная, ищущая... Куски жизни с 1860 по 1933 год. Голодное детство в Н. Новгороде; ремесленный быт в Москве; придворная капелла; 1905 год — рождение нового искусства предвоенной поры; война, революция, искания, академия... Краткие литературные портреты — Бурлюка, Хлебникова, Гуро, Маяковского, Василия Каменского... Мысли о живописи широкого охвата: надо видеть мир не под одним углом зрения, а в зените, — все вокруг и позади себя; дать *всеохват*, глубину краски; понять сочетания и игру красок...

Я узнавал свои напряженные мысли и искания поры 1930—1935 годов.

Взволновала книга, ее надо сберечь, издать.

...Получил командировочные удостоверения для себя и С.К. Есть усталость... На поездку смотрю серьезно, без «романтики»...

6 октября 1942 года.

Дождливо, пасмурно...

В 6 часов с радионаушниками слушаю сводку. Сталинград дерется... Отбивают разом атаки трех дивизий и танков. Удары на отдельных участках...

Днем звонили из Военного совета. Оказывается... 3 октября из ЦК сообщили о том, что поездка писателей, в том числе и моя, *задерживается*, а аппарат Народного Комиссариата Военно-Морского Флота срочно «отработал» и автоматически прислал документы.

Я связываю задержку с внешнеполитической обстановкой. Опять переключаюсь: завтра пойду на доклад лектора из ЦК о международном положении; возьмусь за статьи, очерки. 12 октября совещание агитаторов КБФ... План работы мне ясен.

Сделанный обзор материалов, подытоживание — полезны... Надо срочно готовиться к зиме: теплые вещи и пр.

С.К. усталая — у нее непрерывная работа в театре. Очень, очень жаль ее, и большая нежность к ней...

На Неве—без перемен. Непрерывно подвозят челноки — до двух тысяч пятисот штук... У противника перевес в авиации. На Синявинском участке опять застряли...

7 октября 1942 года.

Ожесточенные бои в Сталинграде — отбита новая массированная атака. Из двенадцати прорвавшихся в Рабочий поселок танков уничтожено одиннадцать.

Пошел в Пубалт. Удивительно бодрое, хорошее настроение...

Завез отобранные папки и вещи обратно на Каляеву. Там устанавливают печку, замазывают окна, белят прихожую и кухню. Люди всегда хотят жить прочно, удобно. Правильно...

Свежий день... Хорошо дышится... Был в редакции «На страже Родины». Ждут «В последний час» о синявинских боях. Там уничтожено до пятнадцати тысяч немцев. Немецкие дивизии переброшены из Крыма, но состав их слаб: новички плюс старые офицеры...

Ясно, что война сложнейшая. Черчилль еще весной 1941 года мечтал об отвлечении войны от Англии на Восток и соблазнял Гитлера золотыми полями Украины и Кавказа. Когда грянула война, довольные и испуганные правители Англии помогли нам обещаниями и незначительными поставками. Им нужно было, чтоб Россия устояла, приняла на себя удар и ослабила нацистов... Англии было важно время, — возможность военного и промышленно-го развертывания...

Война стала затяжной. Возможность сепаратного мира для СССР исключается. Мы не можем отдать ни Украину, ни другие земли. Кровь проливается за наши права, за долгие прочные резу-

льтаты, а не за временный договор, который будет вновь порван через год-два... Нам нельзя изолироваться от демократий мира. Союзники валят все на Россию и, не скупясь на лесть, громоздят комплименты. Речь Гитлера от 30 сентября расценивается как невозможность компромисса на Востоке...

Таким образом, война будет длиться... Сроки? Видимо, на 1943 год...

Военное и международное положение СССР.

Продолжается жестокая борьба... План немцев (как показывают события, захваченные документы и показания пленных офицеров) заключается в прорыве на Юго-Восток и Юг, захвате Дона, Кубани, Грозного, Азербайджана (Баку) и Поволжья. С Волги (перевернутым фронтом) и из Ржева — Гжатска немцы хотели штурмовать Москву (!), а затем «добить» Ленинград...

Не вышло, несмотря на то, что против Красной Армии немцы направили девять десятых своих сил, три четверти авиации, почти все танковые дивизии... Немцы стали замедлять темпы. Наш отпор нарастает, но на Юге еще не достигнута стабильность. Идет битва за Сталинград; немцы лезут по калмыцким степям к Каспию, в предгорьях — к Грозному. Пути через перевалы мы немцам закрыли. Их потери — до четырех тысяч человек в день.

...Вводя в бой часть сил на *всех* фронтах, мы сковываем дивизии противника, не даем противнику создать под Сталинградом абсолютный перевес.

Задание: всеми этими наступлениями мешать противнику, путать ему карты, окружать и сковывать его.

Наши части, прорвав район обороны противника под Ржевом, взяли двадцать четыре квартала, то есть треть Ржева. А это была чрезвычайно укрепленная база, бронированный кулак, занесенный над Москвой. Роль Ржевского узла огромна: он сдерживал наши части, выдвинувшиеся к Смоленску и Витебску. Теперь эти части получают больший простор в оперативном отношении.

...Пассивнее — Карельский фронт, южная часть Западного фронта, Брянский фронт. Но тут немцы не продвинулись ни на шаг.

Огромное значение имеет борьба партизан...

Растянутые немецкие коммуникации подвергаются постоянным ударам, и немцы много теряют при подвозе и живой силы, и горючего, и техники.

Мы сдерживаем и ослабляем противника, продолжаем готовить резервы и технику. Промышленность работает все лучше и лучше, а в прошлом году огромная ее часть была еще на «колесах» — перебрасывалась на Восток и на Север...

Противник имеет еще сильную армию, много техники, но его армия уже разношерстная, с весьма опасным для него европейским тылом.

Мудрость, упорство, воля, решимость СССР могут в оставшиеся до 1943 года месяцы опять круто повернуть ход событий.

Неразрывно с делами на Восточном фронте связаны и общемировые проблемы.

Как обстоят дела? «Союзники обманывают нас...» Это, пожалуй, примитивное рассуждение. Они несколько раз отвергали предложение Гитлера о сепаратном мире. Им не выгодно идти ему на уступки, они сами боятся быть обманутыми...

Россия стала важнейшим фактором — и этот фактор они хотят *использовать*. (Некоторые говорят *об этом* достаточно цинично, например в США.) Иные говорят: «Пусть Германия и Россия бьют друг друга, пока кто-нибудь не свалится, не наше дело помогать тем или другим...» (Изоляционисты — там же, в США.)

...Некоторые газеты в США пишут: «Нам нельзя приносить в жертву 500 000 солдат даже во имя героизма Сталинграда...»

Проблема второго фронта стала острейшей социально-политической дискуссией в англо-американском мире. Это проверка симпатий и антипатий, различных течений.

...Видел начальника артиллерии вице-адмирала Грена. Он подтвердил, что немцы подвезли к Ленинграду осадные железнодорожные орудия из-под Севастополя. Одно балтийцы уже подбили! «В воронку от снаряда этого орудия влезет дачка или баня...» Недавняя канонада — попытка отвлечь нас от Невской переправы. Это немцам не удалось...

Наша ленинградская оборона становится все прочнее и «деловитее». Люди «пообвыкли»... Это хорошо.

9 октября 1942 года.

В утренней полутьме: Сталинград отбил атаки в заводском районе, однако немцы заняли две улицы...

Работаю второй день над «Ленинградским альманахом»... Много рукописей. В большинстве — средняя, рыхлая проза. Сдам его в 6 часов...

Мысли о войне, литературе... Хотелось бы все познать до конца... Образ страны, огромные сдвиги, миллионы трагедий, жертвы... Как сложна ломка, и новый отсев людей, переоценки. Как много неизвестного нам на захваченных немцами землях — подполье, героика; есть и предатели... Тысячи наших людей томятся в лагерях, на принудительных работах в Германии... Встречаются с пленными поляками, французами, сербами...

Сколько мы прочтем обо всем этом!

А тема Ленинграда звучит рядом немолчно, сильно...

На нашем фронте есть несколько испанских перебежчиков. Один бывший республиканский летчик шел и кричал: «Привет, Москва, долой Гитлера!» Его радиообращение сагитировало и других испанцев... Поляков с Невского участка немцы сняли на дорожные работы...

10 октября 1942 года.

В общем, теплая погода, облачность.

Сталинград отбивает атаки противника. Как будто есть вообще тенденции к спаду немецких операций, а может быть, это заминка перед новым броском?..

Сообщение Совинформбюро о боях у Южной Ладogi. Сюда оттянули часть немецких дивизий с Юга. Размолoли до шестидесяти тысяч фашистов. Занятые позиции мы прочно удерживаем.

Отменен институт комиссаров. Армия и флот переходят к единой системе командования и подчинения, то есть к наиболее рациональной военной системе командования и подчинения. И в международном отношении — реформа существенна. Помимо всего эта реформа показывает силу армии: *можем на ходу* заниматься реорганизацией.

Видение мирного послевоенного общества иногда отодвигает преходящую войну, даже эту. Все течет... Труд возьмет свое, будет кропотливое восстановление и вечный кругооборот времени... Затянутся раны...

Становятся ясными некоторые корни Маяковского. Книга будоражит, напоминает о смелости в литературе, о всеохвате мира, явлений.

Ночь... Плохо спится. Сильный артиллерийский огонь. Под утро заснул... Какие-то сны, которые я забыл.

11 октября 1942 года.

...В 1 час 30 минут пошел в Ботанический сад. Встретил директора и нескольких работников отделов. Осмотрел БИИ¹. Профессор Рацевич показал огромный гербарий. Здесь до пяти миллионов экземпляров растений. Старейшее: венoк из лотоса и пальмовых листьев с гробницы Рамзеса... Есть гербарий времен Елизаветы Петровны. Отличная сохранность, латинские надписи... Гербарии боятся лишь влажности. Президиум Академии наук

¹ Ботанический институт.

запретил перевозить или эвакуировать этот гербарий. Он пропал бы в пути...

Библиотека на сорок пять тысяч томов. На столе последние посылки. Несколько американских журналов, венгерских и др. Комплект польских журналов из библиотеки одного умершего ученого.

В БИНе люди стоят на посту... Многие вымерли. Но жизнь тле-ла... Берегли от мороза старинное наследие, делали попытки рабо-тать... В феврале эвакуировали значительную часть людей в Ка-зань. Оставшиеся проделали уймащу работы... Я был глубоко изумлен...

12 октября 1942 года.

Солнце...

Немецкие разведчики. Барраж наших, гул...

В 6 часов радио: Сталинград отбивает противника.

Наши опять очистили пятачок у Дубровки. Сколько там полегло?.. Волховский фронт «споткнулся» на Синявинской роще... Почти взяли, но немецкая авиация — сотни самолетов — не дала развернуться... Сейчас наши опять готовятся.

Написал статью против трусов и предателей. Есть отдельные возмутительные случаи... Что за типы!..

Написал статью для армейской и флотской газет.

В «КБФ» в комплекте 1922 года нашли мои очерки об «Океане»¹, о шефстве комсомола над флотом... Просят дать материал к 20-летию шефства. (16 октября 1922 года я был в море — на «Океане».)

Надо готовить материал к Октябрю, в частности — радиопереда-чи с мест Октябрьских событий 1917 года.

Прочел приказ от 8 октября сего года — о новых боевых поряд-ках Красной Армии. Усиливается оснащение рот и батальонов орудиями и минометами. Даны и указания о месте командира в бою: не в первой цепи и не впереди, а в пункте, где удобно руково-дить и наблюдать...

13 октября 1942 года.

...Днем в Пубалте. Написал горячую статью — призыв к бойцам Волховского фронта пробить кольцо блокады... Выпускается бро-

¹ «Океан» — корабль, на котором Вс. Вишневецкий находился в учебном плавании.

шюра «Обращение ленинградцев к Волховскому фронту», и моя статья будет как бы предисловием — от Ленинграда.

Написал статью о пленных финских моряках — по данным допросов...

15 октября 1942 года.

Солнце сквозь мглистые облака.

Сталинград отбивает противника. Осложнение под Моздоком...

Речь Рузвельта в день 450-летия открытия Америки: твердая решимость США вести войну до полного разгрома военной машины Германии, Италии и Японии...

Днем написал статью в «КБФ» (взяв морскую географическую и историческую тему). Напомнил о том, что СССР страна не сухопутная, а морская. 70 процентов наших границ — морские. Дал справку о роли комсомольцев в возрождении флота... Имена нескольких бывших комсомольцев первого призыва: Стеценко, Чероков и др.

В 2 часа поехал в ЛССП. Там прием новых членов и кандидатов. Война дает приток новых кадров в возмещение потерь. Наместили к Октябрю организовать литературный вечер, выпустить «Альманах» и т. д.

Прочел речь Черчилля... Опять комплименты «великолепной армии России...». Речь обнадеживающая, перспективная, осторожная...

Дела, где дела, мистер Черчилль?

Артиллерийская канонада... Дождь, темно... В домике тишина, иногда шуршат мыши, горит керосиновая кухонная лампа... Читаю М. Твена.

16 октября 1942 года.

Пасмурно...

Удар немцев по Рабочему поселку Сталинграда: две дивизии, сто танков, авиация. Наши несколько отступили... Удержаться во что бы то ни стало! Из ста танков противника подбито сорок пять...

Бои у Моздока.

Работаю в библиотеке Морской академии, запросил необходимую литературу... Получил № 2 и 3 «Морского сборника», нужных же номеров за 1927—1932 годы нет.

Весь день писал статью «Выстрел «Авроры»... Разволновался... Как далеко ушли дни Октября!

Статья, пожалуй, вышла (16 страниц на машинке).

Артиллерийские выстрелы. Обстрел города. На окраине «все трясется»...

Сегодня комсомольский шефский день. Вечером — торжественное собрание.

17 октября 1942 года.

Сердце сжимается: в Сталинграде оставлен заводской поселок. Режут оборону с севера... Выстоять!

От Таирова телеграмма от 15-го: «Пьесой увлечен, закрепи за Камерным в Москве» и т. п. Пьесу просит и Новосибирск...

В 11 часов — в театре. Огромный зал с вытертыми красными бархатными креслами... Смотрел репетицию первого акта. Есть шероховатости, есть опереточный штамп... Но в ряде мест забавно, весело... Сделал ряд конкретных поправок, замечаний. Янет в азитации... Выпущена афиша, и будут еще две. Станок¹ для первого и третьего актов закончен. Особых задержек нет. Все материалы получены.

Актеры жадно читают заметку в «Литературе и искусстве» о спектакле... Показывают письма Г. М. Ярона²: «Он ревниво следит за нами...» Весь мир перевернут, но быт, профессиональные интересы, театральная «биржа» остаются... И понятно, и странно... Странны мне и все эти критические писания в «Литературе и искусстве» с оценками пьес, поэм и пр., с пафосными премиями, похвалами... Искусства, которое объяснит (хотя бы относительно) эту мировую войну и все ее социальные, национальные, духовные и прочие влияния, — еще нет... Оно в будущем. Пока только фиксация со стороны ошеломленных свидетелей, еще многого не понимающих...

...В 9 часов — обращение Сталинграда к Ленинграду (по радио): «В трудный момент перед нами был пример Ленинграда, мы учились у вас. Ваш великий пример вдохновляет...»

Узнал сегодня, что рота моряков до сих пор держится на пяточке у Московской Дубровки. Все награждены.

¹ Часть оформления сцены.

² Артист Московского театра оперетты.

18 октября 1942 года.

В 6 часов утра слушал радио: «Сталинград отбивает атаки противника. Наши части не сделают ни шагу назад». Видимо, подтянули к заводскому району резервы.

Нота В. М. Молотова: на основании решения СНК СССР требует создания Международного трибунала для суда над гитлеровской шайкой и *немедленного суда над Гессом*. Что ответит Лондон? Ведь в Англии уже склонны не считать Гесса преступником. Его жена собирается «лететь к мужу» (!!).

Днем в ПУ. Написал очерк — воспоминания об Октябре — для журнала «Ленинград»... Всколыхнулись юношеские мечты...

19 октября 1942 года.

Холодно... Утром почти снег, крупа какая-то...

Немцы, теряя (ежедневно) десятки танков и тысячи солдат и офицеров, «прогрызают» оборону Сталинграда... Видимо, хотят к 25-летию Октября добить, взять Сталинград.

Для «КБФ» надо написать статью «Моряки и оборона Ленинграда» (используя исторические примеры)...

Днем был на совещании агитаторов частей и кораблей Ленинградской морской базы. В КБФ до трех тысяч агитаторов. Это большая сила. Главным образом, младшие командиры, техники, врачи и пр. Весь день слушал их выступления. Это молодые, очень крепкие люди...

Выступил и я, дал агитаторам ряд советов, главным образом о методике работы: работать с газетами, журналами в библиотеках; использовать художественную литературу и пр.; изучать личный состав; быстро реагировать на запросы (инициатива!) и т. д.

Сейчас по радио тихо говорит снайпер Дьяченко: «Фашисты замучили моего отца, я бью их... Убил за месяц 72 фашиста... Номер моей винтовки 220, и я дал клятву убить 220 фрицев...»

Говорит с сильным украинским акцентом, тихо, твердо.

На гвардейских кораблях введены гвардейские ленточки и нагрудные знаки. На днях видел одного гвардии краснофлотца — пахло стариной: георгиевские ленты...

20 октября 1942 года.

Сыро, холодно... Город кажется пустынным...

Вчера вечером слушал радиопередачу Азарова (запись на воск). Он прочел несколько своих лучших, теплых стихов: «Брату», об Одессе и пр.

Агитформальные стихи, как и вообще агиточерковый стиль прессы, меня мучат... Над сущностью войны не думают, твердят несколько терминов, монотонно, скучно... Процесса в стране писатели и поэты еще не вскрывают или таят в себе, а на бумаге — агитмарши... Мы обязаны думать, открывать суть, видеть новое, дали!.. Стране и партии нужны думающие генералы, писатели, строители, изобретатели. Помогающие, творящие, а не механически твердящие от указа до указа, от речи до речи; нам нужны люди, раскрывающие явления вовремя... Я тоже мало сделал в этом плане.

Готовлюсь к докладу... Перечитываю Ленина, стремясь глубже понять общие законы воздействия войны на общество...

Днем в Пубалте. Был у командующего КБФ — получил задание. Он рассказал мне, что от Ильмена до Сталинграда немцы переходят к *зимней* обороне. Сталинград контратакует упорно. Сказал, что КБФ в целом значительно прочнее духовно и практически, чем осенью 1941 года. Это бесспорно...

В Пубалте встретил группу выпускников-курсантов. Попросили тут же, на ходу, рассказать им о международном положении. (Я делал доклад в их Политучилище.) Согласился, пригласил их к себе в кабинет. Начал беседу — но тут... Из Смольного прислали машину... Еду... В чем дело? Либо в связи с заграничной поездкой, либо литературное поручение. А может быть, о пьесе?..

Прошел во второй этаж, комната 251, к секретарю... Он сказал, что дело касается испанской дивизии, находящейся под Ленинградом. (А я как раз бывал в Испании, делал фильм «Испания».)

В Смольном прочная, деловая, *тихая* обстановка. Все отчетливо. ...Надо срочно дать сильное, острое, горячее воззвание.

...Помчался на доклад. Подготовиться, как хотел, с цифрами и пр., не успел, но материал так знаком, что доклад сделал... Приняли очень тепло... Увидел работниц таллинского НКВД, вспомнили прошлую осень, Таллин, поход...

После доклада помчался работать в ПУ.

Время — 21 час 15 минут... У меня только два часа... Быстро ознакомился с материалами. Потом стал писать... Три-четыре страницы... Нашупывал солдатский язык; писал с некоторой гру-

боватостью, язвительностью, точностью... Факты... Сделал, перепечатал во 2-м отделе — и обратно в Смольный.

...Как хорошо, что в октябрьские дни 1942 года я поработал в Смольном, как это бывало и в 1917 году.

Тираж листовки-воззвания — пятнадцать тысяч. Сбросят с самолетов, агитснарядами и передадут по звуковой установке. Три переводчика сразу сели за перевод листовки на испанский язык...

Кончил работу в Смольном к пяти утра... Спать... Перебирал, засыпая, впечатления...

21 октября 1942 года.

...Город наш имеет относительный запас продовольствия до весны; достаточно горючего; торфа хватит до нового торфяного сезона...

Перезимуем!..

22 октября 1942 года.

Сталинград отбивает атаки. Видимо, атаковавшие район заводов немецкие дивизии уже размототы.

Завтра в 6 дня в Доме партийного актива лекция о Сталинградской битве. Хочу послушать.

Финско-немецкий десант на Ладожском озере — у маяка¹ — в середине трассы (?)

Сегодня ряд финских кораблей и десантных барж под прикрытием тридцати «мессеров» начали операцию. Захватили маяк... К двум часам дня сбито восемь «мессеров», остальные отогнаны; утоплено до четырнадцати финских кораблей и десантных барж. Господство в воздухе наше. Ишь лезут! Выгнали всех! Попытка замкнуть кольцо блокады сорвана балтийскими моряками. Отлично!

Написал статью «Мы вернемся!» для военно-морского номера эстонской газеты. Взял эстонскую патриотическую тему; дал обзор хода войны, провал гитлеровского плана на 1941 и 1942 годы.

Новая телеграмма Таирова: «Коллектив Камерного театра восторженно встретил пьесу. Шлет тебе, своему автору, горячий братский привет, обнимаем...» Очень рад... Я бы сам им прочел...

Вчера смотрел репетицию второго и третьего актов. Есть хорошее. Еще и еще шлифовать! Советуют не связывать название со

¹ На острове Сухо.

старой печальной песнью «Раскинулось море широко». Дать новое — «*Сыны Ленинграда*» или «*Балтийские орлы*»... Нет!

...Во всех ощущается привычный октябрьский праздничный приток сил, хорошее настроение...

Выигрываем 1942 год!

23 октября 1942 года.

Солнечно... Встал в 10 часов.

С утра стрельба зениток, окна звенят...

На подъеме написал очерк в «Правду» — о невских боях, не-вском пейзаже, приближении зимы и бое на Ладогe... Послал срочно (на мотоцикле) в отделение ЦО.

Подготавливаемся к совещанию писателей 30 октября. Надо вы-звать людей на творческий разговор, критику вышедших работ и пр.

Занимаюсь «Альманахом» (расширил предисловие, еще раз проверяю композицию и пр.).

Артиллерийский огонь, наши обрабатывают передний край немцев.

24 октября 1942 года.

В 6 часов: в сводке есть о победе на Ладогe! Хвала Краснозна-менному Балтийскому флоту, Ладожской флотилии!

Сталинград продолжает оборону. Атаки двух немецких полков и тяжелых танков на завод («Баррикады»?). Вчера в течение дня все атаки отбивались...

Горячее ответное письмо Ленинграда — Сталинграду.

...Весь день писал статью «КБФ в борьбе за город Ленина».

Темнеет все раньше, а света долго не дают¹ — и более часа при-шло быть в простое... Кончил часам к девяти вечера...

25 октября 1942 года.

Сыро. Вздувшаяся Нева... Днем временами солнце...

В «Правде» замечательная передовая о *моряхах*, об их народной славе, традициях и пр. На первом месте — Балтфлот, который ве-дет «изумительную борьбу»... Ряд награждений... Орден Ленина погибшему И. Рывчину... Восемь новых героев-летчиков: Косты-лев, Степанов, Мазуренко и др.

По почте пришли из Москвы мои книги: второе издание «Мы из Кронштадта» и «Балтфлот дерется» (издательство «Советский писатель»).

¹ В квартиру, где жил Вс. Вишневский, давали ток с соседнего завода.

Был в театре — последняя гонка, монтировки, прогоны, нервы... Оживленная беседа, подбодрил людей.

На обратном пути в мотоцикле иссяк бензин, тащили машину до колонки у Петропавловской крепости «своим ходом».

Дождь...

26 октября 1942 года.

Сыро... С утра за работой.

Двадцать шесть дней нет сведений о лодке И.М. Вишневого. Что с ней? У лодки Юнакова — три потопленных транспорта.

С 11 утра на прогоне первого, второго, третьего актов. Что-то не ладится в технике; кто-то опаздывает.

Умер исполнитель роли ээсовца — высокий старик. Утром хотел встать с постели, идти на репетицию... Старый актер, питеец — не выдержал, свалился...

Шел первый акт, затем в той же конструкции — третий, затем — второй. Это мешало мне увидеть весь рисунок спектакля, его ритм... Есть хорошие места, но еще многое недоделано. Театру не хватает культуры... Надо все сделать прочнее, спокойнее, глубже. Есть ряд мелких промахов. Дал указания. В ближайшие два дня должна быть кончена монтировка, свет, шумы... Нужны автоматы, карты и пр. В музыке — в финале второго и третьего актов — нет мажора...

Опять погружаюсь в вечные, типичные театральные заботы, нервы, неполадки... Ничего не попишешь...

Центральных газет нет...

Немного прошелся по городу с Янетом... Он волнуется перед премьерой.

...Слушал радиодоклад П.Н. Поспелова. Теплый голос его... Он отметил спад немецких усилий (хотя противник еще силен)... Но наше сопротивление оказало существеннейшее влияние. Еще больше повысился удельный вес СССР. О втором фронте: «Если бы Англия и США открыли второй фронт, это помогло бы...» Следовательно, вопрос все еще в стадии ожиданий и обсуждений!

...Только вчера прочел речь Гитлера от 8 ноября 1941 года: «Ленинград обречен. Он должен будет умереть голодной смертью. Никто и ничто не спасет его, не прорвет линии окружения...» Так вот как это было задумано, указано!.. Собака проклятая, трижды будем тебя вешать, найдем, куда бы ты ни побежал!..

27 октября 1942 года.

Выспался...

Теплая погода... Дал вариант статьи об Октябре для ТАСС. Днем сделал военный и Октябрьский доклад составу Музыкальной комедии. Подбодрил труппу... 4 ноября спектакль будет готов... Все становится на место.

Днем обстрел центра города...

В ЦО 26 октября напечатан мой очерк «На Ленинградских рубежах». При правке сократили о Ладого, так как у них уже об этом дано, и очерк явно пострадал.

Сталинград отбивает атаки, хотя в заводском районе опять несколько отступили. Бои северо-восточнее Туапсе. Видимо, с моздокского направления немцы бросились к морю (?!).

Некоторые цифры, справки.

Сейчас только 8 процентов населения мира не втянуто в войну (Швеция, Швейцария, Испания, Португалия, Ирландия, Турция, Иран, Афганистан и некоторые центральные и южные американские республики), но и эти страны так или иначе стоят на стороне «оси» или коалиции.

...За последние полтора года, то есть за период войны СССР с Германией, Англия увеличила свое военное производство на 250 процентов.

...Германия и оккупированные ею страны выпускают сейчас 2900 самолетов в месяц, Англия — 2500, США — 5000.

...*Англия.* Удивительно, что Роммель (с тринадцатью немецкими и итальянскими дивизиями) в июне поколотил англичан и потеснил их. Сейчас англичане начали новое наступление. Посмотрим! Англия, «дерясь с фашизмом», в то же время упорно прикарманивает Африку... Сейчас Англия обладает необходимой армией, флотом и авиацией для большой войны в Европе. Хотел ли Англия этой войны?

Франция. Хлебный паек — 200 граммов. Двенадцать миллионов французов существуют только на выдачи по карточкам. Население имеет в целом лишь 25 процентов минимально необходимого продовольствия. Рост болезней, вымирание... Считается, что погибло уже до одного миллиона французских граждан. В плену томятся один миллион триста пятьдесят тысяч французов. Реквизиция непрерывна: отобрано свыше 50 процентов французского скота.

Летом во Франции действовало двенадцать партизанских отрядов. Массовая нелегальная пресса; широкое национальное подполье.

28 октября 1942 года.

В 11 часов обстрел центральной части города... Слышен и огонь зениток...

Вчера был обстрел Кронштадта: восемьдесят семь тяжелых снарядов...

Прочел лозунги ЦК к годовщине Октября.

Днем написал обращение матросов — участников штурма Зимнего и обороны Петрограда в 1919 году — к молодому поколению Краснознаменного Балтийского флота. Писал горячо, вспоминая дух и стиль тех лет... Вышло восемь больших страниц. Может быть, надо будет уточнить задачи в конце воззвания... А славная история у нашего Балтфлота!

...Гарнизонная воздушная, затем *химическая* тревога... Временами артиллерийская стрельба.

29 октября 1942 года.

Сероватый день. Более или менее сухо... С утра из Публичной библиотеки приволокли статистические таблицы за 25 лет и все октябрьские газеты...

Съезжаются товарищи писатели на совещание.

...Мне сообщили, что я получу строевое *флотское* звание.

Товарищ Лебедев рассказывал, что дана директива всем вузам перейти на нормальную четырех- или пятилетнюю учебу, так как нам нужны будут кадры после войны... Признак интересный, волнующий — уже идут меры послевоенного цикла. Увидим послевоенный мир!.. Хотим его, бьемся за него, придем к нему с победой!

Поехал в театр (висел на трамвае, как в детстве, хорошо!): там идет дело к премьере, но все устали, нервничают... С.К. бодря. Упорно достает вещь за вещью для спектакля. Вчера ей притащили (с затонувших катеров) мачты, фонари, зарядные ящики и пр., и пр.

...Большой обзор иностранной печати — о Сталинграде: «Триумф русской обороны», «Такие сражения определяют исход войн» и пр.

Если Сталинград продержится еще 4—5 недель — планы Гитлера будут окончательно похоронены!

Сейчас обратил внимание, что первый лозунг ЦК к 25-летней годовщине гласит так: «Да здравствует 25-я годовщина Великой

Октябрьской социалистической революции, свергнувшей власть империалистов в нашей стране и провозгласившей мир между народами всего мира!» *Мир* между народами всего мира!.. Надо полагать, что этот лозунг не случайно стоит на *первом* месте в разгар войны.

Ночью артиллерийский огонь... Огонь зениток, слышен шум немецких самолетов...

30 октября 1942 года.

...В 9 часов иду в Политуправление. Проверил готовность к соещанию. Все, как всегда, надо делать самому...

Начали с некоторым запозданием. Из Политуправления КБФ пришли: член Военного совета товарищ Смирнов, товарищи Лебедев, Рыбаков и др. Связи с писателями крепче, людей уже знают, помогли февральское и мартовское совещания, наша работа. Атмосфера дружелюбная.

Краткое вступительное слово товарища Рыбакова. Мой доклад — об Октябрьских днях, о Балтфлоте, об участии писателей в войне: обзор их деятельности в КБФ. Говорил обобщенно, тепло, лишь вызывая писателей на беседу — без специальных литературных дискуссий, уточнений и пр.

Прения прошли живо... Были интересные выступления. В Инбер прочла четвертую главу поэмы о Ленинграде... Тонко, хорошо... Сложный музыкальный, поэтический образ зимнего города!

Сегодня в 10 часов 20 минут была тревога, но мы не ушли в убежище и продолжали совещание... Где-то были сброшены бомбы. Фашисты, видимо, стараются подпортить нам праздник.

Ночью луна и частые лучи прожекторов... Ловят «юнкерсов». Усталость и бодрость.

31 октября 1942 года.

Немцы пробуют хоть с воздуха прорваться к городу... Утром опять тревога. Работаем, ноль внимания, — ПВО сделает свое дело.

Совещание идет в хорошем темпе, бодро, уверенно. Ряд хороших выступлений. Пронин говорил о Ладоге и о колоссальной работе там, — Ладога по грузообороту дает почти то же, что ленинградский торговый порт до войны!

Выступил начальник ПУ — товарищ Лебедев, говорил о балтийских традициях... Продуманно, обстоятельно. Указал на факты героизма, приведенные в моей книжке «Балтфлот дерется». По

прочтении ее нашли людей, указанных в книжке, вспомнили их. Призывал писателей шире, смелее работать.

Мое заключительное слово — о вере в людей, в наши силы, кадры; о темах и задачах на зиму...

Позже был на совещании начальников соединений, командиров баз, замов, начальников отделов штаба и Политуправления. Комфлотом сообщил, что погиб дивизионный комиссар товарищ Раскин (авиационная катастрофа). Все встали.

...Такой поток дел, что не успеваю вести записи.

1 ноября 1942 года.

Теплая сырость... Голые деревья... Город каждый день другой, неповторимый. Зашивают досками укрытие памятника Суворову...

В Шлиссельбурге жесточайший ежедневный, от 12 до 1 часу дня, обстрел завода и поселка. Но люди работают, живут.

Был на первом просмотре спектакля «Раскинулось море широко». Впервые увидел всю композицию. В центре, безусловно, второй акт. (Во время последней ночной монтировки спектакля рядом разорвалась бомба — в театре вылетели стекла.)

У актеров ряд удач, хотя еще нет достаточного темпа и чеканки (в отдельных случаях). Блестящи танцы первого акта (Пельцер). Драматическая линия в сочетании с комедийной, безусловно, крепкая.

Опустился занавес. Неожиданно тут же, на сцене, товарищ Лебедев вручил мне орден Красной Звезды. Поздравления... Я рад...

В зале было несколько моряков: Герой Советского Союза Осипов, капитан 1 ранга Богданов и др. Им нравится. Завтра официальный просмотр. Будет человек сто пятьдесят... Актерам это на пользу — реакция зрителей.

Вечером, после просмотра спектакля, товарищеский ужин в нашем домике на Песочной. Было двадцать два человека. Все — в меру. Люди отдохнули, благодарили. «Мы как дома...» (Жизнь-то у всех сейчас покалеченная.) Шутили, читали стихи, произносили тосты... Мужчины ухаживали за тремя дамами...

Были: член Военного совета, товарищи из ПУ и вся писательская гвардия. Флот с писателями постепенно сдружился...

На литературном вечере 31 октября читали ряд хороших вещей (О. Берггольц и др.).

Мысли о новом спектакле.

Когда писать? Усталость. Я несколько выбился из ритма...

Артиллерия затихла. Авиация из-за сплошной мути не летает...
Сталинград контратакует... Молодцы! Еще, еще усилия!

2 ноября 1942 года.

Очень хорошие чувства к моей С.К. милой. Она работает упорно, по-настоящему. Вчера говорил ей об этом.

Временами острые приступы желания писать новую пьесу — зимой, в снегах...

В 9 часов сильные взрывы: может быть, бомбы сквозь облачную муть или?.. Домик дрогнул... Завыла тревога... Вот-те и дурная погода! Немцы явно пакостят праздник.

Вспышки зенитной стрельбы; тиканье репродуктора... Мрак...

Зашел В. Пронин, рассказывал о своем плане: дать брошюру о Ладоге и пьесу по мотивам Ладоги и Орешка. Выдвинул идею сплошного сплава леса по Неве — для снабжения Ленинграда дровами. Это помогло бы, так как возить дрова дорого... (Кстати, новгородцы в старину делали такие сплавы по Неве — пускали горящие плоты против шведского флота.) Послал письмо Пронина — проект о сплаве леса — в Смольный. Может быть, он будет полезен.

Отбой, тонкий звук трубы...

Готовлю радиоречь.

5 ноября 1942 года.

Эти последние дни — напряженные: спектакль, статьи к Октябрю и пр.

Спектакль сдан отлично. Работа театральна; многое сделала С.К. У меня осталось хорошее впечатление. Второй акт — мой любимый, — он смел, есть крупные черты, яркие пятна... Разведчица в гестапо: среди серого, холодного — девушка в ярко-алой кофте и длинной черной юбке... Обреченность, борьба, упорство. Я видел, как в зале плакали.

Утомление... Невозможность остановки, раздумий... Вал событий, дел — катится...

Сталинград бьется замечательно; идет размол немцев. Мы наращиваем сопротивление. Слышал, что концентрируется большая армия. Зимой она ударит к западу, чтобы отрезать немецкие армии на Кавказе.

3 ноября вечером выступал по радио — об участии Балтфлота в Октябрьской революции... Ночью чувствовал себя плохо — простудился.

...Читал стихи «Путевой дневник» В. Инбер. Привкус туризма. А Ленинград дает ей горечь, силу, остроту зрения...

Днем написал статью «Восстание» — четыре страницы, для ЦО и «КБФ». Отдельные исторические и бытовые штрихи Октябрьских дней...

Чувствую себя еще нездоровым. После работы — слабость...

Письма от А. Крона, А. Тарасенкова. Они в упоении от ладожской победы. Привет от Вс. Рождественского¹. Он пишет Азарову обо мне слова, которые меня глубоко потрясли, обрадовали: «Он один из тех, в ком для меня воплощены высокие черты русского советского человека...» О, еще, еще выше идти!

6 ноября 1942 года.

В «Ленинградской правде» заметка о том, что могилы Суворова, Кутузова, Александра Невского и Петра Первого приводятся в порядок, украшаются орденовыми знаменами и пр. Видимо, дошла моя статья в «Правде» о могиле Суворова...

Как интересно сплетаются наши настроения, цепи ассоциаций, образов... Это народное ощущение нации, традиций, осознанных молодым советским народом до конца, освященных им в крови войны!

После войны задача политических союзов с Польшей, Чехословакией, Югославией, Болгарией плюс проблема Румынии и Греции будет одной из важнейших для нас. Вот тут и обнаружится все «капиталистическое» противодействие англосаксов... Мы будем блокироваться с рядом государств. Будет борьба за влияние в Германии, за ее будущее, ее социальное устройство, экономику; будет борьба за это же в Азии и пр. Так мне думается.

Принесли билет на юбилейное заседание Ленинградского совета и актив в Смольном. Побрился, переоделся... Поехал на заседание...

Двадцать пять лет!.. Я очень волнуюсь... Сдерживаю себя.

Празднично. Во всем чувствуется железная, нет — какая-то особая, русская сила, неуязвимость, выдержка... Вот актив Ленинграда!..

---

¹ Поэт.

В карауле — сплошь гвардейцы. Хороши наши гвардейцы-моряки: лица у них широкие, ясные, на бескозырках — георгиевские ленты, и сразу переносишься в 1917 год. Вечный народ!

Вечером писатели у меня... Шум, разговоры...

7 ноября 1942 года.

25-летие Октября.

Солнечно... Окна сплошь покрыты инеем.

Утром вновь передавали речь Сталина, записанную на пленку: анализ обстановки, характеристика 1942 года...

В штабе и Пубалте празднично, солнечно. (Отличный обед: водка, салат, кусок селедки, рассольник, котлета с сушеной картошкой, кисель, кусок белого хлеба и масло.)

Говорим о сегодняшней английской сводке: разгром Роммеля — он потерял 600 самолетов, более 50 процентов танков, штабы, до 10 тысяч пленных (теперь больше) и отступает к Киренаике.

Бить Гитлера без передышки!

В нашей прессе — нарастающий оптимизм. Отмечается, что даже научная и техническая мысль Германии не смогла опередить *нашу* научную и техническую мысль. Наши артиллерийские, авиационные и танковые новинки бесспорны. И тут у немцев просчет. Но основной просчет Гитлера — это незнание сути, души России... По «статистике» у них, может быть, выходило одно, а в жизни гневное усилие народа — народа России — создало нечто *новое*, неожиданное для них. Это — наши резервные армии, эвакуация оборонной промышленности и рост ее; это — единство советских рядов; упорство бойцов Красной Армии и Флота... Здесь — не капиталистическая Европа! Мы намного выше!

В тылу идет огромная созидательная работа: испытания и открытия в институтах и лабораториях...

А Ленинград! Более ста видов нового оборонного производства. Могучая артиллерия — костяк обороны. Рост кадров!.. *Мы ставим задачу — прорыв блокады.* Об этом сейчас говорит генерал-лейтенант Говоров. Говорят от края до края — от Западного фронта до Камчатки — все люди СССР. Слово — дело! Это за двадцать пять лет советский народ доказал!

На 6 ноября подводники КБФ потопили 62 транспорта — 460 000 тонн. Нет сведений о лодке И.М. Вишневого. (Шведское радио говорит о гибели одной советской лодки в Ботническом заливе.) Балтийцы сбили 912 самолетов.

Вчера в Смольном: сияющие люстры, алое и белое, мрамор и золото... И живая толпа — сплошь воины... 70 процентов партийных организаций на фронте, 90 процентов комсомольцев на фронте. Борются партизаны Ленинградской области. Они уничтожили 40 000 немцев, более 400 мостов, десятки самолетов и пр.

Вся Европа и Америка *должны* участвовать в бою! Град ударов в ближайшие месяцы, — и войну, может быть, можно было бы закончить весной, летом 1943 года. Объективные условия для концентрированных контрударов вызрели: Англия и США имеют мощную армию, авиацию и флот. Бросив сто — сто пятьдесят дивизий на Западе и ударив на Востоке, можно одержать победу. В 1918 году уже в марте определился мрачный для Германии перелом войны. Для масс де-факто дело определилось *9 ноября 1918 года*. Видимо, и сейчас так... Диалектический процесс, его тенденции определены СССР... Мы устояли!

В начале войны Гитлер спросил генералов Кейтеля и Браухича: «Выиграет ли Германия войну?» Кейтель сказал: «Да», Браухич: «Может быть...» Браухич давно в отставке, потому что старик сомневался. Он старой школы и помнил предупреждения Фридриха II и Бисмарка о России.

Читаю блистательную статью Мориса Тореза — о сопротивлении французского народа.

В 5 часов поехал на премьеру. Спектакль идет ровно, в темпе, чисто. После второго акта — овации. Спектакль выше других работ этого театра... Подумал — какая нужна драматургия, чтобы взволновать *в будущем* людей, переживших эту войну?..

8 ноября 1942 года.

Солнечно, холодно... Окна сплошь замерзли... Воздушная тревога, стрельба.

...Генерал-лейтенант Говоров дает установку: каждый воин Ленфронта должен открыть свой личный счет¹... Это повысит активность фронта.

Подводные лодки КБФ упорно действуют. В море двенадцать лодок, но нет сведений от пяти...

В 2 часа дня в Пубалте... Начал было работать, — помешала воздушная тревога. Просили сойти в убежище, так как на город шло более двадцати самолетов.

¹ По истреблению врага.

Сырой подвал. Тесно. Столбы покрываются белым грибком. Играют в домино, читают газеты от 6 ноября, спят... Напрасная трата времени. Обдумываю две статьи. В нашем домике мы не обращаем внимания на воздушные тревоги.

В прессе хвалебный хор России: от норвежцев и афганцев — до Рузвельта... Пока нет английского официального приветствия, лишь несколько хороших слов Ллойд Джорджа и его сожаления по поводу того, что в течение двух кампаний союзники так и не пришли на помощь России...

В 8 часов, по радио. Американские десанты в Алжире, Марокко... Армия Роммеля отступает. У англичан на 7 ноября: более 20 000 пленных, захвачено 350 танков, 400 орудий и пр. Говорят о сдаче двух германских дивизий. Словом, Гитлер получил «подарки» 6, 7 и в ночь на 8 ноября.

Мороз до 14 градусов... К ночи налеты. Тревога, каждые несколько секунд разрывы двух-трех бомб, сильный зенитный огонь... Потом еще раз или два... Качнуло домик...

9 ноября 1942 года.

Виши объявило войну США (ответ американцам на десант в Алжире и Марокко).

Возможно, что предстоят действия против Италии и на Балканах, а может быть, в Южной Франции. Рассредоточив силы «оси», можно ударить в Ла-Манше, в Скандинавии и нанести удар по их Восточному фронту (тут мы поработаем!), а затем — по Японии, там у союзников неважные дела...

Написал в «КБФ» статью «По черепу Гитлера — градом ударов!». Это обзор и политический призыв к балтийцам: о солнечном свете с Востока, о надеждах народов...

Рано темнеет, это мешает работе, керосин на исходе... Надо дописать... (Электрический свет опять не дают...)

Мысли. У нашей страны абсолютный, небывалый моральный авторитет. Какие огромные внутренние усилия мы обязаны сделать, чтобы в области культуры подняться еще выше, достичь новых высот. Достигнем — безусловно. Внутренний мир наших людей неизмерим — это святой народ... Его угадывали гении — Пушкин, Толстой. Они предтечи русского Возрождения... Через неистовое отрицание царской России, после побед Октября — к созиданию новой России, к лучшим традициям России, к возвышению ее славы, мощи, ума. Мы делаем вклад в создание нового человечества. В нас кровь, культура и сила Европы и Азии, мы,

видимо, прототип будущего... Да, простой советский человек, с его внешней незамысловатостью — человек в гимнастерке — оказывается духовно и физически наиболее сильным и стойким. Это не приводит к теориям об исключительности расы, но это обязывает нас усиленно действовать, помогать созданию облагораживающего социалистического устройства мира... И Германия после разгрома фашизма найдет свое место...

...Вечером у В. Инбер. Тепло, дружно, весело. Тревога, на которую не обращаем внимания. В парткабинете больницы¹ вечер студентов и моряков. Выступали писатели... Я говорил об европейской обстановке, привел новые данные, цифры... Оккупированная Европа бурлит, — ждет часа расплаты...

Выпили за «капут Гитлеру». Шутили, острили. (Видела бы немецкая разведка настроение ленинградцев!)

Говорят, с первого января вводится старая военная русская форма: мундиры, погоны... Есть доля внутреннего личного удивления... и спокойный ответ: да, и для нас — старых красногвардейцев. Мы стоим этого и все берем уверенно, традицию приемлем по праву и силе. Русским *народным* офицерам — ура!

Немцы уже строят укрепленный рубеж на Западной Двине, Днестре, Висле и Одере — к востоку от Берлина (!). Это им не по-может!

В Финляндии заболевания от голода. Отпуск финнам на осенние полевые работы мы сорвали, имитировав наступление на Карельском перешейке. Это скажется... В лесах появляются партизанские финские отряды. Мы их используем на финских коммуникациях.

В Прибалтике много советских элементов: бедняки, рабочие, интеллигенты. Идет подпольная работа и в Риге...

В Сталинграде немцы перешли к обороне!

10 ноября 1942 года.
(500 дней войны.)

Мороз несколько спадает...

Тревоги... За два дня сбито двадцать два немецких самолета.

Канонада к вечеру и ночью. Некоторые товарищи говорят о близком прорыве кольца (?).

¹ В. Инбер жила в Эрисмановской больнице.

Ночью в свете прожекторов (!) и под сильным артиллерийским прикрытием в Ленинград пришли четыре подводные лодки. Немцы проморгали: прожектора их путали.

Обеспечил Азарову месячный отпуск, кроме того, его переведут в авиасоединение. Там ему будет легче работать. У него очень ухудшилось зрение...

11 ноября 1942 года.

Встал в 8 часов 30 минут. Голубое небо, облачка, холодно...

К 9 часам — тревога.

Вести из Африки: занятие Касабланки, Орана и др. союзниками. Французы переходят на их сторону, в том числе командующий Северо-Африканским фронтом, назначенный Виши...

В Сталинграде снег, морозы; действия мелких групп в заводском районе...

В час дня в ПУ. Проверил материал о распределении писателей, их заданиях, нуждах. Дал докладную записку о необходимости переаттестации, повышения в звании нескольких товарищей, о зимнем снабжении для писателей (литература, теплые вещи, керосин и др.).

Об обстановке. В последнее время группа в шестьдесят ночных «юнкеров» бомбит город с аэродромов Пскова, Красногвардейска и др. Были сброшены бомбы у Марсова поля, на Социалистической улице, на Боровой, на Охте и пр. В город бомбардировщики проникать не должны. Сейчас ПВО улучшает работу.

На Ленфронте заметно оттягивание немецких сил на Юг; ушла 12-я танковая дивизия. Усиливаются партизанские налеты на немецкие тылы. В окопах затишье... Противник сбрасывает безграмотные листовки... На Карельском перешейке немцев нет.

На Финском заливе лед и у Гогланда и у берегов — до Таллина. Малый флот переходит на зимовку... Лодки возвращаются обледенелые. Нет сведений о четырех лодках. Это омрачает конец кампании. Осипов вернулся со своей лодкой; утопил три транспорта. На рубке лодки: «8» — общее количество потопленных ею транспортов.

Американские войска идут в Тунис. Триполи, таким образом, под ударом. Роммель в стратегическом окружении, но этого мало, дело в том, чтобы и оперативно-тактически окружить его и добить.

США пока что занимают французские колонии и конфискуют французский тоннаж.

Гитлер теряет африканские базы, снабжение, значительные кадры агентуры, войска. Италия зашатается... Подводная война в Южной Атлантике ослабится: французские острова отпадут, строже будет контроль над секретными транспортными базами и т. п. На очереди Дакар. А испанские и португальские власти на юго-западных и Канарских островах, в Испанском Марокко и пр., видимо, подожмут хвост после единого наступления сил США и Англии. Жаль, что они только раскачиваются на Западе.

...В 7 часов — московское радио: Гитлер занимает петеновскую Францию и отдал приказ о занятии Корсики.

1) Это крах «нового порядка», идеи их «сотрудничества».

2) Мечта Муссолини — остров¹ попадет к немцам! Это обозлит итальянцев...

12 ноября 1942 года.

Усталость, головные боли, грипп. А надо работать... Прочел статью Геббельса из «Das Reich» — о русской душе... В Германии возникла дискуссия о «русской душе» — о природе русского упорства, стойкости и пр. И вот «доктор» объясняет: «Советская Армия оказала нам большее сопротивление, чем мы привыкли встречать... Это действует на публику запугивающе»; «Национальной интеллигенции у русских нет...» и т. п. К чертям эту «философию» недоноска. Много ли он знает о России? Мы его еще допросим!

13 ноября 1942 года.

Пасмурно...

Сел писать с утра статью для «КБФ» о событиях в Африке. Нестерпимые головные боли...

Горком срочно затребовал отчет о деятельности писателей КБФ; видимо, составляется общий отчет, может быть, об интеллигенции Ленинграда... По своим записям и сообщениям Рогову составил (с Успенским) отчет на тринадцати страницах. Дал и список погибших: из пятидесяти человек погибло двадцать...

...Англичане взяли Тобрук. Роммеля преследуют. Американцы и англичане должны скорее ударить через Тунис на Триполи. Немецкий десант (воздушный и пр.) появился в Тунисе, прикрывая тыл Роммеля.

Во Франции, должно быть, беспокойно...

---

¹ Речь идет об острове Корсика.

14 ноября 1942 года.

Всегда просыпаюсь в 6 утра. Хочется слушать информацию...

Надо бить немцев в странах, где все кипит, где партизаны, где нет немецких укрепленных районов. Вот тогда покрутился бы Гитлер и его шайка!

События в Тулоне. Шестьдесят два боевых корабля Франции — с кем они пойдут? Немцы подтягиваются к Тулону, но это лишь разогреет патриотические настроения французских моряков... Лучше идти им на сторону союзников, чем бесславно погибнуть в стране, оккупированной Гитлером.

Днем написал статью-фельетон «Геббельс и русская душа».

Тревога. Зенитный огонь. Прилег, — как-то плохо мне, — грипп, что ли, не отпускает...

15 ноября 1942 года.

С вечера 14 ноября выпал снег...

Воскресенье... Хочу немного отдохнуть.

По радио передают выступление партизан Украины... До слез волнует простая речь, голос хриплый, усталый... Бьются люди... Один отряд за 70 боев уничтожил 915 фашистских душ, 42 эшелона пустил под откос, 40 мостов и 139 автомашин взорвал.

«Все будет сделано!..» — кончает партизан... В репродукторе — шум аплодисментов.

16 ноября 1942 года.

...Получил телеграмму от «Правды»: «Поздравляем с высокой наградой, желаем Вам успеха в дальнейшей высокоплодотворной работе. Сердечный привет. Ярославский, Ильичев». Ответил сегодня: «Звание правдиста оправдаю...»

Усталость... Слушаю, ловлю радио...

Мысли бегут. Иногда тяжелые, сумрачные — о моем здоровье. Гоню их... Нет, должно хватить у меня сил! Я не сдам — пусть кровь, грипп, усталость и пр. Буду идти до конца.

Прорвем кольцо, пойдем по старым дорогам, на Запад... В Таллин, в Ригу, в Кенигсберг, где старый Кант просился в русское подданство, и до площади Берлина, где немцы сдавали ключи русским в 1760-м! Я сказал в ССП на общем митинге днем 22 июня: «Мы, русские, дважды были в Берлине, будем и в третий раз...» Это — как клятва...

Приказал подготовить мотоцикл (ремонт рамы, шитки и пр.) и поставить рогатку для пулемета.

Чувствую, что хочется новых действий, движений. Грипп надоел. Поехал в театр... Сегодня просмотр спектакля для общественности Ленинграда.

Пришли Н. Тихонов и др. В ложе — Б. Бабочкин, С. Герасимов, Т. Макарова, прилетели из Москвы. Пусть смотрят спектакль осажденного Ленинграда!..

Звучит «Раскинулось море широко»... Балтийцы любят матросскую песнь.

В Ботаническом саду раздобыли розы артисткам. Как всегда, принимали спектакль отлично.

Немного б меньше усталости...

Фрицы что-то не летают. Погода мешает (сырая оттепель). Кстати, зенитчики бьют лучше...

Под Нальчиком идет уничтожение немецкой танковой группировки.

Сталинград неизменно отбивает атаки. В последние дни отбиты атаки пяти сводных дивизий...

17 ноября 1942 года.

Туманно, сыро...

Речь де Голя к Франции. Видимо, борьба идет за Францию вплотную...

На нашем фронте повышенная активность: налеты, разведки...

Сталинград отбивает противника, контратакует!

Усталость, кровотечение из носа.

В 3 часа дня вызывают в Военный совет.

Попросил у вице-адмирала Грена сведения об обстрелах города. Немцы бьют с тридцатипятикилометровой дистанции, пользуются туманом и пр. У нас визуального наблюдения нет; засечка тоже трудна. Нарком Военно-Морского Флота адмирал Кузнецов советовал Грену улучшить организацию: использовать всячески корректировщиков, и снайперов, и партизан, и самолеты. У нас отстает артиллерийское наблюдение.

...Прочел «Василия Теркина» в «Знамени». Твардовский резко ушел от современной агитполитической манеры; взял народно-солдатский сказ, сплавил его с нынешним ощущением вой-

ны — получается свежо, местами трогательно-наивно, чисто... Есть в поэме и простецкий и сильный дух — солдатский, русский... Есть юмор, меткие наблюдения, простор... Да, это лучше приевшихся напряженных, «горловых» стихов...

18 ноября 1942 года.

Выпал снег. С утра солнечно. Днем барражируют истребители.

В Ленинграде маленький кочан капусты, полморковки и четыре картофелины стоят 160 рублей (!).

19 ноября 1942 года.

Снежный пейзаж. Туман...

Усталость... Пробую сделать передышку. Отложил записи и пр. Перечитывал «Трилогию» А.К. Толстого. Перелистывал «Новый мир» за 1940 год.

Обдумывал статью для радио «Немецкие управители не уйдут от ответа»... От партизанского штаба получили списки немецких ставленников и т. п.

Мысли о новой пьесе... Образ молодого мудрого командира, рука, смельчак... Образ старого матроса (боцмана?)... *Встреча поколений.* Взаимооценка, критика, серьез и юмор...

Записал по годам — приблизительный конспект — основные этапы войны Англии и США с Гитлером, вернее с «осью». Отдохнуть, выключиться не могу...

Война идет многомесячными скачками, гигантскими стратегическими комплексами. Германия, «ось» — упорны... Сейчас — борьба за инициативу. Впереди: зимний удар Красной Армии; битва за Тунис и Триполитанию; весенние операции (второй фронт??).

...А жизнь идет... Но личная и семейная жизнь миллионов людей нарушена.

В 6 утра сообщение о поражении немцев под Орджоникидзе. (Нальчикский прорыв, таким образом, ликвидируется.) *Первая ласточка зимы!*

Союзники начинают борьбу за Тунис: привлекли французов, используют Дарлана и др., создавая, таким образом, прецедент и для подобных типов в Европе. Расчетливы...

20 ноября 1942 года.

Хлопоты о дровах.

Был доктор. Обычное: «Нужны тонирующие средства, покой...» и т. п. Сдерживаешь улыбку...

Итог подводной войны на Балтийском море (в 1942 году).

Потоплено более 500 000 тоннажа (корабли противника). У нас погибли две «малютки», подводные лодки Вишневого, Грачева и несколько других.

Мысли о новой пьесе... Юнга, наивный, веселый, подражает командиру. (Развитие образа Петро из «Конной»...) Диалоги о России, о враге, об истории. Все время сложные ситуации...

Мне бы только несколько дней отдохнуть.

Рано смеркается. Коптит керосинка... Слушаю радио. В Северной Африке развертывание операций, о которых явно молчат. Игра американцев с Дарланом; обходные движения войск... Подождем.

Читал стихи Пастернака... Замечательное ощущение природы, города, музыкальность, таинственность, но все время стихия любви... Сложное видение, абсолютный индивидуализм... Не по мне!

Спать... Выспаться — и проснуться бодрым, здоровым!

21 ноября 1942 года.

Выспался, бодр, побрился. Хорошее физическое ощущение свежести. Только бы подольше оно длилось.

В Северной Африке крупные события: новая американская армия вышла к Габесу и разрешила немецко-итальянский фронт...

Под Ленинградом создается ударный кулак: новая Н-ская армия из бывшей Невской оперативной группы. Нарастают силы и Волховского фронта. Блокада должна быть прорвана!

Правда, нет прошлогодней лихорадки: «Помощь идет... Будет к 1-му, нет к 15-му, нет к Новому году», — этого уже нет. Идет нормальная жизнь военного времени с ее неизбежными трудностями.

9 ноября немцы сообщили о прекращении атак против Сталинграда... Но пробовали все последнее время атаковать. Без успеха... Вообще о Востоке немцы начали помалкивать.

Немцы теряют связь с Японией и оккупированными районами Индийского океана. Эта связь поддерживалась через Дакар — Алжир.

Ясно, что сейчас идет *общая* перепланировка зимних и весенних операций...

О литературе. Обогащение души, ума народа так велико!.. Война породит нового читателя и новую литературу. Литературу еще большей силы, раздумий, прямоты...

22 ноября 1942 года.

Солнечно...

Служебная записка из Пубалта: 21 ноября стало известно, что наши войска на Юго-Западном, Донском и Сталинградском фронтах перешли в наступление. Немецкий фронт прорван, 2000 пленных, много трофеев. Отлично!

Видимо, зимняя кампания имеет дальние цели.

...Сведения об успехах на Юге подтверждаются и в «Красной звезде», и в «Правде». На Дону прорыв в глубину до двадцати пяти километров, на Сталинградском фронте — до семи километров. Операции развиваются.

...Постепенно идет замыкание гигантского кольца вокруг Германии и ее вассалов. Восточный фронт — стена. Сейчас флангом к нам примыкает Ближневосточный — Африканский фронт с цепью важных авиационных и военно-морских баз. На Атлантике господство союзного флота. Впереди — удары по осажденным Германии, Италии и др. С разных сторон, поочередно и одновременно (?).

Работает наша авиация дальнего действия (АДД). Отдельные налеты выводят из строя целые железнодорожные неприятельские узлы...

Усилилась активность партизан: в сводке отмечается, что за три-четыре дня пушено под откос 66 эшелонов.

Идут огромные работы в резервных частях. Всеобуч дает подготовленные кадры для войсковых частей. Их готовят по новой ускоренной программе. Особое внимание — противотанковой борьбе, стрельбе, окапыванию.

Вечером «*В последний час*». На Сталинградском фронте наши армии перешли в наступление, разгромлены шесть пехотных и одна танковая дивизии противника и нанесено поражение семи пехотным, двум танковым и двум механизированным дивизиям противника. 13 000 пленных, 14 000 убитых, 360 орудий...

Радостно прослушали в керосиновой полутьме это сообщение... Несколько раз... Вспомнились *прошлогодние* зимние сообщения.

Видимо, у Сталинграда идет операция на окружение немецкой ударной группировки. Обе железные дороги немцев перерезаны...

23 ноября 1942 года.

Солнечно... Временами барраж...

В народе говорят о близком конце войны. Старушки пророчат: «4 января — по Библии высчитано...»

А в городе зима делает свое дело — опять дистрофия. Но это не остановит общего разгона: духовного и трудового. Иные говорят: «Устанем после войны...»

В госпиталях раненых мало... С фронта в Ленинград присылают легко раненных, по выздоровлении они спешат в строй. Зимнее обмундирование в частях выдано. Питание достаточное. Войска обжились, и бытовое обслуживание прочнее. Есть свой зимний опыт и у противника — дают какие-то теплые костюмы-балахоны, «коты»; на их аэродромах — подогреватели, улучшенные смеси, масла, снегочистилки и т. п. Но вряд ли это поможет Гитлеру.

...Написал краткое письмо товарищ Мильман¹, привет Эренбургу.

Получил сообщение о том, что Дзиган готов вылететь в Ленинград. «Безумству храбрых пою я песню...»

В 6 утра уехал Вс. Азаров (к жене). От волнения никак не мог влезть в машину...

Получил письма от Крона (из Москвы) и от Тарасенкова (с Ладоги). Крон пишет, что скоро вернется. Браун тоже там застрял. На днях послал ему вызов.

24 ноября 1942 года.

В 7 утра, накинув шинель, в полутьме, слушал радио.

Наступление на Юге идет, видимо, успешно. Уже 24 000 пленных, более 550 орудий... Командование одной дивизии взято целиком. Занят ряд новых пунктов. Берут в клещи всю сталинградскую группировку немцев! Атакуют наши войска и из города, а не только северо-западные и южные фланги...

¹ Секретарь И.Г. Эренбурга.

Противник стремился во что бы то ни стало взять Сталинград к 1 ноября, затем к 6 ноября (приказ Гитлера). Затем передышка до 12 ноября, затем снова... В октябре — ноябре немцы продвигались на... пятьдесят *метров* в сутки, теряя при этом от тысячи до четырех тысяч человек. Дивизии, штурмовавшие северную окраину города, потеряли до 70 процентов состава. Впереди шли немецкие саперы, расчищавшие минные поля, завалы и пр. Враг стремился взять заводской район и добиться господства над переправами...

Наше зимнее наступление: выручка Сталинграда; контрудар по измотанным частям основной группировки противника; содействие союзникам; стремление рассосать орловскую группировку немцев; стремление выйти на тылы кавказской группировки противника.

...Все оживленно комментируют наступление... Мне кажется, что тут удар не на Донбасс, а по главной ударной группе противника с целью выбить из строя румын, венгров, итальянцев; освободить Сталинград от осады; выйти на фланг и тылы кавказской группе войск противника, завязшей в предгорьях...

Эту группу можно опрокинуть в море (Анапа — Керченский пролив — Темрюк — Азов).

Все симптомы подготовки удара есть и на Ленфронте!

...В КБФ все внимание переносят на артиллерию и авиацию. Будут вплотную заниматься и морской пехотой, но отдавать ее целиком армии — нецелесообразно. Наши, флотские, понадобятся еще на кораблях.

Недавно на партсобрании Лебедев сказал, между прочим: «А если придется перебазироваться в Кронштадт или Таллин?..» Пора, пора!..

Катится такой вал новых событий, что литературно-театральные дела (и свои, и чужие) иногда кажутся мелочью.

Головная боль сильнейшая... Что делать?..

К 12 часам, в тишине ночи, вдруг заговорило радио. Мы вскочили, босиком — к репродуктору: «В последний час». Развитие наступления: уже 36 000 пленных, более 1160 орудий, 450 танков, 3 миллиона снарядов и т. п.

Ломать Южный фронт Гитлера!

Возбуждение нервов, духа... Долго не спится...

Когда же и у нас на Ленфронте грянет удар? Внутреннее ощущение несомненности выхода к Пскову, Западной Двине и дальше... Русская земля немцев не потерпит!

25 ноября 1942 года.

Мягкая погода, снега все больше...

Скорее бы замерзла вся Нева, чтобы можно было ударить от Ладоги до Усть-Тосно. Скорее бы замерзли болота!

...О.К. Матюшина говорит: «В основном война завершена...» Нет, рано еще так говорить, рано.

Сильнейшее впечатление в США — от ударов Красной Армии.

Днем вышел в город — больше «лечиться» не могу. Голубое небо, оттепель. У трамвайных остановок толпа — моряки, женщины, рабочие... Пробегают грузовые машины. Чувство высвобождения, вдыхаю воздух... Вспомнился весенний Харьков 1920 года, наступление на Юге, выход из госпиталя после сыпного тифа... Юность!.. Сколько груза на душе, сколько впечатлений, какая перенасыщенность!.. Уже нет былой порывистости, она уравновешивается опытом... При вести о наступлении думаешь не о *первых* успехах, а о развитии их и о *последних* этапах...

Долго ждал трамвая. Проходят девушки как ни в чем не бывало — живучие, упорные, обыкновенные... Вот эта *обыкновенность* нашего быта, труда и есть главное. Народу нашему не свойственны истерические загибы, экстравагантность, позы, мишура... Понять, до конца постичь народные черты, глубже войти в суть народного духа, привычек, вкусов, языка!.. Временами мне это удавалось — и это рождало лучшие мои работы...

Опять глядишь на Ленинград — и опять по-новому: есть какая-то *вырешенность*, — мы одолели, мы одолеваем... Уже *наши семнадцать месяцев* — история; уже это кристаллизуется в *мировые легенды*...

В войсках огромный подъем. Нетерпеливо ждут приказа о наступлении. Идут митинги — отклики на южное наступление.

...На спекулятивных рынках своя жизнь: масло — 1500 рублей килограмм, пшено — 400 р., кислая капуста — 130 р., картофель — 300 р., хлеб — 300 р., соевое молоко — 50 р. литр, молоко натуральное — 200 р., табак — 500 р. (100 граммов!), спички — 35 р. коробок, спичечная пластинка — 5 р., керосиновая лампа — 2 килограмма хлеба, стекло — полкилограмма, мужские калоши — полкилограмма хлеба, старые валенки — 5 килограммов, драп на пальто — 6 килограммов крупы, подметки на ботинки — 600 рублей и т. д.

Трудно, но люди устраиваются, терпят, живут на четырехста—шестьсот граммов хлеба, едят водянистый суп, пьют чай и

трудятся... Мы ведь в свое время около семи лет так тянули — и вытянули... Залечив раны, восстановив разрушенное — шагнули вперед!

Ох и выносливый народ!

Некоторые (например, Людмила Владимировна) уже мечтают о домике в Териоках, о морском воздухе, — симптом для настроений хороший. В прошлом году у этого «слоя» были раздумья, горечь, иногда неверие. Зато сейчас спрашивают:

— А что с Гитлером будет?

— Судить его будем, если живьем возьмем...

В первом часу ночи последние известия. Наступление продолжается, уже 51 000 пленных, орудий — более 1300, автомашин — до 5600, складов — 52 и т. д. Идет уничтожение окруженных дивизий. Видимо, мы крепко подготовились, действуем осведомленно, быстро. Пока никаких комментариев в печати, но ясно, что это успехи огромного стратегического и исторического значения. Разгром ударной, лучшей силы Гитлера! Радиовести передают по три раза, затем музыка...

26 ноября 1942 года.

Оттепель, скользко... Весенне...

Обучают женщин военному делу. «Какого черта учиться, другому надо учиться, скоро война кончится...» Но боевые ленинградские тетки повинуются.

...На Сталинградском фронте — сводка отмечает контратаки немцев. Видимо, подтягивают резервы, сбрасывают с транспортных самолетов...

Партизаны наши в последние дни пустили под откос 100 эшелонов противника, до 1500 вагонов. Крепко бьют.

В Ленинграде — какая-то подготовка: ряд командиров получают секретные задания. В швальнях без конца шьются шинели и пр.

1-й авиационный гвардейский полк бомбит Хельсинки... Взрывали крупные склады боезапаса. Взрывы и пожары были видны третьей волне бомбардировщиков.

Пробую писать очерк о Ленинграде — впечатления последних дней. (Головные боли... Идет обстрел района — стреляют два немецких дальнобойных орудия.)

...Наше наступление на Юге имеет исключительное значение. Летний план Гитлера был сорван. Налицо ослабление возможностей Германии; с другой стороны — рост наших сил.

Противник потерял до 50 процентов боеспособных контингентов. Количество потерянной техники также огромно... Немцы потеряли время, потеряли веру в ударную силу танковых, механизированных дивизий и дивизий СС. Красная Армия родила *новый* метод борьбы за города (Ленинград, Одесса, Тула, Севастополь, Воронеж, Сталинград и др.). Происходят глубокие качественные изменения сторон.

Моральный выигрыш на стороне СССР... Влияние на нейтралов, на весь мир. Битва на Юге оказывает влияние на весь ход войны. В нужный момент, учтя обстановку, силы, тенденции развития событий, *мы начинаем контрудары*.

Мы устояли духом, устояли в битвах, увеличили промышленность, оборонное производство, восполнили сельскохозяйственные потери, сохранили резервы...

В полночь *сводка*. Наступление на Юге продолжается; *пленных уже 63 000*, танков всего взято 1350 (!), орудий до 1600, складов 108 и т. д. Это похоже на побоище... Не чета Египту и Ливии!

27 ноября 1942 года.

Солнечно. Подмораживает...

Немцы признали прорыв своего фронта, но в утешение что-то пишут о своих... электрических пулеметах и огнеметах.

Армейский комиссар товарищ Рогов нажимает: «Почему мало пишут о флоте в центральной печати?» А тут нажимают: «Пишите для «КБФ», для Ленинграда...»; «Вы на Рогова работаете...» и т. д. Писатели пробуют создавать книги. Это, естественно, уводит от газетной спешки.

Днем в голубом ясном небе воздушные бои... Люди временами с интересом посматривают, наблюдают... Потом обстрел... Потом отбой...

...В толпе: «Скоро конец войне... В три часа ночи — по радио — песни передают!...»

Может быть, это инстинктивное ощущение, что мы уже одержали *нравственную победу*, — и далее война пойдет к неизбежному победному концу?

Ждал до часа ночи «В последний час». Не было.

28 ноября 1942 года.

Мороз усилился. Окна заиндевели... Пасмурно. Барометр упал до 725.

В 11 часов — подробности трагедии в Тулоне. Немцы, дав обязательство не трогать французский флот и Тулон, подтянули *танки*, авиацию и пр. и утром 27 ноября стали врывать в Тулон... Моряки, гарнизон и население оказали сопротивление, стали взрывать корабли и форты... Честь и слава морякам Франции! Они сделали огромное дело. Флот и форты (арсенал и склады) в Тулоне уничтожены — немцам не достались!

Англия удовлетворенно вздохнет:

1) убран сосед с морской мощью, на годы; союзный контроль в Средиземном море усилится,

2) флот не достался Гитлеру,

3) Франция до конца озлобится против Гитлера...

...Ночью: о наступлении на Центральном фронте — Ржев, Великие Луки! Прорыв немецкого фронта!

29 ноября 1942 года.

Упорные бои на Юге и на Центральном фронте. Противник контратакует. В Сталинграде очищают от немцев заводскую северную часть города.

Головные боли. Ходил по саду. Начинают возникать образы пьесы... Наметил и необходимый план подготовительных работ: материалы, источники и т. д. Надо принести из Пубалта необходимые комплекты. Достал большую тетрадь...

Минутами внутреннее волнение, до спазм, когда думаю о духе пьесы. Взлет! Россия! Но хватит ли физических сил дать настоящий накал?!

...К девяти часам вой воздушной тревоги. Работал над черновыми набросками пьесы. Отдельные мысли, реплики, заготовки, предположения.

«В последний час». Прорвана новая оборонная линия немцев на восточном берегу Дона. Удары на Центральном фронте. Число пленных уже 66 000 человек, орудий взято 2000 и т. д.

Ночью опять тревога и раза три глухой, как сквозь вату, рокот зениток...

30 ноября 1942 года.

Тихо... Снег...

Побрился. Голова как будто легче. Написал в Военный совет письмо о некоторых организационных мерах по писательской линии; доложил о своей работе, о пьесе...

Привел в порядок рабочий стол... Пишу черновики, заготовки пьесы...

Впервые за много месяцев съел сегодня кусок свежего мяса.

С.К. получила звание техника-интенданта 1 ранга (равно старшему лейтенанту)... Здоровье ее неважно: похудела, кашель... Главное — нервная усталость от прошлой зимы. Она инстинктивно, с детства, не выносит темноты, холода. Надеюсь, что преодолет. Она — молодец! Будет — лейтенант с медалью за оборону Ленинграда...

...Привезли центральные газеты. Первые подробные описания сталинградских боев: тщательность подготовки, стремительность, отдельные интересные штрихи. На Центральном фронте в четырех местах прорвана так называемая линия Тодта. Фашисты строили ее около года, рассчитывая на удары по Москве... За десять дней они потеряли около 100 000 убитыми, 66 000 пленными и несколько десятков тысяч ранеными.

Так отвечает русская Красная Армия!

...Немцев лихорадит, — где еще грянут русские удары? А они грянут!

Бить врагов, удар за ударом, без передышки!

«В последний час». Наступление продолжается. Эффект внезапности прошел, видимо, немцы упорно сопротивляются... Юго-западнее Сталинграда охват противника идет как будто широко... Размах остальных операций огромный и еще рано итожить...

1 декабря 1942 года.

Год назад по улицам тянулись саночки с трупами, брели дистрофики... И меня везли в госпиталь. Сейчас тянут санки с дровами. Жить!

Солнечно... Поставил большой стол, все удобно разложил... Послал в Пубалт свой отчет за семнадцать месяцев.

Работаю, некоторые интересные новые эпизоды, штрихи...

В «Красной звезде» статья о русской гвардии, о традиции ношения погон (наплечники старинных русских воинов)...

В ЦО от 30 ноября чудесная статья-рецензия Н. Тихонова о нашем спектакле. В ней атмосфера Ленинграда, блокады, борьбы, оптимизма... Ряд умных штрихов, характеристик... Такая статья в «Правде» — хорошая награда за труд и весть всем друзьям, читателям, зрителям...

Из последней информации явствует, что под Сталинградом разгромлены в первую очередь *итальянские* дивизии (!). В сочетании с воздушными ударами и ударами в Северной Африке — это для Италии, видимо, смертельные дозы... Обостряются итало-немецкие отношения. Итальянцы обвиняют Роммеля в бегстве и захвате итальянского автотранспорта. Обвиняют немцев в недостатке средств ПВО в Италии... Как всегда, при неудачах — грызня, склоки и пр.

Видимо, удары союзников *рассчитаны* (некоторая «гармония»). Немцы вынуждены помогать Италии. Летать надо, но на чем? Откуда им брать дивизии, авиацию и пр., если сыпятся удары на Востоке, зреет удар с Юга и, может быть, на Ла-Манше или в Скандинавии?.. Неумолимы законы войны.

«В последний час» не было.

Ночь тихая... Скребуются крысы... Снег... В занятых нами окопах находят первых замерзших немцев.

2 декабря 1942 года.

Обстановка. На Юге наши, начиная 19 ноября наступление, имели в виду замкнуть два кольца вокруг войск противника.

Сейчас замкнуто первое кольцо: Северо-Западный участок — Калач—Абганерово. По английским данным, тут в ловушке — 250 000 немцев. Их пробуют снабжать с Ю-52. Но снабжать зимой такую армию при условии активности нашей истребительной и штурмовой авиации — задача почти невыполнимая.

Второе кольцо должно замкнуться (на тылы немцев) в излучине Дона и с Юго-Западного направления (встречным ударом). Сейчас «клевня» наша на Дону, кажется, застопорилась...

Одна группа наших войск пошла через калмыцкие степи в южном направлении, выходя на немецкие тылы у Элисты, и далее.

...Когда мы слоим *наше* кольцо? У немцев в окопах людей не так много... При вылазке на днях взято четыре человека: гарнизонный (больной) из Франции, бывший старший писарь, бывший пекарь, бывший судовой. Это все эрзац-солдаты. Но все же они еще держатся...

...У людей радость и острая нервная реакция: всплывает все, что сдерживалось, — горе, раздражение, обиды и пр. Мстить Гитлеру!.. Жаждают развлечений, комфорта, прочного устройства. Равнато об этом думать... Спрашивают, как я вижу переход к миру?.. Необходимы творческие стимулы: восстановить все разрушенное, надо вывести страну на *первое* место в мире. (Работа на пятнадцать — двадцать лет, условно говоря...) Будет трудный (пси-

хологически) переходный год, может быть — два... Пройдем и это. Создастся ритм — новый, мощный.

3 декабря 1942 года.

Военно-морское издательство прислало тысячу рублей (919 р. 10 к.) за сборник «Балтийская весна». Что-то издали *мое* — без *меня*. Давненко из Москвы вестей не было...

Был доктор. Пульс и давление крови лучше. Некоторое влияние лекарств, может быть, прогулок... Говорит, что в массе красноармейцев наблюдается уменьшение веса. Видимо, недостаточна калорийность пайка. Даны указания беречь силы при работах и т. п. У командиров во многих случаях повышенная раздражительность, нервозность. За зиму надо пропустить их через дома отдыха. Отмечается даже у двадцатипятилетних затяжное повышение давления крови. Как правило — после боевых операций...

...Наши части в ходе наступления испытывают трудности: снегопады, необходимость сложных маневров, подтягивание тылов, налаживание новой связи и пр. Здесь есть слабину...

4 декабря 1942 года.

Тихо... Жизнь подчинена ритму радиовестей и работы. Только газеты и письма порой раздвигают сферу ощущений, дают весть о Москве, о широком мире...

Получил открытки от Крона (обещает скоро вернуться, но когда — неясно) и от Брауна, который выезжает 15 декабря.

Радиокомитет популяризирует наш спектакль и дает его по радио... В Московском театре оперетты вывешена афиша ленинградского спектакля «Раскинулось море широко»...

5 декабря 1942 года.

С утра обычные дела: проветривание и уборка комнаты, бритве, чашка кофе, хлеб... Работаю... Временами головная боль... С.К. тревожит мое недомогание.

Рано темнеет. Штудирую комплект «Красного флота»...

В городе расчищают снег... Бредет старушка с палкой: «Из больницы, дистрофия третьей степени... Ну, черт с ней, скоро победа, поправлюсь». Ишь, прыткая!..

Прохожие удивляются, что наш деревянный домик цел...

6 декабря 1942 года.

Тихо...

Годовщина контрудара Красной Армии под Москвой...

Работаю... Минутами подъем, минутами только «заготовки». Сделаю!

Бродил в сумерках один по комнатам. В окно увидел машину... Приехал (прилетел) Крон... Обнялись, расцеловались. (А ведь на днях у ладожского берега сбили один самолет из Москвы.) Первая суматоха, письма, две посылки, куча взаимных расспросов.

...Крон говорит, что в стране ощущается недостаток продовольствия; в ряде мест просто голодно... Промышленность набирает темпы, но есть неполадки с эвакуированным оборудованием, кадрами... На станциях много «беженствующих».

...С Кавказа прилетел восьмидесятичетырехлетний В.И. Немирович-Данченко: «Очень удобный способ передвижения, теперь всегда буду летать».

...Хорошо говорят о Москвине; он с достоинством держался в Минске во время немецкого нападения, заботился об эвакуации актеров, отказался от машины: «С кем имеете дело? Я депутат и уйду последним...»

7 декабря 1942 года.

Крысы съели яблоки, присланные Папаниным, мыло и пр.

Начал работать, но организационные дела перебили. Ничего. Смелее!

Немецкое радио сообщает, что три дня идут бои на Новгородско-Ильменском фронте и русские прорвали фронт. Отлично!

На Сталинградском и Центральном фронтах втягивание немецких резервов: они бросают в бой даже аэродромные команды, преподавателей и учеников унтер-офицерских школ. Видимо, им туго. Но строить радужные планы еще рано... Нужно время и новые удары.

В городе снежные заносы... Перебои с транспортом... Трудно...

Удары на Великие Луки и удар новгородско-ильменский приближают, полагаю, дни ударов и на Ленинградском и на Волховском фронтах.

Из анекдотов. «Для войны нужны: вооружение, люди, выдержка. Англичане считают, что вооружение даст Америка, людей — Россия, а выдержки хватит у англичан».

9 декабря 1942 года.

...Постановление СНК СССР о присвоении строевых званий (генерал-лейтенанта, генерал-полковника и т. п.) членам Военного совета и руководящему составу политработников...

Еду на соединение тральщиков.

На тральщике. Корма оторвана; идет ремонт, корабль готовится к кампании 1943 года... Команда из спасшихся с погибших подводных лодок и тральщиков. Есть среди них и из морской пехоты... Орлы! Есть и необстрелянная молодежь. Везде учеба, лекции...

Немцам не удалось закупорить наши выходы. Все типы немецких мин изучены, их обезвреживают...

Выборы в Верховный Совет СССР отложены еще на год — до декабря 1943 года...

10 декабря 1942 года.

Головная боль...

В 12 часов поехал в город.

Опять декабрьский пейзаж, Нева подо льдом, снеговые кучи...

...Зима опять приносит вялость, меньше производительность.

Днем тревога... Артиллерийская стрельба. У ленинградцев к ней полное безразличие, смешанное с некоторым раздражением: дескать, ну опять...

Заготовительные организации собирают хвою на местах воинских и других порубок. Намечаются некоторые меры для весеннего сева...

Опасаясь, что новые заносы могут прервать трамвайное движение. Да, второй год блокады — это нелегко... Надо напрячь все силы и рвать блокаду.

США потеряли за год войны 58 307 человек. Мы же потеряли за войну миллионы.

Тамбовская область собрала сорок миллионов рублей на постройку танковой колонны... *Пример тамбовцев надо подхватить!*

Передовая ЦО призывает девушек страны к усилению переписки с бойцами Красной Армии. Надо ободрить бойцов, согреть их лаской и заботой...

11 декабря 1942 года.

Оттепель... Поэтому Ладожская трасса задержится. Связь с Кронштадтом и островами ухудшается.

Днем работал... Надо писать страницу-две, как бы ни болела голова...

В 4 часа в госпиталь: токи Дарсонваля, электризация, массаж. Доктор успокаивает, говорит, что это невралгические боли... За окнами артиллерийский обстрел... Сырая тьма.

У Крона нервное истощение... Как сразу к этой зиме у нас дают себя знать все внутренние беды организма.

Немцев отсекли от железной дороги под Сталинградом и *больше трети* истребили... Взломали и «линию фюрера»: Ржев—Великие Луки...

Утром по радио передавали об отставке начальника германского генерального штаба. (В 1941 году сняли Браухича.)

Гитлер созывает в ставке совещание высшего командования германских вооруженных сил... Планы на 1943 год?

Пассивно ждать Гитлер не может: резервы напряжены... Пробовать идти на Москву в третий раз? Не рискнет!..

12 декабря 1942 года.

Ясное утро...

Несколько воздушных тревог, временами стрельба. Работаю.

...С 15 декабря в городе дадут электрический ток для домов — с 7 часов вечера до 12 ночи. Это отлично!

В Пубалте говорят: «К началу декабря ждали большого наступления Ленфронта в сочетании с развитием наступления Сталинградского и Центрального фронтов. Но дело задержалось».

...В Колпино — руины... Стоит ажурная — пробита в восьми местах — огромная заводская труба... Тьма... Двухэтажный домик — местное кино — верхний этаж снесен... В толпе: «Нет ли билетка?» Идет «Большой вальс». В подвале показывают и самодеятельность. Оркестр... Старик рабочий, в медных очках, играет на скрипке... Танцуют какие-то девушки.

Привели испанца-перебежчика. Наши солдаты сами без табаку, а ему нашли папирос. Конвоир набросил на дрожащего испанца свой полшубок, тот сконфузился, растерялся... Конвоир стал усаживать его в кабину грузовика, но он отказался; поехали в кузове.

Принял две таблетки бромурала, но не спалось... Услышал глухой голос ночного радиосообщения: итоги и трофеи с 19 ноября по 11 декабря. Цифры солидные. Но как идет развитие операции? Завтра узнаю.

13 декабря 1942 года.

Полная оттепель... Проступают грядки в саду. Обнажились дрова, еще недавно занесенные снегом... Я думаю о проблеме Ладogi — там, очевидно, тает. А если зима вообще будет оттепельная, такие бывали в двадцатых годах... Ленинграду снова придется сидеть на сокращенном пайке.

Табачный паек заметно уменьшился. К махорке примешивают кленовый лист. В городе собирают из-под снега опавшие листья и сдают на табачную фабрику... «Да разве это можно курить?» — «Эх, и не то курить будешь». (Из уличных диалогов.)

В «Ленинградской правде» № 292 (8398) о быте города: «Вопросы быта сейчас стали гораздо острее, чем в мирное время и даже в начале войны. Значительная часть женщин занята на производстве и не может уделять внимания дому... Работа столовых не удовлетворяет требованиям трудящихся... При первых же морозах в некоторых домах из строя вышли стояки, жителям приходится брать воду в соседних домах. Аварии ликвидируются медленно...» и т. д.

Исполком принимает меры.

В 2—3 часа — очередной приступ головных болей... «Подкорковые», невралгического типа, блуждающие — левая половина мозга, у виска, уха, где-то в глубине, отдает и на зубы... Вылечиться, как угодно!..

Проверяют электрическую сеть. Ставят С.К. отводной телефон... Вода есть!.. Привезли еще полтора кубометра дров!

В 4 часа опять в госпиталь...

В госпитале сделали рентгеновские снимки головы: профиль и анфас.

Пока проявляли снимки, беседовал с симпатичным врачом. Он из Баку, семнадцать лет занят рентгеновским делом. Рассказывал о ряде профессиональных казусов.

Принесли снимки. Крупные. Включили настольный экран — и я увидел, впервые в жизни, свой... череп. На негативе — крупный белый череп с характерным лицевым углом, «безносый»... Отдельные тени... Доктор спросил — не было ли у меня ушибов, ударов? Были, но деталей не упомнить... Затемнение в лобной части — следы воспалительных процессов в лобных пазухах. Лечил ингаля-

циями и электризацией, — раньше мучили боли... Как будто особых бед нет, но это выяснится завтра, очевидно, на консилиуме.

Делали затем электризацию головы. Приятное прогревание... Боли пока прошли...

Хлынул поток мыслей о будущих литературных работах. О книге «Ленинград»... Может быть, это и будет завершением долгих поисков «Войны»? История жизни — сквозь призму города?.. И этот дневник — часть книги... Да, временами я замыкаюсь, временами о городе надо черпать больше материала, но в сумме — того, что я пережил, знаю о городе — мне, пожалуй, хватит... Мне надо увидеть, быть участником прорыва блокады, видеть город и его людей в момент победы.

Мне представился год работы, а может быть, и больше... Все написанное — все черновики, архивы... и моя большая первая настоящая книга прозы — «Война»... Надо дожить, дойти... Я сделаю сильную вещь.

Из последней информации. Немцы были очень встревожены американо-английским вторжением в Северную Африку. Это усугублялось шатким положением в Италии и провалом планов на Востоке. Но сейчас немцы выправились: «В Северной Африке 50 000 немцев держат и будут держать 500 000 американцев и англичан столько времени, сколько потребуется...» Вот тон немецкого радио и прессы. В Англии и США недовольство и нервозность общественного мнения. Успокоения: «Мы действуем наверняка, идут приготовления, удар будет нанесен своевременно...»

...В Ленинграде формируется ударная артиллерийская минометная бригада с новой техникой. Командиры из гвардейских частей. Видимо, это часть прорывного действия. На Ладоге, ломая тонкий лед, пробиваются буксиры и баржи с грузами.

Сталинградское наступление комментируется широко... 22 окруженные дивизии немцев снабжают по воздуху, но за двадцать один день немцы потеряли 353 транспортных самолета...

Наши упорно продолжают операцию.

В английской прессе наш удар под Сталинградом вызвал и некоторый внутренний испуг и изумление: «Каковы же силы этой страны, которую мы так мало знаем?» — вот подтекст.

В англосаксонские планы входит обескровливание и Германии, и России. Но получается, что Россия стоит и она явно сильнее, чем 22 июня 1941 года. Развернуты новые армии и колоссальное военное производство. Янки не хотят появления Красной Армии в Европе...

14 декабря 1942 года.

Оттепель. Прогнозы дней на десять (?)... Это нарушает наши многие военные и снабженческие планы. Аэродромы размыты. Грязь. Туман. На Ладоге возобновляют навигацию...

Вероятно, эта атлантическая волна тепла идет широким фронтом. Вероятно, распутица и на Центральном фронте. Нашим продвигаться по грунтовым и прочим дорогам трудно.

Великая битва у Сталинграда продолжается... В окружении упорствует до 300 000 немцев...

...В 5 часов в госпиталь. Консилиум: терапевт, невропатолог, физиотерапевт; данные рентгенолога и отоларинголога. Серьезный общий осмотр-разговор...

Выводы: органических и патологических явлений нет; невращения; общее переутомление; неправильный режим; недостаточное питание... Отсюда явления головных болей, спазмы в кровеносной системе... «Вы крепыш, организм выдержал все удары и болезни...» Нужно: правильный режим, прогулки, больше овощей, вареного мяса (где их взять?) и т. д.

Я рад, что в общем организм держится... Да, в последние месяцы был перегруз; мало на воздухе. Надо физически утомляться, чередовать нагрузки, сочетать умственные и физические.

Рекомендовали госпиталь санаторного типа. Если я не хочу, не могу, — домашний режим плюс физиоэлектротерапия, некоторые укрепляющие лекарства, наблюдение врачей. Через десять дней проверка.

Собрались у С.К. Ее комнатка (в нашем домике) студенчески-художественная, забавная: круглая печка, большой стол, рисунки, чья-то гитара (бывших владельцев квартиры?), скрипучая тахта, несколько детских стульев.

Штейн и Аграненко¹ читали свою новую комедию. Их пришли послушать товарищи Рыбаков и Мельник. Читка прошла хорошо. Это водевиль из ленинградской жизни, забавные приключения в морском доме отдыха.

...Расценивали недавние спектакли... Мне показали забавную сценку из последнего капустника Театра КБФ. Политрук Пергамент² просит у драматурга Всеволода Вишневского пьесу: «Балтика вас приветствует». — «Знаете, я вам пьесу дам. Тема: мы шли, шли, мы воевали... Это будет здорово. Цель № 1... Да-да...» Затем он же заходит в роли старшего политрука. Те же обещания... Затем

¹ Драматург; заведующий литчастью Театра КБФ.

² Режиссер; художественный руководитель Театра КБФ.

он же в роли заслуженного артиста... Те же ответы. Затем он же — дряхлый народный артист республики... Я даю те же ответы... Наконец при последнем визите, при ответе автора, Пергамент упал замертво... Драматург: «Гм... Пал на боевом посту».

Забавно... Еще забавнее то, что Театр КБФ не поставил ни одной моей пьесы. Мы, так сказать, квиты.

15 декабря 1942 года.

Прояснило, подмораживает.

Пришли московские газеты. 8-я английская армия потеснила фронт Роммеля...

К юго-западу от Сталинграда немцы потеснили нас. Ищут выхода из кольца?

...Работаю. Изумительный зимний закат — совершенно чистое небо...

В 5 часов в госпитале — электротерапия, новые лекарства. Медицинские сестры шутят: «Теперь мы попадем в пьесу — будем действующими лицами...»

Город залит лунным светом...

У дома сидит на холоде мальчик. Ждет мать. Спрашиваю: «А почему не идешь домой?» — «Боюсь...» — «Ключи есть?» — «Есть». — «Света нет?» — «Нет, коптилка есть...» — «Так что же?» — «Боюсь». Молчит, потом тяжело говорит: «Я видел, как папа умирал...»

Вечером зашла В. Инбер. Она бодра, деловита. Закончила 5-ю главу поэмы. Я прочел ее. Она рационалистична и вместе с тем символична. В поэме лучшие главы: голод в Ленинграде и ленинградский пейзаж — сквозь историю, музыку, поэзию...

Союзники, судя по официальному отчету английского парламента, дали нам (вместе) в течение года 3000 самолетов и 4000 танков. Других цифр нет. Это примерно *месячная* продукция одной Англии. Думается, что наша годовая потребность превышает 30—35 тысяч самолетов и 40 тысяч танков, учитывая масштабы битв, потери и пр.

16 декабря 1942 года.

Мысли о перспективах 1943 года.

...Гитлер, безусловно, еще не сдал позиций, упорствует, готовит новые удары...

Нам нужно рассчитывать на *свои* силы. Союзники дают нам мало... Крохи... Но всякая веревочка пригодится, а расчеты и итоги — после войны.

При моральной твердости страны, при возросшем опыте и вооружении Красной Армии, при повысившемся знании противника — мы встретим битвы 1943 года уверенно. Будут и неизбежные ошибки, и просчеты, как бывает всегда.

Кронштадт наготове... Оборона усилена даже в сравнении с прошлым годом...

17 декабря 1942 года.

Облачность, просветы...

Перелистал комплекты центральных газет, чтобы восстановить некоторые события лета 1942 года.

Отлично работается! Прочел вновь в «Красном флоте» от 5 июля свой очерк — песнь Ленинграду... Волна ощущений, мыслей... Кристаллизация образов пьесы. Вот они! Критические дни сентября 1941 года; критические фазы боев... Роль моряков...

По СССР идет общий сбор средств на танки, самолеты, бронепоезда. Это даст, видимо, сотни миллионов рублей, может быть, миллиард и более. И в финансовом и в политическом отношении этот сбор полезен.

Вечером сидели у лампы... Беседовал с Кроном о пьесе, рассказал (в общих чертах) некоторые штрихи, о «воздухе» пьесы. Крон вытягивается в свою работу.

...Вспышки артиллерийского огня.

18 декабря 1942 года.

Идет снег...

Днем приступ головных болей... Лег.

На Сталинградском фронте, видимо, идет развитие операции. Крупнейшие трофеи в Н-ском пункте западнее Суровикино: более 500 орудий и пр. Что же это разгромили? На Юго-Западном (сталинградском) направлении — продвижение. Видимо, зажим второго кольца.

Было бы блестяще отметить Новый год полным окружением немецких армий.

...Был из Москвы С. Вашенцев¹. Он похудел, в ватнике... Прилетел по поручению начальника ПУРа товарища Щербакова, чтобы получить материалы у некоторых ленинградских писателей (у Тихонова, у меня и у других).

19 декабря 1942 года.

Сегодня *месяц* наступления генерала Рокоссовского на Сталинградском фронте...

Взял на Каляевой из своего архива материалы для статей в центральную прессу...

...В Пубалте — новые звания: капитана 1 ранга — Рыбакову (он поплавал, имеет опыт). Остальные — все береговики. Мне еще не прислали.

О перспективах войны. При всей скудности информации можно делать некоторые предположения... Видимо, для последних ударов резервы у нас накоплены...

Германия будет сковываться на Восточном фронте; затем на море и Западно-Европейском; наконец, на Южно-Европейском. Это уже окружение.

Стратегическая обстановка осенью и к зиме 1942 года, таким образом, радикально изменилась. Германия и ее вассалы попадают в кольцо и в войну на измор.

Япония теряет темпы...

Выход Италии (намечаемый вариант) мог бы сильно ослабить гитлеровский блок; это сказалось бы на Балканах, на Франции, на нейтралах и т. д. Но Германия зубами и руками будет держать Италию...

Возможны, как результат всех просчетов и неудач Германии, сдвиги и политические шаги в германской военной и промышленной головке. Но гестапо, вероятно, этот вариант предотвратит. Оппозиция в Германии стремилась бы к соглашению с Англией и США (так или иначе стремясь предотвратить продвижение Красной Армии в Европу)... *С этим вариантом мы еще встретимся в финальной фазе войны. Опять появятся делегации, журналисты, генералы, дипломаты, которые будут «спасти Европу от большевизма».*

...К полуночи сообщение об ударе Юго-Западного и Воронежского фронтов. Прорыв немецкого фронта — наши прошли в глубину (за четыре дня) девяносто километров; вышли на железную

¹ Писатель; сотрудник журнала «Знамя».

дорогу Воронеж — Ростов, у Кантемировки. Разгромлено девять пехотных дивизий, одна бригада и сильно потрепано еще пять дивизий. Более 10 000 пленных, большие трофеи (более 1000 орудий и пр.). Это либо сковывание резервов противника — для решения Сталинградской битвы, либо удар, имеющий целью выход на Ростов — Донбасс, на тылы сталинградской и кавказской группировок немцев... Гадать будут и немцы, и комментаторы... На то и война.

Размол немцев идет систематически, в известном ритме, и изредка во взаимодействии с англичанами...

В запасе у нас свежие силы: Карельского фронта, Ленинградского фронта, Волховского фронта, Северо-Западного фронта, Калининского фронта, южного сектора Центрального фронта, Брянского фронта и отчасти — Кавказского... Плюс резервы. Когда вся эта махина тронется вперед? Или удары будут разнообразными, чередующимися — до последнего удара «нокаут»?

20 декабря 1942 года.

...На нашем фронте везде поиски разведчиков. На участке одной дивизии в одну ночь было восемнадцать разведывательных групп. Финны очень хорошо сторожены, искусно укрепили передний край: много проволочки, мин и т. п.

Был случай — финны взорвали дот. Окружили и уничтожили. Но наша артиллерия не дала уйти и финнам... После этого два месяца дот восстанавливали под огнем, в ста пятидесяти метрах от финнов. Нанесли песку, цемента, бревен. Сейчас дот отличный, круговой.

Один из наиболее активных участков — Урицкий. Здесь много немецкой артиллерии. В *тихий* день: «Поиски разведчиков, ружейный, пулеметный и минометный огонь. Противник выпустил 500 снарядов».

Немцы по-прежнему бьют по Кировскому заводу, «Треугольнику» и др.

Наша артиллерия стиснута на узком пространстве за Кировским заводом, в дзотах, в блиндажах, в руинах. По одной батарее выпущено пять тысяч снарядов, но из строя вышло *только одно орудие*... Немцы бьют упорно — под семью накатами грохот; в амбразуры — иногда осколки. Но наши артиллеристы считают, что немцы в целом неумело стреляют.

Немцы подтягивают порой — в туманные дни — железнодорожные батареи, бельгийские гаубицы. Бьют и по городу, и по переднему краю.

Большинство партизан пришло из Партизанского края в Красную Армию, часть осталась в лесах. Там были старые базы, но запасы уже истощены. Жители обобраны немцами и кормить партизан не могут...

Немцы вешают пойманных партизан и содействующих им на крюк — под подбородок. Руки связаны. Человек мучается несколько часов... Группу комсомольцев закопали живьем. Закапывать заставили крестьян. Родителей тут же расстреляли — в лицо, разрывными пулями...

Тяжела партизанская жизнь...

Документ НКВД об истреблении гитлеровцами евреев в Европе. Мрачные факты...

В 1943 году СССР может и будет иметь успех в Европе и на новых основах найдет путь к решению славянской и других проблем.

Получил счастливое письмо от Вс. Азарова и его жены.

Письмо с Волжской военной флотилии — от А. Яшина:

«Здесь много книжек Ваших, есть книжки Амурского, Азарова. Есть и моя «Красная Горка». Я счастлив, что попал к морякам. Сильные, непокорные, гордые люди. Счастлив я также тем, что в подготовке перелома, который сейчас наступил на Сталинградском фронте, есть долька и моего участия. Работал с отдачей всех сил — душевных и физических. В устных выступлениях учусь организации речи у Вас...»

Телеграмма от Таирова. Он лежит в госпитале... Думаю о нем — большой кусок жизни с ним связан, — и хороший. Послал ответную телеграмму.

...Тихо, падает снег... Зашел в «келью» С.К. У нее тепло (как будто) — уютно. Можно работать... Она подарила мне свою акварель: вид из нашего окна — петербургский зимний пейзаж со старинной булочной и петухом (флюгером) на крыше. В петухе, хотя он и засыпан снегом, есть задор... Будет дорогой памяткой эта акварель 1942 года.

«*В последний час*». Прорыв на Среднем Дону расширяется, немцы отступают на юго-запад...

21 декабря 1942 года.

...Квартиру убрали, вымыли... Мне хозяйки не дают места, я вытеснен. Иду гулять... Лужи, мокрый снег. Оттепель... Опять не к месту... Иногда глухие артиллерийские выстрелы с южной окраины.

Операция на Юге разворачивается. Несомненно, это стратегически наиболее зрелая и глубокая по идее операция... Наши войска идут вдоль дороги на Котельниково — Тихорецкая, заходя на южные тылы немцев и выставляя заслон навстречу их возможным группировкам (с Северного Кавказа). На северном и северо-западном участках плацдарма идет отсечение противника за Суровикино и, наконец, ряд ударов со стороны Среднего Дона, где, видимо, истреблены венгерские дивизии... Удар глубокий — отдельные части прошли более 125 километров.

Если взглянуть на карту, понятно, что все линии, направления сходятся в одной точке: Ростов. Здесь должен быть по идее завязан грандиозный мешок... А может быть, на азовском берегу, западнее?..

Но сколько потребуется сил, времени? Удастся ли? В сущности, эта битва может решить судьбу войны, вернее, сроки ее окончания, ибо в целом Гитлер уже проиграл войну, и мы наблюдаем долгую и опасную его агонию.

Противник будет сопротивляться с неистовством...

А у наших есть давняя черта: огромная пробивная сила, лобовая русская мощь, стойкость, хватка. Но было недостаточно мобильности, гибкости... Это-то мы сейчас и изживаем.

Впрочем, и противник сейчас в снегах Дона не слишком-то будет мобилен. Тоскливые, пустынные, покрытые снегом пространства на сотни километров... Бывал я здесь зимой 1917/18 года — в Усть-Медведицкой...

...Сегодня день моего рождения — сорок два года. Домик убран... Ждем гостей.

22 декабря 1942 года.

Вчера вечером были Н. Тихонов, В. Инбер, Н. Янет, Л. Успенский, А. Крон, С. Вашенцев, Людмила Владимировна, Рита, Матюшина и др. Дали ток... Елка... Выручили привезенные посылки. Большой стол, «ужин», тосты, игры. С.К. сделала для гостей маски... Было по-настоящему хорошо, и очень в меру вина. Так и задумали. Да и где все это взять? Кстати, проблема отдыха и развлечений очень глубока. Надо вплетать в отдых больше изобретательности, художественной выдумки и т. д. До известной степени мне хотелось показать прилетевшему из Москвы гостю¹ бодрый, хороший дух писателей Ленинграда. Я выпил три рюмки из доставленной по воздуху Кроном бутылки шампанского...

¹ С. Вашенцеву.

Когда гадали, мой кораблик-орешек с горящей свечкой после круговых рейсов в большой вазе с водой, уткнулся в «Поездку». Мы все сидели на полу, и каждый наблюдал за своим блуждающим корабликом-орешком.

Тихонов шутил: «Совсем как в детстве...» Говорили о всякой всячине...

Тихонов подарил мне книгу 1766 года¹ — Петровские сводки о ходе войны со Швецией (тексты Петровского «Совинформбюро» — о Полтавской битве). Мы их читали вслух за ужином, при общем внимании... Пахнуло русской живой традицией. Замечательно точный подсчет трофеев и пленных. Отдельные фразы реляций блестящи по силе, красоте и гордой точности. Отличные графюры-карты. Книга в редкой сохранности... Качество бумаги превосходное.

Проговорили до четырех часов утра.

...В этом разговоре было много верного, но я не разделяю пессимизма некоторых. Буду точен и откровенен. Еще в 1934—1935 годах я писал для «Правды», что нам надо *заново* перестроить сельские местности. Архаические деревянные избы и украинские мазанки надо менять. Нужна новая архитектура. Надо добывать камень, мостить шоссе, строить страды, создавать чистые, гигиеничные, красивые постройки. Восстанавливая страну, мы создадим красивые, здоровые края... У нас хватит сил!..

О наших потерях. Да, они огромны. Это — убитые и раненые... Это — увезенные в Германию на тяжелые работы. Это — военнопленные. Это — резкое ухудшение здоровья. Это — понижение рождаемости. Это — потеря многих ресурсов. Это — уничтожение ряда библиотечно-музейных фондов. Это — огромные разрушения в стране. Война требует усилий и жертв. Но наша воспроизводительная сила велика. Новые открытия, может быть, нам пока еще неизвестные, двинут массы вперед. Передышка после войны будет!.. И никогда Америке не быть «господином» мира...

Говорили о Ленинграде, тепло, с удивительно любовным отношением. Город имеет запасы до июня. По кабелю пущен ток с Волховской ГЭС (это и позволило дать освещение в жилые дома). Если будет трасса по Ладоге — хлебный паек доведут в городе до 700 граммов.

Коснулись нашего спектакля. Его ставят в Москве... Спектакль заснят для первого номера нового журнала «Великая Отечественная война». Этот журнал будет типа журнала «СССР на стройке».

Великий разбор, суд истории, литературы придут после войны... Тогда многое будет вскрыто...

¹ Первое издание этой книги относится к 1713 году.

Лето 1941 года — благодущие, некоторое незнание войны («он, может быть, друг по договору...»), переоценка своих сил и т. д. И вот по этим, главным образом молодым (да и старым), людям и стукнул враг. Люди побежали, ошеломленные, с трагическим вопросом: «Что происходит? Где наша сила? Почему обезьяноподобный фашизм гонит на сотни километров, чуть не к Волге, самых передовых людей? В чем просчеты? Кто виноват?»

Это был хаотический, мучительный поток эмоций, переживаний, мыслей. Слабые сдавали, я видел много таких, но большинство, *подавляющее большинство, выдержало*. Эта выдержка, упорство, давняя русская привычка к бедам, передрягам, тяжелой жизни, *революционная закалка* — позволили нам устоять.

Вечер 22 декабря 1942 года. Полтора года войны...

Сыро, туманно... Хорошее настроение...

Уборка квартиры... Размышления... Елка, тишина — приятно, странно-хорошо... Убрал стол. Электрический свет — сквозь абажур. Мягкий — как свечи... Вчера говорили, что вся русская литература создана при свечах и керосиновых лампах; писали от руки. Машинка — это что-то постороннее, мертвящее, что ли... (Писать стихи на машинке просто противоестественно...)

Крон вчера говорил: «Ваши слова о необходимости писать максимально конденсированно — дошли... Я все искал — по-мхатовски — долгие разговоры, старопетербургский персонаж, монологи... А вдруг сегодня увидел — сжато, сразу — узлы конфликтов...» Ну, очень хорошо. Крон в становлении, литературно ищет, бродит, еще не нашел свой путь. Пусть ему будет хорошо, он способный писатель.

...Вечер... Удивительно хорошее самочувствие... Вот, казалось бы, блокада, чужой домик, но как тут все стало по-питерски родным, как напряженно мы здесь работаем. Сроднились с ним, с книгами, рисунками — со всем духом, историей домика... Он *наш*, писательский.

«*В последний час*». Армии Воронежского и Юго-Западного фронтов преследуют разбитого и отступающего *в беспорядке* противника... Выходят на донецко-ростовское направление. Пленных уже более 20 000, крупные трофеи.

23 декабря 1942 года.

Сыро, туманно...

В 2 часа дня по радио корреспонденция с фронта: наши тяжелые танки вышли на Воронежском и Юго-Западном фронтах на

оперативный простор и несколькими колоннами идут на юг и юго-запад. Гвардейские дивизии закрепляют новый фронт, продвигаясь за танками. В освобождаемых местах восстанавливается советская власть.

Будем надеяться, что этот удар даст многое, что добьют огромное количество немецких войск на Сталинградском и Кавказском фронтах. Эти войска, в сущности, главная ударная сила Гитлера. Результаты могут быть чрезвычайными.

Пленные рассказывают:

«Вот новый анекдот в Германии. Какая разница между Гитлером и солнцем? Солнце всходит на востоке и заходит на западе. Гитлер взошел на Западе и заходит на Востоке...»

К полуночи — «*В последний час*». Наступление продолжается; наши части Воронежского и Юго-Западного фронтов прошли 115—155 километров. Пленных уже 36 000 человек. Крупные трофеи...

24 декабря 1942 года.

Верховный Совет *утвердил* медали за оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда. (Медаль носится на правой стороне груди.) На медали «За оборону Ленинграда» изображены: Адмиралтейство, красноармеец, моряк, рабочий и работница. Славно!

Послал А. Штейну письмо-отзыв на его рассказ «Что наша жизнь?» и свою новую книжку. Получил ответное письмо и его новую книжку с теплой надписью.

Мысли об итогах года. Намечено было больше, чем сделано... Союзники не поддержали нас так, как хотелось бы. Англичане колебались, выжидали, а затем они сами едва устояли под ударами Роммеля... К сему у них внутренние политические осложнения, волнения в Индии и т. п.

Однако Россия сама выправила дела. Запасемся терпением. Южная операция грандиозна и идет пока (считая контрудары с 19 ноября) только месяц с небольшим. Нужно время. Партия ведет нас к Победе!..

Обстановка на Южном фронте. Идет борьба за юго-западную горловину *второго* кольца, в котором до 600 000 немцев (это южнее Клетской, к железной дороге Лихая—Сталинград)... Сейчас наши начали затягивать *третье* кольцо — от Среднего Дона... Наши части близко от Миллерово. Им нужно пройти примерно сто километров, чтобы выйти к Лихой или другим близким участкам основной немецкой магистрали.

Английское радио передает, что удары под Сталинградом в свете дальнейших событий — «только начало»...

В 11 часов с минутами «*В последний час*». На Южном фронте наступление продолжается, передовые части прошли 190 километров. (Как базы, тылы?) Занят ряд населенных пунктов и железнодорожных станций. Число пленных уже 42 000 человек.

Наступление началось и на Северном Кавказе — у Нальчика. Ряд сковывающих ударов повсеместно!

Война да принесет нам мир и победу, которые позволят бытие, душу, ум, все духовные силы привести в состояние нормы, творческого равновесия, объективного наблюдения...

25 декабря 1942 года.

Сколько у народа упований, надежд!..

Двадцатипятилетие Советской Украины — исхоженной в боях, родной!..

Обдумываю работы: очерк о Балтфлоте для фронтового сборника «Герои Ленинградской обороны» и новогоднюю радиоречь... Мне кажется, что речь я напишу горячую, нужную.

...Артиллерийская стрельба... Некоторое прояснение погоды, отдельные яркие просветы в серых облаках. Пролетают наши самолеты...

Гулял днем... Обступили школьники, карапузики. Разговорились... «Мы войны не боимся, а вот этот боится, он плакса...» — «У нас елка третьего будет, а на обед давали сто пятьдесят грамм хлеба, щи и кашу. Про войну все знаем...» — «Что?» — «Новый фронт на Среднем Дону, продвигаемся...» — «Вы приходите к нам в Ботанический, там школа...» и т. д. Разумянились на морозе, в руках портфельчики... Милые ребяташки.

К полуночи — «*В последний час*»... Очень серьезное сообщение о том, что немцы пытались пробиться и выручить свою *окруженную* под Сталинградом группировку; бросили шесть дивизий (из которых три танковые) в район севернее Котельниково, но в боях с 12 по 24 декабря разбиты и отброшены на 20—25 километров. Нами занят ряд населенных пунктов. Дела явно крепнут!

Наступаем и к юго-востоку от Нальчика...

26 декабря 1942 года.

Погода сероватая, несколько подморозило... Весь день артиллерийский огонь, бьют наши.

С 11 до 5 работал, диктовал очерк для сборника Ленфронта о героях Балтики — дал сжатый исторический обзор, назвал Героев Советского Союза по КБФ, гвардейские части и отдельных переодовиков. Объем, конечно, не позволяет развернуть материал...

В нашей прессе есть мрачные и сильные «обещания», адресованные Гитлеру. Вырубим всю нацистскую политадминистративную, захватническую, полицейскую фашистскую породу... Англия и США пусть взирают и разводят очередные комментарии. У нас *свое право!*

Утверждено новое знамя Красной Армии. Скромное: звезда, номер полка, серп и молот. На знамени — лозунг: «За нашу Советскую Родину!»

Новые медали — старорусского образца на муаровых лентах-колодках. Ленты цветные. Наша, ленинградская медаль — на светло-зеленой ленте... Первая медаль в списке. Лучше всех!

В стране большой подъем: успехи на Юге; массовый сбор средств на танки, самолеты, пушки и пр.; завершение годовой программы 1942 года; надежды на 1943 год...

«В последний час». За десять дней на Южном фронте освобождено 812 крупных населенных пунктов; пленных 56 000!..

...Кажется, понял некоторые стороны операций на Юге: цель прорыва на Донбасс — видимо, выход к Азовскому морю и парализация Крыма, чтобы отрезанные в Сталинградском районе и на Кавказе немецкие войска не могли пробиться ни в Крым, ни через Азовское море к Таганрогу и Мариуполю... Черноморскому флоту и авиации будет работа! Грандиозный план...

Гитлер, несомненно, использует свои резервы. Но тогда затрешат его другие фронты.

Чем нам посодействуют «уважаемые» союзники в такой решающий момент?

Информация о великой зимней битве на Востоке деловая, сдержанная. Ни тени ажиотажа и т. п. Страна следит за ходом битвы...

27 декабря 1942 года.

Оттепель...

Успешное продвижение наших войск на Юге. Танки и мотопехота с хода громят немецкие резервы. Отклики английской и американской печати о наступлении Красной Армии. Показания пленных об усилении разногласий между генералами и Гитлером.

Стратегия «ефрейтора» может вызвать серьезное недовольство в Германии. Но на что способны там недовольные? Вот в чем дело...

Некоторые итоги годовой борьбы КБФ.

Уничтожено:

50 боевых кораблей противника (различных классов),
74 транспорта,
2 танкера,
15 десантных судов,
25 катеров.

Авиацией и зенитной артиллерией КБФ уничтожено около 500 немецких самолетов. Немцы и другие полагали, что Балтфлот в блокаде совершенно потеряет боеспособность... Одна шведская газета пишет, что практика опрокинула эти расчеты и для немцев была создана серьезная угроза на их коммуникациях.

Немцы с весны забрасывали фарватеры минами. Наши тральщики справились с опасностью. Подлодки действовали активно.

Ряд успехов морской пехоты: бои у Усть-Тосно; синявинские бои; бой 22 октября 1942 года у острова Сухо на Ладоге. Неудача: у Соммерса.

28 декабря 1942 года.

...В 12 дня по радио. «Наступление в районе Среднего Дона продолжается... Контратаки противника отбиты...» Ясно, что началась новая фаза боев: немецкие резервы втянуты в размол... Возможно, что эти сражения решают исход войны. Есть успехи у Великих Лук.

Что сделает Гитлер? Приказа об отступлении и выпрямлении фронта он не даст. Понятие «пространства» его гипнотизирует. К тому же он боится опозорить себя перед всем миром.

В стране ширится движение, поднятое тамбовцами, — колхозником Ферапонтом Головатым. Отдают свои сбережения десятки и сотни людей, причем отдают и по 100 000 рублей (!)...

«В последний час». Удар южнее Сталинграда развивается. Наши части, отразив шесть немецких дивизий, прошли до 80 километров. Потери противника: 17 000 убитых, 3500 пленных, танки, орудия и т. п. Видимо, идет замыкание южной части кольца... Но как дела у Лихой, Миллерово и пр.?

29 декабря 1942 года.

Подморозило... Солнце и облака...

Гудят самолеты. Уже полторы недели на Ладоге работает автотранспорт с прицепами и идет стройка узкоколейной железной дороги. Временами лед дает трещины, но машины пробиваются.

Говорят о приезде товарища Ворошилова для подготовки и содействия удару Ленинградского фронта.

С утра обстрел заводского района.

...Немцы перебрасывают отдельные дивизии. Был случай, когда одной дивизии в течение дня три раза меняли направление: сначала во Францию, затем в Африку, потом на Восток (!).

Английская печать опять сыплет комплименты: «История редко была свидетельницей таких замечательных событий...»

Обстрел города (снаряды падают по Выборгской стороне)...

Писал с двух до семи новогоднюю радиоречь — о Ленинграде.

К семи часам — воздушная тревога... Вой самолетов... Гул...

Думаю о южной битве. Тут идет вопрос о ста дивизиях Гитлера — в среднем, — считая Донской фронт, Сталинградский и Кавказский. Если «Канны» будут завершены, а дело к этому клонится, последствия будут *грандиознейшие*, с откликом на весь мир, с военными и политическими последствиями, идущими чрезвычайно далеко.

...Англия, вероятно, заторопится. Япония очень задумается... Сдерживаешь воображение... Терпение и труд на своем участке! Нам надо прорвать блокаду и вышибить немцев из Прибалтики!..

Видимо, идет подготовка удара. Опыт операций на других фронтах должен сказаться. Мы обязаны кончить с блокадой... Погоды, кажется, изменяются к лучшему: «Солнце на лето, зима на мороз...»

«В последний час». Взято Котельниково...

Ночью немецкие самолеты сбросили бомбы. Сильные толчки, и лишь вслед за этим — стрельба и сигнал тревоги... Запоздали...

30 декабря 1942 года.

В 12 часов 15 минут зенитная стрельба, вой самолетов... Зачастые, проклятые!

Сводки очень бодрые. К юго-западу от Сталинграда разгромили группировку немцев. Взяты штабы двух дивизий. Много пленных. Один немецкий командир батальона сдался; ему приказали привести и его батальон. Привел (!).

Крупное возмездие готовится Гитлеру. Будет час, когда мы предъявим фашистам, со всей большевистской деловитостью, свой ультиматум.

Мои мечты:

1) Окончательное освобождение всех оккупированных территорий.

2) Разоружение — под контролем — немецких вооруженных сил. Сдача флота, авиации и пр. Демобилизация. Реорганизация полиции и т. п.

3) Выдача военных и военно-морских патентов (химических, медицинских и пр.). Выдача военных карт.

4) Контроль советской и союзной комиссий и гарнизонов над главными стратегическими пунктами Германии и Италии, аэродромами, портами, железнодорожными узлами, рациями, арсеналами, военными заводами...

5) Выдача архивов генерального штаба Гитлера и гестапо. Выдача списков агентуры; списков всей фашистской администрации всех видов и рангов; протоколов опросов советских военнопленных.

6) Выдача виновников преступлений в захваченных землях Европы, СССР (арест их денежных вкладов в любой стране). *Суд над ними*. Определение места суда, процедуры.

7) Возвращение *всего* увезенного, награбленного имущества советской и других стран — от оборудования заводов, транспорта, банковских сумм до «посылок»...

8) Сформирование немецкой народной милиции, отрядов из наиболее надежных элементов по рекомендации партийного подполья: КПГ и др. (интербригадовцы и пр.).

9) Подготовка мирной конференции. Первоочередное решение проблемы стратегической безопасности границ СССР, возмещений, славянской проблемы и пр. Новые германские границы, статус и т. п.

10) Экономическая помощь разоренным советским районам и другим районам Европы (Польша, Югославия, Чехословакия, Франция, Бельгия и др.).

11) Возмещение по счетам Государственной чрезвычайной комиссии по учету фашистских преступлений причиненных убытков. Натуральные поставки и финансовые взносы.

12) Пресечение реваншистских идей, милитарист[ических] националист[ических] легенд и пр. в Германии. Проблемы воспитания: школы, университеты, пресса, радио и пр.

Не сомневаюсь, что работа в этом смысле уже ведется у нас соответствующими органами и программа намечена.

Хорошее письмо от А. Тарасенкова из Москвы. Он сдал книжку в двадцать пять стихотворений, многих повидал, послушал (в ЦО, в ССП и др.). Доволен. Эренбург много пишет для заграницы. Ставский был на Северном Кавказе. Симонов едет на Северный Кавказ (через Среднюю Азию). Уткин — подполковник. Долматовский весел, несколько раз ранен... И так далее...

Надо отнять у Германии и «оси» нефть. Война будет кончена разом.

«Поход на Баку» может превратиться в русский поход за освобождение Плоешти...

31 декабря 1942 года.

Последний день 1942 года: *Англия и США не выполнили договора о втором фронте...*

Взято Ремонтное и Улан-Эрге. Элиста охвачена. Это серьезное продвижение. Удар на Сальск — Ростов, по всем видимостям. В районе Среднего Дона (где-то на границе Донбасса) — бои с немецкими резервами. Наступление продолжается. Местами наши части закрепляются. Фронт наступления гигантский — от Богучара до Калмыцкой степи. *Это клещи.*

В газетах — о нарастании экономических сил СССР: Урал повысил производство на 300 процентов; строятся огромные комбинаты мирового значения; новая технология; новые методы обработки металлов и т. п.

Сейчас у Тацинской—Цимлянкой—Ремонтного замыкается второе кольцо Красной Армией. В окружении, питаемые за счет запасов местных ресурсов и с воздуха, находятся огромные силы фашистов.

Немцы с Запада перебрасывают резервы к Ворошиловграду, Миллерово, Ростову и т.п. Пишут о контратаках, «заманивании русских». Активность наших Кавказского фронта, Центрального, у Ильмена и других должна им мешать, сковывать их... Очередь и за Ленинградом.

...К десяти часам вечера на грузовичке (репортажная радиомашинка) поехал на радио. В 10 часов выступил с новогодней речью к Ленинграду... Огромный внутренний подъем, сознание силы, перспектив... Дал эмоционально-романтический годовой обзор, говорил о России, о войне, о примере Ленинграда, беседовал с теми, кому тяжело и одиноко, звал их вперед, к упорству... «Несите боль,

обиды, горе вперед, в бой и на суд, которым судить будем Гитлера». Говорил *о послевоенных перспективах*:

«После бурь и наводнений, после войн и других испытаний всегда подымался и хорошел Ленинград. Так будет и впредь. Верь этому, товарищ, брат, друг! Ты сын великого, самого великого, поразительного народа, чья мощь, гений и творческие силы необъятны. Все залечим, все отстроим... На диво миру развернем такие новые пятилетки, построим такого размаха заводы, города, дороги, каналы, порты, вокзалы и парки, что станет страна наша местом паломничества...

Взгляд твой залюбуется Россией, дымчатым воздухом ее, небесами, милыми лесами, нежными перелесками и бескрайними просторами, *где хозяйва — мы и только мы...*

Верь, товарищ, что восстановим и любимые свои места; и прохладу и прелесть парков Пушкина; и убранство, роспись и алебастровую лепку дворцов; и воскресим эхо в сверкающем бальном зале Екатерининского дворца... Оно откликнется радостно на веселый русский голос.

Отлита будет вновь статуя Самсона в Петергофе, и брызнут, шипя, огромные бело-радужные струи фонтанов среди зелени парка. Геркулес обопрется вновь на палицу у чудесной Камероновой галереи над озером, где чесменские орлы. Влюбленные, взявшись за руки, вновь будут бродить по аллеям, признаваться, мучиться, ревновать, терзаться, мириться и сгорать от счастья.

Это будет, непреложно!

Но, товарищ и друг, мы не придем с тобой в этот солнечный парк, в гости к Пушкину, к тишине, отдыху, музыке и литературе по легкой, гладкой дороге.

Мы пройдем с тобой, ленинградец, еще сквозь холод и бои, сквозь огонь, грязь, кровь, стоны и скрежет. Еще хлебом забот. Крепче же нашу братскую спайку! Готовить удар! Днем и ночью, самозабвенно, не жалея сил. Всю волю нашего города — в один узел! И ударить!.. 1943 год вступил в свои права. И этот год будет *наш!* Идет он по русскому морозу и лапу нам протягивает: «Ну, здравствуй! Давай-ка, брат, на Гитлера, всем весом...»

Так вперед же, друзья! Вперед, храбрые офицеры и бойцы Ленинграда! Вперед, доблестные офицеры и матросы Краснознаменной Балтики!.. Дни прибывают... Это светит нам вздымающееся солнце Победы!»

Снежно, темно... В городе празднично. На радио все вычищено, тепло, все лучше одеты... А в прошлом году: грязь, истощенные лица, ватники, буржуйка в углу, ледяная студия... Пройдено!

В 10 часов 30 минут — большая сводка, общие итоги: шестинедельные бои под Сталинградом. Сжатая критика немецких стратегических планов, частичное раскрытие осуществленного плана советского Верховного главнокомандования... Названы фамилии генералов, проводивших эту небывалую в истории операцию, и в первую очередь — генерала армии Жукова.

Впечатления, отклики в мире будут необыкновенные. Слава России! Слава СССР!

Новый год встречали у В. Инбер. Пришли Крон, Успенский, Н. Чуковский, Рита и несколько врачей. Было просто.

Слушали речь М.И. Калинина. В 12 часов — тост за Победу!..

Были шуточные записки-пожелания; мне досталось: «Не думай о будущем, оно само подумает о тебе». Спасибо...

Оживленно комментировали сводку...

Слушаю товарищей — тут фантазии где-то смешаны с проступающим реализмом истории...

Ледовое побоище, Грюнвальд, Ливонская война, Кунерсдорф, Берлин — 1760 год, 1812—1813, 1914—1918 и 1941—1943 годы — *это одна цепь*. «Русские захватчиков всегда бивали...»

На рассвете, по снежку, дружно шли с С.К. домой, подытоживая нашу жизнь в 1942-м, прошедшем году... Здравствуй, 1943-й!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю. Пахомов.</i> «Он мог бы быть военным историком, офицером Генерального штаба...»	3
Ленинград (2 ноября 1941 — 31 декабря 1942)	10

ЛЕНИНГРАД

Дневники военных лет

Вишневецкий Всеволод Витальевич

Книга первая

Редактор *С.К. Носова*

Технический редактор *М.В. Федорова*

Корректор *Г.В. Казнина*

Лицензия ЛР № 020872 от 8 июля 1999 г.

Сдано в набор 11.04.02. Подписано в печать 12.11.02. Формат 60x88/16.
Гарн. Школьная. Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 20 + 1 вкл. 1 печ. л.
Усл. печ. л. 20,58. Уч.-изд. л. 17, 27. Изд. № С/01 405. Тираж 5000 экз. Заказ 9625.

Воениздат, 123308, Москва, ул. Зорге, д. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 МПТР России.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

Тел. /095/ 917-91-41 e-mail: knigist@mail.ru

Наша задача: сохранить для истории наши наблюдения, нашу сегодняшнюю точку зрения — участников. Ведь через год, через десять лет — с дистанции времен все будет виднее. Возможно, будет иная точка зрения, оценка. Оставим же внукам и правнукам свой рассказ. Наши ошибки и победы будут уроками для завтрашнего дня.

Всеволод Вишневский

КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА
РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА
КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА

